

В. А. Волков

ВОЙНЫ
И ДРУЖИНЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Annotation

«С первых лет существования Русского государства – державы варяга Рюрика – основной заботой этого князя, а затем и его наследников, стала вооруженная защита объединившихся вокруг Новгорода и Киева восточнославянских и некоторых угро-финских племен. В борьбе с врагами – хазарами, печенегами, половцами, ятвягами, венграми, немцами, ромеями – крепла мощь дружинных армий, строились новые крепости-грады, но на смену поверженным противникам у рубежей державы Рюриковичей появлялись новые, еще более опасные неприятели. Меч с Запада и сабля с Востока на протяжении многих веков продолжали грозить Русской земле...»

- [Владимир Волков](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Часть первая. Войны древней Руси](#)
 - [Глава 1. Первые войны Руси. Борьба с Хазарией. Каспийские походы русов](#)
 - [Глава 2. Русско-византийские войны](#)
 - [Глава 3. Русско-печенежские войны](#)
 - [Глава 4. Войны Руси с литовскими и чудскими племенами, поляками и венграми](#)
 -
 - [Походы русских князей на Ятвягию и Литву](#)
 - [Столкновения с чудью](#)
 - [Походы на емь](#)
 - [Войны с венграми](#)
 - [Войны с польским государством](#)
 - [Глава 5. Русско-половецкие войны](#)
 - [Глава 6. Междоусобные войны периода политической раздробленности](#)
 -
 - [Война с Полоцком. Битва на Немиге](#)
 - [Первые войны эпохи раздробленности](#)
 - [Липицкая битва](#)

- [Глава 7. Монгольское нашествие на Русь и сопредельные страны](#)
 - [Коломенская битва](#)
- [Глава 8. Борьба Руси с немецкой и шведской агрессией. Александр Грозные Плечи \(Невский\)](#)
 - [Невская битва](#)
 - [Ледовое побоище](#)
- [Глава 9. Усобицы конца XIII–XIV веков. Войны с Ордой](#)
 - [Начало возвышения Московского княжества. Складывание великорусского государства и освобождение его от ордынского ига](#)
 - [Куликовская битва и ее эпоха](#)
 - [Завершение войны с Ордой. Поход Тохтамыша 1382 года и разорение Москвы](#)
 - [Великое княжество Литовское и западно-русские земли в XIII–XV веках](#)
 - [Возникновение Литовского государства](#)
 - [Кревская уния Польши и Литвы 1385 года. Дальнейшее сближение этих государств](#)
 - [Битва на Ворскле](#)
 - [Грюнвальдская \(Дубровенская\)\[96\] битва](#)
- [Глава 10. Московское государство в войнах XV столетия](#)
 - [Междоусобная война второй четверти XV века.](#)
- [Глава 11. Войны Ивана III](#)
 - [Военное противоборство Москвы с Казанским ханством во второй половине XV века. Русско-ливонская война 1480–1481 годов.](#)
 - [Новгородские походы Ивана III](#)
 - [Войны с Большой Ордой. Стояние на Угре и разгром Улуг-Улуса](#)
 - [Тверское взятие и вятский поход Даниила Щени](#)
- [Глава 12. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV века. Первая порубежная война 1487–1494 годов](#)
- [Глава 13. Русско-шведская война 1495–1497 годов](#)
- [Часть вторая. Войско, войны и военное дело у восточных славян и](#)

на Руси с конца IX до конца XV столетия

-
- Глава 1. Русская рать
 -
 - Дружина
 - Ополчение
 - Обучение витязей и ратников
- Глава 2. Оружие Древней Руси
 -
 - Осадная техника Древней Руси
 - Русская артиллерия
- Глава 3. Русские города-крепости. Оборона границ
- Глава 4. Воеводы и ратоборцы
 -
 - Аскольд и Дир (? – 882)
 - Князь Олег Вещий
 - Первый Рюрикович – князь Игорь
 - Князь Святослав
 - Князь Мстислав Храбрый
 - Князь Владимир Мономах
 - Воевода Добрыня
 - Воевода Вышата
 - Воевода Ян Вышатич
 - Русский богатырь Ян Усмошвец
 - Князь Всеволод Большое Гнездо
 - Князь Игорь Святославич Северский
 - Князь Мстислав Удалой
 - Князь Владимирко Володаревич
 - Князь Юрий Всеволодич
 - Князь Роман Великий
 - Князь Даниил Галицкий
 - Князь Александр Ярославич Невский
 - Русский витязь Евпатий Коловрат
 - Дмитрий Донской – победитель Мамаю
 - Воевода Михаил Бренк
 - Пересвет и Ослябя
 - Владимир Андреевич Храбрый
 - Воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский
 - Князь Юрий Галицкий

- [Иван III – «Государь всея Руси»](#)
 - [Иван Васильевич Стрига Оболенский](#)
 - [Воевода Федор Басенок](#)
 - [Данила Дмитриевич Холмский](#)
 - [Данила Васильевич Щеня](#)
- [Список сокращений](#)
- [Литература](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)

- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)

- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)

- [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
 - [349](#)
 - [350](#)
 - [351](#)
 - [352](#)
 - [353](#)
 - [354](#)
 - [355](#)
-

Владимир Волков

Войны и дружины древней Руси

© В. А. Волков, 2016.

© Издательство «Прометей», 2016.

* * *

*Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту – и степь загородил.*

Н. Заболоцкий.

*Русские имели бесчисленное количество луков,
Очень много красивых доспехов,
Их знамена были богаты,
Их шлемы излучали свет*

Старшая Ливонская рифмованная хроника.

От автора

С первых лет существования Русского государства – державы варяга Рюрика – основной заботой этого князя, а затем и его наследников, стала вооруженная защита объединившихся вокруг Новгорода и Киева восточнославянских и некоторых угро-финских племен. В борьбе с врагами – хазарами, печенегами, половцами, ятвягами, венграми, немцами, ромеями – крепла мощь дружинных армий, строились новые крепости-грады, но на смену поверженным противникам у рубежей державы Рюриковичей появлялись новые, еще более опасные неприятели. Меч с Запада и сабля с Востока на протяжении многих веков продолжали грозить Русской земле.

Особенно актуальными задачи военного строительства стали в эпоху монгольского завоевания русских княжеств и последующего долгого восстановления страны, раздавленной страшным восточным противником в середине XIII столетия. Созидательная работа всех здоровых сил общества не сразу, но позволила собрать распыленную по княжествам русскую ратную силу, подготовить войска к грядущим битвам и победам. При этом русскими военными командирами использовалось лучшее, как из европейского, так и восточного военного опыта.

Главной целью этой книги, писавшейся более двадцати лет, является всестороннее изучение особенностей военно-политического развития Русского государства с момента его образования в 862 году и до середины XV века – времени начала правления великого князя Ивана III, собравшего под своей рукой большую часть окружавших Московское княжество земель и восстановившего государственный суверенитет Руси. В связи с этим перед автором стояла сложная задача рассмотреть не только все значительные войны, которые тогда вела наша страна, но и устройство ее вооруженных сил – их основу составляли дружинные войска. Только в самом конце изучаемого периода усложнившиеся внешнеполитические ориентиры вынудили московские власти начать перестройку своей армии. В ходе нее бывшие дружинники, мелкий княжеский и боярский вассалитет, превратились в государевых служилых людей – помещиков, получавших в условное держание земли, населенные крестьянами.

Поставленная задача определила не только содержание, но и структуру книги. В первой ее части представлен подробный рассказ о войнах и вооруженных конфликтах домонгольского времени и периода ордынского владычества над Русью, во второй приводятся и анализируются

сохранившиеся в источниках сведения о комплектовании русских войск, вооружении и снабжении ратных людей, приобретении ими необходимых военных навыков и знаний.

Часть первая. Войны древней Руси

Глава 1. Первые войны Руси. Борьба с Хазарией. Каспийские походы русов

*«[Русские] никогда не предаются веселию пиров...
Они овладевают странами и покоряют города...»*

Низами Гянджеви «Искандер-наме»

Древнейшая история славянского народа остается одной из самых великих загадок современности. До сих пор ученые ведут яростный спор о том, где же находилась прародина славян, откуда они двинулись к местам своего позднейшего расселения, как зародилась княжеская власть? Однозначных и убедительных ответов на все эти вопросы до сих пор не найдено. Некоторые историки искали древнюю родину славян на Дунае, другие – на Висле, Одре и Днепре, реках, с давних пор вошедших в зону славянского расселения. В VI–VII веках славяне начинают продвигаться на территорию Прибалтики, Балканского полуострова, достигают Испании и Северной Африки. К концу VII столетия племена восточных славян плотно заселили земли от Карпатских гор на западе до Днепра и Дона на Востоке, озера Ильмень на севере и Черного моря на юге.

В распоряжении исторической науки есть ряд бесспорных сведений о той роли, которую сыграли славяне в борьбе с опасностью, постоянно грозившей Европе из азиатских степей, – нашествиями обитавших там кочевых племен.

Великой степной дорогой из восточных стран, проходившей, в том числе, и через славянские земли, промчались десятки кочевых племен. На заре истории – киммерийцы, скифы и сарматы. Позже – гунны, авары, болгары, хазары (белые угры), венгры (черные угры), печенег, гузы (торки), берендеи, коуи, половцы, монголы. Все они – лишь часть той грозной силы, которая раз за разом шла на богатую Европу, но была остановлена или ослаблена мечами и щитами, а часто – и телами наших предков.

Как уже отмечалось выше, считается, что восточные славяне выделились из общей праславянской общности достаточно поздно, по-

видимому, в VII веке, в крайнем случае – в начале VIII столетия. Тогда же на территориях, населенных славянскими племенами появляются пока еще небольшие, но хорошо укрепленные города-грады. Крупнейшие из них становятся центрами отдельных «земель», первых раннегосударственных образований на Восточноевропейской равнине. Позднее летописец, автор «Повести временных лет», древнейшей русской хроники, насчитал 13 таких земель, образованных 12 восточнославянскими племенами, удерживавшими и контролировавшими свои территории:

Земля полян. Находилась на правом берегу Днепра в среднем его течении. Стольным градом полян стал Киев, существовавший уже в V веке.

Позднее здесь возникают и другие города: Родня, Белгород на реке Ирпень, Вышгород, Звенигород, Треполь, Канев, Васильев, Тумац, Красный.

Земля древлян, соседей полян. Древляне жили в бассейне рек Тетерев, Припять, Уж, Уборть, Ствига. На западе границей их земли была река Случь. Крупнейшими городами древлян были Искоростень, Овруч (Вручий), Городск и Ушеск. Археологические памятники древлян обозначаются принадлежащими лука-райковецкой археологической культуре.

Земля бужан (волынян). Простиралась от верховий реки Западный Буг до верховьев реки Припять. Центром края, позже названного Волынью, был город Червень. Присоединив в 981 году Волынскую землю к Киевскому государству, Владимир Святославич сделал ее стольным градом Владимир-Волинский (на р. Луге). Всего же у бужан (волынян) было 230 городов.

Земля дреговичей. Лежала в бассейне реки Припять вплоть до Западной Двины. Главными городами этого края были Туров, Клевеск (Клецк), Случеск (Слуцк) и Друцк.

Земля северян. Находилась на левобережье Днепра в бассейне рек Десна, Сейм и Суда. Центром ее был Чернигов. Позднее в Северной земле возникают города Листвен, Путивль, Курск, Новгород-Северский, Любеч, Оргощ, Моровойск, Всеволож.

Земля радимичей, поселившихся в бассейне реки Сож, притока

Днепра. Украшением этой земли стали города Гомий (Гомель), Чичерск на Соже, Вщиж на Десне, Воробьин, Ропейск, Стародуб.

Земля вятичей. Лежала в бассейне реки Оки и ее притоков. Древнейшими градами вятичей были Кордно, Колтеск, Дедославль, Дебрянск (Брянск), Домагощ, Мценск, Карачев, Неринск, Козельск. Археологические памятники вятичей обозначаются принадлежащими ромено-борщевской археологической культуре.

Земля кривичей. Включала в себя территории в верховьях рек Западной Двины, Днепра, Волги и южной части Чудского озера Она славилась своими большими городами Плесковом (Псковом), Смоленском и Изборском.

Земля полочан (тех же кривичей, переселившихся на реку Полоту и построивших там один из древнейших русских городов Полоцк). Вслед за Полоцком были построены города Витебск, Минеск (Минск), Городня (Гродно), Городец (Городень), Лагожск (Логойск), Стрежнев, Лукомль, Ижеславль (Изяславль).

Земля ильменских словен, в которой позднее будут построены города Ладога, Старая Русса и Новгород.

Свое имя ильменские словене получили от названия озера Ильмень (Словенское море).

Земля уличей. Главным городом их был Пересечен, находившийся на реке Тясмин. Всего же на территории уличей по сообщению одного баварского монаха-географа, писавшего во второй половине IX века (число, возможно, несколько преувеличено), стояло 318 городов.

Земля тиверцев. Простиралась по реке Днестр до Черного моря. Их центром был город Черн (Черный город) на западном берегу Днестра. Названия других городов история не сохранила, однако известно, что их было 148. Остатки их обнаружены археологами в междуречье Днестра и Прута и в устье Дуная. В одном из анонимных сочинений тиверцы были названы «*популюс ферроциссимус*» – свирепейший народ.

Земля белых хорватов, живших в Прикарпатье. Стольным градом белых хорватов был Ужгород. Еще один большой их город, Перемышль,

находился на реке Сан.

Южные пределы этих земель проходили там, где некогда существовали великая Антская держава, в VI веке уничтоженная аварами. Опасное соседство со степью вынуждало славян жить в постоянной военной готовности, всем миром выступая в походы под стягом своего князя. Ядром такого войска, его главной ударной силой, была конная княжеская дружина. Это старинное общеславянское понятие восходит еще к более древнему слову «друже», то есть друг, значение которого – «спутник в походе», «товарищ по войне» – заметно отличалось от современного. Численность дружин первых славянских князей была невелика, однако они представляла собой грозную силу, ведь каждый такой отряд состоял из хорошо обученных, имеющих большой военный опыт и хорошо вооруженных воинов. Видная роль в походах и победах славян принадлежала пешему ополчению, состоявшему из взрослых мужчин-вечников, на время войны превращавшихся в воев городских полков.

И если на заре славянской истории славяне, по сообщениям византийского автора Прокопия Кессарийского, были вооружены лишь щитами и дротиками и не знали панцирей, то в более позднее время они уже имели великолепное вооружение и доспехи. Первым сообщил о «прекрасных, прочных и драгоценных» славянских кольчугах арабский историк Ибн-Русте – в своей «Книге дорогих ценностей», написанной в начале X века. Епископ Лиудпранд, рассказывая о разгроме византийцами флота князя Игоря (941 год), отметил, что русские воины, *«обремененные панцирями и шлемами, шли на дно, и их больше не видели»*. Из славянских краев были привезены в Скандинавию первые чеканы – особой формы боевые топоры с длинным обухом. Славилась своим отменным качеством и местные обоюдоострые мечи. Начало славянского оружейного производства связано, по-видимому, с действиями короля Карла Великого, который капитулярием 805 года запретил купцам, направлявшимся к славянам и аварам, продавать им франкское холодное оружие и броню. Отныне наши предки стали сражаться только отечественным оружием, от века к веку совершенствуя его. Впрочем, такое совершенствование было неизбежным и без быстро забытого запрета франкского владыки – главными врагами славян были кочевники, а для борьбы с ними требовалось войско и оружие, отличные от европейских. К моменту создания первых славянских государств их правители-князья располагали большими конными дружинами, воины которых были вооружены более удобными для конного боя саблями, булавами и кистенями, прикрыты

кольчатыми доспехами. Именно такого рода княжеское войско сформировалось и в Древнерусском государстве – Империи Рюриковичей.

Согласно летописи, в середине IX века для борьбы с кочевниками-хазарами, покорившими славян Среднего Поднепровья и Волго-Окского междуречья, в земли кривичей, ильменских словен и некоторых угро-финских племен (мери, веси и муромы) были призваны славящиеся своей воинской доблестью варяги. Их предводитель князь Рюрик стал основателем Русской державы. Высокие боевые качества варягов были незаменимы в схватке с армией кагана, в которой служили гулямы – лучшие воины-наемники Востока. Многие современные историки склонны сомневаться в реальности хазарской угрозы. Но недооценивать эту опасность нельзя. Следует хотя бы вкратце рассмотреть историю агрессии со стороны каганата.

Почти 300 лет страной хазар был Дагестан. Там, на Кавказе, располагалась древняя столица этого народа – город Беленджер. Уже в начале VII века возник Хазарский каганат, вступивший в непримиримую борьбу с приазовской Великой Болгарией, «сколоченной» (термин С. А. Плетневой) ханом Кубратом из разрозненных тюркоязычных болгарских и угроязычных древнемадьярских орд^[1]. В войнах с болгарами хазары опирались на союз с аланами. Великая Болгария пала предположительно в 668 году. Потерпев поражение, орда Батбая, старшего сына хана Кубрата, покорилась хазарам. Другая часть болгарского народа во главе с младшим братом Батбая, ханом Аспарухом, отступила на запад, преследуемая хазарами вплоть до Дуная. В 679 году Аспарух основал на Балканах первое Болгарское царство.

Победа над болгарами усилила Беленджерский каганат. По словам Феофана Исповедника, «великий народ хазар... стал господствовать на всей земле... вплоть до Понтийского моря». Но в VIII веке хазары были выброшены из Дагестана мощной волной арабских завоеваний. Оставив разоренные города, вытопанные поля и вырубленные врагами сады, хазары ушли в низовья Атиля^[2] (Волги), вновь вернувшись к кочевому образу жизни.

Вассалами и данниками хазар были многие обитавшие в тех краях народы: аланы, касоги, савиры, черные и серебряные болгары, угры (венгры), население восточного и степного Крыма, мордовские и некоторые славянские племена.

Верховным правителем хазар мог быть лишь выходец из рода Ашина, носивший титул каган (ха-хан – хан ханов). Это была фигура

обожествляемая, но чисто декоративная, не имевшая никакой реальной власти, которая принадлежала командовавшему войсками каган-беку (иногда еще называемому шадом или царем). Он и правил страной и всеми подвластными землями.

Мощь и силу государству хазар придавало выгодное географическое положение. Завоеванные этим народом земли лежали на пересечении важнейших торговых путей, истари связующих Европу и Азию^[3]. Отстроив на Волге новую столицу – Хамлидж (Атиль), захватив черноморские порты, контролируя ведущие в Закавказье дороги, правители Хазарии сказочно разбогатели. Нескончаемый поток самых разнообразных товаров, всевозможных серебряных и золотых монет вынуждал торговый люд и караванщиков обращаться к нахлынувшим в хазарские города менялам. Они не только охотно разменивали монеты разных стран и достоинств по выгодному для себя курсу, но и зачастую ссужали деньгами нуждающихся купцов под поручительство их товарищей. Деньги давались в рост под большие проценты, которые нередко в короткий срок удваивали или даже утраивали взятую займы сумму. Этими менялами и ростовщиками были, как правило, евреи. Сосредоточив в своих руках большие капиталы, опутав долгами всех торговцев Хазарии, они, в конечном счете, стали главной силой в стране, благополучие и процветание которой зависело теперь именно от торговли. Сложившуюся в Хазарском каганате в середине VIII столетия уникальную ситуацию знаменитый русский историк В. О. Ключевский оценил следующим образом: «Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т. е. высшим слоем хазарского общества приняла иудейство».

Хазарские вожди приняли иудаизм уже в 730 году, во время правления кагана Булана, но религией народа это вероучение стало лишь спустя полвека – при кагане Обадии в 799–809 годах. Несмотря на это, среди хазар оставались и мусульмане, и язычники, и даже христиане.

После исхода из Дагестана хазары, вновь усилившись, начали завоевывать соседние страны, подчиняя и покоряя населявшие их народы и племена. С интересами хазар стали считаться соседние державы, признавая высокий статус властителей Атиля. Даже в X веке к грамоте, адресованной «наиблагороднейшему и славнейшему кагану Хазарии», привешивалась печать стоимостью в 3 золотых солида, тогда как к грамоте, отправляемой «архонту России», – печать стоимостью всего в 2 солида^[4].

Согласно русской летописи, в 859 году хазарское войско вторглось в

земли славянского племени полян и, сломив его сопротивление, наложило на полян дань. Сохранился рассказ о том, что хазары взяли с полян дань «недобрую» – по мечу с «дыма», видимо, разоружив завоеванное славянское племя. Летописец же придал иной смысл произошедшим событиям. В его трактовке эта дань выглядела дерзким вызовом, брошенным полянами хазарам – славяне отправили завоевателям обоюдоострые мечи, превосходившие хазарские сабли. Получив славянскую дань, хазарские мудрецы обеспокоились, сказав: «Сейчас мы со славян дань берем, а придет время, они ее с нас брать начнут». Тогда же данниками хазар стали и северяне, и радимичи, и вятичи. По-видимому, самое ожесточенное сопротивление оказали хазарам радимичи, так как они вплоть до 885 года платили дань хазарам «по щелягу с рала», то есть плуга, тогда как другие племена выплачивали дань мехами. Одни историки (А. Г. Кузьмин) считали, что «щеляг» – польское название шиллингов, полновесных золотых монет, другие (Л. Н. Гумилев) видели в щелягах серебряные шекели.

Подчинение атильскому кагану не ограничивалось уплатой дани деньгами или мехами («по беле и веверице с дыма»). По свидетельству Ибрагима ибн Якуба, евреи вывозили из славянских стран не только меха, воск и лошадей, но, главным образом, военнопленных для продажи в рабство, а также юношей, девушек и детей для разврата и пополнения восточных гаремов. Широкое распространение получила торговля кастрированными славянскими юношами и детьми.

Силой, способной совладать с продвижением хазар, оказались варяги-русь, в 862 году призванные владеть славянской землей – Новой Русью^[5]. Столицей ее на двадцать лет стал построенный на берегах реки Волхов Новгород. Далеко не все славяне признали власть варяжского князя. Вскоре в Новгороде произошло восстание против находников, которое возглавил Вадим Храбрый. В ожесточенной борьбе Рюрик разгромил мятежное войско и казнил Вадима и его «советников», другие замешанные в восстании новгородцы бежали в Киев.

Укрепившись в Новой Руси, Рюрик раздал покорившиеся ему «волости» и «грады» – Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром, своим «мужам» – ближним и дальним родственникам и побратимам, имевшим собственные дружины. Одним из таких княжских мужей являлся Аскольд, пасынок Рюрика (или одной из жен Рюрика). Вскоре Аскольд был отпущен отчимом в поход на Константинополь или Царьград, как звался этот город – столица Византии – на Руси. Вместе с другим воеводой новгородского князя, Диром (Ян Длугош считал его братом Аскольда), он спустился вниз

по Днепру в земли покоренных хазарами полян и отвоевал у них Киев – главный город Полянской земли. Прочно обосновавшись в городе легендарного Кия, варяжские князья стали править в нем, порвав всякие отношения с государством Рюрика. Они воевали с древлянами, уличами, кривичами и хазарами, еще властвовавшими тогда на левобережье Днепра. В 867 году Аскольд и Дир отразили первый набег печенегов. Это кочевое племя, по-видимому, решило воспользоваться ослаблением хазарского присутствия в Приднепровском крае, но встретило решительный отпор со стороны новых киевских властителей.

В 879 году, после смерти Рюрика, новгородским князем стал его шурин Олег. Он враждовал с Аскольдом, видимо, имевшим определенные права на княжеский престол, и потому в 882 году совершил большой поход на Киев. Согласно сведениям из летописи, заняв по дороге Смоленск и Любеч, Олег и его дружинники под видом «гостей» (купцов), высадились южнее Киева, в Угорском урочище, и убили вышедших им навстречу киевских правителей. По преданию, Олег сказал схваченным его воинами Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжеского рода, я же княжеского рода». Утвердившись в Приднепровье и озаботившись безопасностью Киевщины, Олег в 883 году покорил землю древлян, постоянных соперников полян, обложив их тяжелой данью («по черной кунице с дыма»). Затем он присоединил к своему государству земли плативших дань хазарам северян и радимичей. Здесь он проявил себя гибким политиком, обложив новых подданных данью легкой, особенно в сравнении с теми поборами, которые взимали с северян и радимичей слуги кагана.

В этот период состоялся первый поход руссов на Каспий. Вызван он был необходимостью защитить свои торговые интересы. Дата похода приблизительно определяется периодом между 864 и 884 годами, временем правления эмира Табаристана Алида ал-Хасана ибн Зайда. Войско русов обрушилось на крупнейший порт на юге каспийского побережья, город Абаскун в Астрабадском заливе. Упомянувший об этом событии автор «Истории Табаристана» Ибн Исфандийар подробных сведений о военных действиях не оставил, ограничившись итоговым сообщением, что эмир перебил всех русов.

Одной из причин похода на Абаскун стала возросшая агрессивность дейлемитов-шиитов, живших в горах Табаристана. В 872 году они захватили ряд прикаспийских городов, включая Джурджан и Рей, где у русов были торговые фактории.

Видимо, после этих событий Хазария устанавливает торговую блокаду Руси – это подтверждается отмеченным археологами прекращением

притока арабского серебра в Восточную Европу в конце IX века.

В результате первых же походов Олега на карте Европы возникла обширная Киевская держава, правители которой стремились упрочить свою власть над покоренными землями и, по возможности, овладеть новыми территориями по всему периметру формирующихся государственных границ. Это определило внешнеполитические задачи. Первой из них стало установление контроля над крупнейшими торговыми маршрутами того времени – Днепровским и Селигерско-Волжским речными караванными путями. Славяне и раньше свободно пользовались проходившим по озеру Нево (Ладожское озеро), Волхову, озеру Ильмень, реке Ловать и всему течению Днепра отрезком Пути «из варяг в греки», соединявшему Балтийское и Черное моря. Но, имея свободный выход в Балтийское (тогда его называли «Варяжское») море, Русь не обладала опорными пунктами на Черном море. Их завоевание как раз и выступило на первый план. Успешное решение этой задачи резко изменило бы международный статус Руси, превратив ее из объекта транзитной торговли проезжающих мимо греческих, европейских или восточных купцов в крупную самостоятельную величину на международной торговой и политической арене. Путь «из варяг в хазары» также таил определенный риск для купцов, так как хазарские властители в период обострения отношений с Русью полностью перекрывали его. Поэтому существовал и альтернативный путь в восточные страны, который шел по Дону и Азовскому морю, но в конце 30-х годов IX века он был прикрыт хазарской крепостью Саркел, в 838–839 годах построенной по просьбе хазарского кагана византийцами во главе с протоспафарием Петроной Каматиром в районе пересечения торговых сухопутных дорог с водным путем по Дону^[6]. Крепость возвели на левом берегу реки Дон, служившей северо-западным рубежом Хазарского каганата. Она располагалась на речном мысу, отделенном от материка рвом. Линия стен, обращенная к суше, была защищена дополнительным рвом. В плане укрепление представляло собой четырехугольник 193,5 метра на 133,5 метра. В северо-западной стене имелись главные ворота, а в северо-восточной – меньшие, выходившие к пристани. Крепость изнутри пересекалась второй линией обороны в виде стены, делившей пространство на две неравные части. В ее внутренней, меньшей, юго-западной части находилась массивная башня-донжон. Гарнизон Саркела насчитывал триста человек.

Вторая задача отчасти вытекала из первой и, по сути, была традиционной для восточнославянских племен: защита своей территории и

тех же торговых путей от набегов воинственных кочевников.

Стоящие на повестке дня задачи определили и основных противников Руси в борьбе за выход на мировую арену. Главным и наиболее сильным из них была Византийская империя, сосредоточившая в своих руках почти всю черноморскую торговлю и опасавшаяся конкуренции со стороны Руси на Черном море. Следуя традициям византийской дипломатии, империя старалась решать свои международные дела путем цепи договоров и союзов с заинтересованными племенами и государствами. В своем противоборстве с Киевской Русью греки в разное время прибегали к услугам болгар, хазар и печенегов, натравливая их на Русь и одновременно заставляя враждовать между собой. Русский летописец, писавший о византийцах столетием позже – в XI веке, заметил: «... греки лживы и до наших дней».

Основными противниками Руси в соперничестве за Волжский торговый путь выступали волжские болгары и хазары. Но, ведя постоянную борьбу за торговые пути, киевские князья ни на минуту не могли забывать о разорительных набегах степных кочевников – венгров, печенегов и тех же хазар.

Таким образом, все военные мероприятия первых русских князей были подчинены их государственным интересам.

Однако, распространяя свое влияние на новые территории, правители Руси думали не только о завоеваниях, но и об обороне, старались закрепить в своем держании уже имевшиеся земли. В 882 году, начиная поход на Киев, Олег позаботился о том, чтобы обеспечить безопасность Новгорода и других северных городов. По-видимому, именно тогда была сооружена каменная крепость в Ладоге – самая старая на Руси и одна из древнейших на всем севере Европы. С варягами был заключен договор, призванный обеспечить мир на этом рубеже^[7]. Захватив Смоленск и Любеч, князь оставил ближайших дружинников управлять этими городами. После своего утверждения в Киеве Олег сначала решил защитить кольцом городов-крепостей и новую столицу – по словам летописца, «начал города строить».

Но ограничиваться лишь обороной своей державы он не собирался. У Олега появились новые замыслы, исходившие из указанных выше задач, поставленных перед ним объективными обстоятельствами.

В начале X века острота былых противоречий между Русью и Хазарией временно сгладилась, на почве совпадения ряда торговых интересов наметилось сближение двух государств, что стало причиной нового похода русов на Каспийское море. Осенью 909/910 (год по мусульманскому календарю захватывает 2 календарных года по

христианскому) русский флот из 16 кораблей вновь напал на Абаскун. Разграбив его, захватчики высадились на побережье. Ахмад Бен ал-Касим, правитель богатого прикаспийского города Сари, получил помощь от Саманидов, правителей Хорасана и Маверанахра, и разбил русов в ночном бою в Муганской степи, в низовьях Куры и Аракса.

В следующем году русы пришли большим числом, сожгли город Сари, захватив много пленных, и ушли в море. После этого они разделились: часть людей осталась на кораблях, а остальные сошли на берег и вторглись в Дейлем, горную часть Табаристана. Ибн Исфандийар сжато передаёт дальнейшее развитие событий: «Жители Гиляна ночью пришли на берег моря и сожгли корабли и убили тех, которые находились на берегу; другие, находившиеся в море, убежали. Поскольку царь Ширваншах – эмир Ширвана, области к востоку от реки Куры – получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и в конечном счёте ни одного из них не осталось в живых, и так частое появление русов в этой стране было приостановлено».

Впрочем, военные экспедиции русов в прикаспийские страны продолжались. Самый масштабный произошел в 913/914 году. Несмотря на первоначальный успех, он закончился трагически. Флот из 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал до 100 воинов, вошёл в Керченский пролив, находившийся под контролем хазар. Русы связались с каганбеком, попросив у него разрешения пройти по Волге в Каспийское море. За это властям Хазарии была обещана половина будущей добычи. Это предложение правившему каганатом беку показалось достаточно привлекательным, так как за несколько лет до этого хазары в союзе с дагестанскими князьями воевали с властителями прикаспийский государства Дербента и Ширвана. Получив разрешение пройти через хазарские земли, русы поднялись по Дону и переправились на Волгу, откуда спустились вниз до Каспийского моря.

Достигнув богатого южного побережья Каспийского моря, русы разделились на отряды и начали грабеж расположенных там городов. Удару подверглись Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун. Затем русы сместились к западному побережью, напав на Азербайджан и Ширван. Аль-Масуди так описывает эти события: «И Русы проливали кровь, брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников [для нападений] и жгли. Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, ибо не случалось с древнейшего времени, чтоб враг ударил на них здесь, а прибывали сюда только суда купцов и рыболовов».

В окрестностях Баку русы остановились на соседних островах, где на

них организовал нападение царь Ширвана, Али ибн аль-Хайтам, собравший местных жителей. Те на лодках и купеческих судах устремились к островам, но русы убили и потопили тысячи мусульман, после чего в течение «многих месяцев» оставались на островах в окружении следивших за ними окрестных народов. Когда совершать набеги стало затруднительно, русы решили прекратить поход и отправились к истокам Волги.

Прибыв в Атиль, они выполнили условие договора и вручили хазарскому царю его долю. Однако мусульманская гвардия кагана – лассирии – заявила о желании отомстить за уничтоженных и ограбленных единоверцев. Бек не смог ей помешать, но будто бы успел предупредить русов об опасности. Ослабленное русское войско сошлось в битве с мусульманами (15 тыс. всадников), к которым присоединились и местные христиане. Аль-Масуди уточняет, что сражение произошло на суше. Место битвы точно не указано, но можно предположить, что хазарская конница подстерегла русов в месте волока с Волги на Дон. Сражение длилось три дня, в итоге уйти на кораблях вверх по Волге удалось 5 тысячам русов, но впоследствии их уничтожили буртасы и волжские болгары.

Всего, по словам аль-Масуди, победители насчитали 30 тысяч убитых русов, и с той поры о набегах русов на Каспий не было слышно до 943 года (время написания сочинения аль-Масуди).

Первое время Древнерусское государство оставалось все еще весьма непрочным объединением. При каждом удобном случае отдельные земли переставали платить дань Киеву. «Сидевшим» тогда в нем русским князьям приходилось с немалыми усилиями вновь подчинять непокорные племена, совершая против них походы и даже ведя настоящие войны. Так было с радимичами, которых еще в 885 году обложил данью Олег. Неизвестно, когда они отпали от Киева, однако спустя век, в 984 году, киевский воевода Волчий Хвост снова вынужден был подчинять это племя.

Похожая ситуация сложилась с племенами древлян и вятичей. После смерти Олега древляне, считая себя свободными от обязательств, данных этому князю, перестали платить дань Киеву. Преемник Олега на киевском престоле, князь Игорь (большинство отечественных историков считают его близким родственником Рюрика, возможно, даже и сыном первого правителя Руси) снарядил новый военный поход в древлянские земли. После победы Игорь возложил на древлян дань более высокую, нежели было при Олеге. Тогда же началась война с уличами. Она продолжалась три года. Земля уличей была разорена, уцелевшее население ушло на запад, в

междуречье Буга и Днестра, на территорию тиверцев. Вернуть под власть Киева вятичей тогда не удалось.

В правление Игоря Старого, после его неудачного похода на Царьград в 941 году (см. главу 2), часть русских дружин под предводительством воеводы, запомнившегося врагам под именем Хельгу (Олег), разорив восточные провинции Империи, прорвалась затем в Закавказье. По предположению Л. Н. Гумилева, поход организовали хазары, враждовавшие с дейлемитами-шиитами. Русы овладели столицей Кавказской Албании, городом Бердаа (Партава), расположенном в междуречье Аракса и Куры. Разгромив отряд дейлемитов и местных ополченцев, русы заняли один из самых богатых городов Закавказья и удерживали его более 6 месяцев. Уйти из Бердаа русских вынудила эпидемия дизентерии, погубившая и их вождя Хельгу. Командование войском предположительно перешло к Свенельду, принявшему решение покинуть захваченный город. Однажды под покровом ночи его воины оставили Бердаа, взвалив всю добычу, какую смогли унести, на плечи. С собою русы угнали часть женщин и юношей. Достигнув своего лагеря на реке Куре, воины Свенельда сели на корабли и уплыли в неизвестном для наблюдателей направлении.

В целом успешные действия небольшого русского войска в Закавказье устрасили не только правителей ближайших мусульманских стран, но и Хазарского каганата. Именно после похода на Бердаа «хазарские владыки перестали пропускать русские войска в Каспийское море, что впоследствии дало повод хазарскому царю Иосифу заявлять, что Хазария служит щитом, защищающим исламский мир от воинственных русов, которые, если бы не сдерживающая их натиск Хазария, могли бы дойти и до Багдад»^[8].

После ухода из Бердаа оставшиеся в живых воины вместе со своим воеводой вернулась на Русь – привезенная ими военная добыча стала главным раздражителем для воинов Игоря, завидовавшим богатству отроков Свенельда, «разодевшихся оружием и одеждой».

В 945 году, во время ежегодного сбора полюдьа в древлянской земле, Игорь с дружиной собрал дань еще большую, нежели установил ранее, причем не обошлось без насилия. Стимулом взять с древлян дополнительную дань стало, как уже говорилось выше, богатство отроков воеводы Свенельда, приобретенное в походе на Бердаа. Затем Игорь потребовал выплаты еще одной дани, что вызвало восстание древлян. Разъяренные корыстолюбием и несправедливостью киевского князя, они разгромили его дружину и расправились с самим Игорем.

Сын Игоря Святослав продолжил политику подчинения

восточнославянских племен единому центру, начатую Олегом и продолженную Игорем. На определенном этапе это потребовало возобновления старой войны с хазарами. По наиболее известной версии, в 964 году Святослав предпринял поход на Оку и Волгу, в земли вятичей, плативших тогда дань хазарам. Победив их, князь сделал вятичей своими данниками. Удачно начатый поход был продолжен. Весной 965 года Святослав вышел на Волгу и двинул свою рать против старинных врагов Русской земли: волжских болгар, бургасов и самих хазар. На помощь киевскому князю пришли враждовавшие с этими народами печенеги и торки. В окрестностях Атиля, столицы каганата, произошла решающая битва, в которой киевские полки разбили и обратили в бегство главное хазарское войско, составленное из отборных воинов-наемников. Город был захвачен и разрушен. Та же участь постигла другие крепости хазар – Саркел (на Дону), Семендер (на Северном Кавказе). Затем уже Святослав двинул свои дружины против данников каганата – северокавказских племен ясов и касогов, предков осетин и черкесов. Сломив их сопротивление, он вышел к берегам Керченского пролива и овладел богатым хазарским торговым поселением Таматархой, где был оставлен русский гарнизон. Около 3 лет продолжался этот беспримерный поход. Войску Святослава пришлось преодолеть более 3 тыс. километров по суше и 1,5 тыс. километров по воде.

Однако ряд исследователей полагает, что Святослав совершил два похода на Хазарию. В 965 году, подчинив Киеву вятичей, живших на Дону, князь взял крепость Саркел, получившую русское название Белая Вежа. Затем он вернул под власть Киева Тмутаракань (Таматарху). Второй поход был совершен в 968–969 годах, после подчинения Болгарии. Именно тогда и взят был Атиль. Хазары бежали от русов на один из островков «нефтеносной области» (Баку), но вскоре вернулись в Атиль и Хазаран с помощью мусульманского шаха Ширвана. Эта версия выглядит предпочтительней, так как подтверждается анализом сочинения «Книга путей и государств», написанного арабским путешественником Ибн-Хаукалем^[9].

Несмотря на походы Святослава, окончательно уничтожить Хазарский каганат удалось лишь его сыну Владимиру. Против князя выступили поддержанные хазарами радимичи, возможно, и вятичи, но в 984 году киевский воевода Волчий Хвост наголову разгромил ополчение радимичей в сражении на реке Пищане. Хазарская угроза вновь стала актуальной, и в 985 году Владимир незабытым еще путем отца (через земли вятичей) обрушился на волжских болгар, а затем и на Хазарский каганат, разгромив

это государство и превратив уцелевших хазар в своих данников.

Следствием русских побед над Хазарией стало изменение восточных и южных границ Руси. Впервые территория вятичей вошла в состав Киевского государства. Однако окончательное подчинение этого края произошло позднее. До конца XI века вятичи сохраняли свою политическую независимость. Даже правнуку Владимира Святославича, Владимиру Всеволодичу Мономаху, в начале XII века «две зимы» пришлось воевать с одним из вятичских князей Ходотой и его сыном. Только произошедшее при этом князе окончательное подчинение междуречья Оки и Волги и завершило процесс собирания всех восточнославянских земель вокруг единого центра. Так сформировалось территориальное ядро Древнерусского государства.

Как уже отмечалось, во время походов 964–967 годов Святослав, помимо земель вятичей, присоединил к своему государству и отвоеванную у хазар Таматарху – город на Таманском полуострове, более известный под русским названием Тмутаракань. С 988 года здесь наместничал Мстислав Владимирович Храбрый, позднее ставший первым тмутараканским князем.

Видимо, сконцентрированные в Тмутаракани ратные силы участвовали в походах 1030 и 1032 года на Ширван и Дербент, а не только в совместном с византийцами подавлении мятежа Георгия Цула, русско-касожской войне и междоусобном конфликте Мстислава Храброго с Ярославом Мудрым, разразившемся в 1024 году. Об этих военных предприятиях Мстислава Храброго следует рассказать подробнее.

Воспользовавшись внутренними бедами Руси и Византии, в 1014 году в Херсонесе Таврическом хазарин Георгий Цула, стремившийся воссоздать в Крыму погибшую под русскими мечами Хазарию, поднял мятеж. Встревоженный его планами базилиевс Василий II воевал тогда с болгарами и, лишь окончив эту войну, направил в Крым свои войска. Выступившей в поход византийской армией командовал экзарх Монг, сын дуки Андроника Лида.

Восстание бушевало в пограничной с русскими рубежами стране, и подавить мятеж ромеи могли лишь при согласии и содействии тьмутараканского князя. Перед высадкой византийской армии Цула покинул Херсонес и укрепился в Боспоре Киммерийском (так после гуннского нашествия стал именоваться Пантикапей, нынешняя Керчь). Этот город находился в непосредственной близости от Тьмутаракани, на другой стороне Керченского пролива. Появление здесь войск мятежников, вынашивавших планы опасные и для русских интересов, не могло не встревожить Мстислава. Он понимал, что вслед за отрядами Георгия Цулы

на Боспор двинется и армия императора Василия. Действительно, в конце января – начале февраля 1016 года вблизи берегов Восточного Крыма появился греческий флот. Послы базилиуса прибыли в Тмутаракань и предложили Мстиславу Владимировичу помочь им подавить хазарский мятеж.

Мстислав не только одобрил планы эцарха Монга, но и направил на помощь ему дружину под командованием своего лучшего воеводы Сфенга. В первом же большом сражении византийские и тмутараканские войска разгромили войска Цулы, пленив вождя восстания. С дымом сожженных хазарских селений развеялись и мечты о возрождении каганата – историю не удалось повернуть вспять.

После усмирения мятежа император уступил своему союзнику часть Восточного Крыма – именно тогда в состав Тмутараканского княжества вошел город Боспор, переименованный русскими людьми в Корчев (Керчь).

В 1022 году, во время русско-косоожской войны, в окрестностях Тмутаракани произошло сражение между русской дружиной князя Мстислава и косоожским войском во главе с князем Редедей. Перед битвой Редедя предложил Мстиславу выйти на поединок. Русский князь согласился. Витязи боролись долго и яростно. Согласно легенде, Редедя начал постепенно одолевать Мстислава. Тогда, чувствуя, что слабеет, русский князь призвал на помощь Пресвятую Богородицу. «Если я его одолею, – сказал он, – то построю церковь в твое имя». Сказав это, Мстислав почувствовал прилив сил, и, подняв, ударил Редедю об землю, после чего ударом ножа добил еще живого противника. Воодушевившись подвигом князя, русские разгромили косоогов, совершили поход в их владения и обложили покоренную землю данью. Вернувшись, Мстислав исполнил свой обет и построил в Тмутаракани церковь Богородицы. После смерти этого князя Тмутараканское княжество, в числе других его владений, отошло к брату покойного – Ярославу Мудрому.

Отказавшись в прежние годы от борьбы за власть с жестокосердыми братьями, Мстислав, тем не менее, внимательно следил за событиями на Руси, где после победы над Святополком всем властно распоряжался Ярослав. Вскоре отношения между ними до предела обострились – невзирая на обращения Мстислава, просившего у Ярослава «части в прибавок из уделов братних», тот так и не дал ему княжения в больших русских городах, обещая лишь далекий Муром, удел малопривлекательный в глазах тмутараканского князя. Тогда в 1024 году, воспользовавшись отсутствием Ярослава в Киеве (тот с дружиной ушел в Суздальскую землю

усмирять восстание волхвов-язычников), Мстислав Владимирович с дружиной своей пришел к Чернигову, жители которого признали его своим князем. Так, вопреки воле брата, он стал править в самом большом русском городе на левобережье Днепра.

Узнав о произошедшем, Ярослав срочно вернулся в Новгород, но новгородцы, потрясенные недавней расправой князя над своим посадником Константином Добрыничем, не торопились встать под его стяг. Тогда Ярослав призвал под свои знамена варягов. К нему охотно примкнули многие находники, предводителем их стал Якун Слепой. В конце осени 1024 года рать покинула Новгород и двинулась против Мстислава. Черниговский князь выступил навстречу брату с войском, в которое вошли не только его дружина, но и ополчение Северской земли. В начале осени обе рати встретились у небольшой крепости Листвен (ныне деревня Малый Листвен Черниговской области на Украине), стоявшей на берегу реки Белоус, на полпути между Лиственом и Черниговом. Здесь под всполохи зарницы и гром налетевшей грозовой бури произошла ожесточенная ночная битва, черниговский князь наголову разбил полки брата. В решающий момент, когда под ударами варягов дрогнули стоявшие в «челе» (центре) северские ополченцы, Мстислав во главе дружинных полков ударил по противнику, и эта атака переломила ход битвы. Впервые Южная Русь пересилила варяжское войско, обратившееся в бегство. О его поспешном характере свидетельствует примечательный факт: предводитель варягов Якун потерял тогда свою знаменитую золотую «луду» – маску.

Одержавший победу Мстислав не преследовал брата, бежавшего в Новгород, а направил к нему послов с предложением мира: «Садись в своем Киеве, ты – старший брат, а мне пусть будет эта сторона». Тем самым Мстислав признавал старшинство Ярослава, но отстаивал свои права на Чернигов и Тмутаракань. Весной 1026 года Ярослав вернулся в Киев и в небольшом городке Городец на левобережье Днепра встретился с Мстиславом. Братья полностью примирились, заключили мир «и начали жить мирно и в братской любви, и престали усобица и мятеж, и была тишина великая на земле». По условиям Городецкого соглашения Русская земля была разделена: Мстиславу Владимировичу досталась восточная часть, Ярославу Владимировичу – западная; границей двух княжеств служил Днепр. В дальнейшем братья помирились между собой и вместе ходили походами против врагов родной земли.

Покинув Тмутаракань, Мстислав Владимирович не забыл об этом важнейшем для Руси городе, ставшем ее воротами на Кавказ и восточные страны. Здесь остался на княжении его сын Евстафий Мстиславич.

Глава 2. Русско-византийские войны

Византия последний осколок Римской (Ромейской) империи, величайшей державы древнего мира – унаследовала ее традиции, славу, роскошь. Также по наследству от государства-исполина досталась Восточной части империи и ненависть соседних «варварских» племен и народов, в прошлые века с величайшим трудом сдержавших натиск римских легионов и отстаивавших свое право на свободную жизнь.

В IX–XI веках среди многочисленных армий, штурмовавших границы Империи ромеев, а зачастую и прорывавшихся к ее сердцу – городу Святого Константина (Константинополю), были и русские рати.

Первым из византийских городов подверглась русскому нападению крымская Сугдея (знаменитый летописный город Сурож, позднее разгромленный монголами и затем восстановленный итальянскими колонистами). В «Житии Стефана Сурожского» рассказывается, что в конце VIII или в самом начале IX века на Сугдею напало войско новгородского князя Бравлина. Русы десять дней осаждали город, а затем штурмом овладели им, «изломав железные ворота» Сугдеи. Первый успех стал сигналом для других князей. Отважные северные дружины ходили походами на византийские города Эгину, Амастриду. 18 июня 860 года 200 русских кораблей впервые подошли к Константинополю. В то время император Михаил III вел тяжелую и упорную войну с арабами в Малой Азии. Но, узнав о нападении на свою столицу, он спешно вернулся в Константинополь и вынужден был начать переговоры с предводителями осаждавшего город войска. Русские князья взяли богатые дары и отступили от стен Царьграда, как с той поры стали именовать русичи столицу Византии, расположенную на Босфоре. Однако уже в 866 году большой поход на Византию совершил Аскольд, первый киевский князь, о котором упоминает древнейший русский летописный свод. На 200 ладьях его войско подошло к Константинополю и разорило окрестности города, сильно напугав население и власти империи. Византийский базилевс Василий I после этого именовал Аскольда не иначе как «прегордый каган северных скифов». Русскому ладейному флоту удалось прорваться в залив Золотой Рог (Суд). Встревоженные греки прибегли к заступничеству Богородицы. Ризы Пречистой Девы, взятые в ее храме во Влахерне, были погружены в воды Черного моря, после чего началась «буря с ветром, и вновь поднявшиеся огромные волны смели корабли безбожных русов, отбросили

их к побережью, и избili их, так что мало их избежало такой беды и вернулось восвояси». Аскольд и многие его воины, потрясенные случившимся чудом, приняли святое крещение и, сняв осаду, вернулись в Киев.

Свергнувший и убивший Аскольда и Дира князь Олег также задумал и совершил поход на Царьград. В путь огромное войско киевского князя выступило, по летописи, в 907 году, в действительности – в 911 году. Вместо себя править Русью Олег оставил племянника – князя Игоря. К далекому Царьграду русские рати двигались и по суше и по морю, на конях и на кораблях, число которых, если верить летописцу, доходило до 2 тысяч.

Осадив Константинополь, Олег встал лагерем под стенами города. Устрашившись огромного русского воинства, византийский император Лев VI Философ и его брат Александр II поспешили заключить с его предводителем мир, откупившись от врага богатыми дарами – по 12 гривен на каждую уключину каждого русского корабля, данью для городов Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч. Согласно известной легенде, в знак победы над греками Олег укрепил на вратах Царьграда свой щит с изображением всадника. Заключая мир, он, будучи язычником, поклялся грекам оружием и богами Перуном и Волосом. Летописец упоминает имена некоторых из воевод Олега – Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида. Очевидно, что командный состав русского войска был многоплеменным.

В 941 году поднять меч на Византию решил преемник Олега, князь Игорь. По сообщению В. Н. Татищева, поход был предпринят им потому, что греки перестали выплачивать Руси дань, обещанную Олегу. Власти империи были встревожены заключенными Игорем союзами с печенегами и венграми, а также проникновением русских переселенцев на Таманский полуостров.

Собранный русским князем флот из 10 тысяч ладей достиг Босфора. Правивший Византийской империей узурпатор Роман I Лакапин был в то время с армией на Востоке, отражая очередное арабское вторжение, и не мог помочь своей столице. Но оповещенные болгарами о русском вторжении византийцы не убоились многочисленности врагов и выступили навстречу неприятелю. Руководивший обороной Константинополя протовестиарий Феофан приказал починить остававшиеся в гаванях торговые суда и установить на них сифоны для метания «греческого» («живого») огня. С помощью этой зажигательной смеси, не тушившейся водой, Феофан, лично возглавивший византийский флот, в сражении у входа в Боспорскую гавань 8 июля 941 года смог уничтожить часть русских

кораблей. Понесший большие потери Игорь был вынужден вернуться назад. Однако часть русского войска под командованием некоего Хельгу, отступив к побережью Малой Азии, на протяжении 4 месяцев продолжала сражаться с преследовавшей ее армией греческого полководца Варды Фоки. Оттуда, по-видимому, русы отступили в Самкерц (древняя Фанагория) или в Тмутаракань (античная Гермонасса), в те годы перешедшую под власть хазар, а возможно – в Аланию. Именно это русское войско совершило описанный в предыдущей главе рейд на Бердаа, устроивший все прикаспийские мусульманские страны.

Следующий поход на Византию киевский князь тщательно готовил на протяжении почти 4 лет. Он собрал еще более многочисленную рать, призвал из Заморья варяжские дружины и нанял печенежское конное войско, предусмотрительно взяв у них заложников, согласовал свои действия с венграми, также начавшими войну с Византией. В 944 году Игорь вновь двинул свои полки на юг, на этот раз не только «в ладьях», но и «на конях». Предположительно под его стягом собралось до 80 тысяч воинов. Узнав готовящемся походе, жители Херсонеса поспешили сообщить в Константинополь о надвигающемся нашествии «северных скифов». Их послание гласило: «Идут русы, не счесть кораблей их, покрыли все море корабли». О приближающемся к границам империи конном русско-печенежском войске ромеям сообщили болгары. Следует учитывать, что тогда же венгры, союзники Руси, совершили рейд по византийской территории и подошли к стенам Константинополя. В этой ситуации Роман I Лакапин решил не искушать судьбу и поспешил направить навстречу Игорю посольство с просьбой о мире и обещанием богатых даров. Греческие послы нашли русское войско уже на Дунае. Здесь и прошли переговоры. По обычаю Игорь обратился за советом к дружине и услышал в ответ: «Чего нам еще нужно, – не бившись взять золото и серебро и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть: нам или им? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». Князь последовал совету и, взяв с греков богатые дары на всех своих воинов, согласился прекратить поход и возвратился в Киев.

Настоящую войну с Византией вел грозный победитель хазар Святослав Игоревич. В 968 году он отправился в поход против болгар на далекий голубой Дунай. Туда настойчиво звал его Калокир, посол византийского императора Никифора Фоки, надеявшегося столкнуть в истребительной войне два опасных для его империи народа. За помощь Византии Калокир передал Святославу 15 кентинариев (455 килограмм) золота, однако было бы неправильно считать поход русичей против болгар

рейдом наемных дружин. Прийти на выручку союзной державе киевский князь был обязан по договору, заключенному с Византией в 944 году князем Игорем. Золото было лишь даром, сопровождавшим просьбу о военной помощи.

Всего 10 тысяч воинов взял с собой в поход русский князь, но не числом воевали и воюют великие полководцы. Спустившись по Днепру в Черное море, Святослав стремительно атаковал высланное против него тридцатитысячное болгарское войско. Разгромив его и загнав остатки болгар в крепость Доростол, князь взял Малую Преславу (Сам Святослав назвал этот город, ставший его новой столицей, Переяславцем), заставив объединиться против него и врагов, и вчерашних друзей. Болгарский царь Петр, лихорадочно собиравший войска в своей столице – Великой Преславе, вступил в тайный союз с Никифором Фокой. Император подкупил печенежских князей, в 971 году напавших на Киев. Тогда далеко на Дунай полетел призыв киевлян, с трудом отбившихся от нападения врагов: «Ты, князь, чужую землю ищешь и бережешь ее, а свою покинул, чуть было не забрали нас печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас и снова нас возьмут, то неужели тебе не жаль ни матери старой своей, ни детей твоих».

Не мог не услышать этот призыв Святослав. Вернувшись с дружиной в Киев, он настиг и разгромил печенежское войско, далеко в степь прогнал его жалкие остатки. Тишина и покой воцарились тогда в Русской земле, но мало этого было ищущему битвы и ратного подвига князю. Не выдержал он мирной жизни и взмолился матери: «Не любо сидеть мне в Киеве. Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей. Туда стекается все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и кони, из Руси – меха, воск и мед».

Выслушала горячие, запальчивые слова сына княгиня Ольга и лишь одно промолвила ему в ответ: «Ты видишь, что я уже больна, куда же ты хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, то иди куда захочешь...»

Через 3 дня она умерла. Похоронив мать, Святослав разделил Русскую землю между своими сыновьями: Ярополка посадил княжить в Киеве, Олега послал в Древлянскую землю, а Владимира – в Новгород. Сам же поспешил в свои завоеванные силой оружия владения на Дунае. Торопиться его заставляли приходившие оттуда известия – новый болгарский царь Борис, вступивший на трон с помощью греков, напал на русский отряд, оставленный Святославом в Переяславце, и овладел крепостью.

Подобно стремительному барсу бросился русский князь на врага,

разгромил его, пленил царя Бориса и остатки его войска, овладел всей страной от Дуная и до Балканских гор. Вскоре он узнал о смерти Никифора Фоки, убитого своим приближенным – Иоанном Цимисхием, выходцем из армянской фемной знати, объявившим себя новым императором. Весной 970 года Святослав объявил ему войну, угрожая врагу поставить шатры у стен Царьграда и называя себя и своих воинов «мужами крови». Затем он перешел через заснеженные горные кручи Балкан, штурмом взял Филипполь (Пловдив) и подошел к Аркадиополю (Люле-Бургаз). До Царьграда оставалось всего лишь 4 дня пути по равнине. Здесь произошла битва русичей и их союзников – болгар, венгров и печенегов с наспех собранной армией византийцев. Победив и в этом сражении, Святослав не пошел далее, а взял с греков «дары многие» и вернулся назад в Переяславец. Это была одна из немногих ошибок прославленного русского воителя, ставшая для него роковой.

Иоанн Цимисхий оказался хорошим учеником и способным полководцем. Отозвав из Азии лучшие византийские войска, объединив их с отрядами из других частей своей империи, он всю зиму муштровал их, сплотив в огромное обученное войско. Также повелел Цимисхий собрать новый флот, починив старые и построив новые боевые корабли: огненосные триеры, галеи и монерии. Число их превысило 300. Весной 971 года император Иоанн направил их к устью Дуная, а затем вверх по этой реке, чтобы отрезать дружину Святослава, помешать ей получить помощь из далекой Руси.

Со всех сторон двинулись византийские армии на Болгарию, многократно превосходя числом стоящие там войска Святослава. В битве у стен Преславы погибли почти все воины находившегося там 8-тысячного русского гарнизона. В числе немногих спасшихся и прорвавшихся к своим главным силам были воевода Сфенкел и патрикий Калокир, некогда призвавший Святослава в Болгарию. С тяжелыми боями, отбиваясь от наседающего врага, отходили русичи к Дунаю. Там, в Доростоле (современная Силистрия), последней русской крепости в Болгарии, поднял Святослав свой стяг, готовясь к решительной битве. Город был хорошо укреплен – толщина его стен достигала 4,7 м.

Приблизившись к Доростолу 23 апреля 971 года, в день Святого Георгия, византийцы увидели перед городом русское войско, выстроившееся для битвы. Сплошной стеной стояли русские витязи, «сомкнув щиты и копья», и не думали отступать. Раз за разом встречали они атаки врага, отбив за день 12 нападений. Лишь ночью отошли русские в крепость. Наутро византийцы начали осаду, окружив свой лагерь валом и

частоколом с закрепленными на нем щитами. Продолжалась она более двух месяцев (65 дней), до 22 июля 971 года. В этот день русские начали свой последний бой. Собрав перед ним воинов, Святослав произнес знаменитое: «Мертвые сраму не имут». Упорный этот бой длился долго, отчаяние и мужество придавало небывалые силы воинам Святослава, упорно теснившим греков. Очевидец этого сражения Лев Диакон писал, что «скифы (русские) с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников». Опасаясь поражения, Цимисхий предложил русскому князю решить исход сражения и войны поединком, однако тот лишь посмеялся над впавшим в панику противником, передав ему: «Я сам лучше знаю, что мне полезно, нежели враг мой. Если ему жизнь наскучила, есть несчетное множество путей, ведущих к смерти, да выберет из них, какой ему угоден». Сеча возобновилась, русские продолжали атаковать и тогда вперед устремился один из лучших византийских воинов Анемас – «муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами». Он пробился к Святославу и ударом меча в ключицу сбил на землю. Князя спасли кольчужная рубаха и щит. Его противнику повезло меньше. Анемас был окружен русскими дружинниками и погиб в рукопашной схватке^[10].

Но лишь только русские стали одолевать, как поднявшийся сильный ветер ударил им в лицо, запорошив глаза песком и пылью. Так природа вырвала из рук Святослава уже почти одержанную победу. Князь вынужден был начать отступление. Забросив щиты за спину, русские прорвались обратно в Доростол. Припасы у осажденных уже закончились, и они вынуждены были начать переговоры о мире. Святослав согласился уступить ромеям Доростол, освободить пленных и уйти из Болгарии на родину. Иоанн Цимисхий, чьи воины с трудом устояли в последней битве, «с радостью принял эти условия [росов], заключил с ними союз и соглашение». Так кончилась эта война.

Историческая встреча двух вождей произошла на берегу Дуная и была подробно описана византийским хронистом, находившимся в свите императора. Цимисхий в окружении приближенных ожидал Святослава. Князь прибыл на ладье, сидя в которой, греб наравне с простыми воинами. Отличить его греки могли лишь потому, что надетая на нем рубаха была чище, чем у других дружинников, а также по серьге с двумя жемчужинами и рубином, вдетой в его ухо. Вот как описал очевидец Лев Диакон грозного русского воина: «Святослав был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом и с густыми длинными, висящей на верхней губе усами. Голова у него была

совсем голая, только на одной ее стороне висела прядь волос, означающий древность рода. Шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким».

В ходе переговоров стороны пришли к соглашению. Святослав подтвердил обещание оставить Болгарию и уйти на Русь, Цимисхий – пропустить русское войско и выделить на 22 тысячи оставшихся в живых воинов по 2 меры (медимна – около 20 кг) хлеба. Заключив мир с византийцами, Святослав пошел к Киеву. Но по дороге пал в битве с печенегами у Днепровских порогов.

Своеобразием отличалась война, которую вел с византийцами киевский князь Владимир Святославич. В 986 году он начал переговоры с императорами Василием II и Константином VIII относительно женитьбы на их сестре Анне. В обмен на руку принцессы киевский князь предложил императорам срочную военную помощь против мятежника Варды Склира, войска которого теснили византийскую армию. Базилевсы были вынуждены согласиться на это предложение. Ночью 6000 отборных русских воинов на кораблях были переброшены через проливы в Азию и в битве при Хрисополе (современное название – Скутари) разгромили мятежников. Затем, усиленные византийскими войсками, они двинулись навстречу главным силам Варды Склира, ядро которых составляли грузинские отряды. Решающее сражение произошло 13 апреля 989 года и закончилось поражением восставших и гибелью их предводителя.

Еще до этих великих битв, в 988 году, Владимир Святославич предпринял знаменитый поход на Херсонес (на Руси называвшийся Корсунем) жители которого также присоединились к мятежу Варды Склира. Русское войско совершило этот поход на ладьях. Херсонес был окружен и обнесен глубоким рвом и валом. Корсуняне затворились в городе «... и сражались крепко». Осада города продолжалась около шести месяцев. Судьбу Корсуни решила измена одного из местных жителей Анастаса, переславшего в русский лагерь на стреле сообщение о местонахождении подземных труб, по которым в осажденный город поступала вода. В указанном месте выкопали поперечный ров, водопровод был обнаружен и перекрыт. Оставшимся без воды корсунянам поневоле пришлось сдаться на милость победителей. Оказавший помощь русскому князю Анастас позднее стал настоятелем Десятинной церкви.

Долгие годы ничто не омрачало установившегося мира между Киевом и Царьградом, но в 1024 году в пределы империи вступил русский отряд во главе с родственником Владимира, неким Хрисохиром (вероятно, прозвище – «Золотая рука»). Отряд насчитывал 800 дружинников. Прибывшие

заявили о своем желании поступить на византийскую службу. Однако на требование императора сложить оружие и явиться для переговоров Хрисохир ответил отказом, прорвался через Мраморное море к Абидосу, разгромил отряд стратига Пропонтиды и появился у Лемноса. Однако здесь русские были обмануты ложными обещаниями, данными начальником флота Кивирреотом, Давидом из Охриды, стратигом Самоса и Никифором Кавасилой, дукой Солунским, окружены превосходящими византийскими силами и уничтожены в бою у Лемноса.

Еще один крупный поход против Византии совершил внук Владимира Святого, старший сын Ярослава Мудрого Владимир Ярославич. В 1043 году он был послан отцом против греков. Поводом к началу этой войны стало убийство в Константинополе русского посла. Однако с самого начала киевское войско преследовали неудачи. Когда буря разбила часть русских кораблей, то 6 тысяч воинов должны были идти обратно на Русь сухим путем, через враждебную страну. Никто из старших княжьих мужей не захотел идти с ними. Тогда воевода Вышата вызвался возглавить этот отряд. По рассказу летописца, сделав трудный выбор, он сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною». Войско Вышаты сумело пробиться лишь до города Варны. В окрестностях его оно было окружено и разбито. В бою уцелело всего 800 русских воинов. В плену они были ослеплены. По некоторым сведениям, у каждого из них была отрублена правая рука. Сам воевода Вышата также попал в плен и был уведен в Царьград. Только через 3 года император Константин Мономах отпустил тысяцкого Вышату на родину.

Вынуждены были уходить, отбиваясь от преследователей, и остатки русского флота, которым командовал Владимир Ярославич. Ему удалось не только спасти уцелевшие ладьи и людей, но и уничтожить высланные вдогонку 24 корабля противника. В. Г. Брюсова высказала интересное предположение, что «военные действия русских не ограничились неудачным походом 1043 г., а имели дальнейшее развитие и не позднее чем в 1044 г. Херсонес, как и полвека назад, снова был взят и опустошен русскими. Поход на Херсонес и взятие его могли предшествовать закладке такого здания, каким был Софийский собор Новгорода».

Через три года мирные отношения между Византией и Русью уже были восстановлены. Заключенный послами Империи и Киевской державы не позже 1045 года договор скрепил брачный союз Всеволода Ярославича и Марии, дочери императора Константина IX Мономаха^[11].

Последний значительный военный конфликт между Русским государством и Византией произошел в 1116 году, в княжение Владимира

Всеволодича Мономаха. Поводом к началу войны послужили династические притязания зятя киевского князя Леона Диогеновича, самозванца, выдававшего себя за сына императора Романа Диогена и болгарской царевны, правившего в 1068–1071 годах. Он уже несколько раз пытался завоевать власть в империи, но неудачно. Однако после женитьбы на одной из дочерей Владимира, Марице, Леон получил военную помощь от тестя и с помощью русских полков смог овладеть Северной Болгарией. Соединение мятежника с русской силой встревожило императора Алексея I Комнина, и он принял привычные для Византии меры. 15 августа 1116 года Леон Диогенович был убит в Доростоле двумя подосланными из Константинополя сарацинами. Разгоревшейся войны это не прекратило. Русские воеводы Иван Войтишич и Фома Ратиборич продолжали сражаться за права сына покойного (внука Владимира Мономаха), Василия Леоновича. Тем не менее, удержаться на Дунае им не удалось. Однако киевский государь не собирался отказываться от своих планов и 1118 году направил Ивана Войтишича в новый поход. На этот раз византийцы предпочли решить дело миром и поспешили выслать русским богатые дары. Именно тогда Алексей Комнин предложил женить своего второго сына Иоанна на внучке Владимира Мономаха, Добродее. Брак между ними был заключен в 1122 году.

Глава 3. Русско-печенежские войны

«...своим множеством [они] превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно...»

Феофилакт Болгарский о печенегах

До прихода в Европу предки печенегов^[12], кочевого тюркоязычного народа, обитавшего в IX–XI веках в причерноморских степях, жили в степях между Волгой и Уралом. Это было воинственное и жестокое племя, против которого в конце IX – начале X столетия объединились соседние народы – хазары и торки (гузы). Под их совместными ударами печенеги отступили в причерноморские и приазовские степи, к границам Руси и Ромейской империи (Византии). Обороняться, впрочем, они не собирались и, выбив хазар из донских степей, в союзе с болгарами обрушились на венгров. Победители захватили стойбища мадьяр, уничтожили их жен и детей, вынудив уцелевших воинов уйти за Карпатские горы, в Паннонию. В конце IX – начале X века «вся европейская тысячекилометровая степь» стала уже печенежской^[13].

Абу-Дулаф писал в своей «Книге о чудесах стран» (ок. 942–943 годов) про печенегов, называя их «баджнак»: «Это люди длинноростые, усадые, производящие набеги друг на друга... Мы путешествовали среди них двенадцать дней и нам рассказали, что страна их прилегает к северу и к стране славян. Они никому не платят дани»^[14]. Основу их войска составляли отряды конных лучников и обоз – подвижная крепость на колесах. Обнаруженные погребения печенегов характерны наличием чучела коня и соответствующего оружия – тяжелых луков с массивными костяными накладками^[15]. На вооружении печенежских воинов также были копья, мечи, сабли, боевые ножи, боевые топоры, булавы, кистени и метательные железные крючья (серпы) на цепях или веревках. Используя это разнообразное вооружение они могли поражать противника и на дальней дистанции и в ближнем бою^[16].

Первые сведения о набегах печенегов на русские пределы, возможно, легендарные, относятся ко второй половине IX века, когда их отряды, еще при князьях Аскольде и Дире, попытались разграбить земли полян. Аскольд в 875 году нанес новым врагам поражение, «избиша множество печенег». Ю. В. Сухарев ставит данное сообщение под сомнение, так как этот народ лишь в 889 году переправился через Волгу и до 894 года вел на Дону непрерывную войну с уграми. Поэтому историк утверждает, что, вероятно, «первоначально в данном сообщении фигурировали другие кочевники (хазары, венгры или болгары), замененные позднее на “печенеги”»^[17]. Думается, на Руси хорошо знали разницу между своими степными врагами, а постоянно меняющаяся дислокация кочевых орд не исключает предположений о возможном прорыве части печенежских сил к киевским рубежам и в 875 году.

В правление Игоря Старого печенеги уже прочно осели в причерноморских степях. Под 915 годом в летописи отмечено: «Приидоша Печенежи первое на Русскую землю и створивше миръ съ Игоремъ, идоша к Дунаю». Печенежские орды, по призыву ромеев шли воевать с болгарским царем Семеоном.

Если в 915 году, в первый спустя 50 лет приход печенегов на Русь, князю удалось избежать столкновения с ними, заключив с печенежскими князьями мир, то через некоторое время с ними пришлось воевать – 920 годом отмечен первый поход Игоря на печенегов. Обстоятельства похода, так же, как и его результаты, в летописях опущены, но нет сомнения, что с той поры на всем протяжении границы со степью уже бушевала настоящая война, изредка сменяющаяся коротким настороженным затишьем.

Константин Порфирогенит (Багрянородный) писал, что излюбленным местом атак печенегов был район Днепровских порогов, где они подстерегали караваны русских торговых судов, направлявшихся в Константинополь^[18]. Серьезную поддержку кочевникам в то время оказывала Византия, руками своих степных союзников ослаблявшая потенциальных врагов. Когда Константинополь находится в дружбе с печенежской ордой, объяснял Константин Багрянородный своему сыну, то никто из ее противников не осмелится даже пошевелиться. Русские не могут предпринять никакого похода вне своих границ, если они не находятся в мире с печенегами; без их позволения они не могут приходить в Константинополь ни для торговли, ни с войною. Магьяры, столько раз испытавшие поражение от печенегов, продолжают питать к ним самую почтительную боязнь. Если византийский император будет находиться в

мире с печенегами, то ни русские, ни мадьяры не страшны для него, – они даже не посмеют тогда просить слишком больших подарков от греков за свое мирное поведение. Иначе им можно погрозить печенегами. То же самое и в отношении Болгарского царства. Если византийский император хочет быть страшным для болгар, он легко достигнет этого посредством печенегов.

Некий перелом в борьбе с печенегами произошел в начале или к 40-м годам X века. В 944 году, выступая в поход на Византию, Игорь заключил союз с печенежскими князьями и их отряды, нанятые князем, присоединились к русскому войску. Видимо это была вынужденная мера, так как кочевникам пришлось дать Игорю заложников, а после заключения мира с греками, по приказу киевского князя они пошли воевать болгарскую землю.

В X веке печенеги делились на 8 племен, или «колен»^[19], каждое из которых состояло из 5 родов. Часть их жила на правом берегу Днепра, другая – на левом. На Правобережье южнее всех кочевало колено Гиасихопон, подпирая границу Дунайской Болгарии. Колено Гиля обитало близ рубежей Венгрии, Харовой и Явдиертим – Руси. На Левобережье находились места кочевий четырех других колен: Кварципур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон^[20].

В XI столетии печенеги уступили левый берег Днепра пришедшим туда с востока гузам (торкам), но численность их увеличилась, возросло и количество племен. В этот период известно уже 13 печенежских колен, кочевавших в степях от Днепра до Дуная. Сосредоточение здесь значительных конных масс степняков вело к нарастанию опасности их вторжений в сопредельные земли, прежде всего – во владения Византийской империи.

Во главе колен стояли «великие князья», а во главе родов – «малые князья». И те, и другие были, прежде всего, военачальниками, предводителями племенных и родовых конных ополчений. Во время совместных действий нескольких колен избирался главный командир^[21]. Власть вождя передавалась не от отца к сыну или брату, а двоюродному брату предшественника или одному из его сыновей.

Ведомые своими военными вождями, печенеги совершали опустошительные набеги на пограничные страны: Русь, Византию, Венгрию, Болгарию, Хазарию, Аланию, в земли буртасов и других народов Подонья, Поволжья и Северного Кавказа^[22]. Сохранилось любопытное описание боевого расположения печенежского войска. Преобладающей его

частью была легкая конница. Поэтому печенеги предпочитали атаковать своего противника стремительными налетами, прицельно поражая вражеских воинов стрелами и стараясь внезапным отступлением завлечь их в заранее подготовленную засаду. В случае же настоящего сражения печенежская орда выстраивалась отдельными отрядами (по родам), построенными клиньями, заполняя промежутки между ними своими вежами – крытыми передвижными кибитками, походными возами, за которыми укрывались женщины и дети. При неблагоприятном развитии хода сражения кибитками, как стеной, огораживались ряды обороняющегося войска.

Такой способ расположения боевых сил перед сражением был наиболее действенным в непрекращающихся степных войнах, но особенно в битвах с русскими витязями и катафрактариями Византии, заметно превосходившими печенегов и качеством своего защитного вооружения, и возможностью укрепить фронт своей позиции выстроившейся стеной фалангой пещцев.

При обороне повозки печенегов окружали занятые ими позиции сплошной стеной. Прочные вежи придавали устойчивость их расположению. О страшных кибитках пацинаков, о которые, как правило, легко разбивался вал греческих штурмовых атак, с должным почтением писали позже ромеи. Так, описывая одно из сражений, Анна Комнина в своей «Алексиаде» писала: «Скифы (печенеги – В. В.) тоже встали в боевые порядки – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, – устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями огородили свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца...»^[23]. Можно согласиться с предположением, что часть печенежских повозок-веж являлась военными сооружениями, построенными для военных целей. В другом месте своего повествования Анна сообщает: «Палеолог и Григорий Маврокатакалон стояли за то, чтобы отложить битву с печенегами, и советовали силой овладеть Большой Преславой. «Скифы, – говорили они, – увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой без повозок, то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение и у нас на будущее будет прекрасно защищенное укрепление – Большая Преслава»»^[24].

Анализ этого текста свидетельствует, что командиры ромейской армии были убеждены – если печенеги вступают в бой без боевых веж, то терпят поражение. С ними их строй превращался в несокрушимую

позицию. Конечно, нельзя утверждать, что печенеги имели шанс на победу и реализовывали его только благодаря повозкам, которые они «использовали вместо стены»^[25]. Но в больших сражениях с главными силами империи описанные Анной Комниной **высокие и крепкие возы действительно играли решающую роль**, вынуждая ромеев опасаться этого средства борьбы. Помимо мужчин вежи обороняли и женщины. Сохранился рассказ о гибели сына некоего Мигидина, схваченного «скифянкой» (печенежкой) при помощи железного серпа, которым воина подтащили к повозкам и убили^[26].

Воспроизводя реалии битвы с печенегами в «Руслане и Людмиле», А. С. Пушкин также отметил наличие боевых веж в их войске, обозначив их чисто по-русски «походными телегами». Вспомним:

Вдали подъемля чёрный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Оружие печенегов, как уже упоминалось выше, представляло стандартный набор воина-степняка: тяжелый лук и стрелы, сабля или меч, кинжал или нож, топор, булава и длинное копье. Действуя таким копьем, в одном из сражений с византийским войском расхрабренный печенег сумел нанести удар в ягодицу самому императору Алексею Комнину. Описав это происшествие, дочь пострадавшего добавила: «И хотя копье не оцарапало кожи, тем не менее, причинило Алексею невыносимую боль, которая не покидала его в течение многих лет»^[27]. Высокоэффективным оружием являлся и описанный той же Анной Комниной метательный «железный серп», по-видимому, изготовлявшийся в виде заточенного крюка, крепившегося к цепи или веревке.

Военные историки отмечают наличие у части печенегов и добротного защитного вооружения. В бою их прикрывали пластинчато-нашивные доспехи, состоявшие из железных пластин, нашитых на кожаную или тканевую основу. Также использовались и кольчужные рубахи, наголовья – шапки или шлемы, боевые пояса, наколенники. Имелись у печенежских воинов и щиты^[28].

Сложную задачу управления частями своего войска кочевники решали при помощи сигнальных труб. Их отличала не только оригинальная

конструкция, но и внешний вид – трубы делали в виде бычьих голов.

* * *

Атаки печенегов поражали своей стремительностью. Феофилакт Болгарский, описывая действия пазинаков, сообщал: «Их набег – удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко – от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать... Они спрячутся в скалах, прикроются густотой леса, а он (противник – В. В.) будет блуждать по горам и рощам, которых дикая суровость уступает только дикой натуре преследуемых; он будет зрителем той великой скифской пустыни, которая не осталась неизвестной и для пословицы. Если, вопреки природе вещей, он будет упорствовать, то и сам погибнет, не столько заслужив сожаление своим несчастьем, сколько осуждение своим безрассудством; а Скифы успеют доказать, что они дети скал и дубов, будут наносить удары, сами им не подвергаясь... Жизнь мирная – для них несчастье, верх благополучия – когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно»^[29].

В 968 году, воспользовавшись отсутствием в Киеве князя Святослава, воевавшего в Болгарии, печенежские орды осадили его стольный город. От имени сына в нем правила его мать, княгиня Ольга. Положение осажденных было тяжелым, и тогда на помощь киевлянам пришел во главе черниговского ополчения воевода Претич. Однако он не решался переправиться через Днепр и вступить в сражение с огромным печенежским войском. Тогда киевляне послали к воеводе гонца, сообщившего воеводе, что если он не поможет городу, то на следующий день они сдадутся. Наутро черниговцы подняли в своем лагере страшный шум, который встревожил печенегов, решивших, что к Претичу подошло подкрепление. Опасаясь разгрома, они отошли от Киева и начали переговоры с русским воеводой, выдавшим себя за командира передового отряда огромного войска, подходившего с востока. Печенежский князь поспешил заключить с русскими мир, одарив Претича конем, саблей и стрелами. В ответ воевода преподнес ему кольчугу, меч и щит^[30].

Хорошо известна зловещая роль, сыгранная печенегами в судьбе киевского князя Святослава Игоревича, в 972 году на обратном пути из Болгарии на Русь попытавшегося с остатками своего войска пробиться через печенежский заслон на днепровских порогах. В бою дружина была разбита, сам он погиб. Из отрубленной головы Святослава печенежский князь Куря велел сделать окованную золотом (по другой версии – серебром) чашу для пиров. Изготовление таких ритуальных сосудов – распространенный обычай у тюркоязычных народов. По представлениям степных воителей, при использовании подобных чаш к пьющему переходит вся сила и мужество поверженного врага. Чем отважнее он был при жизни, тем лучше для победителя. Известно, что печенег Куря и его жена пили из черепа Святослава, надеясь, что у них родится сын, подобный погибшему русскому князю-витязю^[31].

Правивший в Киеве после смерти отца Ярополк Святославич также воевал с печенегами. Война закончилась победой киевского князя, после чего с побежденными был заключен мир, а печенежский князь Илдей поступил на службу Ярополку^[32].

Печенеги участвовали в первой на Руси междоусобной войне, которую вели друг с другом сыновья Святослава – киевский князь Ярополк и новгородский князь Владимир. В 980 году, когда Владимир стал одолевать сводного брата, один из слуг того, Варяжко, посоветовал князю бежать к печенегам и набрать среди них новое войско. Ярополк не успел воспользоваться этим советом, но Варяжко так и поступил. После гибели своего господина, вероломно убитого во время перегово ров, он ушел к печенегам и «многожды воевал с ними против Владимира».

Печенежская опасность вновь обострилась в 90-х годах X века. В 992 году Владимир Святославич отразил новый большой набег печенегов. На этот раз одолеть врага помог подвиг Яна Усмошвеца (по-иному этого богатыря именовали Усмович, Усмарь), русского воина-поединщика, товарища другого богатыря, известного из летописных рассказов – Александра Поповича^[33]. По легенде, с этим подвигом связано основание города Переяславля-Южного. В 992 году печенежское и русское войско встретились на броне через реку Трубеж. Обе стороны договорились начать битву поединком. Печенеги выставили могучего на вид воина («мужа велика и сильна»), против которого не отважился выступить никто из русских витязей. В последний момент на бой вышел Ян Усмошвец. Не отличавшийся выдающимися внешними данными, он обладал значительной силой – по рассказам отца, мог разорвать воловью шкуру. В

схватке Усмошвец задавил противника голыми руками. «И кликнуша вои русстии, печенези же побегоша, а русь погнаша по них, секуще их»^[34].

Пораженный Владимир Святославич после победы заложил на этом месте город, назвав его Переяславлем, якобы потому, что здесь русский богатырь перенял славу печенежского. Этот рассказ можно было бы считать не просто искаженным, а полностью легендарным, ведь город Переяславль упоминался еще в договоре 907 года Олега с греками, но сомневаться в реальности существования самого витязя не приходится. Известны два совместных похода Яна Усовича и Александра Поповича на печенегов – в 1001 и 1004 годах. Во время первого похода воеводы разбили врага, пленив их князя Родомана с сыновьями, во время второго печенеги, узнав о приближении русского войска, бежали из-под Белгорода, не принимая бой^[35].

Однако бывали случаи, когда военное счастье изменяло русскому оружию. Так в 995 году Владимир Святославич был разбит печенегами у города Василева, причем едва спасся, укрывшись «под мостом» (в честь чудесного избавления от опасности князь дал обет поставить в Василеве церковь во имя Преображения Господня и выполнил свое обещание).

Впоследствии воеводы Владимира (сам он уже не рисковал выходить против кочевников) совершили несколько более успешных походов на печенегов. А около 1007/1008 года при посредничестве миссионера Бруно Кверфуртского киевскому князю удалось заключить с ними мир. В числе заложников в степь отправился один из сыновей киевского князя^[36]. Есть предположение, что им мог быть Святополк, позднее неизменно получавший поддержку и военную помощь пачинаков^[37]. Впрочем, через пять лет, в 1013 году, печенежские набеги возобновились. Против них в 1015 году был выслан с великокняжеским войском сын Владимира Борис, но смерть отца остановила его поход.

Следует отметить, что война на границе стала почти закономерным явлением. Столкновения отличались лишь масштабами. Периоды больших войн с печенегами неизбежно сменялись годами «малой войны», когда совершались быстрые набеги и нападения на торговые караваны. Особенно частыми, как отмечалось выше, они были в районах южного пограничья и на днепровских порогах, где приходилось перетаскивать ладьи волоком, то разгружая товары, то вновь загружая их на корабли. Необходимость борьбы с конным печенежским войском повлекла за собой качественные изменения в военной организации Киевской державы. Задача надежной обороны южных границ от пачинаков потребовала создания на Руси кавалерии как

отдельного рода войск^[38].

Укрепляя оборону своей державы, Владимир Святославич строил новые города-крепости: Владимир-Залесский, Владимир-Волынский, Белгород и упомянутый выше Василев, укрепленную гавань в устье реки Сулы с говорящим названием Воишь. Гарнизоны их состояли из воинов, собранных со всех русских земель. Пограничная стража князя Владимира превратилась в настоящее войско, несшее службу на постоянной основе^[39].

С отчаянно смелым народом степных наездников вел упорную борьбу и Ярослав Мудрый. Весной 1017 года поддерживавшие его брата Святополка печенеги напали на Киев. Им даже удалось ворваться в город, но вступившие в бой варяжские дружины отбили эту атаку. В 1019 году Ярослав снова разбил Святополка и печенегов. Враги пришли «в силе тяжкой» к реке Альте. Русское войско ударило по печенегам на рассвете, но быстрой победы не получилось. Сражение продолжалось до глубокой ночи, после чего противник бежал. Именно Ярославу Мудрому было суждено нанести последнее решительное поражение печенегам, в 1036 году отразив их удар по Киеву.

После этой кровопролитной битвы печенеги так и не смогли оправиться. Их орды разделились на 3 части, судьба которых сложилась по-разному.

Часть печенегов осталась на местах своих кочевий. Позже они вынуждены были покориться пришедшим в причерноморские степи половцам.

Другие откочевали к границам Руси. Позже вместе с частью торков и берендеями они стали верой и правдой служить киевским князьям, получив общее название «черные клобуки» или «свои поганые».

Наконец, третья часть печенежского народа, уходя от теснивших их с востока торков, а затем половцев, двинулась к границам Византии. 70 лет досаждала она ромеям, поневоле изучившим особенности ведения войны печенегами. Ряд подробностей интересен и нам, так как многие тактические приемы этих кочевников использовались потомками князя Бече и в войнах с Русью. Нападения на Византию начались еще в 1026 году, но поначалу они были не очень успешными из-за внутренних усобиц среди вождей степняков.

Два печенежских колена князя Кегена признали власть Константина Мономаха и были расселены на территории империи, получив приказ оборонять границу Ромейской державы. Но зимой 1048 года враждовавший с Кегеном князь Тирах перешел Дунай и начал разорять лежащие за этой

рекой провинции империи. Эта орда была разгромлена соединенными силами византийцев и печенегов Кегена. Тирах и еще 140 князей сдались, были крещены, но содержались как почетные пленники. Сложивших оружие печенегов расселили на запустевших во время прежних войн болгарских землях (в основном в окрестностях Средца, Ниша и Евцапела). Так печенеги стали подданными империи, но вскоре восстали. К мятежникам ушли и два колена Кегена, ранее воевавшие с войском Тираха под командованием командиров-ромеев. В конце лета – начале осени 1049 года в сражении с печенегами у крепости Диамполе было разбито адрианопольское ополчение, которым командовал стратиг Адрианопольского дуката Константин Арианит. Снова попытавшись решить дело миром, император направил к мятежникам Тираха и других находившихся в Константинополе князей. Однако, оказавшись на свободе, они сразу же пристали к восстанию и отреклись от христианства. Последовавший за ними князь Кеген был убит.

Против взбунтовавшихся печенегов выступила армия стратопедарха Никифора, но в сражении у Ста Холмов она была разбита врагами. Любопытно описание произошедшей битвы, сохранившее детали боя, характерного для печенежской тактики. Оградив свой лагерь вежами-кибитками, пацинаки отбили два нападения ромеев, осыпая их сверху градом метких стрел. Приведя атакующих в замешательство, они перешли в наступление и в 1050 году разгромили армию Никифора, а затем под Адрианополем – войско Константина Арианита. Сам он попал в плен и был казнен победителями. В 1053 году, в ночном сражении при Великом Преславе, они громят еще одно византийское войско. Им командовал правивший Болгарией синкелл Василий, убитый в бою. После этого поражения император Константин Мономах предпочел заключить с печенегами выгодный для них мир. Он продолжался всего шесть лет. Война возобновилась в 1059 году. Печенеги выступили в союзе с венграми. Но союзники вскоре примирились с византийцами, а кочевники были разбиты войсками императора Исаака Комнина и подчинились ему. Им снова пришлось встать под знамена Империи. В 1071 году печенежское войско в составе ромейской армии сражалось в битве при крепости Манцикерте (19 августа 1071 года). Вместе с византийцами оно было разбито сельджуками. Активно участвовали печенеги в гражданской войне середины 70-х годов XI века (выступая, как правило, на стороне претендентов на престол, набравших войска для походов на Константинополь), выступлении Леки и Добромира, мятеже Травла.

Шанс изменить в свою пользу шедшую на Дунае не очень успешную

борьбу с кочевниками власти империи получили в 1087 году, когда командовавший византийской армией Николай Маврокатакалон смог остановить вторжение объединенных сил печенегов, половцев и венгров-изгнанников короля Шаломона (Соломона). В сражении под Хариополем в марте 1087 года погибли стоявший во главе союзного войска печенежский князь Челгу («мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги»^[40]) и его союзник, бывший венгерский король Шаломон. Но полученный Византией шанс использован не был.

На следующий год император Алексей Комнин предпринял операцию, сулившую быстрый успех. Она в деталях воспроизводила оправдавший себя в 971 году поход против укрепившегося в Болгарии Святослава Игоревича – одновременно с наступлением главных сил через балканские перевалы византийский флот вошел в Дунай, взяв под контроль течение этой реки. Однако овладеть Дерстром (Доростолом, современной Силистрией) греки не смогли, а в решающем сражении с печенежской ордой были разбиты.

В 1090 году печенеги вновь взяли верх над отборными византийскими отрядами, действуя под прикрытием своих прочных кибиток, являвшихся надежным полевым укреплением. Тогда-то в Константинополе и решили использовать в борьбе с печенегами их степных конкурентов – половцев. К ханам Боняку и Тугоркану были направлены императорские посольства. Грамоты с просьбой о помощи получили и на Руси. Вместе с 40-тысячной половецкой ордой пришла и 5-тысячная дружина теребовльского князя Василька Ростиславича.

29 апреля 1091 года произошла решающая битва при Лебурне (в долине реки Герб), в деталях описанная Анной Комниной^[41]. Византийские, половецкие и русские войска атаковали укрепленный вежами печенежский стан. На этот раз отбиться за стеной своих кибиток печенеги не смогли и потерпели сокрушительное поражение. Участь народа, попавшего в руки ожесточенных против них врагов, оказалась страшной – перебиты были не только оказавшие сопротивление, но и почти все пленные, в том числе и женщины и дети. Византийская жестокость поразила даже половцев, но разорительные для империи печенежские вторжения были на долгое время остановлены.

Последний набег печенегов на Ромейскую империю произошел в 1121–1122 годах. На этот раз войну начали пачинаки, входившие до того в состав союзного Руси объединения кочевых племен, известного как «черные клобуки» (берендеи, торки, коуи, печенеги). В Ипатьевской

летописи отмечено, что «В лето 6629 (1021 г.) прогна Владимир [Мономах] Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша»^[42]. Берендеи откочевали в Венгрию, место новых кочевий торков пока не установлено, а печенеги, покинув киевское пограничье, вторглись в пределы Византии. Первоначально они действовали удачно и в первом сражении разгромили армию базилевса Иоанна II Комнина. Победу печенегам принесли их тактические приемы – стремительные конные атаки, обстрелы из луков и действие оглушительного крика, сопровождавшего налеты конницы. К тому же они вновь применили излюбленный способ укрепить свою позицию стеной походных возов. О сложившейся в ходе сражения критической для ромеев ситуации свидетельствует полученное императором ранение – меткая печенежская стрела поразила Иоанна Комнина в ногу.

Лишь во втором сражении войска ромеев смогли взять реванш над «скифами» (пацинаками), да и то лишь благодаря действиям британских сикироносцев, прорвавшихся за линию вагенбурга и захвативших «скифский» лагерь^[43].

Большая часть оставшихся в живых и сдавшихся победителям печенегов была расселена в западных провинциях Империи. В дальнейшем они служили во вспомогательных отрядах византийской армии. Лишь небольшая часть печенегов, уцелевших в битвах и не покорившихся ромеям, вернулась на реку Рось, вновь поступив на дозорную службу к киевским князьям.

История печенежских войн – яркое свидетельство и славы, и катастрофы одного из самых интересных кочевых народов, обитавшего в Причерноморье, в обширной «Пацинакии», как обозначил владения печенегов Константин Порфирогенит. Оригинальная тактика, сочетавшая быстрые стремительные нападения легкоконных орд с наличием подвижных укреплений, быстро составляемых из походных возов, хорошее оружие и умение пользоваться им, превращали печенежских воинов в опасных врагов, каждая победа над которыми становилась ярким триумфом, запечатлеваемым в памяти потомков, воспетым и в отечественной литературе. Яркий пример поэтической реконструкции противоборства русского и печенежского народов можно найти в творчестве А. С. Пушкина, описавшего жестокую брань под Киевом:

...И храбрый сонм богатырей
С дружиной верно князей

Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарёю двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись – и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьётся;
Там конь испуганный несётся;
Там клики битвы, там побег;
Там русский пал, там печенег;

Тот опрокинут булавою;
Тот лёгкой поражён стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конём...
И длился бой до тёмной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За горами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы

Глава 4. Войны Руси с литовскими и чудскими племенами, поляками и венграми

С первых лет существования Русского государства правившим им князьям пришлось не только защищать восточные и южные рубежи своей страны, но и противостоять западным соседям – племенным союзам ятвягов, чуди, еми, вооруженным силам Польского и Венгерского королевств, других государственных и догосударственных образований. Все они пытались решать свои проблемы за счет «империи» Рюриковичей.

Одним из самых упорных врагов Руси, совершавших набеги на ее пределы, было балтоязычное, родственное пруссам племя ятвягов (ятвезь, судовы, йотвинги, дайнова), этнически близкое к литовцам. Ятвяги населяли междуречье Немана и Нарева (Судовия), славились своим упорством и воинственностью. Ополчения ятвягов с пугающей регулярностью беспокоили русское пограничье, вынуждая киевских, полоцких и владими́ро-волы́нских князей предпринимать против них активные наступательные действия. Покорение Ятвягии сулило русским князьям и большие торговые преимущества – владение торговым путем, ведущим на Русь, из Руси – через Туров и Дорогичин – в польско-прусское балтийское Поморье^[44].

Походы русских князей на Ятвягию и Литву

Первое большое наступление на земли ятвягов совершил в 983 году Владимир Святославич. Поход был успешен, о чем мы узнаем по летописному сообщению, в котором говорится, что одержанную победу этот князь, тогда еще закоренелый язычник, решил отметить человеческими жертвоприношениями («творяще требу кумиром»)^[45]. Память в литовском языке о Владимире сохранилась и донныне. По весьма правдоподобному предположению Казимераса Буги, слово «valdymieras» – «властелин, хозяин дома» – происходит от имени этого князя^[46].

Затем, уже во второй четверти XI столетия, огнем и мечом по Принеманью и Литве прошли дружины Ярослава Мудрого. Летописец отметил ответные походы 1038, 1040 и 1044 годов, когда киевский князь мстил ятвягам и литовцам за их набеги на русские земли. Кампания 1038 года совпала по времени с походом чешского князя Бржетислава на Краков

и, возможно, была согласован с ним. Летописи отмечают лишь факт нападения русского войска на Судовию, но В. Н. Татищев, использовавший не дошедшие до наших дней источники, добавляет, что «ходил Ярослав на ятвяги и победил их, но градов их взять не мог, ибо не хотел со стенами биться и людей терять, скота же и имения по селам множество побрав, возвратился». Постройка в ятвяжских землях крепостей связана с ростом влияния местных князей, некоторые из них собрали под свою руку достаточно обширные территории («королевство» Нетимера в устье Немана).

В декабре 1040 года Ярослав Владимирович отправился в новый поход на Литву. Несмотря на победу, одержанную в произошедшем на границе сражении, русское войско вглубь вражеской территории пройти не смогло и вернулось назад. В декабре 1044 года поход повторился. По сведениям того же Татищева, он был более успешным.

В 1102 году с ятвягами воевал Борис Всеславич Полоцкий, в 1112 походом на них ходил владими́ро-во́лынскый князь Ярослав Святополчич. В 1196 году ятвяжские земли разорил Роман Во́лынскый, мстивший им за продолжающиеся набеги на свои владения.

В XIII веке с ятвягами ведется опустошительная борьба галицко-во́лынских и польских (мазовецких) князей (за набеги ятвягов и литовцев на Русь в 1210–1234 годах). Летописцы отмечают отчаянную храбрость ятвяжских вождей (Скомонда и др.). В 40—50-х годах XIII века ятвяги были подчинены Галицко-Во́лынскый Руси и Мазовии (кровопролитная борьба русских князей с ятвягами в 1247, 1251, 1255 годах).

Однако в 1283 году часть территории, принадлежавшей ятвягам, захватил Тевтонский орден. Другие земли вошла в состав Великого княжества Литовского. Часть ятвяжских земель контролировало Галицко-Во́лынское княжество.

Столкновения с чудью

Чудь – сохранившееся в древнерусских летописях название предков эстонцев и родственных им угро-финских племен (заволочская чудь), живших во владениях Новгорода Великого к востоку от Онежского озера, по рекам Онега и Северная Двина, а ранее – и в ростовских, белозерских, муромских местах. В древние времена между славянами и чудинами шли ожесточенные войны, воспоминания о которых отразились в нижегородском фольклоре – «Чудь придёт, народ пожрёт, скарб разграбит».

(Выражение «народ пожрет», вполне возможно, отражает пережитки каннибализма, достаточно долго сохранявшиеся у этого народа). Впрочем, определенных усилий потребовало покорение даже угро-финнов Верхнего Поволжья. Чтобы окончательно закрепиться в этом регионе, славянам пришлось заложить здесь свои укрепленные поселения, позднее вошедшие в список древнейших городов, – Ростов, Белоозеро, Муром.

К временам составления Повести временных лет верхневолжская чудь уже тесно сосуществовала со славянами. Олег в 882 году брал чудинов в свои походы, а Владимир Мономах, укрепляя восточную границу Руси городами, переселял туда новгородских славян, а с ними – и чудь.

Ярослав (Георгий) Мудрый в 1030 году совершил поход в прибалтийские чудские земли и, победив племена, жившие на реке Эмайыге (Амовже), основал город Юрьев «во свое имя» (в 1224 году захватившие город меченосцы дали городу новое название – Дерпт (Дорпат), современный Тарту).

После смерти Ярослава пограничные стычки возобновляются. В этот период новгородские войска совершают три похода на чудское порубежье. В 1055 году четвертый посадник Остромир (Иосиф) взял один из чудских городов Осек-Декипив (Солнечная рука). В 1060 году Изяслав Ярославич совершил поход и подчинил себе чудское племя ссолы, возложив на них дань в 2000 гривен. Но по весне ссолы изгнали присланных сборщиков дани и сами произвели набег на Юрьев, разорив его окрестности. Отдельные чудские отряды вступили в Псковскую землю – до «Плескова доидоша воюющее». В ответ псковичи и новгородцы совершили набег на земли чуди, но он стоил им больших потерь – более 1000 человек, а ссолов «бецисла».

В 1105 и 1113–1116 годах старший сын Владимира Мономаха, новгородский князь Мстислав, осуществил на чудь успешные походы. В 1113 году он разбил чудинов на Бору в современной Эстонии, а 9 марта 1116 года (в день 40 святых или день сорока Севастийских мучеников) его войска взяли Медвежьё Голову (город Оденпе)^[47].

В 1118 году чудь, русские и карелы подошли к Стокгольму, убили епископа Упсальского, взяли 14 июня древний шведский торговый город Сигтуну, вместе со многими драгоценностями похитили серебряные церковные ворота, которыми украсилась новгородская Софийская церковь.

Сыновья киевского князя Мстислава Великого Всеволод, Изяслав и Ростислав ходили в походы на чудь в 1130 году («Иде Всеволод с новгородци на Чюдь зиме, в говение, и самых исече, а хоромы пожже, а жены и дети приведе домовь»), но при походе 1131 года сами лишились

многих воинов, потерпев поражение от чудинов у Клина – близ Чудского озера, как записал летописец: «и створися пакость велика: много добрых мужей избиша в Клине новгородец, месяца генваря в 23, в субботу»^[48]. Всеволод Мстиславич осуществил новый зимний поход на чудь в 1133 году и овладел Юрьевом (в 9 день февраля, на память Святого Никифора).

На Руси чудинов считали данниками, но старейшины этого народа часто отказывались платить дань и оказывали русским постоянное сопротивление. Иногда чудины и сами нападали на русские селения и города. Новгородский князь Мстислав Храбрый в 1176 году отомстил чуди за нападения на Псков. Псковичи после грабежа чудским отрядом окрестностей Псковского озера (поморская чудь высадилась на семи судах вблизи устья р. Великой перед нападением) разбили ее отряды в 1190 году. По принятому обычаю, за нарушение мира новгородцы совершали карательные экспедиции. Так и в этот раз, зимой 1191 года, Ярослав Владимирович с новгородцами и псковичами пошел походом на чудь, взял Юрьев, разорил селения чудинов и вернулся в Новгород «полона бещисла приведоша». На следующий год, оставаясь в Пскове, Ярослав отправил на войну свой двор и псковскую рать. Поход оказался удачным. Ярославовы дворяне взяли крепость Медвежью голову, сожгли ее и благополучно вернулись назад.

В 1212 году правивший в Новгороде торопецкий князь Мстислав Удатной (Удалой) ходил на чудь, «рекомую Торму» (чудское племя торма обитало к северу от Юрьева), «и многа плениша их. По том же князь Мстислав на зиму ходи с новгородцы к чюдскому городу к Медвежьей голове, и села их попустошиша, и подступиша под город; и поклонишася Чюдь князю; и дань на них взят»^[49]. В 1214 году новгородцы под началом Мстислава, псковичи Всеволода и торопчане Давыда воевали чудское племя Ереву, жившую у моря, «села их потравиша и дань на них взяша»^[50].

В дальнейшем жившие на южном побережье Финского залива чудские племена были покорены немецкими и датскими рыцарями и их ополчения действовали в составе их армий в качестве вспомогательных войск. В 1242 году Александр Невский в знаменитой битве на Чудском озере (5 апреля) нанес сокрушительное поражение ливонцам и чуди за опустошение ими новгородской земли.

Походы на емь

На Руси емью или ямью, гамчанами (все эти обозначения восходят,

видимо, к самоназванию – «hame») называлось прибалтийско-финское племя, с середины первого тысячелетия нашей эры жившее во внутренней части современной Финляндии, в районе группы крупных озер^[51].

О народе емь сообщается в так называемом историко-географическом введении «Повести временных лет»^[52]. Этот народ упоминается в числе данников Руси. Первые достоверные столкновения новгородцев с ним произошли в 1040 и 1042 годах, когда старший сын великого князя Ярослава I, двадцатилетний Владимир, «ходил на ямь» (Владимир Ярославич родился в 1020 году). Во время второго похода летописцем отмечен небывалый падеж коней у русских воинов. Как полагает В. Т. Пашуто, «к этому времени можно с известным основанием отнести подчинение южной Финляндии...»^[53].

Продолжая политику отца, сын Владимира Ярослав Мудрый также ходил походами на емь, беря с этого народа дань. Новгородцы спокойно получали ее до начала XII столетия.

С XII века земли еми становятся яблоком раздора между новгородцами и шведами, небезуспешно пытавшимися закрепиться на восточном берегу Ботнического залива. Впрочем, активизировавшиеся свеи не только усиливают давление на финнов, но производят опустошительные нападения на новгородское порубежье, в том числе и на подвластных Великому Новгороду ладожан (1142 и 1149).

Видимо, этот натиск побуждает финнов сделать попытку освободиться от русского данничества. Столкновения с емью отмечены в летописях под 1188, 1191, 1192, 1193 годами. В 1191 году «ходиша новгородьци съ Корелюю на Емь, и воеваша землю ихъ и пожьгоша и скоть исекоша».

Зимой 1226/1227 года Ярослав Всеволодич «ходи из Новагорода за море на Емь и всю землю ту плени». Одержавшие победу войска вернулись в Новгород с добычей и большим полоним. Причем летописец подчеркнул, что пленных было столько, что часть их «изсекоша, других же поотпускаша в свояси»^[54].

В 1228 году произошло ответное финское нападение. 2000 воинов в лодках вошли в воды Ладожского озера и, обойдя каменную крепость Старой Ладogi, подошли к Олонцу и стали «воевать волость и полонить население». Весть о том на Спасов день достигла Новгорода. Горожане сели в насады и во главе с Ярославом Всеволодовичем пошли водами Волхова к Ладоге. Воевода Старой Ладogi Володислав с ладожанами, не дожидаясь новгородцев, двинулся в погоню за гамчанами. У Олонца его ратники настигли врагов и сразились с ними. В ночь ладожане отступили в

«островлец». «Емь» стояла на берегу Ладоги с полоном и воевала на «Исадехь и Олоньсе». Кончилось тем, что гамчане побросали свои лодки и кинулись в лес. Лодки преследователями были сожжены, а из бежавших в леса врагов многие погибли.

Новгородцы в насадах несколько дней простояли в Неве, видимо, ожидая отступавшую «емь». Но, так как те разбежались по лесу, новгородцы никого не дождались, собрали вече и едва не убили некоего Судимира. Спасло несчастного то, что Ярослав Всеволодич укрыл его в своей ладье. Видно, Судимир дал новгородцам неверный совет.

В середине XIII века емь была окончательно покорена шведским войском ярла Биргера, а их страна получила название Тавастланд (шведское название еми – тавасты). Для удержания завоеванной территории под своим контролем Биргер основал в земле еми на берегу озера Ванаявеси сильную крепость – замок Тавастехуст (Тавастгус, финн. Хямеэнлинна). Однако и после покорения гамчан шведами русско-финские отношения оставались напряженными. Финны участвовали в неудачной попытке Дитриха фон Кивеля закрепиться на территории Водской пятины (1256). Ответный удар пришелся по Тавастланду. Александр Невский со своими полками перешел замерзший Финский залив и вступил в землю еми. К новгородцам присоединились и многие финны, восставшие против шведской власти. Поход проходил в тяжелых условиях, многие русские воины погибли, тем не менее, врагам был нанесен чувствительный удар, от которого они долго не могли оправиться. Впрочем, стычки на рубеже продолжались и впоследствии. В составе шведских войск, как правило, действовали и финские воины. На новгородское пограничье они обрушивались в 1283, 1284, 1292 годах. После последнего нападения уже «молодцы новгородские» воевали емь. Поход был совершен по приказу сына Александра Невского, князя Дмитрия Александровича Переяславского, правившего в то время в Новгороде. Застав шведов врасплох, его воеводы огнем и мечом прошли по шведским владениям в Тавастланде.

В 1293 году маршал и регент Швеции Торгильс (Торкель) Кнутсон на месте старого карельского острожка-убежища основал крепость Выборг, ставшую оплотом владычества шведов на Карельском перешейке. Помешать строительству или овладеть возведенным замком не удалось. В дальнейшем, опираясь на Выборг, шведы взяли под контроль три западнокарельских погоста: Яскис, Эврепя и Саволак. В 1295 году направленный из Выборгского замка шведский отряд захватил город

Корелу. Однако на этот раз новгородцам удалось разбить врага и освободить Корелу.

Вскоре после этого к Ландскроне подошло русское войско. Однако шведам удалось отразить штурм и принудить новгородцев к отступлению. Осенью 1300 года по окончании строительства Ландскроны Торгильс Кнутссон с основным войском отплыл обратно в Швецию, оставив в крепости сильный гарнизон. А весной следующего года снова пришли новгородцы, взяли штурмом шведскую крепость и уничтожили созданные врагом укрепления.

После провала невского похода Торгильса Кнутсона военные действия продолжались ещё свыше 20 лет. Русские стремились изгнать врагов из западных погостов Корельской земли, шведы – подчинить своей власти карельское Приладожье. При этом стороны нередко совершали глубокие набеги.

В 1311 году новгородцы под начальством князя Дмитрия Романовича Смоленского осуществили поход на емь в земли, бывшие в это время уже более полувека шведскими владениями. «И переехавши море первое взяша Купецку реку (Южная Финляндия – В. В.) и села пожгоша и полон поимаша», затем разорили земли по Черной реке и взяли город Ванай близ Тавастгуса. Засевшие в цитадели шведы предлагали заключить мир, но новгородцы «миру им не Даша», осаждали внутренний город 3 дня и 3 ночи, разорив окрестные места. Сняв осаду на обратном пути они «взяша реку Кавгалу и Перну реку и выидошу на море и приидоша в Новгород все по здорову»^[55].

Позже емь вместе с сумью и западными карельскими племенами образовала финскую народность.

Войны с венграми

Вооруженные конфликты происходили у русских князей и с венграми (мадьяры, угры белые и черные). Первоначально этот кочевой народ финно-угорского происхождения обитал в степях Северного Причерноморья (в VIII–IX веках). После длительной войны с печенегами венгры отступили из приазовских степей в Среднее Подунавье. По пути они захватили крепость Гунг (Ужгород), убив местного ужгородского князя Лаборца, затем разгромили находившуюся там крупнейшую славянскую державу, Великую Моравию, и осели на ее землях – территории современного Венгерского государства. Позже это деяние венгры станут

называть «Периодом обретения родины»

В начальной истории Руси венгры, бывшие данники хазар, особой роли не сыграли. Лишь один раз упоминает их автор Повести временных лет: «В лето 6406 (894). Шли Угры мимо Киева горою, которая называется теперь Угорской, и пришли к Днепру, и стали вежами: они кочевали так же как теперь половцы. И придя с востока, устремились через высокие горы, которые прозвались Угорскими (Карпатские горы – В. В.), и начали воевать с жившими там волохами (готами – В. В.) и славянами. Ибо тут прежде сидели славяне, а затем славянскую землю взяли волохи. После же Угры прогнали волохов, и посеклись б со славянами, покорив их». Уже сам факт осторожного обхода Киева «горою» свидетельствует об относительной слабости венгров, потерпевших поражение от заволжских печенегов и изгнанных с их пастбищ. Сведения древней венгерской хроники, сообщившей, что киевский князь (Олег —?) потерпел поражение от угорской орды дьюлы (воеводы) Альмоша, уходившей из Причерноморских степей на запад, очевидно, легендарны. Утверждение же о том, что Альмош, якобы, не только осадил Киев, но и «подчинил себе землю руссов» и даже брал с них ежегодную дань в 10 тысяч серебряных марок, не подтверждаются другими источниками.

Венгерский вождь Курсан начал завоевание Великой Моравии. После его гибели (904 год) военные действия на Дунае продолжил соправитель Курсана, Арпад, сын Алмоша, прославившийся покорением Блатенского княжества (901 год), расположенного на озере Балатон. Всего на завоеванной территории поселились 7 племен, объединявшие 108 кланов. Племенным вождям – «игам» – подчинялись главы кланов («фо») и богачи («босег»), военная аристократия, командовавшая во время походов рядовыми конными лучниками «иобагионами».

Укрепившись на Дунае, венгры начинают совершать набеги на соседние страны, которые называли «kalandozások», то есть «странствия». В ходе этих военных «странствий» уничтожению и грабежу подвергались немецкие, итальянские, болгарские и византийские земли. Самые отважные предводители мадьяр доходили со своими отрядами до Кастилии в Испании, Бургундии и Апулии. Видимо, тогда и была составлена молитва «Ab Ungerorum nos defendas jaculis» («От стрел венгерских спаси нас, Боже»).

Единственной страной-соседкой Венгрии, на которую не совершались нападения, была Русь. Данный факт позволил В. Т. Пашуто предположить существование некоего русско-венгерского «дружественного соглашения», направленного против Византии^[56]. Отчасти это подтверждается участием

венгров в балканских походах Святослава Игоревича. Но стало ли это временным совпадением интересов правителей Руси и Венгрии или развитием прежних добрососедских отношений, неизвестно. На заключительном этапе войны Святослава с Цимисхием венгров в его войске уже не было.

Первый достоверный союзный договор между Русью и Венгрией был заключен ок. 1000 года, во время правления Владимира Святославича (Русь) и Иштвана I (Венгрия). Тогда же, по-видимому, двоюродный брат короля герцог Ласло (Владислав) Лысый женился на киевской княжне Премиславе Владимировне.

В более позднее время венгры продолжали поддерживать союзнические отношения с русскими князьями. Договоры также скрепляли брачными союзами. За венгерского королевича Андрея (Андраша) Ярослав Мудрый выдал замуж свою среднюю дочь Анастасию и помог ему стать королем (1046 год). Король Геза II был женат на Евфросинии, сестре киевского князя Изяслава Мстиславича. Союзничая с одними русскими князьями, венгерские короли стали действовать против других – их противников.

В период, обозначаемый сейчас политической раздробленностью, с венграми воевало в основном Галицко-Волынское княжество. Вооруженные конфликты с мадьярами происходили и до объединения при Романе Мстиславиче входивших в него земель. Первыми столкнулись с закарпатскими соседями Ростиславичи – Рюрик, Володарь и Василько, в борьбе за княжение овладевшие тремя западнорусскими городами: Перемышлем, Звенигородом и Теробовлем. Враждовавший с Ростиславичами Святополк Изяславич отправил сына Ярослава к венгерскому королю Коломану I (Кальману) Книжнику. Тот согласился помочь киевскому князю, видимо, надеясь получить от него карпатские города. Княживший в Перемышле Володарь укрепился в своем городе. Венгерский король вторгся в Галицию и осадил Перемышль. Тогда союзник Володаря, волынский князь Давыд Игоревич, пришел к нему на помощь со своей дружиной и небольшим войском половецкого хана Боняка.

Сражение произошло в 1099 году на реке Вягре (соврем. Вигор), впадающей в реку Сан у Перемышля. Венгерское королевское войско, численно превосходившее противника, построилось для битвы в узкой горной долине. Боняк, стан которого находился на правом берегу реки, перед сражением переправился на левый берег и, готовясь к схватке, разделил свое небольшое войско на три полка (один русский и два половецких). Легенда гласит, что ночью Боняк отъехал от своего лагеря и

начал выть по-волчьи. На вой откликнулось множество волков, завывших в свою очередь. Тогда Боняк вернулся в лагерь и сообщил Давыду, что завтра они одержат победу.

Дружина Давыда из ста человек оставалась стоять на поле боя, в то время как полсотни половецких всадников под предводительством хана Алтунопы были посланы Боняком вперед, чтобы затем ложным отступлением заманить венгров в ловушку. Обстреляв венгров, половцы Алтунопы повернули назад, увлекая противника за собой, к тому месту, где находились основные силы Давыда и половцев. Когда венгры, «мьяху Боняка бежаща», подошли к месту засады, Боняк неожиданно ударил им в тыл и обратил застигнутого врасплох противника в бегство. Затем воины Алтунопы и Боняка «и сбиша угры, акы в мячь, яко се соколь сбивает галице». Часть венгров окружили на краю скалистого обрыва, где они, окруженные, не могли биться из-за тесноты и были сброшены в пропасть. Ещё больше венгров погибло при преследовании, много их утонуло и в Вягре, и в Сане. В числе павших оказался и Купан (Куман) – один из двух сопровождавших короля епископов. Благодаря этой победе Ростиславичи смогли удержаться в Галичской земле, а венгры не смогли захватить западные области Руси^[57].

Младший сын Володаря Ростиславича, Владимирко, стал княжить в Звенигороде. При помощи тестя – венгерского короля Коломана I, он боролся против своего брата Ростислава Перемышльского, но только после кончины того, в 1128 году, стал править этим городом. Затем Владимирко присоединил к собственным владениям Теробовль и Галич, избрав последний своей столицей. В 1121 году венгерский король Иштван II вмешался в междоусобицу русских князей, поддержав Ярослава Святополчича в его войне с Владимиром Мономахом. Однако в 1123 году князь Ярослав Святополчич погиб при осаде Владимира Волынского. Иштван II попытался довести осаду до конца и взять крепость, но его войско взбунтовалось и потребовало возвращения в Венгрию, пригрозив в случае отказа низложить короля.

Правившему в середине XII века в Галиче внуку Володаря Перемышльского, Ярославу Осмомыслу, удавалось сдерживать венгерскую агрессию. Но после его смерти произошел «великий заговор в Галицкой земле» – бояре не приняли внебрачного любимого сына Ярослава, Олега Настасьича, получившего престол помимо законного сына Владимира, унаследовавшего от умершего отца Перемышль. Приглашенный боярами, он вступил в Галич, а Олегу пришлось бежать в Овруч, а затем в Краков. Князь-принцепс Польши Казимир II принял решение помочь Настасьичу.

Польские войска разгромили дружины Владимира Ярославича и его союзника, белзского князя Всеволода Мстиславича. С поляками в Галич возвращается Олег Настасьич, а Владимир бежит к венграм. Однако его соперник вскоре был отравлен боярами (князем стал Роман Мстиславич вольтинский), и тогда-то границу переходят венгерские войска, занявшие территорию русского княжества. Добившись успеха, венгерский король Бела III, сын русской княжны Ефросиньи Мстиславны, вспомнил о своих правах на Русскую землю и, пленив Владимира, объявил правителем Галича своего сына Андраша. Пленному русскому князю удалось бежать. Он обратился за помощью к императору Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе и Казимиру II, которые согласились вернуть Владимира на престол при условии ежегодной выплаты им 2000 гривен. В 1189 году венграм пришлось очистить Галицкую землю, Владимир Ярославич стал править здесь^[58]. Только после его смерти этот удел отошел Роману Мстиславичу.

Вновь венгры заняли Галич в период междоусобиц, вспыхнувших после гибели Романа в битве с поляками при Завихосте в 1205 году. Его вдова, оставшаяся с малолетними сыновьями Данилой и Васильком, конфликтующая с боярами, согласилась ввести в город венгерский гарнизон. Вскоре и венграм, и княгине с княжичами пришлось покинуть Галич, править в котором стали Владимир и Роман Игоревичи. Не поладившие с боярами, они в 1211 году были казнены. В 1214 году венгерский король Андраш II оккупировал Галицкую землю. Как когда-то его отец, он посадил в Галиче своего сына Коломана. Торопецкий, а затем новгородский, князь Мстислав Мстиславич Удалой, прогнав венгров из Галича, сам сел в нем княжить (1218). Однако война с ними на этом не закончилась. В 1220–1221 годах Мстиславу пришлось снова силой добывать Галич у венгров и поляков с помощью Данилы Романовича. Заключив с Андрашем II мир, он выдал свою дочь Марию замуж за его сына Андраша Венгерского (королевича Андрея Андреевича), пожаловав ему Перемышль, а затем и Галич. Бояре поддерживали Андраша, остальной галицкий люд – правившего во Владимире-Вольтинском Данилу Романовича. В 1229 году Данила был призван ими на княжение, осадил и взял Галич. Королевич Андрея попал в плен, но вскоре был отпущен к отцу. Попытка нанести ответный удар провалилась из-за вспыхнувшей в венгерском войске эпидемии. Только в 1231 году, воспользовавшись разрывом между Данилой с Александром Белзским, Андраш, при содействии и бояр, сумел овладеть Галичем, но вскоре умер, и Данила вернул город под свою руку. Вольтинское княжение в 1238 году он передал брату Васильку. Однако войны

с венграми продолжались, пока 17 августа 1245 году в битве под городом Ярославом (на реке Сан в Галицкой земле) русские войска во главе с Даниилом Романовичем разгромили венгерские и польские полки, а также дружины его племянника Ростислава Михайловича (женатого на венгерской королевишне Анне) и отряды мятежных галицких бояр.

Номинальным командующим неприятельской армией был Ростислав, но фактически войска подчинялись венгерскому воеводе Фильнею и польскому военачальнику Флориану. Им противостояли дружины самого Данилы Романовича, его сына Льва и брата Василька Волынского, а также отряды союзных половцев. В союзе с галицко-волынскими князьями были Конрад Мазовецкий и литовский князь Миндовг, но их войска к сражению не успели.

Летом 1245 года Ростислав с помощью своих венгерских и польских союзников осадил город Ярослав. Данила, не дожидаясь мазовчан и литовцев, повел собранное им войско навстречу врагу. В авангарде армии Романовичей двигались половецкие отряды. Узнав о приближении войск Данилы, Ростислав оставил часть сил у города для противодействия возможной вылазке осажденных и для охраны осадных орудий, а остальные силы спешно двинул через овраг. Таким образом, за спиной войск Ростислава оказался овраг, за ратями Даниила – река.

Каждая из сторон имела три полка, причем главные силы Ростислава были эшелонированы в два полка в глубину (во главе с Ростиславом и Фильнием), а галицко-волынские силы развернулись в обычный полчный ряд. Основной удар Ростислав хотел направить на полк Даниила, но тот предпочел сохранить основные силы для решающего удара, направив против врага свой двор во главе с Андреем, а затем укрепив его резервом под руководством 20 бояр. Благодаря этому Андрею удалось и дальше связывать силы Ростислава, организованно отступая к реке, хотя дружины троих бояр не выдержали и бросились в бегство.

Тем временем Даниил направил свои основные силы в обход, против полка венгерского воеводы Фильния. Первый удар не принес победы (Даниил был схвачен венграми, но смог вырваться), хотя Лев Данилович сломал свое копье о Фильния. Затем Даниил выехал из сражения, вновь собрал силы и нанёс решающий удар. Он захватил венгерское знамя и разорвал его на две части. Увидев это, Ростислав обратился в бегство. Его войско понесло большие потери убитыми и пленными, поскольку вынуждено было отступить через овраг.

Практически обособленное от основной битвы противостояние второстепенных сил (поляки и волынское войско Василько Романовича) на

фланге закончилось в пользу Василько. Победа под Ярославом завершила почти 40-летнюю борьбу за восстановление единства Галицко-Волынской Руси.

Выше уже отмечалось, что венгерские короли и галицко-волыньские князья были в тесной родственной связи. По этой причине Даниил Галицкий принял участие в борьбе венгерского короля Белы IV с богемским королем Пржемыслом Оттокаром II из-за австрийского наследства.

В 1254 году Даниил Галицкий в союзе с польским королем Болеславом Стыдливым Краковским осуществил поход в землю Опавскую (Чехия); в 1252 и 1260 годах в союзе с венграми воевал с богемским королем Оттокаром.

Войны с польским государством

Поводом скрестить мечи с польскими рыцарями стал спор за обладание так называемыми Червенскими городами. Это были расположенные на левобережье Западного Буга, по верхнему течению этой реки и ее притокам Хучве и Луге, Червен, Волынь, Холм, Броды, Сутейск, Комов, Ярославль, Угровеск, Столпье, Всеволож, Верещин.

Права на них русские князья приобрели после распада Великоморавской державы – по-видимому, князь Володислав, упомянутый в русско-византийском договоре 944 года, чьим послом был Улебом, правил землей лодзян, населявших тогда Сандомирскую и Червенскую земли. Интерес к этому региону вполне понятен – он находился на важном торговом пути, ведущем из Руси на Краков и Прагу и дальше, в Центральную Европу.

При Мешко I, крестителе и собирателе польских земель, Сандомирская и Червенская земли вошли в состав его государства. По-видимому, произошло это в период усобиц, возникших на Руси после гибели Святослава Игоревича.

Вновь вернуть Червенские грады Киевской державе решил Владимир Святославич. Летописец датирует его западный поход 6489 (981) годом, добавляя «Иде Владимир к ляхам и занял города их Перемышль, Червен и иные грады, которые и до сего дня находятся под Русью»^[59]. А. Ю. Карпов отнес начавшуюся Червенскую войну к 979 году, соединяя два военных предприятия – походы Владимира и германского императора Оттона II, двинувшегося на поляков осенью 979 года. Исходя из предположения о

согласованности этих предприятий, автор склонен видеть в киевском князе и императоре союзников^[60]. Но сведений об антипольском союзе русского князя и германского государя нет. По датировке ПВЛ в 979 году еще продолжалась война Владимира с Ярополком, закончившаяся в 980 году.

В 992 году Владимир вновь совершил поход на запад («иде на хорваты»). По предположению В. Т. Пашуто, он «стремился, используя польско-чешские противоречия, укрепить свое господство в Перемышльской земле и влияние в Подунавье»^[61]. Ситуация была стабилизирована. Это зафиксировал и русско-польский договор 996 года.

Вновь русско-польские отношения обострились к 1013 году, когда был арестован сын киевского князя Владимира Святополк, женатый на дочери польского князя Болеслава I Храброго (королем он стал только в 1025 году). Вероятно, княжич готовил мятеж и захват власти. Князь Болеслав принял решение поддержать своего зятя. Чтобы обезопасить границы своего государства, в мае 1013 года ему пришлось заключить мир с императором Генрихом II в Мерзебурге. Развязав себе руки на западе, летом этого года польский князь двинул свои войска на Русь. В составе его армии выступили союзные немецкие рыцарские отряды. Присоединились к Болеславу и печенеги. Опустошив пограничные земли, Болеслав не смог отвоевать Червенских городов. Его требование освободить дочь и зятя также осталось невыполненным. В это время в войске польского князя вспыхнул печенежский бунт. Тогда, приказав перебить своих союзников, Болеслав ушел восвояси.

В 1015–1018 годах Польша воевала с Германской империей. Этим решил воспользоваться одолевший Святополка Ярослав Мудрый. Он заключил союз с германским императором Генрихом II и в августе-сентябре 1017 года начал войну с Болеславом. Войска Ярослава обрушились на Берестье (Брест). Но в это время Болеслав прорвался за Эльбу и сжег Мейсен. Ему удалось продиктовать императору выгодные условия мира, женившись четвертым браком на Оде, дочери Эккехарда Мейсенского.

Развязав себе руки, Болеслав I принял решение вернуть своего союзника Святополка на киевский стол. Его армия перешла русскую границу в июле 1018 года. Под знаменами князя находились не только польские войска, но и 300 саксонских рыцарей, 500 венгров, 1000 печенегов и небольшая дружина Святополка. 22 июля на реке Буг произошло сражение, закончившееся разгромом полков Ярослава. Он бежал в Новгород, а Болеслав и Святополк 14 августа 1018 года овладели Киевом. Пограничные с Польшей Червенские города тогда же отошли к

Польше.

Часть своего войска Болеслав отпустил назад, другую разослал по ближайшим русским городам на прокорм. Но русские при каждом удобном случае стали убивать поляков; летописец сообщает, что происходило это якобы по тайному приказу Святополка, стремившегося избавиться от попечения тестя, ведшего себя на Руси, как в завоеванной стране. Происходящее заставило Болеслава уйти из Киева. С собой он увез казну Ярослава, увел его пленных бояр и двух сестер.

Между тем Ярослав, явившись в Новгород без войска, хотел бежать за море; но граждане вместе с посадником Константином, сыном Добрыни, рассекли княжеские лодки, приготовленные для бегства, и объявили: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком».

Тем не менее, Червенские города остались за Польшей и были вновь присоединены к Киевскому государству только в 1031 году. Объединив свои дружины, Ярослав и его брат Мстислав Чекрниговский отвоевали их у поляков. Победе способствовала начавшаяся в Польше усобица – король Мешко II Ламберт изгнал братьев Бесприма и Оттона, нашедших убежище у киевского князя. Бесприм, поддержанный Ярославом Владимировичем, несомненно, имел сторонников в своей стране, и русские не могли не воспользоваться этим обстоятельством. Мешко II бежал в Чехию, а Бесприм захватил польский трон. Через год Мешко смог вернуть его, но, теснимый врагами, вынужден был отказаться от королевского титула, довольствуясь княжеским званием. О возвращении Червенских городов бывший король в этой ситуации не мог и помыслить^[62]. Взятые во время похода многочисленные пленные были расселены на реке Рось.

В 1039 году власть в Польше, терзаемой смутами и мятежами, захватил Казимир I Восстановитель. Стремясь заручиться помощью Руси, он женится на сестре киевского князя Добронеге (Марии) Владимировне. Именно тогда были возвращены на родину 800 знатных пленных, уведенных Болеславом I Храбрым в 1018 году. Ярослав принимает решение поддержать нового родственника, стремившегося вернуть под свою власть потерянную Мазовию. Власть в этой стране захватил князь Моислав (возможно, сын Бесприма). Он стал представлять значительную угрозу и для Польши, и для Русского государства. Моислав заключил союз с ятвягами и пруссами, собирал войска и зазывал к себе знатных людей из Польши и Поморья. Уже в 1041 году киевские полки совершают первый большой поход на Мазовию. Вел их сам князь Ярослав. Его войско шло на ладьях по рекам и озерам Мазовецкой земли, опустошая ее огнем и мечом.

Военные действия в Мазовии продолжались и в последующие годы. Второй поход против Моислава состоялся в 1043 году (ему предшествовала некая «обида», нанесенная Казимиру мазовецким Моиславом), третий – в 1047 году. Только тогда Ярослав победил мазовчан «и князя их убил Моислава, и покори́л их Казимиру, зятю своему ляцкому»^[63]. К Киевскому княжеству отошли земли западнее Берестья. Русская помощь значительно облегчила Казимиру борьбу за присоединение Поморья (после 1047 года) и Силезии (ок. 1050 года)^[64].

В войнах с поляками довелось участвовать и Владимиру Мономаху. В 1072 году, направленный дядей Изяславом Ярославичем на княжение во Владимир-Волынский, он совершил поход на Червенскую землю, в бою под Перемышлем разбил польское войско и овладел городом.

Конфликты с Польшей происходили и после распада Русского государства в 1132 году. В них активно участвовали волынские и галицкие князья.

Глава 5. Русско-половецкие войны

«Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство...»

Евстафий Солунский о половцах

В XII веке «Половецкое поле» занимало огромное пространство. На западе половцкие (к ипчакские) кочевья доходили до Ингульца, а основная масса кочевников была сосредоточена на левом берегу Днепра и по берегам Сиваша. На востоке кочевья доходили до Волги, но большинство находилось на Донце и его притоках. Северная граница почти вплотную подходила к границе Руси, а южная шла по берегу Азовского моря.

Русско-половецкие войны можно разделить на три этапа. Первый охватывает вторую половину XI века, второй связан с деятельностью князя Владимира Мономаха, третий приходится на вторую половину XII – начало XIII столетия, то есть период политической раздробленности.

Половцы были умелыми, опытными и выносливыми воинами. Их войско состояло в основном из легкой конницы, боевые порядки включали отдельные авангардные отряды, позади которых обычно находился сильный резерв. Ядро походного войска составляли тяжеловооруженные ханские дружины. В источниках есть упоминание об использовании половцами тяжелых самострелов и т. н. «жидкого огня» (возможно, огнес-меси, аналога греческого огня).

Вот как описывал действия этих степняков византийский историк и писатель Евстафий Солунский: «...в один миг половец близко, и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня ногами и бичем и вихрем несется далее, как-бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз».

От быстрых, стремительных нападений половцев было трудно уберечься. Земледельцу невозможно все время отсиживаться за стенами крепких русских городов. Стоило же человеку хоть ненадолго выйти за укрепленную черту – и в любой миг петля половецкого аркана могла пасть ему на шею.

Лишь осознание своего полного бессилия перед множеством степных

шаек, «загоном» – настоящей охотничьей облавой – обшаривающих и разоряющих русское пограничье, могло побудить наших князей разработать особую тактику действий, направленную не на предотвращение этих вторжений, но на преследование и перехват уходящих с полоном и награбленным добром в степь половецких отрядов. Только так можно было спасти угоняемых в плен и рабство пленников, настичь и покарать отягощенных добычей степняков.

* * *

Первое большое нашествие кипчаков обрушилось на Русскую землю в 1068 году. Навстречу половцам выступили дружины трех братьев Ярославичей – Изяслава, князя киевского, Святослава, князя черниговского и Всеволода, князя переяславского. В ночном сражении на реке Альте половцы одолели русские полки и обратили их в бегство. Опрокинув полки Ярославичей, половецкая орда разделилась на отдельные отряды, принявшиеся опустошать приграничные земли. Один из таких отрядов под предводительством самого Шарукана 1 ноября 1068 года был уничтожен князем Святославом на р. Снови, после чего противник ушел в степи. В этом сражении у Святослава было 3 тыс. воинов, у Шарукана – 12 тысяч. Несмотря на четырехкратное превосходство в силах, враг был разбит. В Новгородской I летописи содержится упоминание о пленении русскими воинами самого хана Шарукана.

Через три года в летописи сообщается о разорении половцами окрестностей двух пограничных крепостей на правом берегу Днепра – Ростовца и Неятина в бассейне реки Роси.

Постепенно отряды половцев начинают использоваться в междоусобной борьбе русских князей. Первый известный нам случай произошел в 1076 году – во время похода Всеволода Ярославича на Полоцк его сын, Владимир Мономах, вместе с половцами опустошил Всеславову волость до Одрьска. В 1078 году отряды степняков воюют уже против севшего на княжение в Чернигове Всеволода Ярославича. Их привели пришедшие из Тмутаракани князья Борис Вячеславич и Олег Святославич. 25 августа на реке Сожице (Оржице) они разбили войска Всеволода и заняли Чернигов. Старший брат Всеволода, Изяслав Киевский, пришел ему на помощь. 3 октября произошла битва на Нежатиной Ниве, недалеко от Чернигова. В сражении погибли Изяслав Ярославич и его соперник Борис, однако киевляне победили. На киевский стол сел Всеволод Ярославич, а

Чернигов достался его сыну Владимиру Мономаху.

Зимой того же года половцы разорили окрестности Стародуба. Выступив против них, Мономах настиг и разгромил курени Асадука и Саука на реке Десне. Был освобожден захваченный половцами полон. Весной следующего 1079 года произошло истребление орды хана Белкатгина под Новгородом-Северским. С другими половецкими ханами Всеволоду Киевскому удалось договориться. Они разорвали союз с тмутараканским князем Романом Святославичем, который вскоре был убит восставшими хазарами. Его брат Олег Святославич был пленен и выслан в Византию.

В 1083 году половцы разорили город Горошин, находившийся на левом берегу реки Сула. Крепость была поставлена на том месте, где переправлялись их отряды, шедшие разорять переяславские земли. Разоривших Горошин врагов преследовал до реки Хорол Владимир Мономах.

В том же году Олегу Святославичу удалось с помощью византийского флота овладеть Тмутараканью. Державшим этот город князьям Володарю Ростиславичу и Давиду Игоревичу пришлось бежать на Русь.

Драматические события, описанные самим Владимиром Мономахом в его «Поучении» развернулись в 1084 году. Когда 8 тысяч половцев воевали у Прилука, полки Владимира и Ростислава Всеволодичей выступили против них. Внезапно русские войска были атакованы половцами, но сразиться с ними не могли, так как «оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца^[65] одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: избили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Асеня и Сакая, и только два мужа утекли».

Успешные действия русских вынудили половцев на достаточно долгое время прекратить нападения. Возобновились они только в 1092 году, когда тяжело заболел Всеволод. Ханам Боняку и Тугоркану удалось захватить и сжечь три пограничных города: Песочен, Переволоку и Прилук, а также разорить множество сел по обеим сторонам Днепра.

Самым масштабным сражением этой эпохи стала битва на Стугне (1093). Коалицию князей возглавил новый великий князь Святополк II, незадолго до описываемых событий занявший киевский стол (после кончины Всеволода Ярославича). Тугоркан осадил город Торческ, и на помощь гарнизону этой крепости двинулись киевские, черниговские и

перяяславские полки Святополка Изяславича, Владимира и Ростислава Всеволодичей.

Сражение произошло 26 мая 1093 года на р. Стугне, правом притоке Днепра, у города Треполя. Решение дать бой неприятелю, принятое Святополком Изяславичем, было ошибочным – не потому, что половецкое войско в три раза превышало численность русских дружин, а потому, что атаковать врага князь решили через неразведанные броды, не приняв во внимание, что вода в Стугне стояла высоко от весенних разливов. Половцы внезапно обрушились на киевское войско, когда черниговский и перяяславский полки только переходили через реку. В произошедшем кровопролитном сражении русское войско было разбито, а князь Ростислав Всеволодич, родной брат Владимира Мономаха, утонул во время обратной переправы отступающих дружин через Стугну. Погибло и множество других русских воинов.

После этой победы жители осажденного Торческа вынуждены были сдаться половцам – «и обессилили люди в городе от голода и сдались нападавшим. Половцы же, взяв город, подожгли его огнем, а людей поделили и увели в вежи к семьям своим и сродникам своим многих из крещеного народа». Отряды степняков принялись разорять русские земли, разграблению подверглись даже окрестности Киева. Святополк Изяславич, собрав новое войско, снова выступил против врагов. Но 23 июля 1093 года он был повторно разбит на реке Желани. Чтобы остановить половецкое нашествие, великому князю киевскому пришлось заплатить дань хану Тугоркану и жениться на его дочери. Однако мирная передышка оказалась недолгой.

В 1094 году половцы помогли Олегу Святославичу выбить Владимира Мономаха из Чернигова. Он был вынужден уйти в Переяславль, а на черниговский стол сел его соперник, Олег. Перед смертью, вспоминая об этом, Владимир Всеволодич рассказал: «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются поганые». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им в добычу, невредимыми дошли мы до Переяславля. И сидел в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиною своею, и много бед приняли от войны и от холода. И ходили на их войско за Римов, и

Бог помог нам, избили их, а других пленили».

В феврале 1096 года в Переяславле по приказу Владимира Мономаха были убиты приехавшие туда на переговоры ханы Итларь и Кытан. Видимо, эта акция была согласована с киевским князем, так как сразу же за событиями в Переяславле, в феврале-марте 1096 года, войска двух князей выступили за реку Голтав и разорили половецкие кочевья. Голтавский поход стал переломным на этом этапе русско-половецкого противостояния. Хотя продолжившиеся в том году военные действия осложнила вновь принявшая открытую форму вражда Владимира Мономаха и поддерживавшего его Святополка с Олегом Святославичем Черниговским.

Пользуясь распрей князей-рюриковичей, летом 1096 года половцы ханов Тугоркана и Кури осадили Переяславль. Но вскоре на помощь осажденным подошли полки Святополка и Владимира Мономаха, до этого ходившие под Стародуб, где засел Олег Святославич. 19 июля 1096 года русские стремительно перешли вброд речку Трубеж и атаковали стоявшее за ней неприятельское войско, не успевшее построиться для боя и обратившееся в бегство. Во время преследования многие половецкие воины были перебиты, в числе погибших оказались и хан Тугоркан (тесть Святополка), павший в бою вместе с сыном и другими знатными военачальниками.

Тем временем Боняк, узнав об уходе князей за Днепр, чуть было не захватил неожиданным набегом Киев. Половцы разграбили и сожгли Печерский монастырь. Однако, получив известие о приближении полков Святополка и Владимира, половецкий хан быстро ушел со своим войском в степи.

Готовясь к большой войне с половцами, Владимир Мономах собрал под своим стягом полки шести князей. Отказался их поддержать лишь Олег Святославич. Весной 1103 года, после совета в Долобске под Киевом, где Мономах и Святополк определили маршрут движения своих войск, оно выступило в поход. Конная рать шла на конях, вниз по берегу Днепра, а пехота – в ладьях. Спустившись до порогов, ладейное войско высадилось и двинулось дальше походным порядком. 4 апреля у р. Сутени, в четырех переходах от места высадки, произошло сражение, в ходе которого было разбито несколько половецких орд. В плен попал хан Белдуз, предложивший русскому князю за свое освобождение богатый выкуп. Но Владимир Мономах отверг, казалось бы, выгодное предложение знатного пленника, приказав казнить его.

Поход был успешен, но половцы быстро оправились, и уже в 1105 году войско хана Боняка совершает набег на подчинившихся Киеву торков и печенегов. Захватив полон, половцы увели его в степь.

В мае 1107 года Боняк переправился через Днепр и напал на Переяславское княжество. Летом к нему присоединились ханы Шарукан и Сугра. Их войска осадили крепость Лубен на р. Суле. 12 августа войско Святополка, Владимира и поддержавшего их на этот раз Олега Святославича появилось перед половецким станом и обрушилось на неприятеля. Половецкие сторожи были «коротки» и не успели известить своих командиров о приближении русских дружин. Вражеское войско было разбито. Немногие уцелевшие половцы бежали в степь. В этом сражении погиб брат Боняка, хан Таз, в плен попал хан Сугра и его брат, но самому Боняку и Шарукану все же удалось уйти от русской погони.

2 декабря 1109 года переяславльский воевода Дмитр Иворович, посланный Мономахом, захватил половецкие вежи «у Дона». Ипатьевская летопись дополняет, что захвачено было целых «1000 вежь». Отягощенное большой добычей, войско Дмитра Иворовича вернулось в Переяславль 1 февраля 1109 года.

Но половецкие набеги продолжались. В 1110 году, прорвавшись к Переяславлю, степняки разорили много пригородных сел. Действовали они и у городка Чучина, где также взяли полон. На смене в Долобске князя, собранные Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем, приняли решение весной идти на врага большими силами. Начавшийся в назначенный срок поход 1111 года стал наиболее успешным из антиполовецких операций Владимира Всеволодича. Целью его было разорение половецких городов Шарукань и Сугров на Северском Донце. 26 февраля войско Мономаха и его союзников выступило в поход. Первоначально воины двигались на санях, а после наступления оттепели на реке Хорол пересели на коней и быстро двинулись вглубь половецких кочевий. 21 марта был взят Шарукань, а 22 марта – Сугров. Собрав войско, половецкие ханы попытались атаковать княжеские дружины, но в сражении на реке Сальница 27 марта 1111 года были наголову разбиты русскими. Терпя поражение за поражением, половецкие орды уходят от границ Руси и возобновляют свои набеги уже в период политической раздробленности.

В начале этого периода князья все активнее используют войска половецких ханов в собственных междоусобных войнах. Со временем привлечение их для нападения на соседей и разорения их владений становится обычным делом. Ростовский князь Юрий Долгорукий,

добиваясь великого княжения, воюя со своим соперником князем Изяславом Мстиславичем, пять раз приводил половцев под стены Киева. Правивший в Чернигове Изяслав Данилович с половцами ходил на Ростислава Мстиславича Смоленского. Половецкие отряды пополняли рати Андрея Боголюбского, Рюрика Ростиславича, Романа Галицкого и его сына Данилы Романовича. Но особенно тесными были отношения половцев с черниговскими Ольговичами.

Мощный удар по Половецкому полю наносит весной 1168 года Мстислав Изяславич, один из немногих русских князей, не сотрудничавших с половцами. С именем этого князя связано возобновление наступления Руси на Степь. В предпринятом им походе участвовали многие волынские князья. Крутой на расправу, великий князь заставляет присоединить свои полки к его рати черниговских и северских князей («бяху бо тогда Олговичи в Мьстиславии воли») и даже Ростиславичей – Рюрика и Давыда. Он собрал под свои знамена войска всей лесостепной полосы – от бассейна Вислы до Северного Донца. Ударной силой была конница торков под началом Бастея, черные клобуки и берендеи. Поход начался ранней весной (2 марта), когда степняки только собираются перекочевывать на летние пастбища: начинается окот, стада отяжелены молодняком. Половцы не успели организовать войска. Русские войска обогатились добычей: «и толико взяша полона множество, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнится до изобилия и колодники и чагами и детми их и челядью и скоты и конми».

Победа эта прославила Мстислава, но и объединила его врагов. Против киевского князя выступила коалиция князей, организованная Андреем Боголюбским. К ним присоединились и половцы, принявшие участие в разграблении Киева в 1169 году.

Ситуация на степных рубежах Руси вновь обострилась в середине 1170-х годов, когда во главе степных орд встал хан Кончак. Набеги на Русь учащаются. Разоряются окрестности Переяславля, Чернигова и даже Киева. В 1176 году половцы нанесли поражение русским войскам у Ростовца, города в верховьях реки Рось. Правивший тогда в Киеве Роман Ростиславич направил против вторгшихся в Порось врагов войско под командованием своего брата Рюрика и сыновей Ярополка и Мстислава. На русальей неделе это войско было разбито половцами.

Поражение под Ростовцем способствовало приходу к власти нового князя, Святослава Всеволодича. Он выступит против половцев и нанесет

им ряд тяжелых поражений – 30 июля 1184 года разобьет хана Кобяка, который вместе с сыновьями попадет в плен и будет казнен своим победителем. 1 марта того же года Святослав разгромит на реке Хорол самого Кончака.

Но ранней весной хан 1185 года Кончак вновь двинулся на Русь. По-видимому, он решил воспользоваться пассивностью черниговских князей, приславших к нему с предложением мира одного из бояр. Не зная об этом, Игорь Святославич Северский решил ударить по кочевьям половцев. Святослав Всеволодич также готовился к продолжению войны со степняками, но намеревался действовать позже и «идти к Дону на половцев на все лето».

23 апреля войско Игоря Святославича выступило в поход. К новгород-северскому князю присоединились дружины его сына, путивльского князя Владимира, племянника Святослава Ольговича Рыльского и брата Всеволода Трубчевского. 1 мая их полки подошли к русскому рубежу, за которым начиналась половецкая степь. Именно здесь войско окутала внезапная тьма – произошло солнечное затмение, воспринятое многими как предзнаменование трагического исхода начатого похода. Однако князь Игорь не внял грозному знаку и повел своих воинов дальше в степь, к югу от Северского Донца, к берегам Азовского моря.

В пятницу 10 мая на берегу реки Суюрлеи русское войско напало на одну из половецких орд. Перед сечей, обращаясь к своим дружинникам, Игорь Святославич сказал: «Братья! Мы этого сами искали, так и пойдём». После ожесточенного боя русские захватили половецкие вежи. Одолев врага, Игорь собрался немедленно уходить к своим рубежам, однако Святослав Ольгович уговорил его отложить отступление до утра, сославшись на усталость коней. Однако наутро русское войско оказалось окруженным половецкими полками. Два дня продолжалась упорная битва и, наконец, не выдержав, бежали отряды ковуев, союзных русским степняков, живших на пограничных черниговских землях. Игорь, пытавшийся остановить их бегство, отделился от своей дружины и был взят в плен. Схвачены были и некоторые другие князья и бояре. Остальные русские воины, несмотря на героическое сопротивление, погибли под половецкими клинками. Лишь 15 «мужей» смогли прорваться через вражеские полки и уйти на Русь.

Одолев дружины Игоря, половцы устремились к русским городам, осадили Переяславль, сожгли острог в Путивле, захватили Римов на Суле. С большим трудом другие русские князья, подоспевшие к месту боев, смогли отогнать половцев обратно в степь. Сыновья Святослава

Киевского, Олег и Владимир, успели подойти на помощь Курску и Путивлю, помешав Гзаку разорить Посемье. Сам Святослав Всеволодич, перейдя с войском Днепр у Заруба, вынудил Кончака прекратить осаду Переяславля и поспешно уйти из Руси.

Весной 1186 года Игорю Святославичу удалось бежать из неволи. Вскоре домой вернулся и его сын, женившийся на дочери хана Кончака. Тем не менее, породнившись с грозным половецким воителем, Игорь Святославич не перестал воевать с половцами, защищая от их набегов родную землю. Наиболее успешным оказался поход 1191 года, когда новгород-северскому войску удалось нанести степнякам тяжелое поражение.

Затем большой поход в степь предпринял Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Начал он его в апреле 1198 года. Не решаясь вступить с его войсками в сражение, половцы поспешно ушли на юг.

Зимой 1201/1202 года на половцев, по просьбе враждовавшего тогда с ними византийского императора Алексея III Ангела, выступил Роман Мстиславич. Поход был успешным – степняки вынуждены были покинуть занятую ими Фракию. Была взята огромная добыча и освобождены пленники.

«Лютый» зимой 1203/1204 Роман Мстиславич совершит еще один успешный поход на половцев. Лаврентьевская летопись отзовется об этом с нескрываемой похвалой: «Ходил князь Роман на половцев, и взял вежи половецкие, и привел полона много, и душ хрестьянских множество отполонил от них; и бысть радость велика в земли Русской».

* * *

Историки насчитали 46 только больших походов, настоящих военных экспедиций половцев. Мелким же их нападениям счета нет.

Последнее известное нам вторжение половцев произошло в 1210 году. Тогда их отряды подступили к Переяславлю и сожгли расположенные в его окрестностях села, уведя в свои вежи большее число пленных.

После этого набега на 13 лет на южных рубежах Русской земли воцарились тишина и спокойствие. Но предвещали они великую бурю, ибо в далеких азиатских степях соединились уже под железной рукой Чингисхана монгольские племена, начавшие завоевание соседних народов.

Самыми известными военными вождями половцев были:

Боняк – половецкий хан, совершавший в конце XI–XII веке опустошительные набеги на Южную Русь. Впервые его имя упоминается в летописях под 1096 годом. В мае этого года отряды Боняка напали на Киев, разорили его окрестности и сожгли княжескую загородную резиденцию в селе Берестово. В июле 1096 года Боняк вновь подошел к Киеву, сжег окрестные села и монастыри. В последующие годы он возглавлял половецкие нашествия на Русь (1097 и 1105 годы). В 1107 году на реке Сула, у крепости Лубен, войско Боняка и его союзника хана Шарукана было разбито объединенной ратью русских князей, старшими из которых были киевский князь Святополк Изяславич, переяславский князь Владимир Всеволодич Мономах и черниговский князь Олег Святославич.

Шарукан – половецкий хан, возможно, сын хана Осеня, о смерти которого ПВЛ сообщает под 1082, отец Сырчана и Отрока, дед Кончака. Под 1068 годом Новгородская перв. лет. упоминает о пленении Ш. князем Святославом Ярославичем (С. 190), в ПВЛ по Лаврентьевскому списку имя хана не названо (см. с. 115). В 1107 ханы Боняк и Ш. потерпели поражение от рус. князей: у р. Хорола был убит брат Боняка, а Ш. «одва утече» (ПВЛ. С. 185). Возможно, терпел поражения Ш. и от Владимира Мономаха, который пишет в своем «Поучении», что отпустил из плена «Шаруканя 2 брата» (ПВЛ. С. 162). В Галицко-Волынскую летопись включен рассказ, возможно, заимствованный из половецкого эпоса, о том, как Мономах победил двух сыновей Ш. – Сырчана и Атрака (Отрока); последнего он прогнал за «Железные ворота» (крепости Дарьяльского ущелья), в Грузию, где царь Давид, приняв половцев, женился на дочери Отрока Шарукановича, о чем сохранилось известие в груз. хрониках («Картлис-Цховреба»). Отрок (Атрак), вернувшись после смерти Мономаха (1125) в половецкие степи, возобновил нападения на русские земли. Сыном его был Кончак. В Ипат. лет. под 1111 и под 1116, упоминается «град Шарукань», который берут рус. князья – сначала Владимир Мономах, а затем Ярополк Владимирович и Всеволод Давыдович. Точное местонахождение половецких городков, названных по имени ханов – Шарукан и Сугров, неизвестно. Предполагается, что они находились где-то на среднем Донце, в р-не которого кочевал Ш. со своим родом и где стоял родовой улус, носивший его имя. Несмотря на отмеченные рус. летописями поражения, донецкие половцы, объединенные Ш., держали в течение 40 лет Русь под угрозой постоянных вторжений (1068–1107).

Кытан (Китан) – половецкий хан. Весной 1095 года вместе с ханом

Итларем прибыл к Переяславлю Южному на встречу с местным князем Владимиром Мономахом для заключения мирного договора. Сначала Владимир склонялся к миру и в залог дал Кытану, разбившему со своим отрядом лагерь у переяславских валов, своего сына Святослава. Прибывшие в город дружинники Славята и Ратибор уговорили затем князя убить послов. После некоторых споров и колебаний Мономах согласился с доводами своих советников и направил ночью к Кытану дружинников и отряд торков. Те выкрали маленького Святослава, убили Кытана и вырезали всю его дружину. Убив в городе наутро Итлара, Владимир Мономах и великий князь киевский Святополк Изяславич пошли в Степь. Там они разорили вежи половцев.

Итларь (Итлар) – половецкий хан. Вместе с Китаном заключил в 1095 году мир с Владимиром Всеволодичем Мономахом, причём, по тогдашнему обычаю, приняв в заложники его сына Святослава, в качестве гарантии собственной безопасности. Ночью Ратибор, его сыновья, киевский боярин Славята и дружинники стали уговаривать Владимира перебить половцев. Владимир поначалу колебался, напоминая, что дал половцам клятву: «Как могу я это сделать, давши им клятву?» Однако оппоненты выдвинули железный довод: известно, что половцы частенько нарушают клятвы, а значит, и эти два хана могут оказаться клятвопреступниками («Князь не будет на тебе греха: половцы всегда дают тебе клятву, и все губят Русскую землю, льют кровь христианскую»), так что следует убить их раньше, чем те успеют проявить коварство. Вскоре русские вместе с торками воспользовались оплошностью половецких князей, думавших что стоит мир и опасаться нечего, захватили их врасплох. Не встретив ни малейшего сопротивления, князя умертвили ночью сонного Кытана, а Итлар пал в Переяславле от стрелы, пущенной Олбегом, сыном Ратибора, у которого Итлар гостил, через отверстие, сделанное в верху горницы).

Кончак – половецкий хан, объединивший под своей властью во 2-й половине XII века племена восточных половцев. Сын хана Атрака (Отрока) и внук хана Шарукана. Кончак прославился частыми нападениями на княжества Южной Руси и принимал участие в усобицах русских князей. В 1170 году воевал против князя Мстислава Изяславича. В 1171 году совершил набег на Северские земли, но вынужден был бежать, бросив добычу, когда встретился на р. Ворскле с превосходившими силами русских во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем. В 1174 году ходил к Переяславлю Южному и воевал земли по реке Рось, но

был обращен в бегство Игорем. В 1180 году Игорь пригласил с собой Кончака к Вышгороду, но черниговские князья и половцы потерпели поражение. Спасаясь, Кончак и Игорь бежали от преследовавших их князя Мстислана Владимировича и чёрных клобуков в одной лодке. В 1183–1184 годах Кончак потерпел несколько поражений от совместных походов на него русских князей. После разгрома Игоря половцами на р. Каяле (1185) Кончак напал на Киевские и Черниговские земли. Эти события получили отражение в древнерусском эпическом произведении «Слово о полку Игореве». То же было и в 1186. В 1203 году вместе с князем Рюриком Ростиславичем захватил и подверг страшному разграблению Киев. После этого имя Кончака в летописях не упоминается. Его сын Юрий был союзником русских князей и погиб во время монгольского нападения 1223 года.

Котян — половецкий хан. После гибели галицко-волынского князя Романа Мстиславича (1205 год) воевал земли Галицкого княжества, но едва не попал в плен. После прихода в причерноморские степи татаро-монголов (1223 год) Котян пришёл в Галич, просить своего зятя, князя Мстислава Мстиславича Удатного, и других русских князей помочь ему против неизвестного противника. Видя, что тут он помощи не дождется, Котян поскакал в Киев, к сидевшему там князю Мстиславу Романовичу Старому. В битве на реке Калке союзники были разгромлены, и Котян со своими отрядами, потеряв множество воинов, бежал с поля боя. В 1225 году Мстислав Удатный проводил его по русским землям к себе, собираясь идти на поляков, поддерживавших в то время галицкого князя Данилу Романовича. В 1228 году Котян помогал киевскому князю Владимиру Рюриковичу против Даниила. Несколько лет спустя он со своими отрядами помогал уже Даниилу, воевавшему против венгров. Разбитый (1239 год) в приазовских степях татарами Бату-хана, Котян бежал с 40 тысячами половцев в Венгрию. Король Бела IV принял их в своё подданство и дал им земли для поселения, за что Венгрия была подвергнута монголами страшному опустошению, а сам король вынужден был бежать из своей столицы.

Глава 6. Междоусобные войны периода политической раздробленности

Распад Великой Киевской державы заметно ослабил военный потенциал страны, что при сложившихся к началу XII века обстоятельствах не могло не привести к катастрофе, едва не погубившей Русскую цивилизацию. Княжеские усобицы начались уже при сыновьях Ярослава Мудрого. Первое время три старших Ярославича, Изяслав, Святослав и Всеволод, сообща выступили против своего двоюродного племянника Всеслава Полоцкого, но после победы над ним братья стали бороться друг с другом. Впоследствии эту вражду с новой силой продолжили и их потомки, отстаивая свои владения и охотно захватывая чужие. Княжеские союзы, которые часто заключались, как правило, носили характер военных коалиций, были непрочными и при изменении политической ситуации быстро разрушались. Не помогали даже браки, призванные скрепить взаимные обязательства сторон. Мирные договоры были столь же непрочными, хотя подтверждались крестным целованием, привлечением в качестве свидетелей авторитетных духовных лиц. Некоторые случаи пренебрежения договорными обязательствами стали хрестоматийными. Так, в 1152 году, заключив мир с венграми и волынским князем Изяславом Мстиславичем, галицкий князь Владимирко Володаревич на кресте поклялся передать Изяславу города Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу. Но не выполнил своих обязательств. Когда же волынский боярин Петр Бориславич, свидетель присяги Владимирка, прибыв в Галич, потребовал от князя передачи обещанных городов, то получил прямой отказ. Тогда посол напомнил: «Княже, крест еси к брату своему к Изяславу и к королеви (венгерскому королю Гезе – *В. В.*) целовал, яко ти все управити и с нима бытии, то уже еси съступил крестного целования». Тогда Владимирко Володаревич ответил ему с кощунственной насмешкой: «Сии ли крестец малый?». На что Петр Бориславич справедливо указал: «Княже! Аще крест мал, но сила велика его есть на небеси и на земли!.. А съступиши, то не будеши жив».

Рассердившийся на упрек и угрозу галицкий князь прогнал посла, приказав не давать ему на обратный путь ни подвод, ни припасов. Современникам этот случай запомнился тем, что в тот же день с ним случился удар (видимо, insult или инфаркт), приведший к смерти Владимирка. Причем удар настиг его на том самом месте, где он глумился

над Петром Бориславичем. Обстоятельства смерти потрясли очевидцев скандального происшествия, в первую очередь преемника галицкого князя – Ярослава Осмомысла. Однако и он, заключив новый мир с Изяславом, обещанные города так и не передал. Княжеское слово, княжеские клятвы девальвировались. Те же случаи, когда князья выполняли свои клятвы и договоры, особенно невыгодные для них, неизменно отмечались летописцами как события явно нерядовые.

Окончательно единство Руси было нарушено в 1132 году, со смертью Мстислава Великого. Наступила эпоха политической раздробленности, перенасыщенная вооруженными столкновениями князей не только с внешними врагами, но и друг с другом. Однако повествование о войнах этого периода следует предварить рассказом про конфликт Ярославичей со своей полоцкой родней и последующую рознь между потомками Ярослава Мудрого, борьбу киевской и черниговской ветви этого рода.

Война с Полоцком. Битва на Немиге

Первоначально полоцкий князь Всеслав Брячиславич (1044–1101), вступивший на отчий престол в 1044 году, был лоялен к Киеву. Эта лояльность сохранялась и после смерти Ярослава Мудрого. Об этом свидетельствует его участие в общерусском походе на торков. Он произошел в 1060 году. «Совокупиша вои бещисленны», князья двинулись в степь. Поход оказался успешным – торки были разбиты, бежали к границам Византии, но через несколько лет покорились и были поселены на реке Рось и в междуречье Сулы и Труба в качестве федератов Киева и Переяславля.

Но с 1065 года Всеслав начал нападать на соседние княжества, разграбив окрестности Киева, в том же 1065 году совершил набег на Псков, который продержал в осаде, но не взял, а в 1067 году на берегу реки Черехи полоцкий князь разбил войско новгородского князя Мстислава Изяславича и занял Новгород. Город наполовину был сожжён. Всеслав захватил пленных и снял с новгородского Софийского собора колокола, прихватив к себе в княжество иконы и утварь новгородских церквей.

В том же году против него выступили совместно правившие три Ярославича («триумвират») – Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Их войска взяли Минск и перебили его защитников, а женщин и детей увели с собой в полон.

Исход этой братоубийственной войны решила битва на реке Немиге,

произошедшая 3 марта 1067 года. 7 дней дружины стояли друг против друга в глубоком снегу. Наконец Всеслав Полоцкий начал атаку, много воинов пало с обеих сторон, но Ярославичи пересилили полочан. Всеслав потерпел поражение и бежал в Полоцк. Ярославичи не преследовали его, но через 4 месяца после битвы позвали на переговоры. Вызывая полоцкого князя, они целовали крест и обещали ему безопасность, но на мирных переговорах Всеслав был обманом захвачен в плен и приведён в Киев, где его с двумя сыновьями посадили в «поруб» (тюремную без дверей, построенную вокруг заключённого).

Вырваться на свободу Всеславу удалось во время восстания в Киеве. Киевляне, освободив пленного полоцкого князя из поруба, посадили его на престол, однако Всеслав вскоре ушел в свою землю.

Противоборство Владимира Мономаха и его двоюродного брата Олега Святославича стоило жизни второму из его сыновей. В начале 1096 года один из старших Мономашичей, курский князь Изяслав Владимирович, занял город Муром, принадлежавший черниговскому князю Олегу Святославичу. Это был первый акт войны, начатой его отцом, переяславским князем Владимиром Мономахом, против своего двоюродного брата Олега в союзе с другим двоюродным братом – киевским князем Святополком Изяславичем. Олег Святославич был осажден в крепости Стародуб, после 33 дневной осады сдался, примирился с двоюродными братьями, поклявшись на кресте не злоумышлять на них, и был выслан в Смоленск, к своему родному брату Давыду. Однако вскоре он нарушил крестное целование и двинул свои войска на Муром. 6 сентября 1096 года произошло сражение, закончившееся победой Олега, пленившего многих находившихся в войске Изяславостовцев, суздальцев, белозерцев. Сам Изяслав Владимирович погиб в сражении. После этого Олег двинул свои войска на Мстислава, старшего сына Мономаха, княжившего тогда в Великом Новгороде. Передовым полком командовал его брат Ярослав Святославич, вставший на реке Медведице, протекавшей уже в новгородской земле, по которой разъехались Олеговы «данщики».

Новгородский воевода Добрыня Рагуилович перехватил «данщиков» и, атаковав стан Ярослава на Медведице, выбил его «сторожу» со своей земли. За этим войском выступили и главные силы Мстислава Владимировича. Отступая, Ярослав и подошедший к нему на помощь Олег сожгли Суздаль, затем согласились на предложенный им Владимиром Мономахом и его сыном мир, но притворно, как подчеркнул летописец. 21 февраля 1097 года войска Олега скрытно выдвинулись на Клязьму, готовя

удар по стоявшей у сожженного Суздаля дружине Мстислава Владимировича. Собрав оказавшиеся под рукой полки, новгородский князь встал перед градом. Олег не решился с ходу атаковать противника. Стояние под Суздалем затянулось на 4 дня, по истечении которых к Мстиславу пришел с половецкой ратью его брат Вячеслав. Он привез с собой и стяг отца, пригодившийся в начавшейся 27 февраля 1097 года битве на Кулачице (на окраине Суздаля). Поднятый во время сражения Мономахов стяг устрасил Олега, бежавшего с поля боя. Преследуя врага, Мстислав занял Муром и Рязань, но затем примирился с Олегом, вернув ему отчинные земли.

Именно эта война побудила князей собраться осенью 1097 года на Любечский снем (съезд) и выработать правила, призванные обеспечить их дальнейшее мирное сосуществование. Отчасти решения съезда снизили накал междоусобных распрей, во многом благодаря усилиям Владимира Мономаха, ставшего своеобразным гарантом их соблюдения. Однако полностью избежать конфликтов в разросшемся роду Рюриковичей не удалось.

Одним из таких конфликтов стала война, начатая в январе 1116 года Владимиром Мономахом, Давыдом Святославичем и князьями-подручниками против минского князя Глеба Всеславича. Киевская дружина осадила Минск, остальные полки пошли под другие города Глеба Всеславича. Минскому князю пришлось просить мира, однако через три года в 1119 году он снова выступил против Мономаха, лишился своего княжения и, будучи взят в полон, умер в заточении в Киеве.

В 1117 и 1118 годах войску Мономаха придется усмирять княжащего во Владимире-Волынском племянника Ярослава Святославича. Тот бежит в Польшу к королю Болеславу III Кривоустому. Скопив силы, с отрядами поляков, венгров, чехов, дружинными Володаря и Василька Володаревичей Ярослав в 1123 году двинется на Владимир-Волынский, но будет убит в сражении за этот город.

Первые войны эпохи раздробленности

В современной исторической науке датой начала политической раздробленности на Руси считается 1132 год, когда умер великий киевский князь Мстислав Великий. После его смерти на Киевский «отчий золотой стол» взошел старший из Моношичей, Ярополк, которому уже исполнилось

49 лет. До того он был переяславским князем и действительно являлся старшим в своем роду. Но его переход в стольный Киев был оговорен рядом условий, продиктованных Мстиславом, взявшим с брата слово, что освободившееся Переяславское княжение отойдет его сыну Всеволоду, сидевшему в Новгороде. Однако замысел покойного князя провалился – против этих договоренностей выступили сводные братья Мстислава и Ярополка Юрий Суздальский (Долгорукий) и Андрей (Добрый) Владимировичи, объявившие, что, согласно лествичному праву, Переяславль должен перейти старшему после Ярополка Мономашичу – его младшему брату Вячеславу, шестому сыну Владимира Мономаха и Гиты Уэссекской. Выступив в поход, Юрий выгнал из Переяславля Всеволода, вынужденного вернуться в Новгород. Ярополк попытался решить дело миром и передал ставший яблоком раздора город другому брату, Изяславу, княжившему тогда в Полоцке. Такое решение стало роковым: в Полоцке произошел переворот, в результате которого к власти вернулись изгнанные Мстиславом Владимировичем в Византию потомки местной династии, немедленно оборвавшие все отношения с Киевом. Поскольку и кандидатура Изяслава не устроила Юрия, княжить в итоге стал законный наследник – Вячеслав Владимирович. Ранее принадлежавшие ему города (Туров и Пинск) достались Изяславу. Но вскоре и оттуда он был выбит вернувшимся из Переяславля в свою отчину дядей. Изяслав уехал в Новгород, к брату Всеволоду Мстиславичу, и вместе с ним в 1134 году начал войну с Юрием Долгоруким, считая его виновником всех своих бед. Но в сражении у Ждан-горы на р. Кубрь 26 января 1135 года братья были разбиты суздальцами и отступили. В том же году спорный Переяславль был отдан Ярополком Юрию Долгорукому в обмен на Залеские его владения с Ростовом и Суздаlem. Однако против этого выступила коалиция Мстиславичей и Ольговичей. Всеволод Ольгович осадил Переяславль и Ярополк с братьями Юрием, Вячеславом и Андреем выступили против него. Но на помощь черниговскому князю (Всеволоду Ольговичу) пришли половцы, и в сражении на реке Супой 8 августа 1135 года Мономашичи были разбиты^[66]. Поражение Ярополка и его союзников привело к тому, что Юрий вернулся в Ростов, в Переяславль был переведен Андрей Добрый, а Изяслав Мстиславич сел на Волыни, позже ставшей его отчиной. Черниговским Ольговичам были возвращены Курск и Посемье, отобранные у них Мстиславом Великим.

Поддержавший Мстиславичей Всеволод Ольгович, представитель совсем другой ветви Рюриковичей, ведущих свой род от черниговских Святославичей, тем не менее, заявил свои права на Киев. Он был женат на

Марии Мстиславне, сестре Всеволода, Изяслава и Ростислава Смоленского. Ему удалось добиться приглашения на Новгородское княжение младшего брата, Святослава Ольговича. Это осложнило отношения между двумя княжескими родами и в 1138 году дело дошло до осады Чернигова. В ней участвовали не только рати Мономашичей, но и полки галицких и полоцких князей, а также венгерский отряд, присланный Белой II. Всеволоду Ольговичу пришлось признать вокняжение в Новгороде Святополка Мстиславича и примириться с Мономашичами. Но уже 1139 году, после смерти Ярополка, Всеволод выгнал из Киева севшего было там на престол Вячеслава Владимировича и сам стал княжить в городе. Правление изгнанного Вячеслава продолжалось в Киеве всего 8 дней. Всеволод сумел договориться с Изяславом, отдав ему Переяславль, на Волини сел княжить Святослав Всеволодич. Этот компромисс сумел на некоторое время успокоить Русь. Мир продержался до смерти Всеволода Ольговича в 1146 году.

Очевидно, именно Переяславский конфликт перессорил Мономашичей, на время потерявших контроль за Киевом, что привело к серии больших и малых войн. Долгое время основной целью враждовавших князей оставался «Золотой стол». За него вскоре и развернулась непримиримая борьба между все тем же ростовским князем Юрием Долгоруким и его племянником Изяславом Мстиславичем, укрепившимся во Владимире-Волынском, но пользовавшемся популярностью у киевлян, дважды призывавших его к себе на княжение.

Усобицы из-за Киева превратили близлежащие земли в арену частых военных действий, в ходе которых разорялись города и села, а население угонялось в плен. Жестоким погромом подвергнулся и сам Киев.

Таким образом, как отмечал еще А. Г. Кузьмин, первая причина наступившей политической раздробленности лежит на поверхности. Это династические противоречия между князьями, их борьба за киевский великий стол. Но существовали и другие причины, способствовавшие распаду былого единства Руси. К ним относятся ослабление внешней опасности со стороны половцев, вытесненных Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом на Кавказ, за Волгу и Дон. Сказалось и экономическое развитие отдельных земель, не связанных прочными торговыми связями с Киевом. Постоянный переход князей из города в город раздражал и их самих, вынужденных оставлять обжитой удел, и местное население, заинтересованное в стабильности власти в своем регионе, особенно когда волость покидал популярный и рачительный хозяин, опытный военачальник и дипломат.

Отсутствие прочных политических и экономических связей неизбежно вело к распаду Русской державы. А особенности наследования престола, принятого у князей Рюриковичей, вражда между старшими и младшими Мономашичами, Ольговичами и полоцкими Изяславичами только усугубили этот процесс.

Каждое из обособившихся в XII веке княжеств было самостоятельным сложившимся государством. Князья, правившие в них (в Новгороде, а позже в Пскове и Вятке – боярские правительства), обладали необходимым суверенитетом («думали о строе земельном и о ратех»), то есть распоряжались внутренними делами и имели право объявления войны и заключения мира и любых союзов, хотя бы и с половцами.

В то же время «столицей столиц» до монгольского нашествия продолжал оставаться Киев – как исторический и духовный центр русского мира.

У происходившего в XII–XIV веках процесса обособления княжеств было два отрицательных следствия:

1) Рост княжеских усобиц, взаимного недоверия даже между ближайшими родственниками, вовлечение во внутренние конфликты иноплеменников – половцев, венгров, поляков.

2) Произошло заметное ослабление военного потенциала Руси – не только из-за невозможности сосредоточить все наличные войска на опасном рубеже, но и вследствие разнообразия их тактической подготовки и характера вооружения. Особенности военной подготовки дружин на северо-западе или юго-западе страны не соответствовали реалиям ведения боевых действий на юго-восточных рубежах. В первом случае противником были тяжело вооруженные рыцарские армии, во втором – легкоконные половецкие орды.

1 августа 1146 года владевший «золотым киевским столом» с 1139 года Всеволод Ольгович умер. Недолгий мир на Руси закончился. Длился он 7 лет и 4 месяца. Умирая, Всеволод Ольгович завещал великое княжение своему брату Игорю, что вызвало недовольство киевлян, и они призвали на княжение Изяслава Мстиславича. Он немедленно выступил в поход. К его войску присоединились черные клобуки и жители ряда южных городов. На помощь Игорю пришел его брат Святослав Ольгович, княживший в Белгороде.

9 августа 1146 года произошло сражение у Надова озера под Киевом. Ее исход решил переход командовавших городским ополчением воевод Ивана Войтишеча и тысяцкого Улеба на сторону Изяслава. Ольговичи были

разбиты. Святославу удалось уйти в Чернигов, а потом в Новгород-Северский. Игорь также пытался бежать, но его конь увяз в болоте. Из-за больных ног князь не мог передвигаться. Поэтому ему пришлось прятаться в болоте четыре дня. В конце концов его нашли и пленили.

Вячеслав Владимирович Туровский, старший на то время в роду Мономашичей, воспринял изгнание Ольговичей из Киева как восстановление своих прав, и отдал волынский престол, освободившийся после отъезда Святослава Всеволодовича, своему племяннику Владимиру Андреевичу. Изяслав в ответ не только завладел Волынью, но и посадил вместо Вячеслава в Туров своего сына Ярослава (старший, Мстислав, был посажен в Переяславле). Изгнанному из Турова дяде Вячеславу он дал в удел маленький волынский городок Пересопницу.

Правивший в Чернигове Владимир Давыдович и его брат Изяслав, опасаясь претензий двоюродного брата Святослава Ольговича на Новгород-Северский, выступили против него. Владимир заключил союз с Изяславом Мстиславичем и стал готовить дружину к походу. Об этом известил Святослава его боярин Коснятко, задержавшийся или оставленный в Чернигове. В начавшейся новой войне союзником новгородсеверского князя стал Юрий Долгорукий. Также поддержали Святослава князь-изгой: его двоюродный племянник Владимир Святославич, Иван Ростиславич Берладник, а также половецкие ханы Тюнрак и Камос Оселуковичи.

Однако до подхода ростовских войск Святослав не мог противостоять черниговской родне, на помощь которой новый великий князь прислал сына Мстислава с переяславцами и берендеями. Давыдовичи – Владимир и Изяслав – вторглись в северскую волость. Вскоре к ним присоединился Мстислав Изяславич. Вместе они разорили окрестности Новгорода-Северского и попытались штурмовать хорошо укрепленный город, но защитникам удалось его отстоять.

Тем временем на помощь Святославу в декабре 1146 году отправился, наконец, с ростовскими полками Юрий Долгорукий. Тогда-то против него выступил союзник Изяслава Мстиславича, рязанский князь Ростислав Ярославич. Его отряды разорили пограничные суздальские волости. Юрию пришлось часть собранных войск, под командой старших сыновей Ростислава и Андрея, спешно двинуть на нового врага, а третьего сына Ивана – на помощь Святославу. Впрочем, угроза со стороны Рязани была быстро устранена – столица княжества была взята суздальской ратью. Ростислав Ярославич с сыном Глебом, спасаясь, бежал к половцам.

Тем временем на помощь воюющим Новгород-Северскую землю Давыдовичам пришел сам Изяслав Мстиславич. Вместе они взяли Путивль

(25 декабря 1146 года). Узнав об этом, Святослав, преследуемый врагами, вынужден был уйти из Новгород-Северского к Корачеву. Перехватить его попытался Изяслав Давыдович, шедший наперерез Святославу через Севск и Болдыж. 16 января 1147 года с 3 тыс. дружинников он атаковал отступающее войско недалеко от Карачева, но Святослав отразил нападение и, в свою очередь, ударил по нему, обратив противника в бегство. Благодаря этому князь смог оторваться от преследования и, не дожидаясь подхода основных сил противника, поджег Корачев, отступил к Козельску, оттуда – к Дедославию и далее, к Колтеску, где к нему присоединилась 1000 дружинников-белозерцев, присланных Юрием Долгоруким. Отступление прекратилось. Ушла восвояси и шедшая по следам северского князя погоня.

Немедленно последовали ответные атаки. Сам Юрий напал на новгородские волости, захватив Новый Торг (Торжок) и Помостье. Святослав разорил смоленские владения на реке Протве. Для обсуждения дальнейших планов Юрий Владимирович пригласил Святослава к себе. Тогда-то и прозвучал знаменитый призыв прийти «в Москов», где 4 апреля 1147 года и состоялась встреча двух союзников. Было решено начать большое наступление на Давыдовичей. Ростовскую рать предстояло вести Глебу Юрьевичу. Ожидался приход союзных Святославу Ольговичу половцев.

Начатое наступление развивалось вполне успешно. Еще до подхода Глеба на помощь Святославу пришли половцы ханов Токсобичей, по приказу северского князя опустошившие владения Ростислава Смоленского, лежавшие в верховьях реки Угры. Сам Святослав, расположившись в Девягорске (находился на р. Оке, на западе соврем. Тульской области), очистил от посадников Давыдовичей Брянск, Менск и другие города Подесенья.

Дождавшись Глеба с ростовской помощью, Святослав двинулся дальше, но под Спашью, на реке Неволоди, их встретили послы Давыдовичей, предложившие заключить мир. Святославу был возвращен его Новгород-Северский и другие его владения. Спашский мир был заключен втайне от Изяслава Мстиславича, узнавшего о нем случайно. Известие об измене Давыдовичей вызвало бурю возмущения в Киеве. Горожане взбунтовались и убили пленного Игоря Ольговича, невзирая на принятие им иноческого чина.

В конце лета или осенью 1147 года Глеб вместе со Святославом Ольговичем и союзными половцами двинулся к Курску, обещанному ему новгород-северским союзником. В городе находился Мстислав Изяславич,

но куряне отказались воевать с потомком Мономаха. Ему пришлось покинуть город и уехать к отцу в Киев. После этого Глеб силой взял городок Попашь на реке Суле. Однако на этом его успехи закончились. Брат Изяслава, Ростислав Смоленский, взял штурмом и уничтожил черниговский замок Любеч на Днестре. Сам киевский князь, дождавшись волынской помощи, направился к Переяславлю, а затем – на Чернигов. К нему присоединился со смоленскими полками и Ростислав. Узнав об этом, от Святослава и Изяслава Давыдовича ушли половцы. Сами князья побежали к Чернигову, а их союзник Глеб Юрьевич ушел к отцу в Суздаль.

В погоню за бежавшими князьями была брошена конница черных клобуков, но благодаря мужеству защитников маленькой крепости Всеволожа, Святослав и Изяслав смогли спастись от наступающих их врагов. Всеволож был взят «на щит» и ограблен. Пали и были сожжены черниговские города Бахмач, Уненеж (Нежин), Белая Вежа Остерская. Отбиться смог лишь городок Глебль. Потерпев неудачу под стенами этой крепости, Мстиславичи из-за наступившего осеннего ненастья вернулись в Киев.

Зимой, когда встали реки, первый удар нанесли черниговцы, разорив город Брягин на реке Припять. На помощь Святославу и Давыдовичам пришел Глеб, севший княжить в Городец Остерский. Тогда сопровождавший его ростовский воевода Жирослав посоветовал князю идти на Переяславль, где правил тогда Мстислав Изяславич. Там его якобы ждут и охотно примут местные жители. Последовав этому совету, Глеб попытался овладеть Переяславлем, но неудачно. Преследуя его полки, Мстислав разгромил арьергард, пленив часть ростовских дружинников.

Укрывшись в Городце Остерском, Глеб не сумел в нем удержаться. Когда к городу подошли войска Изяслава Мстиславича, он смог продержаться лишь 3 дня, после чего вынужден был пойти на переговоры. Князья заключили между собой договор о мире, но Глеб, дождавшись ухода киевских дружин, сразу нарушил его.

Ранней весной 1148 года Изяслав Мстиславич собрал большую армию. В нее вошли не только киевские, переяславские, черноклобуцкие, волыньские, но и венгерские полки – их прислал его зять, король Геза II, женатый на сестре князя Евфросинии. Не пытаясь штурмовать хорошо укрепленный Чернигов, это войско разорило всю его округу, а с наступлением весенней распутицы ушло в Киев. Тогда-то Давыдовичи и Святослав отправили гонца в Ростов, угрожая примириться с Изяславом,

если им не будет оказана срочная помощь.

Но Юрий продолжал воевать с Новгородом, поэтому на помощь своим союзникам он вновь смог отправить лишь часть своих сил во главе с сыном Ростиславом. Тот неожиданно перешел на сторону двоюродного брата Изяслава, получив от него 6 городов, в том числе Бужск, Межибожье, Котельницу и Городец Остерский. По свидетельству Лаврентьевской летописи, старшим сыном двигала старинная вражда Мономашичей к Ольговичам, по сообщению Ипатьевской летописи – нежелание отца дать ему удел в Суздаль.

Узнав о происшедшем, Давыдовичи немедленно перешли на сторону Изяслава и обещали принять участие в планируемом походе на Ростово-Суздальское княжество. Высланное Юрию Долгорукому предложение о мире было отвергнуто. Более того, он задержал присланных к нему послов. Зимой 1149 года киевские, смоленские и новгородские полки разорили верхневолжские места от устья Медведицы до Ярославля. Была взята большая добыча и уведено 7 тыс. пленных. Изяслав ожидал прихода с юга черниговской рати, но лукавые Давыдовичи вновь обманули его, и киевскому князю пришлось довольствоваться достигнутым. С наступлением весны поход был прекращен. Отягощенные добычей полки были распущены по своим городам.

Вернувшись в Киев, Изяслав по неуставленной причине разгневался на Ростислава Юрьевича и, лишив его удела, выслал к отцу. Тогда, мстя за обиду сына, Юрий Долгорукий выступил, наконец, со всем своим войском в поход. К нему присоединились прежний союзник, северский князь Святослав Ольгович, и половцы. Решающая битва произошла под Переяславлем 23 августа 1149 года. Против ростовско-северской рати выступили сам Изяслав Мстиславич, его братья Ростислав, Святополк, Владимир, сын Мстислав и племянник Владимир Андреевич, черниговский князь Изяслав Давыдович. К ним также присоединились половецкие отряды. Несколько дней две армии стояли друг против друга на берегах реки Трубеж. Наконец, 23 августа Изяслав приказал своим полкам начать переправу. Однако переправившиеся войска почти весь день простояли без дела и только «на заходе солнца» атаковали Юрия. Наступая на правом крыле, киевский князь опрокинул дружину Святослава и суздальский полк Юрия. Но в это время его левый фланг был разгромлен дружинами сыновей ростовского князя и половцами. В этот момент Изяславу изменили переяславцы, бежали воины киевского ополчения, черниговцы и половцы. Спастись бегством пришлось и ему самому.

Одержав победу, Юрий Долгорукий 28 августа вступил в Киев и

провозгласил себя великим князем. Сыновьям, отличившимся в Переяславской битве, он дал другие южные города: Ростиславу – Переяславль, Андрею – Вышгород, Борису – Белгород, Глебу – Канев.

Но шедшая уже четвертый год междоусобная война не прекратилась. В руках Изяслава оставался Владимир-Волынский, в руках его брата Ростислава – Смоленск, один из сыновей, Ярослав, находился на новгородском столе. Помощь своему родственнику обещали оказать и венгерский король Геза II, и сваты Изяслава – польский князь Болеслав IV Кудрявый (женатый на его племяннице Верхуславе Всеволодишне) и чешский князь Владислав II. На помощь был зван и княживший в Пересопнице бывший туровский князь Вячеслав Владимирович, но он на этот раз предпочел принять сторону Юрия и предупредил его о собирающейся над головой сводного брата беде – «се угри уже идут, а лядские князи вселе уже на коне, а Изяслав ти уже доспевает».

Чтобы противостоять опасным европейским союзникам Изяслава, Юрий Долгорукий срочно заключает союз с враждовавшим с венграми и поляками галицким князем Владимирком Володаревичем, что стало спасением, когда армия Изяслава двинулась в поход. Его полки встали в Луцке. Выступивший против Изяслава Юрий остановился у Вячеслава в Пересопнице. В этот момент Владимирко Володаревич подошел к Шумску, угрожая тылам неприятельской армии. Изяслав все же решил продолжить поход, дойдя до города Чемерина. Здесь участвовавшие в походе польские князья Болеслав и Генрих узнали о нападении на их границы пруссов и объявили о намерении уйти из Русской земли.

Тогда и начались переговоры о мире. Со стороны Вячеслава и Юрия было выдвинуто требование удаления иноземных войск. Но как только поляки и венгры ушли к себе, Юрий сделал все возможное для срыва переговоров, стремясь изгнать Изяслава и из Владимира-Волынского. Этим он оттолкнул от себя Вячеслава Владимировича, вынужденного, однако, присоединиться к выступившему на Киев Юрию Долгорукому. Действовали они не слишком удачно, не сумев взять осажденный Луцк.

Изяслав сумел изменить ситуацию в свою пользу, уговорив Владимирка Володаревича стать посредником между собой и дядей. За мир высказался и Вячеслав Владимирович, и Юрию пришлось согласиться на прекращение военных действий. В конце марта 1150 года стороны окончательно согласовали условия мирного окончания. За Изяславом оставался Владимир-Волынский, Вячеславу был дан Вышгород, Юрий закрепил за собой Киев, хотя раньше обещал его Вячеславу, а Пересопницу дал своему сыну Глебу. Юрий же обязывался вернуть трофеи, захваченные

после Переяславской битвы. Именно это условие и не будет выполнено, что даст Изяславу Мстиславичу повод начать новую войну. Вновь на помощь ему пришли венгерские и польские войска. Внезапным ударом волынський князь взял прикрывавшую дорогу на Киев Пересопницу, а затем двинулся на юг в Поросте, в земли черных клобуков, всегда охотно служивших его отцу и ему самому. Торки, берендеи и печенеги присоединились к войску Изяслава. Из Поросья он двинулся к своей бывшей столице. Узнав о его приближении, киевляне отказались помогать Юрию в этой войне. Ему пришлось уйти на Левобережье Днепра, в Городец Остерский. Туда стали собираться войска, с которыми князь собирался вернуть «золотой стол».

Этими событиями попытался воспользоваться Вячеслав Владимирович, успевший прибыть в Киев раньше Изяслава и занять княжий «Ярославль двор», но потом он уступил уговорам племянника и вернулся в Вышгород.

Между тем Юрий дождался прихода войск своих сыновей Ростислава, Ольговичей и Давыдовичей, отрядов «диких половцев», призвал на помощь Владимирка Галицкого, двинувшегося на Киев с запада. Понимая опасность своего положения, Изяслав предложил Вячеславу разделить киевское княжение. Не сразу, но договорившись, они дали друг другу клятву верности над гробницами Святых князей Бориса и Глеба. Договорившись с дядей, Изяслав выступил против уже вступившего на земли Киевщины Владимирка. Встреча произошла на реке Ольшанице в августе 1150 года. Впрочем, битвы не было. Зрелище огромного галицкого войска привело киевлян и черных клобуков в уныние и они, презрев уговоры Изяслава, бежали. За ними ушел от Ольшаницы и он. Владимирко не преследовал бегущих. Добравшись до Киева, Изяслав отправился к Вячеславу, но тут им сообщили, что полки Юрия и всех черниговских князей уже стоят по ту сторону Днепра и киевляне, с прихода галичан, «мнози поехала в насадех^[67] к Гюргеви (Юрию), а друзии почаша в насадех дружину его перевозити на сю сторону в Подолье». Вячеславу пришлось уходить в Вышгород, а Изяславу – в свои волынские города. В погоню за ним отправились Борис Юрьевич и младший из черниговских князей, Святослав Всеволодич. Однако тот смог оторваться от погони и принялся копить силы для продолжения войны. На этот раз со всем своим войском на помощь к нему пришел сам венгерский король Геза II. Уже осенью 1150 года они попытались разгромить галицкого Владимирка, но неудачно. Тот благополучно отсиделся в крепости Перемышль, дождавшись ухода венгров.

Поздней зимой 1151 года, получив 10-тысячное венгерское войско,

Изяслав снова выступил на Киев. Спешить князя побудило известие, что горожане и черные клобуки ждут его.

Описывая этот поход, А. Ю. Карпов подчеркивает, что это было «отчаянное предприятие. Численно превосходящая рать Владимирка Галицкого находилась в полной боевой готовности и ожидала выступления Изяслава. Когда тот подошел к Пересопнице, оказалось, что Владимирко преследует его. Угроза оказаться в окружении была вполне реальной: Андрей Юрьевич со своими полками находился в Пересопнице, Юрий в любой момент мог выступить из Киева на помощь сыну, Владимирко с галичанами отрезал Изяславу путь к отступлению. Но опасность только придала силы Изяславу Мстиславичу. Именно в этом походе он во всем блеске продемонстрировал свое полководческое искусство... План Изяслава был прост. Он решил со всеми имеющимися силами продолжить движение к Киеву, оставив в тылу и Андрея в Пересопнице, и Владимирка... сам с основными силами – братом Владимиром, сыном Мстиславом, а также примкнувшим к нему городенским князем Борисом (своим двоюродным братом, сыном Всеволода Городенского, бывшего зятя Владимира Мономаха) и венгерским войском, устремился к Дорогобужу^[68].

Дорогобужцы встретили его (Изяслава Мстиславича) как своего князя, с крестами и поклоном»^[69].

Примеру дорогобужан последовали жители Коречска. Не останавливаясь в нем, Изяслав шел все дальше, на Киев. По его пятам шли полки Володимерка и Андрея. Они едва не настигли князя у Ушеска, а потом – у Святославлей Криницы. Но в последнем случае Изяслав смог перехитрить своих врагов. Его воины оставили ложные огни и снова оторвались от преследователей. Так, идя от города к городу, Изяслав Мстиславич подошел к Белгороду, где княжил ничего не подозревающий Борис. Ему пришлось бежать в Киев. Отца князь нашел в загородной усадьбе. Юрий также не имел сведений о приближении Изяслава. Ему пришлось срочно уходить на Левобережье, в Городец Остерский, оставив на произвол судьбы своих бояр и дружину. Все они были немедленно схвачены киевлянами.

Все это произошло в конце марта 1151 года. Вступив в город, Изяслав поехал помолиться к Св. Софии, а оттуда на Ярославль двор, где им был дан пышный пир для волынян, венгров и киевлян. Но уже на следующий день князь-победитель отправил своему дяде-соправителю Вячеславу в Вышгород приглашение идти, как и прежде, на великое княжение. Тот приехал и договорился с племянником, что отныне они все будут делать

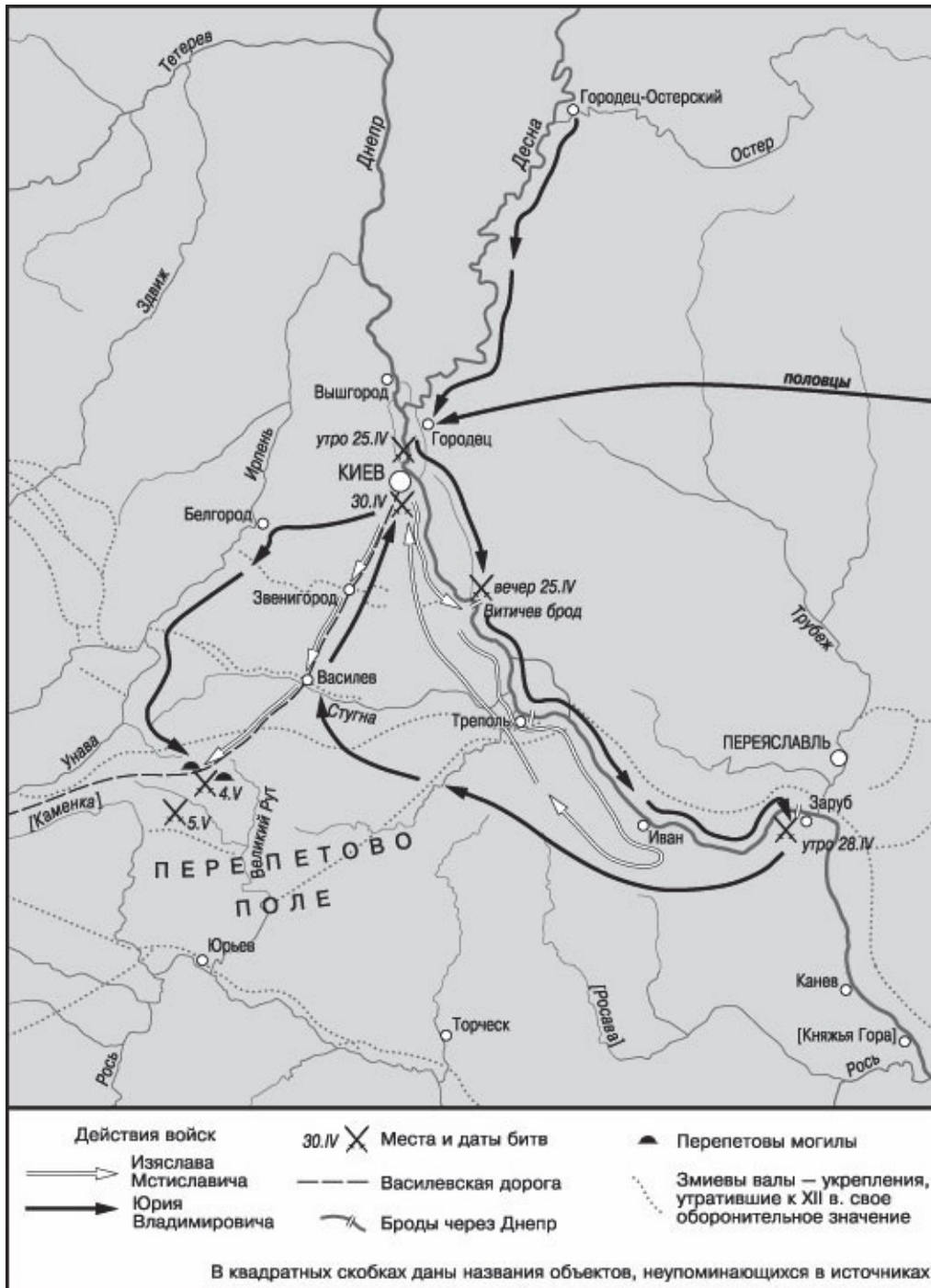
сообща и дружина у них будет общою.

История вновь стала повторяться. Обе стороны деятельно готовились к продолжению войны за Киев и собирали свои рати и войска союзников. К Юрию в Городец пришли Владимир Давыдович Черниговский и Святослав Ольгович Северский. Другой Давыдович – Изяслав – перешел на сторону Изяслава Мстиславича. Впервые братья Давыдовичи оказались во враждебных лагерях. Тревожным сигналом для Юрия стал отказ от союза с ним Володимирка Галицкого. Ему вновь пришлось послать в степь своих людей, звать на подмогу «диких половцев».

К Изяславу пришел в Киев со смоленскими полками Ростислав Мстиславич. Его помощь как никогда была нужна старшему брату, так как венгерское войско пришлось отпустить на родину. Все же и после прихода смоленской рати войско Изяслава уступало Юрьеву, поэтому была сделана очередная попытка примириться с Долгоруким. От своего имени и имени племянника Вячеслав Владимирович предложит ему Переяславль и Курск, но получит отказ.

В конце апреля 1151 года Юрий выступил с союзниками из Городка и стал у Днепра при устье Радуня. Здесь к нему присоединились половцы хана Севенча Боняковича, похвалявшегося, как отец его, саблей «сечи в Золотые ворота»^[70].

На этот раз Изяслав попытался помешать неприятельскому войску переправиться через Днепр. В начале мая 1151 года на реке шли настоящие речные сражения. Противники бились в насадах от Киева до устья Десны. Всего произошло около сотни боев. Победа в них осталась за воинами Изяслава, использовавшими корабли более совершенного типа. На них были сделаны башни, не только укрывавшие стрелков из луков, но и позволявшие им метать стрелы сверху вниз. К тому же эти корабли были более маневренными – кормчие находились не только на корме насада, но и на его носу.

Военные действия весной 1151 года под Киевом

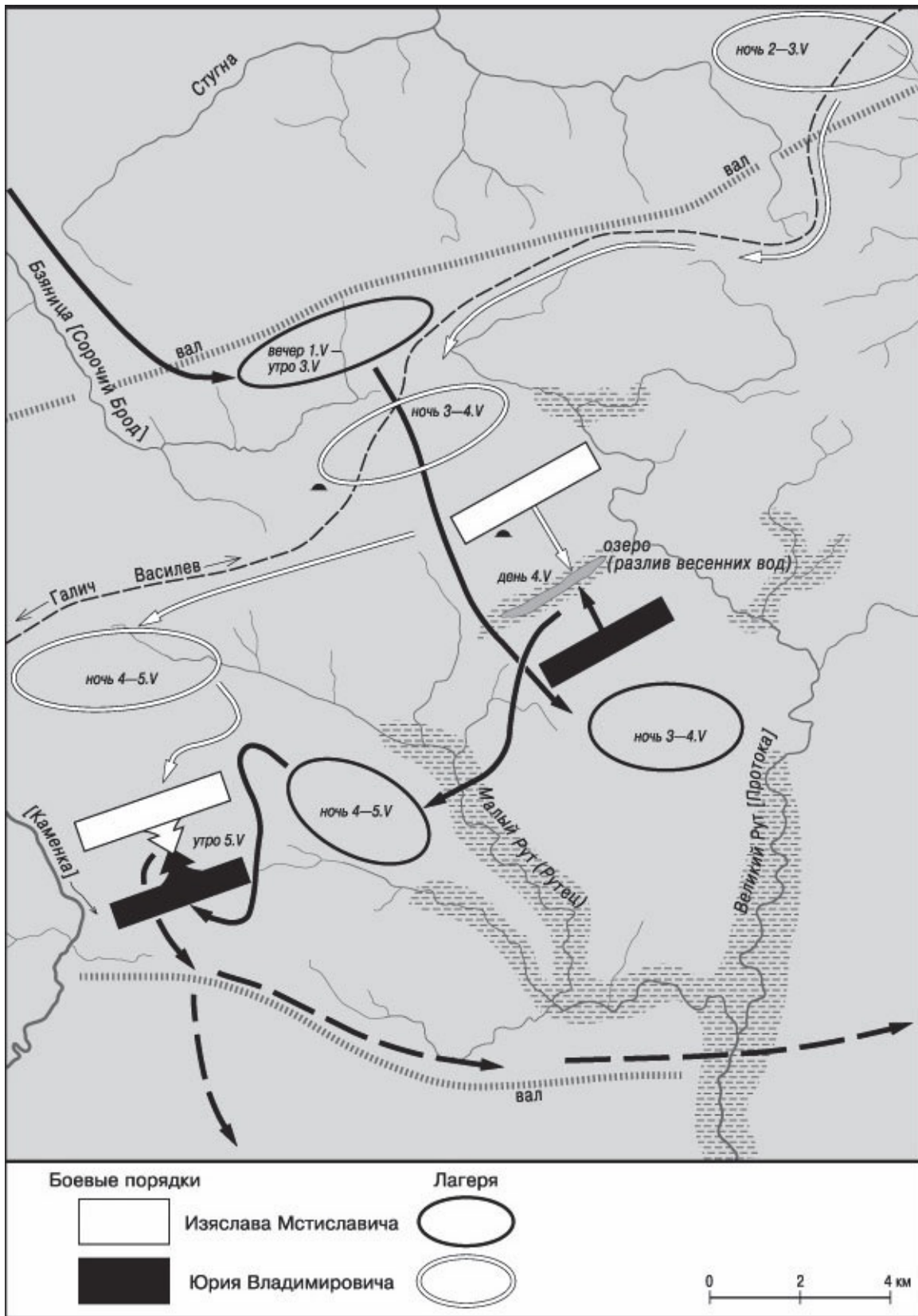
Потеряв в боях на воде множество кораблей и воинов, Юрий решил перехитрить противника и сосредоточил часть сил у Витичева брода, а дружинам своих сыновей приказал скрытно идти к городу Зарубу в 60 верстах ниже Киева и переходить Днепр по Зарубскому броду. Переправы здесь охраняли сторожа воеводы Шварна. Помешать дружинам Юрьевичей

и половцам форсировать Днепр дозорные не смогли, но известили о произошедшем Изяслава. Он стал готовиться встретить врага у стен Киева. Юрий не спешил атаковать изготовившиеся к бою войска Мстиславичей и Вячеслава, но был вынужден сделать это.

Сражение произошло на реке Лыбедь, протекающей по южным склонам киевских гор, 30 апреля 1151 года. Ожесточенная битва продолжалась до темноты. В нескольких местах воинам Юрия и его сыновей удалось прорваться за реку, попытавшись закрепиться на болонье – киевских заливных лугах (соврем. Оболонь) и напротив Лядских юго-восточных ворот Киева.

Именно в этот момент Изяслав нанес ответный удар. На острие общей атаки действовала новая дружина, в которую он собрал отборных воинов из других полков. Сосредоточенного удара всей киевской армии переправившиеся отряды Юрия не выдержали и были сброшены в реку. «И тако вбодоша е (их) в Лыбедь весде. Инии же и брода грешиша. И тако избиша е. А другыи изоимаша е. Инии же с конь сбегоша, и многы избиша». Среди погибших был и хвастливый половецкий «князь» Севенч Бонякович, грозившийся саблей своей, по примеру отца хана Боняка, ударить в Золотые ворота.

Потерпев поражение, Юрий, «оборотя полкы своя, поиде прочь»^[71]. Послав гонцов к Володимирку Галицкому, с которым уже был восстановлен союз, он начал отступать от Киева в общем направлении на юго-запад, надеясь укрепиться в Белгороде и дожидаться там прихода галичан. Но белгородцы не пустили Юрия в свой город и тому пришлось уходить дальше на юг, к старым оборонительным валам, защищавшим русские земли со стороны Степи. Вероятнее всего, он хотел выйти на Василевскую дорогу, идущую из Киева на Галич в обход верховьев реки Ирпень.

Сражение на Перепетовом поле

Изяслав с волынянами, смолянами, дружиной черниговского Изяслава и большим киевским ополчением двинулся следом и шел буквально по пятам. 3 мая 1151 года у реки Рута, за Василевым, на Перепетовом поле, сторожа Юрия была атакована передовыми отрядами Изяслава. Он был вынужден прекратить отступление и готовиться к битве. Ей предшествовали переговоры, но «Ольговичи и половцы не дали мириться, потому что они были скоры на кровопролитие». Сражение на Перепетовом поле произошло 5 мая. В самом начале его положение Юрия сильно осложнило бегство половцев. Он также хотел отступить, но черные клобуки атаковали обозы Юрия и вынудили его продолжить битву. Впрочем, быстрой победы Изяславу одержать не удалось – русские дружинники из войск Юрия и его союзников дрались ожесточенно. В бою пал черниговский князь Владимир Давыдович. Отважно дрался Андрей Юрьевич, под ним был ранен конь, который начал метаться, тогда шлем упал с князя, и щит на нем оборвали. Не меньшую храбрость выказали и их враги. Пример показал сам Изяслав. Он во главе своих воинов въехал в неприятельские полки, изломал копье, получил рану в руку и в бедро и был сбит с павшего коня. Наконец, Юрий и его союзники бежали. Когда победители возвратились после погони на поле битвы, то увидели, что один из раненых начал привставать; толпа пеших киевлян подбежала к нему и едва не убила, приняв за неприятельского князя. От гибели Изяслава спасло то, что он догадался снять шлем, украшенный золотым изображением Святого мученика Пантелеймона, и только тогда был признан своими войсками.

После победы Мстиславичи вместе с дядей Вячеславом вернулись в Киев и стали готовиться к походу на Переяславль. В том же году Изяслав с дядей и братом Святополком ходил к Переяславлю. В помощь ему прислал свой полк и Святослав Новгород-Северский. 17 июля 1151 года князья разгромили в сражении под этим городом попытавшееся их атаковать местное ополчение и вынудили Юрия примириться. Тот, пообещав уйти в Суздаль, оставил в Переяславле сына Глеба, но передумал и затворился в хорошо укрепленном Городце Остерском. На север самовластно ушел лишь Андрей Боголюбский, и это еще больше осложнило положение его отца.

Юрий же стал готовиться к новой войне с Изяславом, но, после первых известий об этом, был моментально осажден своими врагами. В сентябре 1151 года он все-таки вынужден уйти в свой Суздаль. Переяславль князю пришлось отдать сыну Изяслава, Мстиславу. Глеб Юрьевич был переведен в Городец, но в 1152 году Изяслав вместе с Изяславом Давыдовичем Черниговским захватил и последний оплот Юрия в Поднепровье. Город

был сожжен, а его жители – уведены. Восстановлен Городец Остерский будет лишь через 42 года Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо (1194).

После разгрома Юрия Долгорукого у Изяслава оставался один опасный противник – Володимирко Галицкий, разбивший на реке Стыри венгерское войско, шедшее на помощь Изяславу, занявшему киевский стол князю. В конце 1152 года Изяслав послал к венгерскому королю Гезе II – звать его в поход на Галич. Тот сразу же ответил своему родичу: «Я уже сажусь на коня и сына твоего Мстислава беру с собой; садись и ты на коня». Изяслав собрал войска, взял с собой весь полк Вячеславов, всех черных клобуков, лучших киевлян, всю русскую дружину и пошел на Галич. За Ярославлем объединились с венграми. На другой день союзники пошли к реке Сан, где их встретил с войсками Владимирко. Изяслав первым стал переправляться вброд через реку. За ним начали переправу и венгерские полки. Галицкая рать была разбита и бежала. Владимирко укрылся в Перемышле и начал переговоры о мире. Изяслав не хотел мириться, но Владимирко подкупил венгерских вельмож, и те уговорили короля. После долгих споров договорились, что Владимирко отдаст Изяславу киевские города Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу, уступленные прежде галицкому князю Юрием Долгоруким. Владимирко обещал вернуть их Изяславу. На этих условиях был заключен мир «с целованием креста животворящего на верность слову своему». Но когда войска победителей покинули Галицкое княжество, выяснилось что Владимирко Володаревич не собирается соблюдать договоренностей с Изяславом. Разосланные по отошедшим к нему городам посадники вернулись ни с чем – Владимирко оставил эти крепости за собой. Изяслав Мстиславич, вынужденный идти на помощь своему союзнику Изяславу Черниговскому, атакованному Юрием Долгоруким и половцами, не имел возможности покарать обидчика.

В 1153 году Владимирко Галицкий умер. Его преемником стал князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Он также отказался возвращать Бужск и другие спорные города. Тогда Изяслав выступил с войсками на Галич. 16 февраля 1154 года произошло сражение у Теребовля. Пользуясь сильным туманом, Изяслав перешел через реку Серет, за которой стояло галицкое войско, и разгромил его в ожесточенном сражении. Когда галичане дрогнули и стали отступать в Теребовль, Изяслав приказал поднять неприятельские флаги. Часть воинов Ярослава устремила к ним и была пленена победителями. В это время стемнело, и киевский князь, посчитав опасным наличие такого количества врагов, пусть и пленных, приказал

перебить их. Пощадили только галицких бояр.

Пока Изяслав ратился с Владимирком и его сыном Ярославом, Юрий Долгорукий, не претендуя пока на Киев, с переменным успехом воевал с Черниговом, восстановив прежний военный союз с Святославом Ольговичем. Но больших успехов одержать не сумел, возможно из-за действий княжившего в Переяславле Мстислава Изяславича, нанесшего несколько ощутимых ударов по половецким кочевьям. Все же феврале 1153 года в шедшую на Левобережье войну пришлось вмешаться Изяславу Мстиславичу, осадившему Новгород-Северский и принудившему Святослава отстать от суздальского князя, которому на время пришлось отвлечься от событий в Приднепровье. Во время очередного похода Юрия на юг, в Суздальскую землю вторгся рязанский и муромский князь Ростислав Ярославич. Тогда Андрей Боголюбский по приказу отца взял Рязань и сел там княжить. Ростислав снова привел своих союзников-половцев и неожиданным ударом (Андрею пришлось бежать из города «об одном сапоге») вернул свою «отчину», но в том же году умер. Новым рязанским князем стал его племянник, Владимир Святославич (старший в роду), который первым из правителей Рязани начал величаться великим князем.

Новый виток междоусобной войны связан со смертью Изяслава Мстиславича, умершего 13 ноября 1154 года. Новым киевским князем по приглашению Вячеслава Владимировича стал брат покойного, Ростислав Мстиславич Смоленский. Приехавший раньше него под предлогом похорон Изяслава Мстиславича черниговский князь Изяслав Давыдович в Киев пущен не был. Зато был призван другой черниговский князь, Святослав Всеволодич, сын сестры Изяслава и Ростислава и племянник Святослава Ольговича Северского, который должен был помочь престарелому Вячеславу удержать киевский стол до прибытия дяди из далекого Новгорода, где он тогда находился. Когда же это произошло, Ростислав дал ему завидный удел – Туров и Пинск. Сын Изяслава Мстислав остался на Переяславском княжении.

Но с переходом киевского стола к другому племяннику не был согласен Юрий Долгорукий. По его приказу Глеб Юрьевич с набранным им половецким войском вторгся в пределы Переяславского княжества. На помощь затворившемуся в своем городе Мстиславу Изяславичу был послан с отцовской дружиной Святослав, сын Ростислава. Под Переяславлем произошло ожесточенное сражение, закончившееся победой Мстислава

Изяславича и Святослава Ростиславича. Глебу с половцами пришлось уходить в степь. По дороге они взяли и разграбили город Пирятин на правом берегу реки Удай.

После ухода половцев Ростислав с Мстиславом Изяславичем и Святославом Всеволодовичем двинулись на Чернигов, требуя от Изяслава Давыдовича отказаться от союза с Юрием Долгоруким и претензий на Киев. Возможно, поход мог стать успешным, так как суздальский князь не успевал прийти на помощь союзнику, но в это время из Киева пришло известие о смерти старшего в роду Мономашичей, князя Вячеслава Владимировича, умершего в декабре 1154 года. В этих условиях Ростислав сначала продолжил поход на Чернигов, дойдя же до реки Белоус, отправил к Изяславу Давыдовичу послов с предложением заключить мир и признать его киевским князем. Но противник отверг мирные предложения Ростислава, зная, что к нему на помощь спешит Глеб Владимирович с половцами. Тогда Ростислав согласился на мир на условиях Изяслава, уступив ему Киев, а Глебу – Переяславль. Произошедшее потрясло Мстислава Изяславича, с дружиной своей покинувшего лагерь дяди. Узнав об этом, половцы атаковали войска Ростислава и его союзников, вынужденных бежать, преследуемых врагами. Ростислав ушел в Смоленск, Мстислав, забрав семью из Переяславля, укрепился было в Пересопнице, но вскоре его выбили оттуда служившие Юрию Долгорукому князь Юрий Ярославич и воевода Жирослав. Ему пришлось уйти в Луцк, к брату Ярославу. Потом уже он вокняжился во Владимире-Волынском. Еще один участник этого неудачного похода, Святослав Всеволодич, попал в плен к половцам, но был выкуплен у них своим родичем Изяславом Черниговским, вступившим победителем в Киев и севшим на великокняжеский стол.

Тем временем, получив известие о смерти Вячеслава, Юрий, ставший старшим в своем роду, двинулся на юг через Смоленское, а затем Черниговское княжество. Ростислав вынужден был выйти к нему навстречу и в январе 1155 года заключить мир, признав дядю великим князем. Согласились с его старшинством Святослав Ольгович и Святослав Всеволодичи. Изяславу Давыдовичу пришлось уступить великое княжение Юрию и вернуться в свой Чернигов. 20 марта 1155 года Долгорукий вступил в Киев. В Вышгороде стал править Андрей Юрьевич Боголюбский, в Турове – Борис Юрьевич, в Переяславле – Глеб Юрьевич, в Поросье – Василько Юрьевич. Мстислав Владимирович был призван княжить в Великий Новгород.

Укрепившись на «золотом столе», Юрий Долгорукий отправился с войсками к Луцку, где находись Мстислав и Ярослав Изяславичи. Отбиться братьям удалось только с польской помощью, присланной их шурином, князем Болеславом IV Кудрявым. Вместе с ним в поход выступил и Ярослав Осмомысл. Юрию пришлось при посредничестве Ростислава Смоленского заключить с Мстиславом и Ярославом мир. Им на двоих был дан Луцк, а Владимир-Волынский – их дяде Владимиру Мстиславичу, прозванному Матешичем (сыном мачехи, второй жены их общего отца Мстислава Великого). Это не устроило Мстислава, считавшего столицу Волыни своей отчиной. Летом 1156 года он изгнал дядю из Владимира и вокняжился в родном городе.

Конфликтом в Волынской земле решил воспользоваться Юрий Долгорукий. К нему снова присоединился галицкий князь Ярослав Осмомысл, а также Владимир Мачешич. Они попытались выбить Мстислава Изяславича из города, но неудачно. 10 дней стояли киевские и галицкие полки под Владимиром, но затем Юрий и Ярослав были вынуждены снять осаду и уйти из волынской земли, оставшейся таким образом за Мстиславом.

Впрочем, мириться с этим Юрий Долгорукий не собирался. К продолжению войны готовились и он, и его объединившиеся враги – Изяслав Давыдович Черниговский, Ростислав Мстиславич Смоленский и Мстислав Изяславич Волынский. В разгар военных приготовлений 15 мая 1157 года Юрий был отравлен на пиру у боярина Петрилы. Сразу после смерти князя его двор был разграблен народом – яркое свидетельство непопулярности князя среди киевлян.

После смерти Юрия Долгорукого в Киеве вокняжился Изяслав Давыдович, попытавшийся сохранить за собой и Чернигов. Но его родственники выступили против и смогли добиться передела городов. Чернигов перешел Святославу Ольговичу, а Новгород-Северский – Святославу Всеволодичу. В Суздальской земле стал править Андрей Боголюбский, его брат Глеб сохранил за собой Переяславль.

Но борьба за Киев продолжалась. В декабре 1158 года Мстислав занял Киев и пригласил к себе Ростислава Мстиславича, посадив его на великое княжение. Изяслав Давыдович ушел в землю вятичей, призвал половцев и с их помощью 12 февраля 1161 года внезапным ударом захватил Киев. Ростислав по совету дружины бежал из Киева и укрылся в Белгороде. Осада города войском Изяслава, шедшая в течение 4-х недель, не увенчалась успехом. На выручку к Ростиславу Мстиславичу подошли его

союзники – Мстислав Изяславич, Рюрик Ростиславич, Владимир Андреевич и правивший в Поросье Василько Юрьевич. Половцы Изяслава сразу же ушли, бежал и сам Изяслав, торки нагнали и разбили его войско, а сам он получил смертельное ранение и умер 6 марта 1161 года.

Благодаря этой победе Ростислав Мстиславич Смоленский смог укрепиться на великом княжении. Впрочем, уже в 1162 году ему пришлось поделиться властью с племянником и союзником Мстиславом Изяславичем Волынским. Когда возник конфликт между ними, Ростислава не поддержали киевское боярство и главная ударная сила княжества – черные клобуки. В этих условиях он был вынужден принять Мстислава в Киевской земле, отдав ему из своих владений Белгород, Торческ, Канев и даже земли черных клобуков.

Чувствуя, что киевский стол под ним зашатался, Ростислав обращает взор в степь и едет к хану Белуку с просьбой выдать его дочь за своего сына Рюрика. Брак состоялся. Половецкая поддержка укрепила Ростислава на престоле.

В феврале 1164 года скончался черниговский князь Святослав Ольгович. В Чернигове силой утвердился племянник умершего князя – Святослав Всеволодич. Своих двоюродных братьев, сыновей Святослава – Олега, Игоря и Всеволода – он изгнал из Чернигова в Северскую землю. Эту обиду они ему не простят, вражда между ними будет тлеть очень долго, временами вспыхивая огнем войны.

Начали ее северские князья уже в 1166 году. В ответ Святослав пригласил половцев, которые напали на Новгород-Северский. Великий князь Ростислав добился временного примирения сторон. Но в 1167 году он умер. Немедленно возобновилась борьба за великокняжеский стол. Киевский люд и черные клобуки послали за Мстиславом Волынским. Он заставил подчиниться себе Рюрика и Давыда – сыновей Ростислава и 15 мая 1167 года «вниде» в град Киев – и «седе на столе».

Киевляне и черные клобуки, вероятно, поддерживали Мстислава еще и потому, что он решительно не признавал союзов с половцами, которые были их врагами. Те, проинформированные об этом, начали готовить поход на Киев. Но великий князь Мстислав успел первым собрать силы и весной 1168 года нанес удар по Половецкому полю. В этом походе участвовали многие волынские князья. Крутой на расправу, великий князь заставил направить свои полки и черниговских, и северских князей («бяху бо тогда Олговичи в Мьстиславии воли»), и даже ростиславичей – Рюрика и Давыда. Он собрал под свои знамена войска всей лесостепной полосы – от бассейна Вислы до Северного Донца. Ударной силой были конница торков

под началом Бастея, черные клобуки и берендеи. Поход начался ранней весной (2 марта), когда степняки только собираются перекочевывать на летние пастбища: начинается окот, стада отяжелены молодняком. Половцы не успели организовать. Русские войска обогатились добычей – «и толико взяша полоня множество, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до избылиа и колодники и чагами и детми их и челядью и скоты и конми».

Победа эта прославила князя Мстислава. Слава его проникла далеко на север. Новгород изгнал Святослава Ростиславича и потребовал сына Мстислава – Романа. Великий князь удовлетворил просьбу «вольного города», и 14 апреля Роман прибыл в Новгород.

Но не бездействовали и враги нового киевского князя. Андрей Боголюбский (сын Юрия Долгорукого) организовал коалицию князей, недовольных распространением власти Мстислава и резким поворотом в отношениях со Степью.

В 1169 года войска двенадцати князей двинулись на Киев^[72]. Вместе с ними шли и «половецкие князи». Уже не дорожа бывшей столицей Руси, Андрей Боголюбский взяв город, не стал препятствовать его разграблению своими войсками, которые учинили в нем страшную резню. Во время трехдневного грабежа, Киев был сожжен, горожане частью уведены в плен, частью истреблены. Победителями ограблены были и монастыри, и церкви. «Бысть в Киеве, – говорит летописец, – на всех человецех стенание и туга и скорбь неутешимая и слезы непрестаньныя».

В 1170 году Андрей Боголюбский попытался вернуть Святослава Ростиславича на новгородский престол. Но добиться этого не сумел. Его войско было разбито новгородцами. Святослав Ростиславич умер. Воспользовавшись ослаблением главного своего противника, Мстислав Вольнский двинулся на Киев с черными клобуками, с галицкими и туровскими полками. Горожане сразу же открыли ворота, и он вступил в стольный город без боя.

Глебу Юрьевичу пришлось бежать к половцам. Уже в апреле (через месяц) он вернулся с ханом Кончаком. Теперь Мстиславу пришлось уходить в свой удел, где в августе 1170 года он умер. Потеряв мощную отцовскую поддержку, его сын Роман вынужден был покинуть Новгород. По договору с Андреем Боголюбским, новым новгородским князем стал Рюрик Ростиславич.

Борьба за Киев продолжилась. Заговоры и скоропостижные и странные смерти (Глеб Юрьевич – 20 января 1171 года; Владимир Мстиславич – 30 мая 1171 года) сменялись военными действиями. Весной 1173 года Ростиславичи поднялись против Андрея Боголюбского и заняли

стольный град. На «золотой стол» был возведен Рюрик Ростиславич. В разгоревшейся войне на стороне суздальского князя приняли участие и Святослав Всеволодич Черниговский, и Игорь Святославич Северский.

Однако поход Андрея Юрьевича в Киевскую землю и предпринятая им осада Вышгорода (1173) закончились неудачей. Суздальские рати отступили. В Киеве при поддержке Ростиславичей утвердился Ярослав Изяславич Луцкий. Но после гибели Андрея Боголюбского (1174) он добровольно уступил «золотой стол» Роману Ростиславичу, удалившись в свой Луцк.

В 1176 году войска, возглавляемые братьями Романа, Рюриком и Давыдом, были разгромлены половцами у Ростовца, после чего враги разорили 6 городов берендеев. Виновником поражения считался Давыд Ростиславич, и черниговский князь Святослав Всеволодич потребовал от Романа Ростиславича суда над братом и лишения его доли в Русской земле. Роман отказался, подвергся нападению Святослава, был вынужден уйти из Киева в Смоленск. Великим князем стал Святослав Всеволодич, сумевший не только взять под контроль ситуацию в Южной Русчи, но и нанести ряд поражений половцам. В 1180–1181 годах князь совершил знаменитый Северный поход против Всеволода Большое Гнездо, пленившего его сына Глеба, княжившего в Коломне. Боевые действия шли с переменным успехом. Наибольшим для Святослава стало разорение Дмитрова, но нападения Ростиславичей на его владения вынудили черниговского князя вернуться с войсками на юг. На помощь ему пришли северские князья и половцы. Тем не менее, Рюрику Ростиславичу удалось разгромить союзников Святослава Всеволодича в сражении на Днепре. Игорю Северскому и Кончаку пришлось бежать в одной лодке. После этой неудачи противники заключили мир. В самом Киеве сел править Святослав, а Рюрик получил княжение в Киевской земле. Тогда же они смогли договориться и с Всеволодом Большое Гнездо – в 1183 году Святослав помог ему войсками во время похода владимирского князя на волжских болгар.

После смерти Святослава в 1194 году Рюрик стал великим князем, опираясь на поддержку своего зятя, Романа Мстиславича Волынского. За это он дал ему пять городов в Поросье: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав, Канев. Но Всеволод Большое Гнездо, признанный Рюриком старшим в роду Мономашичей, потребовал отдать ему эту волость. Поросские города были переданы владимирскому князю, что не могло не разгневать Романа. Он развелся с женой, Предславой Рюриковной, и перешел на сторону черниговских Ольговичей. Военные действия, начатые

в 1195 году, свелись к серии взаимных ударов и не принесли особых успехов ни одной из сторон. Но в 1199 году Роман смог присоединить к своему княжеству и Галицкую землю. Его усиление встревожило других русских князей. В 1201 году уже Рюрик вступил в союз с Ольговичами и стал готовить поход на Галич. Однако Роман опередил Рюрика, неожиданно появившись на Киевщине во главе волынских и галицких полков. Киевляне открыли ворота перед Романом Волынским. Пленив бывшего тестя, Роман дал ему княжение в Овруче, а в Киеве поставил двоюродного брата Ингваря Ярославича. Сам же вернулся в Галич.

В том же году Роман Мстиславич, как когда-то его отец, организовал большой победоносный поход на половцев. Лаврентьевская летопись сообщает об этом с нескрываемой похвалой: «Ходил князь Роман на половцев, и взял вежи половецкие, и привел полоня много, и душ хрестьяньских множество отполонил от них; и бысть радость велика в земли Русской».

Но именно тогда по Киеву нанес удар Рюрик Ростиславич. Соединившись с Ольговичами и союзными им половцами, он 2 января 1203 года взял город и отдал его на разграбление своим войскам и союзникам. Половцы разграбили древние храмы и монастыри, увели огромный полон, перебив старых и увечных. По словам летописца, «великое зло было причинено Русской земле, какого от крещения не было над Киевом, были беды и нападения, но не такие, как это нынешнее зло; не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и митрополью Святую Софию разграбили, и Десятинную церковь Святой Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы ободрали, а иные забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе, и это все забрали себе в полон». Далее говорится, как половцы изрубили всех старых монахов, попов и монашек, а юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в свои становища. Победители пощадили лишь иностранных купцов, взяв у них половину имущества. С. М. Соловьев предполагал, что разграблением Киева, не имея средств, Рюрик расплатился с половцами. Разорив город, князь не остался в нем, а ушел в Овруч. Позже Роман захватил его там и насильно постриг бывшего тестя в монахи.

Липицкая битва

Умирая в 1212 году, великий князь владимирский Всеволод Большое

Гнездо оставил наследником третьего сына, Юрия (Георгия) Всеволодича, в обход старшего сына, Константина (второй сын Всеволода Борис умер еще в 1188 году). С первых же дней своего княжения новый владимирский государь выказал себя великодушным и милосердным правителем, освободив из заточения рязанских князей, плененных его отцом. Однако над головой этого князя уже сгущались грозные тучи. Между братьями Юрием и посчитавшим себя обиженным и обойденным Константином, укрепившимся в Ростове, началась нешуточная борьба за власть. Несколько раз, собирая войска, братья сходились для битвы на реке Ишне, но до сражения дело не доходило. Вскоре в эту борьбу вмешался торопецкий князь Мстислав Мстиславич Удатной (Удальи), призванный новгородцами на княжение в свой город. Старший из Всеволодичей перешел на сторону нового новгородского князя, славящегося своей ратной доблестью и удачливостью, и в союзе с ним выступил против братьев. Две союзные армии встретились в Сарском городище, откуда двинулись на Переяславль. Однако Ярослав успел уйти с войском во Владимир. Узнав об этом, Мстислав и Константин встали лагерем у Юрьева-Польского.

Решающая битва этой воистину братоубийственной войны произошла 21 апреля 1216 года на реке Липице. Полки Юрия, Ярослава и их младших братьев, соединившись в окрестностях занятого противником Юрьева-Польского, стали лагерем на горе Авдовой. Рати Мстислава Удатного, Константина Всеволодича и их союзников выступили им навстречу и заняли позицию на соседней Юрьевой горе. Противников разделяла только широкая заболоченная низина с протекавшим по ней ручьем Тугеном.

После неудачных переговоров, начатых Мстиславом Удатным, стремившимся без кровопролития, миром посадить на великокняжеский Владимирский стол своего союзника Константина Всеволодича, его войско начало сражение. Рано утром 21 апреля (в день святых Тимофея, Федора и Александры царицы) мстиславово войско, не решившееся атаковать укрепленный плетнем и кольями суздальский лагерь, стало строиться в походный порядок, готовясь к выступлению на Владимир. Тогда Юрий и Ярослав вывели свои полки за линию укреплений, чтобы помешать противнику. Именно в этот момент спешившиеся новгородские и смоленские воины перешли ручей и атаковали войско братьев Всеволодовичей. Центр их позиции, где стояла рать переяславского князя Ярослава Всеволодича, был потеснен смоленским полком. Тогда командовавший войском князей-союзников Мстислав Удатной бросил в бой свои конные дружины. Они трижды прошли через боевые порядки владимиристо-суздальских полков, совершенно расстроив их и захватив два

стяга переяславской рати князя Ярослава Всеволодича. Решил исход сражения удар дружины князя Константина Всеволодовича во фланг полка князя Юрия Всеволодича, после чего истребляемые воины его рати обратились в бегство.

Липицкая битва стала одной из самых кровавых в истории Древней Руси. Завершилась она сокрушительным разгромом «всей силы Суздальской земли» – полков Юрия, Ярослава и их младших братьев. Только убитыми войско князей Всеволодичей потеряло 17 250 человек. Победители потеряли убитыми около 2 550 воинов. Из примечательных фактов, указанных летописцем, следует указать на то, что в этом сражении участвовал знаменитый ростовский богатырь Александр Попович, который сразил двух суздальских витязей, Юрюту и Ратибора.

Уходя от погони, загнав трех коней, в одной сорочке великий князь Юрий прискакал во Владимир, но сил организовать отпор шедшим по его следу отрядам противника у него уже не было. Горожане на призыв своего князя дать отпор приближающимся врагам отвечали: «Князь Юрий! С кем нам затвориться? Братья наши избиты, другие взяты в плен, остальные пришли без оружия, с кем нам стать?» Тогда, осажденный в своем стольном граде, он вынужден был признать поражение, согласиться на все условия Мстислава и уступить старшему брату Великое княжение Владимирское, получив в удел даже не Ростов, а небольшой городок Радилов Городец на Волге. Однако вскоре Юрию Всеволодичу удалось примириться с братом, давшим ему Суздаль, а после его смерти в феврале 1218 года вернуть себе великокняжеский стол.

Глава 7. Монгольское нашествие на Русь и сопредельные страны

На рубеже XII–XIII веков в степях Центральной Азии, на огромной территории от Енисея до Амура, возникла грозная и могучая Монгольская держава. Она объединила множество кочевых племен, одно из которых называлось татары. Соседние народы распространили это название на все монгольские племена, поэтому на Руси и в Европе монголов и большинство подчиненных ими народов называли татарами.

Кочевые монгольские племена занимались разведением лошадей и мелкого скота. Для обеспечения животным стабильного круглогодичного корма кочевники постоянно передвигались с места на место в поисках хороших пастбищ. Жили они в юртах, которые можно было быстро сложить и перевезти на новое место. Монголам часто приходилось сталкиваться с соседними племенами и народами в борьбе за лучшие пастбища и более выгодные условия торговли. Каждый мужчина племени был воином, а детей уже с малых лет учили ездить на лошадях и стрелять из лука.

В 1206 году верховным правителем монголов был провозглашен *Темучин*, назвавший себя *Чингисханом* (одни историки трактуют это имя-титул как «Посланник неба», другие – «Великий хан», третьи, более убедительно связывают его с тюркским словом «тенгиз» – «океан-море»). Чингисхан объявил главной задачей своего государства завоевание всего мира. Весь народ стал войском и делился на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тысяч человек). Среди простых кочевников выделялись воины-дружинники (**нукеры**), которые служили в дружинах знатных людей (**нойонов**) или же у самого хана.

Монгольское войско было сковано суровой дисциплиной и связано круговой порукой. Если воин струсил в бою или покинул поле боя из-за легкой раны, то его выводили перед своим десятком и убивали. Если же десяток не наказывал провинившегося, то уничтожался весь десяток. Стоило двум воинам поспорить из-за добычи или вспомнить старые ссоры во время похода, как обоим спорщикам прилюдно накидывали на шею удавки и переламывали позвоночки.

Дисциплинированное монгольское войско безукоризненно повиновалось любым приказам военачальника. В ходе многочисленных походов и сражений у монголов выработалась и была доведена почти до

совершенства своеобразная и не похожая на другие народы манера ведения боя. Во время сражений они предпочитали осыпать противников стрелами с недоступного для вражеских лучников расстояния (монгольские луки стреляли дальше, нежели у всех их противников) и, обойдя противников с флангов, бить по тылу или, имитируя отступление, заманивать неприятеля в то место, где стоят главные силы. А неожиданный удар тяжелой конницы, специально созданной Чингисханом, обычно завершал разгром врага.

Естественно, перед тем как сразиться с противником в открытом поле, монголы пытались всеми возможными средствами ослабить его. Для этой цели к врагам обычно засылались послы, которые, одновременно со сбором разведывательных сведений о численности, составе, характере вооружения и моральном духе противостоящего монголам войска, пытались внести разлад в его ряды.

Войска Чингисхана завоевали племена Южной Сибири и Центральной Азии. В 1211 году они напали на Китай, а в 1219 разгромили государство Хорезм. Монголы разрушили и сожгли огромные и богатые города, среди которых были Бухара, Самарканд, Мерв, Хорезм. Население уничтожалось или угонялось в рабство. Особенно ценились рабы-ремесленники, способные изготовить невиданные монголами изделия.

Возникает неизбежный вопрос: почему «дикие и отсталые» монгольские племена в столь короткие сроки покоряли огромные, сильные и «развитые» государства Средней Азии и Восточной Европы?

Во-первых, монголы быстро и успешно перенимали все важнейшие достижения покоренных народов в военном, особенно в военно-инженерном, деле. Если в начале войны с Китаем они два года просто стояли под Великой Китайской стеной, не зная, что делать, то затем с помощью изменников прорвались за нее, и в их войске появились самые разнообразные осадные механизмы. С помощью этих приспособлений монголы могли достаточно быстро брать хорошо укрепленные тангутские, среднеазиатские, кавказские и русские крепости.

Во-вторых, разница в стадиях развития оказалась не в пользу, так сказать, «развитых народов». Военно-кочевому феодализму у монголов, когда каждый боеспособный мужчина являлся воином, во многих государствах Европы и Средней Азии соответствовала стадия политической раздробленности, при которой в военные столкновения крупных феодалов были вовлечены весьма небольшие военные отряды – их собственные дружины, а максимальное количество трудоспособного населения занималась созидательным трудом, что и способствовало экономическому процветанию этих земель.

В-третьих, именно монголы в качестве живого щита стали использовать «хашар» – пленных, посылая их в сражение или на штурм в первых рядах. Выжившие и заслужившие доверие захватчиков пополняли их ряды.

В 1206 году в далеких местах на реке Ононе вожди кочевых племен собрались на курултай, где провозгласили своим верховным правителем Темучина – одного из удачливых степных вожаков и нарекли его Чингисханом. Этот курултай сыграл трагическую роль в судьбе Древней Руси. Чингисхан силой объединил под своей рукой всех монголов, некоторые соседние племена и создал войско, которому в XII–XIII веках, в эпоху развитого феодализма в среднеазиатских государствах, на Руси и в Европе равных не было.

Рядовой единицей этого войска была десятка – семья, ближайшие родственники одной юрты, одного аила. Потом следовала сотня, в нее входили люди одного рода. Тысяча могла объединять два или три аила, далее шла тьма – десяти тысячный отряд.

Фигура Чингисхана выплыла словно из времен дикости и варварства. Развитые цивилизации, стоящие на его пути, он не поработал, а уничтожал. Чингисхан подобрал себе и соответствующих помощников, первейшими из которых были «четыре пса ... Темучина»: Джебе, Хубилай, Чжелме, Субэдей. В войске Чингисхана действовал закон: если в бою кто-то из десятки побежит от врага, то следует казнить весь десяток; если в сотне побежит десяток, то казнить всю сотню, если побежит сотня и откроет брешь врагу, то казнить всю тысячу. Отсюда и войско было сильным и хорошо подготовленным.

После разгрома Северного Китая Чингисхан устремил свой взгляд на богатейшие государства Средней Азии, где возвышались города Бухара, Самарканд, Мерв, Ургенч и другие богатые и многолюдные поселения. Империя правивших в Средней Азии хорезм-шахов находилась на пике своего процветания. Казалось, задача ее разгрома была трудновыполнимой, но не для спаянной в грозную силу монгольской армии. Все завоевание было совершено за 3 года – 1219–1221 годы. Хорезмхан Мухаммед недооценил силу Чингисхана, в следствие чего спасался бегством. В погоню был отправлен кошун (несколько туменов) под руководством «ценных псов» Джебе и Субэдея. Кошун огнем и мечом прошел по Северному Ирану, вышел на Кавказ, разрушил несколько древних и богатых городов, разбил грузинские войска, проник через Ширванское

ущелье на Северный Кавказ и столкнулся с половцами. Хитростью и коварством татары, истребив половцев, двинулись к Днепру.

Во время похода в Среднюю Азию Чингисхан отправил на запад отборный 20-тысячный отряд. Командовали им лучшие полководцы «Потрясателя Вселенной» – Субудэй-багатур и Джебе-нойон. Они должны были пройти через Кавказские горы и, обойдя Каспийское море, нанести удар по кипчакам-половцам, принявшим у себя меркитов – старинных врагов рода Борджиган, к которому принадлежал и сам Чингисхан.

Разгромив грузинское войско царя Георгия IV, монголы пошли через горные перевалы Кавказа, но там были окружены войсками соединившихся половцев, ясов и касогов. Тогда Субудэй применил обычный для монголов прием – послал половцам богатые дары с обещанием не воевать с ними. И стоило им уйти в свои кочевья, как монголы, легко разгромив ясов и касогов, вышли в причерноморские степи. Здесь, как и следовало ожидать, они обрушились на кипчаков и разгромили их наспех собранное войско в битве у реки Дон.

Половецкий хан Котян, на дочери которого был женат галицкий князь Мстислав Удатной (Удалый), обратился к своему зятю и другим князьям с просьбой о военной помощи против пришедшего с далекого Востока общего врага. Съехавшись в Киеве, правители южнорусских земель согласились с доводами половцев и решили весной следующего года выступить в совместный с ними поход против татар.

Сбор княжеских армий начался в марте 1223 года. Под стягами великого князя Мстислава Романовича выступили в поход не только дружины его сына Всеволода, зятя Андрея, но и отряды Святослава Рюриковича Шумского и Юрия Несвижского, а также большой пеший полк киевских ополченцев. Это было самое большое из княжеских войск. Под высокой рукой великого черниговского князя Мстислава Святославича шли полки Олега Игоревича Курского, князей Путивльского и Трубчевского. Мстислав Удатной также собрал большое войско, в которое входили дружины его зятя Даниила Романовича, князя Волынского, Мстислава Ярославича Немого, князя Луцкого, князя Изяслава Ингвареча и Изяслава Владимировича Теробовльского. Был зван на общерусское дело и великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, но он выслал на подмогу трем Мстиславам лишь отряд своего племянника, ростовского князя Василька Константиновича. Но и это небольшое войско шло слишком медленно и, дойдя к моменту сражения лишь до Чернигова, затем поспешно вернулось назад.

Местом встречи княжеских полков был избран небольшой городок

Заруба на Днепре, в 50 километрах ниже Киева. Даже без владимиросуздалских полков в конце апреля 1223 года здесь собралась армия, какой «давно вкупе не бывало» – около 103 тысяч воинов. Впрочем, и монголо-татары хорошо использовали полученную ими передышку, включив в свое войско многочисленные отряды степных удальцов, в частых войнах того времени охотно встававших на сторону сильного и удачливого завоевателя. К монголам присоединились даже бродники – славяно-русское население нижнего Дона, в которых многие историки видят предков современных казаков.

В конце апреля князья, так и не договорившиеся о едином командовании, повели каждый свое войско к Днепровским порогам, а затем, оставив здесь суда, направили свои силы к устью реки Хортицы. Там 15 мая 1223 года соединились русские и половецкие войска. Тогда же на противоположном берегу Днепра союзники увидели первые монгольские разъезды. На следующий день Мстислав Удатной с 10-тысячным отрядом и половцами перешел Днепр и атаковал монгольскую стражу. Разбив татарские дозоры, он обратил их в бегство, захватив командовавшего ими «воеводу» Гамябека, тогда же убитого половцами. Следующая стычка с монголами также закончилась победой русского оружия. Успешное начало похода воодушевило вождей собравшейся на Днепре армии, и они решили двинуться в степь, навстречу главным силам монголов. У ладейной переправы оставили лишь небольшой отряд в 1000 воинов.

Утомительное преследование легкоконных татарских отрядов продолжалось 7 дней. На восьмой день русско-половецкая армия достигла берегов степной речки Калки, где уже ожидали ее тумены Субудея и Джебе. Войско галицкого князя и половецкие отряды, переправившись через Калку, стали готовиться к нападению на татар, черниговские полки, помешкав, также стали переправляться к месту боя, но войска Мстислава Романовича Киевского, оставшись на западном берегу реки, стали готовиться к обороне, устроив укрепленный лагерь. В произошедшем 31 мая 1223 года сражении на реке Калке монголы разгромили галицко-половецкие, а затем и черниговские войска, обратили их в бегство и преследовали: галичан до самого Днепра, а черниговцев, пробывавшихся на север, до Новгорода Северского. На этом пути погибли тысячи русских витязей. Погибли и Мстислав Черниговский, и его сын Василько. С тысячей воинов смог пробиться к Чернигову лишь смоленский князь Владимир Рюрикович, за Днепр ушли от монгольского преследования галицкий князь Мстислав Удатной и еще очень молодой волынский князь Даниил, раненный в сражении ударом монгольского копья в грудь.

Разгромив и рассеяв галицкие и черниговские рати, Субудей-багатур и Джебе-нойон вернулись к окруженному лагерю князя Мстислава Романовича Киевского, который стерегли отряды татарских «воевод» Цыгыр-хана (Черкана) и Тешу-хана (Тешкана). К окруженному русскому войску был послан парламентер – воевода бродников Плоския. Тот, на кресте поклявшись, что татары опустят всех сдавшихся обратно на Русь, уговорил князей сложить оружие, словом Субудей обещав им, что не прольется ни капли княжеской крови. Вопреки ранее данным клятвам и обещаниям всем пленным была уготована страшная участь – простых воинов перебили, а князья, которым сам Субудей обещал, что кровь их не будет пролита, были брошены под дощатый настил – на нем, отмечая победу, пиروвали монгольские командиры. Под тяжестью пирующих все пленные князья были задавлены.

Одержав победу, Джебэ и Субудэй отправились обратно через Волжскую Булгарию. Там их войско попало в засаду, понеся большие потери, в том числе утратило всю добычу. По сообщению Ибн аль-Асира, после битвы с булгарами в монгольском войске уцелело 4 тыс. человек. Остатки рати Субудэя и Джебэ через Саксин, располагавшийся предположительно на Нижней Волге, проследовали в Дешт-и Кыпчак, где соединились с действовавшей там армией Джучи, предоставив командованию точную информацию о ситуации в Восточной Европе.

Безрассудность и нераспорядительность русских князей, вдали от родной земли сложивших свои головы и потерявших до 70 тысяч человек лучших воинов, привели к тяжелым последствиям. Спустя 14 лет, во времена Батыева нашествия, и во Владимиро-Суздальской земле, и в других княжествах никто уже и не думал о соединении против общего врага всех русских ратных сил, а тем более – о встречном походе против них в степь.

Война в прикаспийских степях, через которые проходила караванная дорога из Азии в Европу, началась еще в 1229 году, хотя отдельные столкновения, если верить венгерскому доминиканцу Юлиану, происходили и раньше. Возглавившим действовавшие в этом районе монгольские войска полководцам Бату-хану (Батью), сыну и наследнику Джучи-хана, и его наставнику Субэдей-багатуру пришлось сначала сломить сопротивление восточных венгров, затем – с трудом очистить эти пространства от живших здесь саксинов (народность, родственная торкам и туркменам) и половцев. В 1232 году они предприняли попытку вторжения в Волжско-Камскую Болгарию, но были отбиты. Даже город Саксин

монголам взять не удалось. После этого стало ясно, что продолжать завоевание стран Запада силами одного лишь улуса Джучи было невозможно.

В 1235 году на состоявшемся в Каракоруме курултае было принято решение начать большой поход в Европу, сформировав большую армию, в состав которой должны были войти войска всех улусов империи Чингисхана. Общую ее численность историки определяют по-разному, однако, учитывая общее число состоявших при войске Бату-хана царевичей-чингизидов – 14, командовавших отдельными соединениями этой армии, вероятно, она достигала, а может быть, и превосходила 150 тысяч человек. Осенью 1236 года под монгольскими мечами пала Волжская Болгария, весной и летом 1237 года главные силы Бату-хана вели ожесточенную войну с аланами и половцами, а осенью этого года двинулись к границам Руси. В одной из летописей о пришедших на Рязанскую землю монголах сообщалось: было их «множество бещисла, акы пружи», т. е. тараканы^[73].

Сосредоточив свои тумены в верховьях реки Воронежа и на реке Суре, в начале декабря 1237 года Батый напал на Рязанское княжество. Войдя в пределы этой земли, он потребовал от князя Юрия Ингваровича уплаты ежегодной дани, которая составляла десятую часть доходов. После совета с боярами рязанский князь ответил послам: «Когда нас всех не станет, тогда все будет ваше». Тогда грянуло сражение на реке Воронеж, где монголам противостояли не только рязанские и пронские, но и муромские дружины. После жестокой сечи враги, потерявшие многих воинов, «так рассвирепели, что начали людей всюду побивать и пленить с великою яростию». Остатки русских дружин смогли оторваться от преследования и отошли к Рязани. 16 декабря монголы подошли к городу и начали осаду. Действуя по установленному плану, они возвели вокруг русской крепости частокол, который защищал их от вылазок, и строили специальные осадные башни; затем начинали обстреливать город из камнеметов. В качестве снарядов в данном случае использовались облитые водой и замороженные деревянные чурбаки, не уступающие по эффективности камням. Ими монгольские «артиллеристы» сбивали заборала – брустверы, галереи на стенах, в которых находились защитники крепости. Добившись первого успеха, монголы завалили рвы и приблизившись к стенам, старались пробить в них брешь таранами или преодолевали их, используя штурмовые лестницы. В том случае, когда обстановка требовала применения осадных башен (при атаке на города, имеющие каменные укрепления), изготовляли и их. С придвинутых вплотную к крепости башен перекидывали на стену

«переметы» – мостки, по которым атакующие с кличем «Хуррах!» врывались в город.

Такая схема была использована и при взятии Рязани. После шестидневного непрерывного штурма, сбив брошенными из катапульта камнями заборала, монголы 21 декабря 1237 года овладели городом. Погибли князь Юрий Ингваревич и его близкие. Епископа и священников сожгли в церкви. Летописец писал: «...многие от оружия падали, а в городе многих людей и женщин и детей мечами порубили, а других в реке утопили..., и весь город сожгли». Город так и не был восстановлен. В конце XIII века столица княжества переместилась в Переяславль Рязанский, впоследствии переименованный в Рязань.

Последним подвигом рязанцев стала битва дружины Евпатия Львовича Коловрата. Этот боярин в канун вражеского нашествия был послан князем Романом Ингваревичем за помощью в союзный Чернигов. С набранной там небольшой дружиной из 300 «храбров» он вернулся в родное княжество через два дня после гибели Рязани. Огромный цветущий город и весь Рязанский край превратились в сплошное пепелище. Многие князья, воеводы, дружинники и простые люди «чашу смертную испили». Тогда, собрав по окрестным лесам еще около 1400 уцелевших воинов-рязанцев, Коловрат пошел по следам монгольской армии. Тумены Батыя двигались вверх по Оке, на Владимир, разоряя лежащие на их пути грады и села. Нападения с тыла не ожидали, но оно последовало. Евпатий нанес несколько неожиданных ударов, уничтожая отдельные вражеские отряды. В ожесточенных схватках русские рубили врагов «нещадно», так, что даже мечи у них притупились, и биться далее им пришлось трофейными саблями. Почти всегда русским воинам сопутствовал успех, но во время одного из таких нападений в плен было захвачено 5 русских воинов, от которых монголы под пытками узнали о численности и местонахождении отряда рязанского воеводы. Видимо, посчитав его дружину и ее действия опасными для себя, Батый направил против Евпатия Коловрата большой отряд во главе со своим шурином, знаменитым монгольским багатуром Хостоврулом (Христовлуром). Рязанский воевода не стал бежать от многочисленных вражеских полчищ и сразился с монголами. В произошедшем ожесточенном бою татарское войско было разбито. Хостоврул сошелся в поединке с самим Коловратом и пал – русский витязь могучим ударом меча рассек монгольского багатура надвое до самого седла. В этой яростной сече от руки рязанского воеводы погибло еще несколько вражеских воинов, остальные вынуждены были отступить.

Узнав о поражении и гибели Хостоврула, Батый, не медля, развернул

против русского отряда еще более многочисленные монгольские войска, бросив их в бой. Его воинам удалось обнаружить, окружить и разгромить дружину Евпатия. Сам Коловрат с немногими уцелевшими витязями продолжал упорно сражаться. По-видимому, он и его воины были блокированы в каком-то наспех возведенном укрепленном лагере и там их расстреляли каменными ядрами татарских метательных машин. Враги, дорогой ценой купившие победу, оценили доблесть и мужество павшего воеводы и его людей, говоря о них: «Таких удалцов и резвцов не видали. Ибо это люди крылатые и не имеющие страха смерти». По преданию, тело погибшего русского богатыря было предъявлено самому Батюю, который долго дивился на него, а затем повелел отдать уцелевшим воинам Коловратовой дружины, чтобы они с честью похоронили останки столь славного мужа.

Позже подвиг бесстрашного витязя Евпатия Коловрата был воспет в замечательном памятнике древнерусской литературы – «Повести о разорении Рязани Батыем».

Коломенская битва

Разорив Рязанскую землю, монголы по замерзшим рекам, двинулись к Владимиру на Клязьме. На этом пути монгольским войскам предстояло преодолеть сопротивление большого владимирского войска, выступившего навстречу врагу и соединившегося под Коломной с остатками рязанских полков князя Романа Ингваревича. К ним присоединились коломнич, а также успевшие на битву отряды из Новгорода, Москвы, Пронска и других городов. Пришла и часть великокняжеской дружины во главе с опытным в военном деле воеводой Еремеем Глебовичем. Можно достаточно уверенно предположить, что со стороны русских в сражении под Коломной участвовало 15–20 тысяч воинов. Общее руководство над объединившимся войском принял старший сын великого князя владимирского, Всеволод Юрьевич. Сражение с грозным врагом он намеревался дать в самом удобном для русского войска месте, используя выгодное расположение Коломны. Этот город в то время был мощной крепостью. Ее бревенчатая стена с башнями шла по верху земляного вала, у подножия которого со стороны луга подковой был вырыт глубокий ров, соединявший реки Москву и Коломенку.

Воевода Еремей Глебович возглавил передовой полк и сумел «уследить» неприятеля. Таким образом, к битве русские были готовы.

Сражение произошло под Коломной, на правом равнинном берегу Москвы-реки. Противостояние отличалось невероятным упорством. Об этом свидетельствует важное сообщение Рашид-ад-Дина о гибели в бою хана Кулькана – одного из младших сыновей Чингисхана. Он стал единственным из царевичей-чингизидов, погибшим во время походов на Русь и в Европу. Обычно ханы во время битвы предпочитали находиться далеко позади сражающихся, под охраной телохранителей-нукеров. В связи с этим В. В. Каргалов выдвинул гипотезу о нарушении во время коломенского сражения боевого порядка монголов и о глубоком прорыве русской тяжеловооруженной конницы к ханской ставке.

1 января 1238 году монголы по льду перешли Оку и атаковали сторожевой полк, вынудив его отступить к «надолобам» – вертикально или наклонно врытым бревнам. Первоначально врагу не удалось сломить сопротивления русских воинов. Тогда ложным отступлением им удалось выманить врагов. Только тогда на них обрушились главные силы Батые. В страшной сече погибли почти все русские воины. Погибли почти все воеводы, в том числе Роман Ингваревич и Еремей Глебович. Лишь Всеволоду Юрьевичу, по сообщению Лаврентьевской летописи, «в мале дружине» удалось прорваться и уйти к Владимиру. После битвы монголы взяли Коломну и лежавший неподалеку городок Свирелеск.

Овладев этими крепостями, Батый пошел к Москве, вопреки устоявшемуся мнению, уже тогда превратившейся в один из наиболее значительных городов Владимиро-Суздальской Руси. Часть москвичей, способных держать оружие, погибла в сражении 1 января под Коломной, другая вернулась в родной город, чтобы оборонять его. Сдаваться горожане не стали. В обороне Москвы деятельное участие принимала дружина княжившего в этом уделе Владимира, сына великого князя Юрия Всеволодича. Его советником был воевода Филипп Нянка. Москву монголы взяли штурмом 20 января 1238 года, на 5-ый день осады, перебив его жителей. Князь Владимир попал в плен, а воевода Нянка погиб в бою.

Страшный враг двинулся по Клязьме на Владимир. Город был окружен высокими деревянными стенами и укрепленными мощными каменными башнями. С 3-х сторон его прикрывали реки: с юга – Клязьма, с севера и востока – Лыбедь. Над западной стеной города высились Золотые Ворота – самое мощное оборонительное сооружение древнего Владимира. За внешним обводом Владимирских укреплений находились внутренние стены и валы Среднего, или Мономахова, города. И, наконец, в середине столицы располагался каменный кремль – Детинец.

Таким образом, врагам необходимо было прорвать три

оборонительные линии, прежде чем они могли достигнуть центра города – Княжеского двора и Успенского собора. Но для многочисленных башен и стен не хватало воинов. На княжеском совете было решено оставить в городе сохранившиеся войско и дополнить его городским ополчением, а самому великому князю идти с ближней («малой») дружиной на север и собирать новые рати. Накануне прихода врага Юрий, оставив в городе жену Агафью Всеволодовну и сыновей – Всеволода и Мстислава, погибших впоследствии при штурме города монголами, уехал со своими племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром на р. Волгу. Местом сбора полков была выбрана река Сить. После ухода на север великокняжеской дружины оборону Владимира возглавили сыновья Юрия – Всеволод и Мстислав, а также воевода Петр Ослядякович.

Враги подошли с запада (на Ременское поле). Вскоре «приехаша Татари к Золотым воротом, вода с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. И начаша просити Татарове князя великого Юрья, есть ли в граде. Володимерци пустиша по стреле на Татары, и Татарове тако же пустиша по стреле на Золотая ворота. И по сем рекоша Татарове Володимерцем: “Не стреляйте!”. Они же умолчаша. И приехаша близь к воротом, и начаша Татарове молвити: “Знаете ли княжича вашего Володимера?” Бе бо уныль лицом. Всеволодь же и Мстиславъ стояста на Золотых воротех и познаста брата своего Володимера. А Татарове отшедше от Золотых воротъ и объехаша весь градъ, и сташа станом пред Золотыми враты, назрееме множество вои бещислено около всего града. Всеволод же и Мстиславъ сжалистася брата своего деля Володимера и рекоста дружине своеи и Петру воеводе: “Братья! Луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за прововерную веру хрестьянскую!” И не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь». Тогда монголы окружили Владимир со всех сторон, полностью отрезав его от внешнего мира. Так началась осада самого большого тогда на Руси города^[74].

6 февраля начались установка тяжелых метательных орудий и обстрел крепостных укреплений. Стены удалось пробить в некоторых местах, но проникнуть сквозь эти проломы монголы не смогли.

Рано утром 7 февраля начался общий штурм Владимира. Главный удар был нанесен с Запада. В результате обстрела из камнеметов деревянная стена южнее Золотых Ворот была разрушена, и монголы ворвались в город. Они прорвались через Иринины, Медные и Волжские ворота к Детинцу, где почти не осталось воинов. Княжеская семья, бояре и посадские люди укрылись в Успенском соборе, где и погибли в огне и дыму подоженного врагами храма.

Во время штурма и последующего грабежа Владимир был полностью разорен.

Овладев стольным городом сильнейшего русского княжества, Батый двинул свои тумены на Суздаль. 5 февраля 1238 года город пал. После этого вражеский предводитель разделил свое войско на отдельные отряды, направив их разорять окрестные земли. Под их ударами в течение февраля 1238 года превратились в руины 14 русских городов: Ростов, Углич, Ярославль, Кострому, Кашин, Кснятин, Городец, Галич-Мерский, Переяславль-Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский, Тверь и Торжок. Один за другим гибли города, откуда могла бы придти к Юрию Всеволодовичу помощь, на которую он, несомненно, надеялся, уходя в Заволжье.

О том, что Юрий, взяв с собой небольшую дружину, отправился в Заволжье собирать рать, способную дать отпор нашествию монголов, достаточно подробно свидетельствует летописец: «Тое же зимы. Выеха Юрьи из Володимеря в мале дружине, урядивъ сыны своя в собе место Всеволода и Мстислава. И еха на Волъгу с сыновци своими с Васильком и со Всеволодом и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собе брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великый **совокупляти вои противу Татаром**. А Жирославу Михайловичю приказа воеводство в дружине своей».

Став, как отметил летописец, на реке Сити, притоке реки Мологи, у села Станилова, князь Юрий устроил здесь лагерь, рассчитывая, что монголы не скоро обнаружат его. Вместе с великим князем пришли на Сить дружины его племянников: Василько Константиновича Ростовского, Всеволода Константиновича Ярославского и Владимира Константиновича Углицкого, а затем и небольшие отряды братьев Ивана Всеволодича Стародубского и юрьевского князя Святослава Всеволодича. Однако другие родичи не торопились к месту сбора великокняжеского войска. Больше всего Юрий Всеволодич рассчитывал на сильные полки другого брата – великого князя киевского Ярослава Всеволодича и его сына, новгородского князя Александра Ярославича, но по неведомой нам причине ни киевские, ни новгородские рати так и не пришли на подмогу Юрию Всеволодичу. Собравшееся же под его стягом 25-тысячное войско не шло ни в какое сравнение с воевавшей Владимиро-Суздальскую землю монгольской ордой. Впрочем, известие о том, что русские князья собирают на Сити новые полки, очень скоро дошло до врагов, разоривших к тому времени Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Стародуб, Дмитров, Юрьев-Польский и другие города Волжско-Окского междуречья. К реке Сить

выступил с большим войском один из лучших полководцев Батгя – темник Бурундай.

Главный воевода великокняжеской рати, Жирослав Михайлович, выслал вперед сторожевой полк, состоявший из 3000 воинов. Командовал им «муж храбрый» Дорофей Семенович. Вскоре, однако, сторожа вернулась назад, сообщив Юрию: «Уже обошли нас, княже татары! Идут от Ярославля». Отступить было некуда и Юрий Всеволодич, выстроив свое войско, двинулся навстречу врагу. 4 марта 1238 года на реке Сить грянула последняя битва. Кровавая сеча длилась до вечера. В конце концов, монголы одолели. Один за другим падали княжеские стяги, гибли князья, воеводы и простые воины. Смогли вырваться из окружения с немногими людьми лишь Владимир Углицкий, Иван Стородубский и Святослав Юрьевский. В сражении погиб и Юрий Всеволодич. В исторической литературе известно и бездоказательное предположение Джона Феннела, о том, что «после захвата Василька большая часть войска бежала, убив, возможно, великого князя, пытавшегося их остановить: на гибель Юрия от рук своих людей указывает не только сообщение об отрубленной голове (?), но также и новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237–1238 годов относится к Юрию непочтительно...»^[75]. Негативное отношение новгородцев к князю, не сумевшему отразить иноплеменное нашествие понятно, но допущение, что дружинники – профессиональные воины, с высоким чувством долга – не защитили, а убили своего государя слишком невероятно, чтобы оказаться правдой.

Вскоре после побоища возвращавшийся из Белоозера ростовский митрополит Кирилл нашел среди оставшихся непогребенных тел обезглавленный труп великого князя и похоронил его в Ростове. Через два года брат Юрия Ярослав Всеволодич, ставший великим князем владимирским, повелел перевезти тело погибшего князя во Владимир и захоронить в Успенском соборе.

В сражении на реке Сить лишь один из русских князей – Василько Константинович Ростовский – был живым взят в плен. Пораженные его мужеством и отвагой, враги отвели пленника в свой стан, расположенный у Шеринского леса и стали принуждать его присоединиться к ним. Гордый воин отказался от всех посулов Бурундая и тогда же был жестоко замучен его людьми. Сквозь толщу лет дошли до нас слова ростовского князя: «О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня от святой христианской веры. В великой беде мы, но ее наслал на нас Бог за грехи наши! А вас он накажет за души, что губите без правды».

Еще до Ситинской битвы 22 февраля 1238 года главные силы монголов осадили Торжок. В городе не было ни князя, ни княжеской дружины. Оборону возглавили «Иванко посадник Новоторожский, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич». Две недели осажденные отбивали приступы врага, но 5 марта город пал.

После взятия Торжка лишь небольшой отряд монгольской конницы селигерским путем двинулся на Великий Новгород. 100 верст не дошли монголы до этого города. Теперь уже доказана ошибочность утверждения о том, что Батые вынудила повернуть свои войска назад ранняя весна, наступившая распутица. Наоборот, как выяснилось, зима 1237–1238 годов была поздней и затяжной. Реки в тот год вскрылись почти через месяц после прекращения похода! Объяснить странное, казалось бы, решение Бату-хана можно лишь падежом лошадей, без которых конное монгольское войско действительно могло остаться в русском лесном краю не только до близкой уже весны, но и навсегда.

Уходя из Северной Руси, монголы двинулись на юго-восток через земли Черниговского княжества. Батый специально выбрал обратный путь через еще не разоренную землю, где можно было добыть продовольствие для воинов и корм для лошадей. Зато степнякам вновь пришлось столкнуться с упорным сопротивлением русских людей. Первым встретил татар небольшой городок *Козельск*. Лишь ценой больших потерь удалось им захватить эту крепость. Батыем назвал Козельск «злым» городом (Могу-Болгузун) и ушел в степь, оставив за собой опустошенную и ограбленную страну.

В поход на южнорусские княжества войско Батые выступило лишь через два года. К этому времени монголы окончательно разгромили половцев, вынудив самых непокорных из них бежать в Венгрию. Эту орду вел хан Котян. В погоне за одним из половецких отрядов весной 1239 года монголы разорили город Переяславль-Южный, столицу Переяславского княжества. До них еще не кому из врагов не удавалось взять эту сильную крепость.

Город был хорошо укреплен: с 3-х сторон его окружали высокие берега рек Трубеж и Альты, а также высокие валы, башни и стены. Все это делало Переяславль практически неприступным. Но монголам удалось захватить, разграбить город и полностью разрушить находившуюся в нем церковь Святого Михаила.

Полгода спустя нападению подверглась и Черниговская земля. Главный удар был направлен на столицу княжества. Чернигов находился на

правом берегу Десны, при впадении в нее реки Стрижень, и был хорошо укреплен. Изучивший древние постройки города, Б. А. Рыбаков называет следующие крепостные сооружения: детинец, или «Дънешний город», посад, называемый «Третьяк», Елецкий Успенский монастырь и «Передгородье с острогом»^[76].

К осени 1239 года войско Менгу-хана окружило Чернигов. На помощь осажденному городу пришел со своим войском новгород-северский князь Мстислав Глебович (двоюродный брат Михаила Черниговского), попытавшийся помешать врагу. У северян с монголами был «лютый бой», закончившийся поражением русского войска. После отступления разбитой рати Мстислава осада была продолжена. Уже 18 октября 1239 года Чернигов был взят. После взятия города монголы опустошили густонаселенные земли по рекам Десна и Сейм; разрушили города Новгород-Северский, Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск. Другие их отряды прошли по мордовским землям, взяли Муром, Гороховец в низовьях Клязьмы и, разорив все вокруг, отошли в степи.

Опустошив Черниговское княжество, Менгу-хан дошел до Днепра и внимательно осмотрел раскинувшийся на противоположном берегу Киев, после чего ушел обратно в степь.

Все понимали, что враг отступил лишь временно. Правивший тогда Киевом и Киевской землей Михаил Всеволодич оставил великое княжение и ушел в Венгрию. Тогда галицко-волынский князь Даниил Романович решил включить покинутый удел в состав своей державы и прислал в Киев воеводу Дмитра, поручив ему организовать оборону города.

Киев в то время был мощной крепостью. Его стены стояли на валу, ширина которого в основании достигала 20 м. Башни были каменными, перед валом был прокопан 18-метровый ров. В случае нападения врага все мужское население огромного города, где только церковей было 400, с оружием в руках занимало заранее назначенные позиции на крепостных стенах.

Новый тысяцкий организовал починку укреплений, усилил отряды горожан за счет опытных воинов из состава прибывшего с ним галицкого полка. Чувство приближающейся опасности заставляло Дмитра спешить, все время оглядываться на окоем за Днепром.

В начале сентября ожидание беды закончилось – к днепровским переправам стремительно катились конные монгольские тьмы. Форсировав Днепр, они преодолели сопротивление черных клобуков, защищавших укрепленную линию по реке Рось. 5 сентября Киев был окружен. Три

месяца длилась осада города. Монголы подтащили к стенам осадные машины («пороки») и принялись разрушать городские укрепления. Летописец записал: «Много пороков било беспрестанно, день и ночь, и горожане крепко боролись, и было много мертвых». В конце концов «татары пробили городские стены и вошли в город, а горожане устремились навстречу им». В первых рядах киевлян бился тысяцкий Дмитр. «И можно было видеть и слышать страшный треск копий и стук щитов: стрелы омрачали свет, так что не видно было неба за стрелами, но была тьма от множества стрел татарских, и всюду лежали мертвые, и всюду текла кровь, как вода...»

Наиболее уязвимой оказалась оборона у Лядских ворот. Монголам удалось выбить здесь часть городской стены и ворваться в город. Однако в страшной сече на улицах враг был остановлен, и Батый с наступлением ночи прервал битву. Воспользовавшись этим, защитники Киева возвели в центре города бревенчатую стену. Утром монголам пришлось ее штурмовать, дорогой ценой платя за каждую пядь русской земли. Только к полудню 6 декабря оставшиеся в живых киевляне укрылись в Десятинной церкви. Здесь произошел последний кровавый бой. Под ударами монгольских таранов стены храма рухнули и погребли последних защитников Киева.

Тысяцкого Дмитра в их числе не было. Он был пленен еще накануне, при прорыве монголов русских укреплений у Лядских ворот. Схваченный русский воевода был приведен к Батю. И хан, пораженный мужеством тысяцкого, приказал сохранить ему жизнь. В дальнейшем пленному герою пришлось сопровождать двигавшуюся на запад орду, видеть падение цветущих галицких и волынских городов, уничтожение сел и деревень, истребление родного народа. По сохраненной летописцем легенде, не в силах видеть конечное разорение Русской земли, Дмитр обратился к Бату-хану: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров: если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее». Якобы после этого совета Батый и двинул свои войска в Европу, дойдя с ними до «последнего» Адриатического моря.

После взятия Киева, уничтожая все на своем пути, монголы прошли Киевскую и Галицко-Волынскую землю, разграбили Галич, Владимир Волынский, Ладыжин (Колодяжин) на Буге, Каменец и сразу же начали воевать Венгерское и Польское королевства. В январе 1241 года, не дожидаясь прекращения военных действий на Волыни, передовые отряды монголов ударили по Восточной Польше, заняли Люблин, Завихвост, дошли до Рацибужа (Ратибора). После сражения под Турском (13 февраля

1241 года), в котором было разгромлено малопольское рыцарство, они взяли Сандомир, но затем отошли обратно за Карпаты.

Только весной 1241 года главные силы монголов двинулись в Европу. Для лучшего управления огромной армией она вновь была разделена на 3 самостоятельно действующие войсковые группировки. Орда Хайду и Байдара двинулась на Польшу. Орда Бохетура, Кадана и Бучжэка направилась на юг. Главные силы, во главе с Бату-ханом, его родичами Орду-Ичэном, Барюем, темником Бурундаем, стали прорываться в Венгрию. На этом направлении они встретили жестокое сопротивление передовых венгерских войск. Но в середине мая монголы все же прорвались через Верецкий (Русский) перевал. 12 марта 1241 года были разбиты прикрывавшие пограничные засеки войска палатина Дионисия.

В это время венгерский король Бейла (Белы) IV собирал войска к Пешту. К его армии присоединились хорватские и австрийские рыцари герцога Фридриха Бабенберга и половцы хана Котяна. Тем временем Бату развернул свои тумены широким фронтом, охватывая ими равнины Венгрии. Нарушив приказ короля, калошский архиепископ Уголин 16 марта вступил в бой с одним из передовых отрядов врага, но угодил в засаду и был разбит.

На следующий день другой монгольский отряд упорным штурмом взял город Вайцен (Вач), расположенный на изгибе Дуная и лишь на полдневного перехода удаленный от Пешта (ок. 40 км.). В Вайцене были перебиты все жители. Король же оставался в лагере под Пештом, куда также подошли монгольские разъезды. Начались сшибки и стыки кавалерийских отрядов. Героем дня стал Фридрих Бабенберг. Тот показал себя во всей красе – набросился на татарский отряд, по неосторожности подошедший к Пешту слишком близко, и, показывая личный пример храбрости, обратил его в бегство.

В этот же день, однако, в лагере Бейлы произошел давно назревавший конфликт между союзниками. Недовольные присутствием в армии половцев, венгерские дворяне убили хана Котяна, после чего куманы, сметая все на своем пути, атаковали отряд чанадского архиепископа Бульцо и разгромили его. Разграбив Пограничную Марку, половцы при приближении монголов ушли в Болгарию.

Тем временем Бейла наконец выступил из Пешта во главе 65-тысячной венгерско-хорватской армии. Однако во время марша Фридрих Бабенберг отказался выполнять приказы венгерского короля и увел свой отряд в Австрию. Приближалась решающая битва с врагом, овладевшим к тому времени Ерлау, Кевешдом и Эгером, разбившим епископа Варадина.

11 апреля около местечка Мохач (Мохи, Мухи) на реке Шайо (один из притоков Тиссы) началась битва. Наведя через реку мост, монголы начали переправу, но бежавший к мадьярам русский пленник рассказал о приготовлениях врага, и венгры успели подготовиться к отражению этой атаки. Передовые монгольские части были опрокинуты и отошли за реку. Но когда бой закончился и воины Бейлы вернулись в лагерь, Бату повторил нападение. Под прикрытием огня 7 катапульт монголы восстановили мост, после чего вся их армия обрушилась на венгерский лагерь. Началась паника – в сражение с неприятелем вступили только части во главе с братом короля, герцогом Хорватским Коломаном, остальные же бросились бежать в единственно свободном от монголов направлении. Однако оно оказалось хитроумно устроенным коридором, специально оставленным противником, чтобы заманить мадьяров под удар своих главных сил. Постепенно эта дорога сужалась, превращаясь в простреливаемую со всех сторон ловушку, выход из которого закрывала тяжелая панцирная конница Бату. Ее удар довершил разгром венгерского войска. Король Бейла и его раненый брат с немногими людьми бежали сначала в Австрию, а затем в Далмацию. В сражении погибло 56 000 венгерских и хорватских воинов.

После 3-х дневной осады 29–30 апреля пала столица город Пешт, затем та же участь постигла Арат, Перт, Егрес, Темешевр.

На польском и немецком направлении монголы действовали не менее успешно. Двоюродные братья Батые – Байдар и Хайду, пройдя мимо развалин Люблина, Завихоста и Сандомира, перешли через Вислу, где разделили свои силы. Хайду по пути к крупному городу Кракову 16 марта 1241 года сразился с краковскими и сандомирскими полками под Хмельником (в окрестностях Кракова). В этом бою краковский воевода Владислав, сандомирский воевода Пакослав и кастелян Якуб Ратиборович потерпели сокрушительное поражение. Началась осада города, к окончанию которой прибыл и Байдар. 22 или 23 марта монголы захватили Краков, но, по преданию, в соборе Святого Андрея укрылась кучка храбрецов, которых победить так и не удалось. После этого орда двинулась к Вроцлаву, в окрестностях которого собиралось всеобщее ополчение. Из Верхней Силезии прибыли войска Мешко Опольского, из Нижней Силезии – полки Генриха II Благочестивого, принявшего верховное командование. К ним присоединились отряды из Южной и Восточной Польши, в том числе из мест, уже разоренных монголами. Ими командовал Сулислав, брат краковского воеводы. В армии Генриха Благочестивого было много немецких рыцарей, в том числе и сильный отряд рыцарей Тевтонского

ордена, а также французские тамплиеры.

Чешский король Вацлав I направил на помощь полякам 40-тысячное войско. Но соединиться с армией Генриха оно не успело. 2 апреля пал Вроцлав, устояла лишь городская цитадель. Монголы не стали ее штурмовать, выдвигаясь к полю боя у городка Легница.

9 апреля 1241 года началось сражение под Легницей^[77]. В его начале рыцарям удалось опрокинуть вражеский авангард, но затем в бой вступили главные силы Байдара и Хайду, при этом монголы якобы кричали на польском языке: «Спасайся, спасайся! Воспользовавшись возникшей среди рыцарей паникой, легкая конница врага нанесла мощный удар и разбила рыцарей.

Войско Генриха Благочестивого было повержено монголами, а сам он пал в битве. Его голову насадили на копьё и принесли к воротам Легницы. Труп князя после ухода врага опознают по ноге, на которой было шесть пальцев. После битвы магистр Тевтонского ордена Герхард фон Мальберг написал французскому королю Людовику IX Святому: «Мы сообщаем Вашей милости, что татары землю погибшего герцога Генриха полностью разорили и разграбили, они убили его самого, вместе с многими его баронами; погибло шесть наших братьев, три рыцаря, два сержанта и 500 солдат. Только три наших рыцаря, известные нам поименно, бежали».

После Легницкого побоища один из монгольских отрядов дошел до саксонского города Майсен, расположенного к северо-западу от Дрездена на реке Эльба, но затем ушел на соединение с войсками, разорявшими Моравию (Словакию).

Напуганная страшными известиями, Чехия готовилась к упорной борьбе, высылая вперед большие рыцарские отряды, угрожавшие флангам монголов. Узнав об этом от разведчиков, хан Батый отозвал свои войска из польских земель обратно.

В настоящее время историки, соглашаясь с аргументами Г. В. Вернадского, склонны объяснять отступление монголов из Европы наступившей политической нестабильностью в самой Монголии. С этим согласился и Феннел, процитировавший Вернадского, но с характерной оговоркой: «11 декабря 1241 года великий хан Угедей умер – по всей вероятности, от алкогольного отравления. Когда весной 1242 года эта весть дошла до Батыея, он приказал немедленно отступать. Почему? Потому ли, что он хотел повлиять на выборы нового великого хана и «сохранение сильных позиций в монгольской политике представлялось более важным... чем продолжение завоевания Европы», или потому, что ему не хватало сил

для поддержания контроля над завоеванными землями?... Вероятно, обе причины определили это решение. Во всяком случае, Европа была спасена»^[78].

В начале 1242 года, когда передовые его войска дошли до побережья Адриатического моря, Батый остановил поход, а затем, через Боснию, Сербию и Болгарию отступил в причерноморские степи. Там им было основано самое западное из монгольских тогда еще вассальных государств – Золотая Орда. Первой столицей этого государства стал город Сарай-Бату (в 150 км к северу от Астрахани).

В отличие от большинства других завоеванных монголами стран, Русь сохранила самобытность государственного устройства, частичную автономию и свои правящие княжеские династии. Правители Монголии и Золотой Орды наложили на изъявивших им покорность правителей «Русского улуса» тяжелую дань («выход») и принуждали князей принимать участие в своих походах. Малейшее непокорство с их стороны наказывалось опустошительными набегами.

В 1243 году великий князь владимирский Ярослав Всеволодич был вызван в ставку Батыя, вернувшегося из похода в Европу. Разгромленная Русь была не в состоянии бороться с монголами, и Ярослав был вынужден покориться Орде. Его младший сын, Константин, был послан в столицу Монголии Каракорум и получил там от имени отца ярлык (грамоту) на великое владимирское княжение. Тогда же Ярослав Всеволодич был признан «старейшим» князем Руси.

Ярлыки на свои княжества получили и другие князья. Им тоже пришлось ехать в Орду и в знак покорности выполнять монгольские обрядовые ритуалы. Лишь один из князей, Михаил Всеволодич Черниговский, отказался поклониться языческим святыням и был за это казнен. Его судьбу разделил и боярин Федор. Произошло это в 1245 году. Гибели князя посвящено «Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

Глава 8. Борьба Руси с немецкой и шведской агрессией. Александр Грозные Плечи (Невский)

В XIII веке на Русь обрушилось нашествие не только с Востока, но и с Запада. Захватившие Прибалтику рыцари-крестоносцы, попытались овладеть русскими землями.

Еще в 1201 году они основали город Ригу, а в следующем 1202 году римский папа Иннокентий III благословляет создание Братства воинов Христа в Ливонии (лат. *Fratres militiæ Christi de Livonia*), более известного как Орден меченосцев. Назван он был так по изображению красного меча рядом с крестом на белом орденском плаще. Создал новый орден аббат цистерцианского монастыря в Динамюнде Теодорих (Дитрих) из Турайды. Его первым магистром стал Винно фон Рорбах.

В 1212 году рыцари Братства воинов Христа подчинили себе всю Ливонию, а затем и Северную Латгалию, где была выстроена главная крепость Ордена – замок Венден. Завоеваны были и острова Сааремаа (новое название – Эзель) и Муху (Моон).

В 1219 году к захвату земель в Прибалтике приступили и датчане. Ими была взята чудская крепость Линданис, на месте которой закладывается город Ревель (Таллин).

На этом этапе немецко-датской экспансии меченосцы сокрушают два княжества, контролируемые полоцкими князьями – Кукейносское и Герсикское. Население этих княжеств уже приняло православие, но это не остановило крестоносцев.

Правивший в «русском замке» Кукейносе князь Вячеслав Борисович (Вячко) в 1205 году уступил часть земель своего княжества рижскому епископу Альбрехту фон Буксгевдену, гарантировавшему ему безопасность и защиту от литовских нападений. Но в 1207 году Вячко был схвачен слугами рыцаря Даниилом из Леневардена, закован в цепи и отправлен в Ригу. Освободившись, он начал войну с Орденом, но был разбит и в 1208 году, спалив свой замок, ушел в Полоцкую землю. Территория княжества была полностью захвачена Орденом и вошла в состав его владений.

Затем наступила очередь Герсикского княжества в Латгалии (восточная часть соврем. Латвии). В 1209 году епископ Риги фон Буксгевден взял Герсик (Ерсике), где правил русский князь Всеволод. В плен попала его жена, дочь одного из литовских князей Даугеруте. Удерживать Герсик рыцари не стали и, отступая, сожгли город.

Для освобождения жены Всеволод был вынужден заключить с епископом мир и признать себя его вассалом. Позже в 1214 году он разрывает это соглашение, отказываясь идти во главе своей дружины на ливов. Герсик был осажден и захвачен. Бои шли здесь и в 1215 году, когда Всеволоду вместе с союзниками-литовцами удалось нанести поражение орденской армии. Но впоследствии он был вынужден признать власть Ордена и в 1225 году в качестве его вассала присутствовал на встрече с папским легатом Вильгельмом Моденским, прибывшим в Ливонию.

В 1215 году меченосцы штурмом взяли основанный еще Ярославом Мудрым город Юрьев. В 1223 году он был освобожден во время восстания местного чудского населения. Для организации защиты города из Новгорода в Юрьев прибыл отряд дружинников в 200 человек во главе с бывшим кукейносским князем Вячко. Но в 1224 году, после упорной осады, Юрьев был взят войсками меченосцев. Победители казнили всех пленных защитников города – чудь и славян. В бою на стенах Юрьева погиб и князь Вячко. Захваченный русский город немцы переименовали в Дерпт (современный Тарту в Эстонии).

Не осталась в стороне и римская курия. Папа Гонорий III требует направлять в Прибалтику новые отряды крестоносцев (его послания от 27 и 28 ноября 1226 года), утверждает распоряжения своего легата Вильгельма Моденского о дележе захваченных земель (послание от 11 декабря 1226 года). В своей булле от 17 января 1227 года Гонорий III обязывает «новообращенных» противостоять, «как язычникам, так и русским» (послание 1227 года) и утверждает, будто русские князья (названные им «королями») изъявили готовность «совершенно отречься от всех заблуждений», что на языке папской курии означало – они «готовы принять католическую веру». «Помочь» им в этом можно и нужно было силой оружия.

Вскоре (через два месяца) папа Гонорий умер, но его курс продолжил новый понтифик Григорий IX. Буллой 14 февраля он объявил о принятии под свое покровительство «воинов христовых», то есть рыцарей Ордена меченосцев, «вместе со всем их имуществом, которым они владеют *или в будущем будут владеть (!)*». А в булле от 24 ноября 1232 года папа Григорий приказывал властям Ордена меченосцев помочь Швеции в ее стремлении овладеть Финляндией.

В 1233 году служивший немцам беглый русский князь Ярослав Владимирович^[79] захватил Изборск, помогая ему, меченосцы тогда же заняли город Тесов. И хотя из обеих крепостей захватчиков быстро выбили, но ситуация требовала решительных ответных действий. В 1234 году

новгородский князь Ярослав Всеволодич пришел из Переяславля-Залесского с низовскими полками, вместе с новгородцами вторгся во владения Ордена и остановился вблизи города Дерпта (Юрьева), не приступая к осаде, но угрожая разорить всю округу. После ряда небольших стычек в окрестностях замка Оденпэ (Медвежья Голова) грянула битва болотистой пойме реки Эмбах (эстонское название Эмайыга, русское – Амовжа), завершившаяся убедительной победой русского оружия. В этом сражении произошло боевое крещение сына Ярослава, тринадцатилетнего Александра, будущего великого полководца, известного прозвищем «Невский» (впрочем, современники чаще именовали этого князя «Грозные Плечи»). Многие тактические приемы, увиденные тогда, он использовал впоследствии – так, например, в этой сече воины его отца Ярослава загнали отступающих меченосцев на замерзшую Амовжу. Под тяжестью тяжеловооруженных рыцарей уже непрочный лед провалился и «истопло их много, а иные, язвыни (израненные), побежали в Юрьев и в Медвежью Голову». Поразительное и, по-видимому, неслучайное совпадение с важнейшим эпизодом Ледового побоища 1242 года, где в полном блеске проявилось полководческое дарование Александра Ярославича.

Невская битва

Все изменило монгольское вторжение, в ходе которого истаяла ратная сила Владимиро-Суздальской Руси. В этих условиях Новгороду и Пскову большой помощи от великого князя ждать не приходилось, чем не преминули воспользоваться враги. К счастью, действовали они несогласованно.

В 1240 году в устье Невы появилась шведская флотилия, высадившая на русский берег войско, которым по одним данным командовал зять неполноценного короля Эрика XI Шепелявого (Картавого) Биргер Магнуссон, по другим – ярл Ульф Фасе (двоюродный брат Биргера), по третьим – доминиканский монах Томас, епископ Упсалы. В 2002 году некоторое подтверждение получила версия о командовании шведским войском Биргера. Во время исследования его останков выяснилось, что при жизни он получил ранение правой глазницы. О схожем ранении неприятельского предводителя сообщается в Житии Александра Невского. Русский князь «самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем»^[80].

В Новгороде княжил тогда 20-летний Александр Ярославич. Он

первым среди рюриковичей получил это имя. Приготовления западных соседей к походу на Русь не остались для него незамеченными. Князь начал строить новые укрепления на границе – на реке Шелони, на Охтинском мысу реки Невы. Там же на Неве была организована дозорная стража из живших на этой реке ижорян. В начале июля 1240 года эта стража обнаружила шведские корабли, вошедшие в реку Неву, после чего ижорский старейшина Пелгусий (в крещении Филипп) и сообщил о приходе врага в Новгород. Одновременно с ижорским гонцом прибыл и шведский, передавший русскому князю послание-вызов от короля Эрика Эриксона, прозванного Леспе (Картавий). Оно гласило: «Если можешь, то сопротивляйся мне – я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр Ярославич, узнав о приходе врагов, долго молился в новгородском Софийском соборе, после чего, по дошедшему до нас преданию, обратился присутствующим со словами: «Не в силе Бог, но в правде». Собрав небольшую дружину и часть новгородского ополчения, князь выступил к месту высадки врага. По дороге к Ладоге он присоединил к своей рати отряд ладожан, а затем и ижорское ополчение.

Реконструируя ход битвы, Ю. К. Бегунов предположил, что, планируя ее, «князь Александр исходил из того, что большая часть неприятельских судов стояла у высокого, крутого берега Невы, причем значительная часть войска находилась на судах (остановка была временной), а рыцари, наиболее боеспособная сила шведов, расположились на берегу в укрепленном лагере, окруженном рвом. Князь решил, что конная дружина должна ударить с юга, из леса, вдоль Ижоры, в то время как новгородская дружина боярина Миши с Прусской улицы будет наступать вдоль Невы и уничтожит мостки, соединяющие корабли с берегом, отрезав тем самым рыцарям путь к отступлению. В случае успеха двойного удара часть рыцарского войска оказалась бы зажатой в своеобразный угол, после чего пешая и конная русские рати, объединившись, должны были оттеснить врага к Неве и сбросить его в воду».

Для атаки неслучайно был выбран день 15 июля, когда празднуется память Святого Владимира, Крестителя Руси. Утром этого памятного дня в 8 ч. 30 мин. (в 6-м часу дня по древнерусскому счету) небольшое войско князя Александра (800 конных и 500 пеших воинов) внезапно атаковало шведский лагерь. Конная дружина с боем продвигалась в центр расположения шведских войск. Вступив в поединок с предводителем вражеского войска, Александр Ярославич тяжело ранил его копьем в щеку – «возложил печать на лицо острым своим копием». Одновременно с атакой дружины пешее новгородское ополчение боярина Миши, следуя

вдоль Невы, напало на вражеские корабли. Его воинами были захвачены и уничтожены 3 шведских корабля. Но важнее было то, что ополченцы подрубили мостки (сходни), ведущие с остальных кораблей на берег. Большая часть шведской пехоты, остававшейся на них, оказалась блокированной и не смогла принять участие в сражении. Позже, когда исход его стал ясен, корабли, стоявшие на Неве и Ижоре, ушли вниз, к морю.

Сохранилось описание еще нескольких подвигов русских воинов, отличившихся в Невской битве. Гаврило Олексич, преследуя бегущих врагов, прямо на коне ворвался на шведский корабль, в бою вместе с конем был сброшен в воду, но сумел выбраться на берег и продолжал сражаться. Дружинник Савва прорвался к златоверхнему шатру шведского предводителя и обрушил его, подрубив поддерживающий шатер высокий столп. Недалеко от него крушили врагов новгородец Сбыслав Якунович и княжеские слуги Яков Полочанин и Ратмир Ярославец.

Как и планировалось новгородским князем, ударами, нанесенными вдоль Ижоры и Невы, шведское войско было опрокинуто и оттеснено в угол, образуемый двумя сливающимися реками. Часть врагов там уничтожили («множество их паде»), другие бежали на уцелевших кораблях. Победители потеряли убитыми всего 20 человек, тогда как телами убитых нагроулили два из захваченных кораблей, затопив их потом в море. Других захоронили в большой братской могиле, вырытой там же, на месте битвы.

По возвращении в Новгород, Александр Ярославич, опасавшийся новых нападений врага, попытался собрать более многочисленную дружину, но заподозренный в желании единолично править в городе, по требованию веча вынужден был покинуть Новгород и уехать в родовой Переяславль-Залесский.

Так в это тревожное время Новгород остался без князя. Между тем, в том же 1240 году, спустя месяц после Невской битвы, началось вторжение в Псковскую землю немецких и датских войск. Возглавили его дерптский епископ Герман фон Аппельдерн и ландмейстер Ливонской провинции Тевтонского ордена Андреас фон Вельвен. К ним присоединился и бывший псковский князь Ярослав Владимирович, «подаривший» Псковскую землю ливонцам. 15 августа рыцари взяли Изборск и стали угрожать Пскову и Новгороду. 5-тысячное псковское войско вышло им навстречу, но было разбито. В сражении псковичи потеряли своего воеводу Гаврилу Гориславича и 800 лучших воинов. Немцы по следам бегущих подступили к Пскову, сожгли окрестные городки и села и целую неделю стояли под городом. Псковичи вынуждены были исполнить их требования и дать детей

бояр в заложники, а затем впустить рыцарей в город. Овладев городом, фон Аппельдерн и фон Вельвен посадили в нем своих наместников (фогтов.) Посадником остался боярин Твердила Иванкович, который и уговорил сограждан покориться немцам.

Ледовое побоище

Овладев Псковом, немецкие и датские рыцари вместе с подвластной чуждью напали на Водскую землю и завоевали ее. Наложив дань на здешних жителей, они, намереваясь прочно обосноваться на Руси, построили замок в Копорье. Вскоре рыцари-крестоносцы взяли город Тесово, затем разграбили земли по реке Луге и стали нападать на новгородских купцов в 30 верстах от Новгорода, доходя до погоста Сабля.

Из Новгорода было отправлено посольство к Ярославу Всеволодичу с просьбой о помощи. Тот направил в Новгород вооруженный отряд во главе со своим сыном, Андреем Ярославичем, но организовать отпор врагу тот не сумел, и тогда новгородцы вынуждены были просить вернуться его старшего брата Александра. Уговорить его оказалось непросто, и только авторитет новгородского владыки Спиридона решил сомнения обиженного князя. Приехав в Новгород в 1241 году, Александр немедленно двинулся на неприятеля к Копорью, взял и уничтожил построенный здесь рыцарский замок. Пленный немецкий гарнизон победители привели в Новгород, часть его отпустили, а изменников вожан и чудин повесили. Но нельзя было так быстро освободить хорошо укрепленный Псков. В поход на этот город Александр выступил только в декабре 1241 года, дождавшись владими́ро-суздальскую рать, посланную на подмогу сыну великим князем Ярославом Всеволодичем. Взять Псков удалось достаточно быстро при помощи горожан, открывших освободителям западные ворота крепости.

Первые же успехи русских войск вызвали подъем освободительного движения в Прибалтике. Вспыхнуло восстание на острове Эзель (Сааремаа). На помощь Александру Невскому прибыли полки из Суздальской земли, и соединённое русское войско под его начальством «изгоном» (быстрым ударом) освободило Псков. Далее путь русской рати лежал на Дерпт (на Руси помнили, что еще 17 лет назад это был русский город Юрьев и собирались освободить его). Навстречу выступило скрытно подошедшее к Дерпту (Юрьеву) рыцарское войско, пополненное отрядами датчан под командованием принцев Кнута и Абеля. У селения Хаммаст они атаковали передовой русский полк Домаша Твердиславича. К своим сумел

пробиться лишь дмитровский наместник Кербет, сообщивший Александру о гибели передового полка. Стойкость этого небольшого отряда позволила новгородскому князю вывести из-под удара остальные полки. Александр Ярославич успел отвести их к русско-ливонской границе, проходившей по Чудскому озеру. Обе стороны стали готовиться к решающему сражению.

Произошло оно на льду Теплого озера (Узмени), соединявшего два больших озера – Чудское и Псковское. Здесь недалеко от современного о. Городецкий^[81]. 5 апреля 1242 года и произошла знаменитая битва, названная Ледовым побоищем.

Русское войско было построено по классической схеме, выработанной еще во времена Святослава. Центр – пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам – конница. Рыцарское войско наступало «клином» (русские этот строй называли «великой свиньей») – узкой и очень глубокой колонной, задача которой сводилась к массивному удару по центру неприятельского войска. Первая шеренга в вершине клина состояла из пяти самых крепких рыцарей. Во второй шеренге находилось семь, в третьей уже девять, в четвертой – одиннадцать конных рыцарей. Далее двигались построенные четырехугольником пехотинцы-кнехты. Замыкал колонну отряд из четырнадцати рыцарей. Такое построение было не раз проверено Орденом в боях, по большей части принося крестоносцам победу на врагами. На подобный исход они рассчитывали и в этот раз. 5 апреля 1242 года, «на солнечном восходе», выстроившихся клином рыцарей повел в бой патриций Ордена Зигфрид фон Марбург.

Новгородская летопись и немецкая «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» единогласно утверждают, что рыцарский клин пробил стоявший на льду строй русской пехоты, но не смог преодолеть крутой берег и остановился. В это время по флангам «великой свиньи» ударила русская конница, и рыцари оказались в окружении. Как пишет летописец, произошла злая сеча, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью. Русские, одолев, гнали врага до Суболичского берега по льду семь верст.

Сведения о потерях заметно разнятся. В Новгородской I летописи сообщается о гибели 400 немцев и пленении 50 из них, в Софийской летописи отмечено 500 убитых и 50 пленных рыцарей. В Старшей Ливонской рифмованной хронике говорится о том, что погибло 20 рыцарей и 6 попало в плен. В поздних Хронике Тевтонского ордена и Хронике Бальтазара Руссова названы убитыми 70 рыцарей и 6 – пленными.

Разгромив вражеское войско, победители вернулись в Новгород. Во время торжественной встречи воинов по улицам города были проведены и пленные рыцари, привязанные к хвостам коней.

Победы Александра Невского имели огромное значение для дальнейшей истории как русского, так и других народов Восточной Европы, положив предел агрессии шведских и немецких рыцарей. Против ордена восстали курши и жемайты, на рыцарские владения продолжали совершать нападения войска литовского князя Миндовга. Пытаясь стабилизировать обстановку на границах своего государства, власти ордена на время прекратили активные действия на русском рубеже, направив в Новгород посольство с предложением заключить мирный договор. Он был заключен в том же 1242 году на выгодных для русской стороны условиях – ливонцы отказывались от претензий на «Водь, Лугу, Пльсковь, Лотыголу». Важной статьёй договора было соглашение об обмене заложниками, по которому в Псков возвращались находившиеся в плену заложники – сыновья бояр.

Рассказ о военных операциях на северо-западных окраинах был бы неполон без упоминания о нападениях литовских князей. В 1245 году их многочисленные рати пришли под Торжок и Бежецк, где княжил вернувшийся из Ливонии и покаявшийся Ярослав Владимирович. Поначалу литовцам сопутствовал успех, но вскоре на помощь новоторам (жителям Торжка) пришли тверские и дмитровские полки. Соединившись с ними, князь Ярослав смог оттеснить неприятеля к Торопцу, в котором литовское войско и укрепились. Война грозила затянуться, но тут к осажденному городу подошел Александр Невский с новгородским войском. Ему удалось взять Торопец, уничтожив засевшее там литовское войско, в том числе восемь командовавших им князей. После этой победы Александр Ярославич отпустил новгородское ополчение домой. А сам во главе своего двора (дружины, выступил против других литовских отрядов, разорявших русское пограничье. Один из таких отрядов был настигнут и разбит им у озера Жизца (Жижицкое озеро), другой, уже на обратном пути – под Усвятом.

Большие и малые победы новгородского князя Александра Невского над захватчиками – немецкими, шведскими, датскими, литовскими – имели, прежде всего, огромное моральное значение, так как демонстрировали, что русские воины могут остановить и разгромить действительно опасного врага.

Глава 9. Усобицы конца XIII–XIV веков. Войны с Ордой

Монгольское вторжение, сломившее сопротивление и разорившее русские княжества, не могло не повлиять на их дальнейшую судьбу.

Земли оказались разделенными на те, которые вынуждены были признать власть осевших в Поволжье и Причерноморье потомков Чингисхана («золотого рода»), и те, что спасаясь от подобной участи, пошли под руку стремительно разраставшейся на юг и восток Литвы. Впоследствии это приведет к образованию и соперничеству двух центров собирания Руси – Москвы и Вильно, а в конечном счете определит историческую судьбу трех братских народов – русского, белорусского и украинского.

Пока же людям, жившим на землях, подвергшихся опустошительному нашествию, нужно было просто выжить и наладить свое хозяйство. Князьям же предстояло не просто восстановить порушенные уделы, но и защитить их от новых вторжений – как с Востока, так и с Запада, а также от покушений соседей-неприятелей, таких же князей-рюриковичей.

В отличие от большинства завоеванных монголами стран, Русь сохранила самобытность государственного устройства, частичную автономию и свои правящие княжеские династии. Ханы Волжской Орды, на Руси именовавшиеся «царями», наложили на изъявивших им покорность правителей «Русского улуса» тяжелую дань («выход») и принуждали князей принимать участие в своих походах. Малейшее непокорство с их стороны наказывалось опустошительными набегами. Эта система управления русскими землями получила обозначение «ига». В отечественных источниках (летописях и церковных сочинениях) такой термин не использовался. Первым об «иге варваров» заговорили польские хронисты Ян Длугош (1479) и Матвей Меховский (1517).

Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл, возглавлявший Русскую Церковь с 40-х годов XIII века и до своей кончины в 1280 году, упоминая о жестокой власти Орды, использовал слово «томимы от поган»: «Не расея ли ны Бог по лицу всея земля? Не взяти ли быша грады наши? Не падоша ли сильнии наши князи острием меча? Не поведени ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святя Божия церкви? Не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?». Те же мотивы звучат в «Словах»

Серапиона, епископа Владимирского (1274–1275 годы), указывавшего на «горкую... работу от иноплеменник». Так, трудами митрополита Кирилла и владимирского епископа Серапиона стала формироваться идеология «ордынского плена», вполне соответствующая более позднему и заимствованному понятию «иго». Новая идеология подразумевала временное сотрудничество с пленителями Руси, чтобы потом, с Божьей помощью, постепенно перебороть власть «нечистых поган». В этом направлении и действовали многие князья вплоть до Ивана Калиты.

Подчинение Руси произошло почти сразу после прекращения Западного похода. В 1243 году великий князь владимирский Ярослав Всеволодич получил вызов в ставку Батые. Правитель Улуса Джучи (в русских летописях именовавшегося Ордой) вернулся из Европы и обосновался в низовьях Волги, начав укреплять свою власть в завоеванных землях и строить свою столицу Сарай ал-Махруса («Дворец Богохранимый»), более известный как Сарай-Бату.

Разгромленные русские княжества были не в состоянии бороться с монголами, и Ярослав, смирившись, отправился в Орду. Его младший сын Константин был послан в столицу Монголии Каракорум и получил там от имени отца ярлык (грамоту) на великое владимирское княжение. Тогда же Ярослав Всеволодич был признан «старейшим» князем Руси.

Ярлыки на свои княжества получили и другие князья. Им тоже пришлось ехать в Орду и в знак покорности выполнить монгольские обрядовые ритуалы. Лишь Михаил Всеволодич Черниговский отказался поклониться языческим святыням и был за это казнен. Его судьбу разделил и сопровождавший князя боярин Федор. Произошло это 20 сентября 1246 года. Слуги казненного тайно похоронили его тело, а затем перенесли в Чернигов.

Свидетелями гордого поступка Михаила стали великий князь Ярослав и его младшие братья, Святослав и Иван, тогда же вызванные в Орду. И если младшим Всеволодичам было дозволено вернуться в их уделы, то их старшему брату пришлось еще до казни Михаила ехать в далекий Каракорум, столицу Монголии. Там правил тогда ненавидевший Батые великий хан (хахан) Гуюк. Он дал ставленнику своего врага ярлык на великое княжение, но при прощании мать хана, Дорегене (в русских источниках Туракина-хатун), заявив, что хочет оказать честь Ярославу, дала ему есть и пить из собственных рук. Видимо, князь был отравлен, так как вскоре после этого он слег и через семь дней (30 сентября 1246 года) умер.

Получив известие о смерти Ярослава, великокняжеский стол во Владимире занял его брат Святослав Всеволодич, а два старших сына

покойного, Александр и Андрей, отправились в Каракорум – испрашивать себе ярлыки. Их младший брат, Михаил Хоробрит, княживший в Москве, не дожидаясь возвращения старших Ярославичей, начал войну со Святославом. Тому пришлось уйти из Владимира. Победитель сам занял великокняжеский престол, но 15 января 1248 года, как записал летописец, «Михаиле Ярославичь московский убьень бысть от Литвы на Поротве» (р. Протве).

Тем временем хахан Гуюк умер, а его вдова, Огул-Гаймыш, дала ярлык на Великое княжение Владимирское Андрею Ярославичу. Его старшему брату Александру было пожаловано Великое княжение Киевское, с сохранением за ним Новгорода.

Единственным русским князем, первоначально отказывавшимся ехать в Орду за ярлыком, был Данила Романович. Своей столицей он сделал почти неприступную крепость Холм. Но в 1245 году Батый прислал ему краткий приказ: «Дай Галич». Князь вынужден был смириться и отправиться на поклон к хану. Именно по этому поводу летописец написал: «О, злее зла честь татарская! Данила Романович князь был великий, обладал вместе с братом Русскою землею... а теперь сидит на коленях и холопом называется... О, злая честь татарская!»

Но выказанное князем смирение было внешним. Уже тогда он начал готовиться к неизбежному, как полагал, столкновению с Ордой. Данила Романович принялся укреплять свои города и искать союзников. Им стали великий князь владимирский Андрей Ярославич, не скрывавший своих антиордынских настроений, и его брат, тверской князь Ярослав Ярославич.

К сожалению, их союз привел к трагическим результатам. Отказавшись в 1252 году ехать в ставку Батыею, Андрей Ярославич вызвал гнев его сына и соправителя Сартака. Тот отправил против выказавшего непослушание князя карательное войско «царевича» Неврюя. В тяжелое время сторону великого князя принял лишь младший брат, тверской князь Ярослав. Александр Невский не поддержал опасные действия своих братьев, отправившись к Батыею (когда туда был вызван и неподчинившийся Андрей) и выказав ему покорность.

Ордынцы Неврюя подошли к Владимиру и, переправившись через Клязьму, пошли в погоню за войском Андрея и Ярослава, отступавшим к Переяславлю-Залесскому. 24 июля, в Борисов день, произошло сражение, закончившееся разгромом русской рати. Андрею и Ярославу удалось бежать. Они попытались укрыться в Новгороде, но власти города их не приняли. После этого Андрею пришлось искать убежища в Швеции, а Ярославу – в Пскове. При штурме Переяславля была убита жена Ярослава

Ярославича, а их дети попали в плен. Погиб и тверской воевода Жидослав^[82]. В Орду было уведено «бещисла» людей, коней и скота.

Данила Романович не успел помочь своему зятю-союзнику, но в том же году начал военные действия против монголов. Ему удалось разгромить войско ордынского бекля-ребека Хуррумши (Куремсы), племянника Батый и Берке, освободить взятый врагами Галич и часть Киевской земли. После этой важной, но далеко не решающей победы Данила Романович начинает сложную дипломатическую игру с папой Иннокентием IV, мечтавшим таким образом присоединить Русь к католическому миру. Римский понтифик обещал галицкому князю помочь в борьбе с монголами и поднять в крестовый поход против них монархов Европы. Поверив обещаниям папы, Данила Романович в 1254 году принял от его преемника Александра IV королевский титул и короновался. Но ни один из европейских королей не откликнулся на папский призыв и не выступил против Орды. Предоставленный сам себе, Данила Романович продолжал сопротивляться неприятелю, не приняв ордынских «численников» (в 1257 году по всей Русской земле происходила «запись в число» – перепись населения для обложения данью). Время для сопротивления оказалось не самым удачным – в 1258 году на Галицко-Волынское княжество напали литовцы, разорив окрестности Луцка. Другие литовские отряды воевали Смоленскую землю, окрестности Торжка. Почти одновременно с литовцами в удел Данилы Романовича вступило огромное войско монгольского полководца Бурундая. В составе этой армии находились не только ордынские тумены, но и дружины русских князей. Бурундай прислал Даниле краткий приказ: «Иду на Литву; оже еси мирен, иди со мною». И тому пришлось смириться. Галицкий князь послал с монгольским войском свои полки, поставив во главе их младшего брата, Василька Романовича. После окончания похода часть захваченной в литовских землях добычи («сайгат») была отдана Бурундаю, что четко фиксирует не союзническое, а подчиненное положение и Василька, и самого Данилы Романовичей.

На следующий год Бурундай выступил в поход на Польшу и снова предъявил глицкому князю-королю ультиматум: «Оже есте мои мирници, стретит мя; а кто не сретит мене, тый ратный мне». Впрочем, на этот раз встретившим его с дарами Васильку, сыну Данилы Льву и холмскому епископу Иоанну были заявлены и другие, более жесткие требования, в том числе снести укрепления, которые на протяжении почти 20 лет возводились в галицких и волынских городах. При выполнении оказались срыты стены и башни городов Данилов, Стожеск, Львов, Кременец и Луцк. Позже

волынским пришлось «разметать» крепость и в своей столице Владимире. Уцелели укрепления княжеской резиденции Холма, жители которого не открыли ворот перед Бурундаем. Приказать им никто не мог, так как Данила Романович предусмотрительно отбыл в Венгрию. Оставив в покое непокорный город, ордынцы и присоединившиеся к ним неволей русские войска двинулись на южную Польшу.

В начале декабря 1259 года, следуя уже раз проложенным ими путем, монголы переправились у Завихоста через Вислу и осадили Сандомир. Город был богатый и сопротивлялся отчаянно. Летописец сообщает, что взять его удалось только после четырехдневного непрерывного штурма. Сохранилось интересное описание действий воинов Бурундая: «потом же приидоша к Соудомирю и обьстопиша и со все стороне и огородиша и около своим городом и порок (каменеты) поставиша и пороком же бьющим неослабно день и ночь а стрелам не дадоушим выникноути из заборол. И бишася по четыре дни. В четвертыи же день сбиша заборолу с города. Татарове же начаша лествице приставливати к городоу и тако полехоша на город. Наперед же возлестоа два татарина с хоруговью. И поидоста по городоу секоучи и бодоучи...»^[83]

Уцелевшие защитники отступили в цитадель – «Детинец», как он назван в летописи. Но 2 февраля 1260 года пал и он. По польским документам сдать сандомирцев уговорили Василек Романович и Лев Данилович.

К этому времени небольшие отряды монголов рассыпались по всей Малой Польше, грабя и сжигая все, что попадалось им на пути. Краковский князь Болеслав Стыдливый бежал из своей столицы, укрывшись в Серадзе у троюродного племянника, Лешека Черного. Краков был взят и сожжен (уцелел Вавельский замок, который монголы не штурмовали), та же участь постигла и Люблин. Продолжая поход, войско Бурундая дошло до силезской границы, после чего, отягощенное добычей, вернулось обратно.

Походами Бурундая была отмечена зона реального влияния Орды. Венгерскому королевству и польским князьям посчастливилось остаться вне ее. Галицким князьям – их близким родственникам (по крови, а не по вере) отстоять свою независимость не удалось.

Таким образом, во второй половине XIII века зависимость от Орды признавали бывшие владимирские, рязанские, черниговские, киевские, галицкие и волынские, туровские земли. Новгород и Псков, не испытывавшие ужасов вражеского вторжения, вынуждены были считаться с политикой великих князей владимирских – ханских улусников – и участвовать в

выплате дани. Вне жесткого контроля Орды остались полоцкие, смоленские, пинские земли. Местные князья рано или поздно вынуждены были налаживать отношения с получившей шанс стать сильным государством Литвой.

Первоначально в покоренных русских княжествах власть правителей Орды представляли не только князья, просившие и принявшие ханский ярлык на право владеть своей землей, но и баскаки (в переводе на русск. – «давители») – ханские наместники, контролировавшие действия княжеской администрации. Главной обязанностью и князей, и баскаков была организация бесперебойной выплаты дани. В 1257–1259 годах по всем русским землям ордынскими «численниками» производится перепись населения, определяется точный размер выплаты дани каждым из князей. Существовало 14 видов повинностей. Главной из них был «выход» (или «царева дань»), который обычно отправлялся в Орду в виде серебряных слитков – «саумов», весом по 155 г. каждый. Общее количество вывозимых в Орду слитков драгоценного металла (лишь в качестве «царевой дани» туда ежегодно доставлялось 1300 кг. серебра) вводило в заблуждение восточных авторов, именно тогда ошибочно писавших о Руси как о стране серебряных рудников. Все прежние попытки объяснить это противоречие наличием в подвергшихся нашествию княжествах запасов монетного металла в сокровищницах князей, бояр и купцов неубедительны. Организовать систематический сбор дани на территории «Русского улуса» можно было, наладив обмен имеющейся пушнины, воска, меда, возможно, хлеба, на западноевропейское серебро, ввозимое через Новгород и Литву, где уже с XIV века наблюдается обращение так называемых «пражских грошей» – чешских серебряных монет.

Помимо «выхода» попавшее в зависимость от Орды русское население выплачивало торговые сборы («тамга», «мыт»), несло подводную и вестовую (ямскую) повинности, обязано было содержать ханских послов и сопровождавшие их отряды, участвовать в сборе «поминок» (подарков) для приближенных хана.

В середине XIII века сбор дани с русских земель ханом Берке^[84] был передан на откуп мусульманским купцам («бесерменам»), стремившимся к быстрому обогащению за счет увеличения поборов с населения. Произвол «бесерменов» вызвал восстание в русских городах, после которого ханы передали сбор дани в руки князей, лишь в особых случаях посылая баскаков на Русь. Последним баскаком будет Чол-хан («Щелкан Дюденевиц»), действия которого в Твери в 1327 году спровоцировали

восстание. Его жестоко подавили, но сбор «выхода» со всего «русского улуса» был передан московскому князю Ивану Калите.

После монгольского завоевания усобицы не прекратились. За лучший удел, за великокняжеский ярлык жестоко враждовали даже представители одного рода, одной семьи. Самым ярким примером тому может служить ссора двух сыновей Александра Невского – Дмитрия Переяславского и Андрея Городецкого. После смерти отца (14 ноября 1263 года) и недолгого пребывания на великокняжеском столе братьев покойного Ярослава и Василия Ярославичей, на него взошел Дмитрий Александрович. Но в 1281 году, после смерти хана Менгу-Тимура и воцарения Туда-Менгу, по злому совету своего боярина Семена Тонильевича городецкий владлец отправился в Орду и, «задарив» нового хана, получил от него ярлык на великое княжение и сильное ордынское войско нойонов Кавгадыя и Алчедая. К Андрею примкнул и ряд русских князей: Федор Ростиславич Ярославский, Михаил Иванович Стародубский, Константин Борисович Ростовский. При поддержке наводнивших русские земли татар Андрей и его союзники выбили Дмитрия Александровича из Владимира и Переяславля-Залесского, вынудив старшего брата спасаться бегством в Новгород. Но новгородцы отказали укрывшемуся в Копорье Дмитрию в своей поддержке и выступили против него. Тогда на помощь изгнаннику пришел его зять, псковский князь Довмонт. С горстью воинов он вступил в Ладогу, вывез оттуда казну Дмитрия и пробился к нему в Копорье. Затем, однако, осажденный новгородцами, выполнявшими приказ великого князя Андрея Александровича любой ценой выбить брата из Новгородской земли, Довмонт вместе с тестем оставил крепость и вернулся в Псков.

Не смирившись с поражением, Дмитрий Александрович обратился за помощью к Ногаю, могущественному правителю Дунайского улуса, который конфликтовал с Туда-Менгу, поддерживая притязания его соперника, Тула-Буги (Телебуги). Ставший беклярибеком^[85] Ногай приказал братьям помириться, добившись от Туда-Менгу возвращения ярлыка старшему из них, Дмитрию Александровичу. Реальная сила была у Ногай, и хану пришлось смириться с таким положением дел. Казалось бы ситуация в русских землях нормализовалась, особенно после переворота 1287 года, когда Туда-Менгу вынудили отречься от власти, уступив престол Тула-Буге. Но вскоре у нового хана испортились отношения с Ногаем, около 1291 года свергнувшим прежнего ставленника и возведшего на трон нового – Токту, одного из сыновей Менгу-Тимура.

За всеми этими переменами в Орде внимательно следил Андрей Городецкий, который, понимая, что и Токта не сможет ужиться с Ногаем,

сумел заручиться его помощью. Он отправился к хану с жалобами на старшего брата, правоту которых подтвердил ростовский епископ Тарасий. В ответ на их просьбы на Русь во главе многочисленных ордынских войск был направлен царевич Тудан (Дюдень), брат Токты. Поход 1293 года, известный по русским летописям как «Дюденева рать», привел к очередному разорению и опустошению Владимира, Суздаля, Мурома, Юрьева, Переяславля, Коломны, Москвы, Можайска, Дмитрова, Углича и других городов. Летописцы, сравнивавшие это ордынское вторжение с прежними большими нашествиями – Батгя, Неврюя, – единодушны во мнении, что Дюденева рать была страшнее, так как ордынцы к этому времени уже научились выслеживать и пленять население, укрывавшееся в лесах.

Во время бегства от войск Тудана Дмитрий умер (1294), и Андрей Александрович стал великим князем. Его правление запомнилось походом против шведов, построивших в устье Невы 8-башенную каменно-деревянную крепость Ландскрона («Венец земли»). В 1301 году во главе своих дружин и новгородского и карельского ополчений Андрей Александрович взял и разрушил эту фортецию, построенную по чертежам итальянских архитекторов. Умер он, пережив сыновей, в 1304 году, и его смерть ознаменует собой начало новой эпохи, главным содержанием которой явится соперничество Твери и Москвы.

Возвышение Твери стало неслучайным. Поначалу все преимущества оказались у князей, правивших в этом городе. На рубеже XIII–XIV веков Тверской землей владел Михаил Ярославич, племянник Александра Невского, двоюродный брат Дмитрия, Андрея и Даниила Александровичей. При нем произошел расцвет Тверского княжества. В 1293 году Михаил Ярославич сумел отбиться от войска громившего Русь царевича Тудана. Тогда-то и хлынули в верхнее Поволжье беглецы из разоренных татарами мест. Княжество быстро наполнилось народом. По всей Тверской земле стали быстро расти старые и новые города и села, налаживаться ремесленное производство. Расцвела и торговля, развитию которой способствовало наличие важнейших торговых путей: первый шел вниз по Волге в Орду; второй – вверх по Волге и далее волоками в Новгород и страны Балтии; третий – на запад в Литву и страны Центральной Европы. В Тверь стали стекаться огромные богатства, позволившие Михаилу Ярославичу претендовать на Великое княжение Владимирское, завещанное ему двоюродным братом Андреем Городецким. Но уже в то время в борьбу за великокняжеский ярлык, помимо тверского князя, вступает

расположенная по соседству Москва. Когда-то небольшой город, переданный в удел Даниле (ум. в 1303 году), младшему сыну Александру Невского, Москва также росла и крепла. При Даниле Александровиче в 1301 году к Москве была присоединена Коломна, в 1302 году – Переяславское княжество. При его сыне, взошедшем на престол в марте 1303 года, московским стал Можайск. Однако богатая Тверь поначалу легко одолела своего конкурента, не имевшего пока таких богатств и сил.

Когда в 1304 году умер великий князь Андрей Александрович Городецкий, к хану просить ярлык поехали его двоюродный брат, Михаил Ярославич Тверской, и двоюродный племянник, Юрий Данилович Московский. Исход этого соперничества оказался вполне предсказуем – в соревновании даров, розданных хану и знатым татарам, легко победил тверской князь, получивший воцеленный ярлык. Впрочем, и старое княжеское право было на стороне тверского государя, московский уповал на ханскую волю. Надо сказать, что временная неудача не обескуражила правителя московского княжества, готового продолжить борьбу за возвышение своего небольшого удела.

Начало возвышения Московского княжества. Складывание великорусского государства и освобождение его от ордынского ига

Процесс объединения русских земель начался вскоре после монгольского завоевания. Первоначально было несколько соперничавших между собой политических центров – Владимир (утрачивает значение после смерти Александра Невского в 1263 году), Городец, Тверь и прибиравшая к рукам западнорусские земли Литва. Но постепенно ведущую роль приобретает Москва. Сказалось несколько факторов, благодаря которым именно московские князья получили преимущество в деле собирания русских земель. На территории этого первоначально очень небольшого княжества сосредотачивается значительная военная сила – следствие переселения на эти земли ряда черниговских, киевских и ростовских бояр (Федора Акинфовича Бяконта, Нестера Рябца с сыном Родионом Нестеровичем, ростовского боярина Кирилла, отца Сергия Радонежского) со своими «дворами». Наличие чрезмерного для небольшого Московского княжества войска позволило его правителям вести активную и успешную политику, направленную на присоединение сопредельных территорий. Как уже было сказано выше, в 1301 году Данила

Александрович отвоевывал у Рязани Коломну. Потом он присоединил выморочное Переяславское княжество, где княжил бездетный Иван Дмитриевич, завещавший свою отчину московскому дяде. Сын Данилы, Юрий, окончательно закрепил за Москвой принадлежавший ранее смоленским князьям Можайск.

В дальнейшем свою роль сыграла и оказанная Москве помощь со стороны митрополита Петра и его приемников, а также благожелательное отношение к ней ряда ордынских ханов, прежде всего – Узбека. Симпатии к Москве митрополит приобрел из-за нападков на него, организованных тверским князем Михаилом Ярославичем и тверским епископом Андреем.

После кончины 6 декабря 1305 году митрополита Максима его преемником константинопольский патриарх Афанасий определил Петра, игумена Спасо-Преображенского (Новодворского) монастыря на реке Рате недалеко от Львова. Этим выбором остался недоволен тверской князь Михаил Ярославич, владевший тогда ярлыком на Великое княжение Владимирское. Он хотел видеть главой Русской Церкви близкого ему игумена Геронтия. Поставление в святительский сан Петра Михаил Ярославич воспринял как личную обиду и вскоре, угождая своему князю, тверской епископ Андрей (принявший православие сын или другой родственник литовского князя Герденя) и новгородский протоиерей Вавила обвинили нового митрополита в симонии (мздоимстве), осудив практику ставленных пошлин в Русской митрополии, собираемых при рукоположении в дьяконы и священники. Чтобы разобраться в этом непростом деле, в 1311 (или в 1310) году по велению константинопольского патриарха Афанасия в Переяславле-Залесском состоялся церковный собор, в котором участвовали не только иерархи, но и многие князья. Великий князь Михаил Ярославич был в то время в Орде и его интересы представляли на соборе сыновья Дмитрий и Александр.

Отстоять свое доброе имя помогли Петру не только заступничество надзиравшего за ходом собора патриаршего клирика, но и поддержка московских князей, соперничавших тогда с тверскими в борьбе за главенство над Русью. Дальнейшая жизнь и служение митрополита оказались тесно связанной с Москвой, а в 1325 году он окончательно переехал в этот город. Так Москва стала духовной столицей Руси, получив важнейшее преимущество перед другими княжескими городами. По просьбе митрополита Иван Калита, бывший тогда московским князем, на самом высоком месте Боровицкого холма заложил первый каменный храм – Успенский собор. Произошло это 4 августа 1325 года. В нем Петр и был погребен после своей кончины 21 декабря 1326 года.

Не менее значимой стала для московских князей и поддержка ордынского хана Узбека. В 1313 году, после гибели хана Токты во время кораблекрушения на Волге, он убил его сына Иксара (Ильбасара) и стал правителем Улуса Джучи. Именно Узбек, ставший мусульманином и принявший имя Мухаммед, заставил своих татар принять ислам. Многие эмиры и беки, приверженцы старой религии монголов тенгризма (вариант шаманизма), были казнены. В их числе оказались и 120 чингизидов. Переменами в Орде воспользовался московский князь, который женился на сестре Узбека Кончаке (в крещении Агафье) и в 1317 году получил ярлык на великое княжение в качестве свадебного дара.

В конце лета 1317 года с татарским отрядом «сильного» посла Кавгадыя Юрий Данилович вернулся на Русь. Михаил Ярославич проявил покорность воле хана и, встретив Кавгадыя и московского князя у Костромы, отказался от своих прав на владимирский великокняжеский стол. При этом он предостерег Юрия от намерения вторгнуться в его земли.

Однако именно это и должно было неминуемо случиться, так как укрепить за собой великое княжение Юрий мог, лишь разорив богатую Тверскую землю и принудив Михаила Ярославича заключить с ним мирный договор на своих условиях. Такова была обычная практика того времени. В 1304 году, опередив Москву в споре за великокняжеский ярлык, Михаил Тверской действовал в таком ключе. Дважды, в 1305 и 1308 годах, он ходил ратью на Москву. Теперь точно так же собирался действовать Юрий Данилович. Союзниками Юрия в войне против Твери выступили новгородцы и суздальские князья. Понимал неизбежность нападения и тверской князь. Обе стороны начали готовиться к неминуемой схватке.

Но с новгородским войском еще нужно было соединиться. Поэтому с самого начала кампании обе рати (московско-суздальская и нижегородская) действовали разрозненно, медленно продвигаясь навстречу друг другу. Битвы они не искали, занимаясь разорением тверской округи. Пали крепости Клин и Микулин, но устояли Новый Городок (Старица) и Зубцов. Для разорения сельских мест высылались отдельные отряды, что не могло не ослабить главное войско. Этим не преминул воспользоваться Михаил Ярославич. Правда, атаковал он поначалу не московскую рать, а главного союзника Юрия. Внезапным ударом тверичи разбили новгородское войско, преследовали его до Торжка и заключили с новгородцами мир. Однако во владениях Михаила Ярославича оставался гораздо более опасный противник – рати московского и суздальских князей, усиленные татарским отрядом. Вернувшись в Тверь, князь стал готовиться к новой битве. Собрал все свои лучшие войска, он вывел полки из города и двинул их навстречу

москвичам и суздальцам. Решающее сражение произошло 22 декабря 1317 года. К тому времени Юрий и Кавгадый, разорив тверские земли на правом берегу Волги, решили переправиться на левый берег. Трудности это не представляло и, перейдя замерзшую Волгу в районе Старицы, они стали лагерем у села Бортенево. Там московские и татарские полки и были атакованы тверичами и в жестокой сече, закончившейся уже в темноте, потерпели полное поражение. С небольшим отрядом из боя удалось вырваться лишь самому Юрию, лесными дорогами ушедшему в Новгород. В плен попали жена Юрия, Агафья, и его брат, Борис Данилович Нижегородский, многие суздальские князья. Весь тверской полон был освобожден и распущен по домам.

Союзник Юрия Даниловича, мурза Кавгадый, увидев в самом начале Бортеневого сражения, что оно проиграно, приказал своим татарам свернуть знамена и начал переговоры с Михаилом Ярославичем. Он отправился в Тверь и присягнул победителю на том, что поход Юрий Данилович начал без царева слова и повеления. Одарив татар, тверской князь отпустил их восвояси. Трудно сказать, как повернулось бы дальше это дело, возможно, выплата дополнительной дани решила бы возникшую проблему. Но, на беду Михаила Ярославича, в Твери умерла пленная московская княгиня Агафья. В ярости Юрий собственноручно убил сообщившего ему об этом тверского посла боярина Александра Марковича и немедленно отправился в Орду. Там он обвинил Михаила Ярославича в сопротивлении воле хана Узбека и отравлении его сестры. Эти обвинения поддержал и возненавидевший тверского князя за свою неудачу мурза Кавгадый. Нет сомнения, что Михаил Ярославич знал о собиравшихся над его головой тучах, но, понимая, что отказ от поездки в Орду вызовет карательный поход на Тверь, отправился к хану.

Узбек приказал своим князьям и мурзам судить прибывшего князя. Как и следовало ожидать, главными его обвинителями в ставке хана выступили Юрий Московский и Кавгадый. Михаил Ярославич был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к смертной казни. Второй суд подтвердил приговор. 26 дней тверского князя держали в закованном в деревянной колодке и везли за кочующим по степи ханом. 22 ноября 1318 года он был казнен, когда ставка хана находилась «под великими горами Ясьскими и Черкасками, у града Тетякова, на реце Севенче»^[86].

Юрий Данилович вновь получил от Узбека ярлык на Великое Владимирское княжение. Вернувшись в 1319 году из Орды, он посадил своего брата Афанасия княжить в Новгороде. Новым тверским князем стал Дмитрий Михайлович Грозные Очи, старший сын казненного Михаила

Ярославича. В обмен на возвращение останков отца он признал власть Юрия Даниловича и в 1221 году передал ему «цареву дань» собранную в Тверском княжестве. Но московский князь, вместо того, чтобы отвезти полученный «выход» в Орду, отвез тверскую дань к брату в Новгород и через купцов-посредников пустил ее в оборот, желая получить проценты. Узнав о махинациях соперника, Дмитрий Грозные Очи сообщил Узбеку о произошедшем. Действия Юрия с ордынской данью разгневали хана. В 1322 году он лишил бывшего родича ярлыка на великое княжение, передав его Дмитрию Михайловичу.

В 1225 году Юрий Данилович направился к Узбеку, чтобы оправдаться перед ним, но был убит в Орде находившимся там тверским князем. Эта трагедия произошла 21 ноября, в канун седьмой годовщины казни Михаила Ярославича. За самоуправство Дмитрия Грозные Очи также казнили^[87], но ярлык на великое княжение хан передал его младшему брату, Александру Михайловичу. Как оказалось, ненадолго – меньше, чем через год, в Твери произошло событие, изменившее судьбу этого города и всего Тверского княжества. В конце лета 1327 года в Тверь с большим отрядом прибыл ордынский посол Чолхан (Шевкал Дудентьевич), двоюродный брат Узбека. В городе распространился слух о том, что Шевкал хочет погубить князя Александра Михайловича и править Русской землей, обратив православных в мусульманскую («бесерменскую») веру. Произойти это должно на праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа по юлианскому календарю). Несмотря на абсурдность такого утверждения, обстановка в городе накалялась. Не могло не повлиять на нее и творимое людьми Чол-хана насилие над тверичами. Один из таких инцидентов и перерос в восстание. Произошел он именно 15 августа, когда весь город замер в ожидании действий ордынцев. Татары попытались отнять кобылу у ведшего ее на водопой дьякона Дудко, который призвал находившихся поблизости людей на помощь. Тверичи вступились за дьякона, перебив его обидчиков. «И удариша в вся колоколы и стаща вечем... и начаша избивати татар, где которого застропив». Чол-хан с охраной укрылся в княжеском тереме и стал отстреливаться из луков. Тогда восставшие сожгли дворец вместе с татарами. В тот день в Твери были перебиты не только слуги и воины Чол-хана, но и все «бесермены» – ордынские купцы. Уцелели лишь коноводы, находившиеся с табунами на пригородных лугах. Они поскакали в Орду и сообщили о восстании и гибели ханского посла и его людей.

Княживший в Москве младший брат Юрия Даниловича, Иван Калита, поспешил воспользоваться произошедшими в Твери событиями. Он отправился к Узбеку и присоединился к собирающемуся в карательный

поход войску. На Тверь выступили 5 туменов (50 тыс. воинов), которые вел темник Федорчук (имя этого ордынского военачальника в летописи явно исковеркано на русский лад). К ним присоединились полки Ивана Калиты и суздальского князя Александра Васильевича. Карательное войско сожгло Тверь и второй по величине город княжества Кашин, разорению подверглись также новоторжские волости. Татары собирались идти по следам бежавшего Александра Тверского в новгородские земли, но тот не был принят городом Святой Софии и отправился дальше в Псков. Новгородцы немедленно сообщили об этом Федорчуку и Ивану Калите, откупившись от них дарами и деньгами.

Покарав мятежную Тверь, Узбек летом 1328 года вызвал к себе князей и объявил им о принятом решении разделить Русский улус на два великих княжения. Новгородская и Костромская земли и половина Ростовского княжества были даны Ивану Даниловичу Калите, Владимирская, Нижегородская земли и Городец – суздальскому князю Александру Васильевичу. Московскому княжеству передавались города Галич, Углич и Белоозеро. Видимо, за плату, так как позднее Дмитрий Донской назовет эти города «куплями деда своего». Благодаря ханским милостям Москва заметно усилилась, тогда как прежний ее соперник, Тверское княжество, было настолько разорено во время «Федорчуковой рати», что не могло уже соперничать с отчиной Калиты и его потомков.

В 1331 году умер Александр Васильевич Суздальский. Ивану Калите удалось добиться передачи ему и той части великого княжения, которое принадлежала покойному. На Руси наступила, если так можно сказать, эпоха признаваемой всеми московской гегемонии. Длилась она 19 лет, на протяжении последних лет жизни Ивана Калиты и княжения двух его сыновей – Семена Ивановича Гордого (1340–1353) и Ивана Ивановича Красного (1353–1359). Попытки других русских князей выпросить ярлык в Орде оказались безрезультатными, хотя после смерти Ивана Калиты все они отправились к Узбеку, умоляя его дать выдать ярлык на Великое княжение Владимирское Константину Васильевичу, считавшемуся тогда старейшим в роду. Хан, которому оставалось жить меньше года, не прислушался к княжеским мольбам, оставив владимирский стол за Семеном. После его кончины претендовать на освободившийся великокняжеский ярлык попытался тот же суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич. Но, несмотря на поддержку, оказанную ему новгородцами, правивший тогда в Орде хан Джанибек дал Владимирское княжение младшему брату покойного московского князя, Ивану Красному.

Рассматривая этот период, нельзя не упомянуть и о накрывшей тогда

русские земли эпидемии «Черной Смерти». Так назвали пандемию бубонной чумы, разразившейся в середине XIV века в Азии, Европе и Северной Африке. В общей сложности от Черной смерти за два десятилетия погибло не менее 60 миллионов человек (во многих странах – от трети до половины населения). Повторные вспышки заболевания произошли в 1361 году («Вторая чума») и в 1369 году («Третья чума»). Началась пандемия в Монголии около 1320 года. Среди монголов мясо сурков тарбаганов, ставших разносчиками болезни, считалось лакомством. С монгольскими купцами и войсками болезнь распространялась все дальше и дальше, от Китая и Индии на запад. На Руси первым очагом заражения стал в 1352 году Псков. В следующем году чума была уже в Москве, где в числе заразившихся и умерших оказался 36-летний великий князь Семен Гордый, а перед этим – оба его малолетних сына, Иван и Семен. Эпидемией были опустошены Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль, другие города. Полностью вымерло население Глухова.

От чумы умер и митрополит Феогност. Его преемником станет знаменитый Алексей, в миру Елевферий, сын черниговского боярина Федора Бяконта, перешедшего на службу к первому московскому князю Даниле Александровичу и верно служившего ему и его сыновьям.

Перед смертью Семен Гордый оставил братьям Ивану и Андрею^[88] знаменитое завещание, наказав им «жити заодин, «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». Эта не гаснувшая «свеча» дела московского стала впоследствии образным выражением, чрезвычайно востребованным в исторической публицистике и литературе.

Правление Ивана Красного пришлось на последние годы могущества Орды. В 1257 году хан Джанибек был убит своим братом Бердибеком, взошедшим на престол. Новый хан уничтожил 12 ближайших родственников, оставшись последним из прямых потомков Батыея. В числе его приближенных оказался и эмир Мамай, гурген (зять)^[89] хана Бердибека, вскоре ставший беклярибеком. Впрочем, правление этого хана оказалось недолгим. Он процарствовал всего два года. В 1359 году Бердибек скоропостижно скончался – «то ли умер от распутной жизни, то ли был убит своими недоброжелателями» (Р. Ю. Почекаев). Ханом на 5 месяцев становится Кульна (Кульпа), происхождение которого так и осталось невыясненным. Вскоре против него складывается заговор, во главе которого встала престарелая ханша Тайдула, вдова Узбека и мать Джанибека, предложившая трон и свою руку царевичу Наврусу

(Наурузбеку). Кульна был убит, а Наврус стал ханом и женился на Тайдуле. Потом свергнут и убит и их – подобно многим другим пожелавшим ханской власти чингизидам. Со смерти Бердибека в Улусе Джучи начинается 20-летняя междоусобица, в русских летописях названная «Великой замятней». В ходе нее ордынское владычество над русскими землями значительно ослабло, продолжилось быстрое, уже почти не контролируемое ханами, возвышение Московского княжества.

К середине XIV века кроме Великого князя Московского и владельца Великого княжества Тверского правители еще двух русских земель – Рязанской и Суздальско-Нижегородской – стали титуловаться великими князьями. Они оказались готовы бросить вызов соперникам и округлить свои владения за их счет, а при случае сразиться и за ярлык на Великое княжение Владимирское. Когда умер московский князь Иван Иванович Красный (13 ноября 1359 года), малолетством его сына Дмитрия попытался воспользоваться суздальский князь Дмитрий Константинович, считавший свой род старшим по сравнению с московской ветвью Рюриковичей. Правивший тогда в Орде Наврус дал ему ярлык на Великое княжение Владимирское, но не успел Дмитрий Константинович прибыть на Русь, как Наврус был свергнут эмирами и убит призванным ими Хизром (в русских летописях именовался Кидырем, Хыдырем).

Только в 1362 году московскими послами в Орде был получен вождеденный ярлык для своего князя. Но Дмитрий Суздальский отказался уступать владимирское княжение, зная, что из-за замятни военной помощи его юному сопернику оказано не будет. Но Москве хватило и собственных сил. Большое войско двинулось на Владимир, где находился Дмитрий Константинович. Номинально войском командовал 11-летний Дмитрий Московский. В реальности вели эту рать, конечно, опытные воеводы. У суздальского князя сил оказалось меньше, чем у московского, и ему пришлось бежать в свою вотчину. Впоследствии Дмитрий Константинович примирился с Дмитрием Ивановичем и даже выдал за него свою дочь Евдокию. Свадьба была сыграна в 1366 году в Коломне.

В следующем, 1367 году, на Москве произошло событие огромной важности – был построен новый белокаменный Кремль (старый, дубовый, возведенный еще при Иване Калите, сильно пострадал от пожаров, в особенности «Всесвятского пожара» 1365 года).

Тогда же возобновляется старое соперничество Москвы с Тверью. Начал его новый тверской владетель Михаил Александрович. Он явно рассчитывал на помощь великого князя литовского Ольгерда

Гедиминовича, прибиравшего к рукам русские земли. Вторым браком Ольгерд был женат на родной сестре Михаила, Ульяне (лит. Иулиания).

Следует разобраться, из-за чего возобновилась старинная вражда. В Великом княжестве Тверском шла в те годы своя междоусобица. Перед смертью, в 1364 году, князь Семен Константинович завещал великокняжеский стол двоюродному брату, микулинскому князю Михаилу Александровичу. Этим решением покойного остались недовольны другие его родственники – кашинский князь Василий Михайлович (их дядя) и родной брат умершего Семена, Еремей Константинович. Не по нраву им пришелся и переход к Михаилу всех вотчин покойного без выделения хотя бы части им. Обиженные князя обратились за помощью к московскому князю (Василий Кашинский приходился Дмитрию Московскому свояком^[90]). Жаловались они и митрополиту Алексию, так как тверской епископ Василий благословил завещание Семена Константиновича и решение нового князя взять на себя его вотчины. В 1368 году Михаил Александрович был вызван в Москву на митрополичий суд (епископа Василия вытребовали туда еще раньше и были ему «истома и протор велик»). Туда же прибыли и его недовольные родственники. По обычаям того времени всем им выдали грамоты «по целованию любовию», гарантирующие неприкосновенность получившего такую грамоту человека. На суде Михаил был признан неправым и, поскольку отказался признать такое решение, был взят под стражу на Гавшине дворе.

Освобожден он был лишь по требованию Орды и сразу же, не медля, отправился в Литву, поднимать своего родственника Ольгерда в поход на Москву. Литовский князь охотно откликнулся на зов своего тверского зятя, рассчитывая на быструю победу. Собрав литовские и смоленские полки, Ольгерд «подвижася в силе тяжце и поиде к Москве ратию». Московская разведка была уверена, что литвины придут со стороны Ржева, между тем Ольгерд внезапно появился с юго-запада и застал великого князя московского Дмитрия врасплох. Это нашествие получило в народе название «Первой Литовщины». Сломив сопротивление союзных Москве князей Семена Дмитриевича Стародубского-Крапивы и Константина Юрьевича Оболенского (погибшего в сражении на р. Хохле, притоке Протвы), войска Ольгерда вступили на территорию Московского княжества. Не успев собрать всех своих сил, Дмитрий Иванович стал готовить только-только построенный Кремль к осаде, а навстречу врагу выслал немногочисленный Сторожевой полк. Он был составлен из части московских, коломенских и дмитровских ратей. В битве на р. Тросне^[91] 21

ноября 1368 года это войско было разбито, в сражении погибли оба московских воеводы Дмитрий Минин и Акинф Шуба. Множество простых ратников утонуло в реке во время бегства. Победа в злополучной Тросненской битве открыла войску литовского князя путь на Москву.

Подойдя к городу, полки Ольгерда и его зятя-союзника Михаила Тверского три дня стояли под стенами нового белокаменного Кремля, но он оказался неприступной твердыней. На третий день Ольгерд узнал о нападении на свои земли немецких рыцарей и, разорив все окрестные места, поспешил уйти назад.

Два года Дмитрий Иванович собирал силы для ответного удара. В августе 1370 года он начал войну с Тверью и разорил многие тверские города, волости и села. И вновь Михаил Александрович зовет на помощь Ольгерда. Началась «Вторая Литовщина» («Другая Литовщина»)

В декабре 1370 года литовцы второй раз осаждали Москву, на этот раз – восемь дней. И снова они вынуждены были отступить от ее прочных стен. В этот раз Дмитрия Ивановича выручил его двоюродный брат, Владимир Андреевич Серпуховской. В декабре 1370 года он встал с полками в Перемышле. На помощь к нему шли союзные рязанские и пронские рати. Узнав об этом, Ольгерд предпочел отступить, опасаясь внезапной атаки собираемых серпуховским князем полков.

После отступления своего главного союзника Михаил Тверской уходит в Орду. В это время на правобережье Волги власть находится в руках Мамай, правившего от имени ханов-марионеток – Абдаллаха (до его кончины в 1369 году), а затем Мухаммед-Бюлека. Встревоженный усилением Московского княжества, Мамай принял Михаила Александровича и выдал ему великокняжеский ярлык. Вместе с ним на Русь был отправлен ордынский посол Сарыхожа.

Но жители Владимира, давшие Дмитрию Ивановичу обещание не пускать тверского князя и татар в свой город, сдержали свое слово. Они рассчитывали на скорую помощь из Переяславля, где встал со своими полками московский князь.

Тогда Сарыхожа послал к Дмитрию гонца с требованием, чтобы тот приехал во Владимир и дал свершиться ханской воле. Получив это послание, московский князь ответил: «К ярлыку не еду. Михаила на княжение не пущу, а тебе послу цареву – путь чист». Вместе с таким дерзким ответом, Дмитрий Иванович послал дары Сарыхоже. Сарыхожа оставил Михаила и отправился в Москву. Его приняли там с таким почетом и так щедро одарили, что он совершенно перешел на сторону московского князя, уговорил его ехать к Мамаю и обещал там ходатайствовать за него.

Дмитрий последовал этому совету, и 15 июня 1371 года отправился в Орду. Прибыв туда, он щедро одарил и Мамаю, и хана, и их приближенных, получив ярлык на великое княжение. Тщетно пытался соперничать с Дмитрием тверской княжич Иван Михайлович, отстаивавший перед Мамаем интересы своего отца. Он лишь попусту растратил взятые в долг 10 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму. Как злостный неплатильщик, Иван был взят ростовщиками под арест. Но затем его выкупил московский князь. Дмитрий Иванович увез тверского княжича с собой и держал его в заключении до тех пор, пока Михаил Александрович не выплатил ему всю потраченную на выкуп сына сумму.

А Мамай послал сказать тверскому князю следующее: «Мы тебе дали великое княжение, давали и войско, чтобы посадить тебя на нем; но ты войска нашего не взял, говорил, что сядешь одною своею силою, так сиди теперь с кем хочешь, а от нас помощи не жди».

В 1371 году обострились московско-рязанские отношения, сопровождавшиеся военными действиями на рубеже. Именно тогда впервые упоминается поступивший на московскую службу знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Чтобы заполучить его себе, московский князь выдал за Дмитрия Михайловича свою сестру Анну и явно не прогадал. По мнению В. А. Кучкина, он реорганизовал военную службу в Московском княжестве, благодаря чему произошло усиление «военного значения “двора” великого князя, состоящего из бояр и слуг вольных». 14 декабря 1371 года Дмитрий Боброк разбил рязанцев в сражении у Скорнищево, а в следующем году, во время Третьей Литовщины, в возросшем военном потенциале Москвы смог убедиться сам Ольгерд.

В 1372 году он снова выступил в поход против Дмитрия Ивановича, но дошел только до Любутска, города-крепости у впадения р. Дубны в Оку (ныне – с. Троицкое Калужской обл.). Здесь он надеялся соединиться с войсками союзного тверского князя, который в это время разорял новгородские владения. Однако первым к Любутску успел со своими ратями великий московский князь Дмитрий Иванович. Он разбил сторожевой полк Ольгерда, после чего литовцы вынуждены были укрыться за глубоким оврагом. Противники стояли по две стороны оврага «много дней», а потом заключили перемирие на три месяца. Любутский договор примечателен признанием Ольгердом Великого княжения Владимирского отчиной, наследственным владением московского князя, а не пожалованием ордынских ханов. Михаил Тверской должен был возвратить Дмитрию все занятые им московские города, при этом Ольгерд не должен

за него вступаться: все жалобы на тверского князя должны быть решены ханским судом.

Оставленный своим главным союзником, тверской князь продолжил свою теперь уже явно неравную борьбу с Москвой. В 1375 году он снова выхлопотал себе в Орде великокняжеский ярлык. Тогда, собрав под свои стяги войска почти всех русских земель (среди них была и новгородская рать и даже полки некоторых литовских князей), Дмитрий Иванович пошел на Тверь и осадил ее.

Увидев, что против него поднялась вся Русская земля, Михаил вынужден был смириться и признать себя младшим братом московского князя. Он обязался без его ведома не вступать в переговоры с Литвой и Ордой и помогать Москве в борьбе с ее врагами. Такие же договоры Дмитрий Иванович заключил и с другими русскими князьями.

За год до этого, в 1374 году, воспользовавшись «розмирьем» с Мамаем^[92], московский князь разрывает вассальные и даннические отношения с Ордой, а в марте 1376 года направил свои войска в поход на ордынский город Булгар. Командовал походом Дмитрий Боброк-Волынский. 16 марта русские полки нанесли поражение правителям Булгара, эмиру Хасанхану и ордынскому наместнику Мухаммад-Султану. В результате победителям был выплачен выкуп в 5000 руб. и выданы пушки, установленные на стенах Кремля.

Таким образом, в сер. 1370-х годов московский князь Дмитрий Иванович смог объединить вокруг себя почти всех русских князей и начать открытую борьбу с Ордой.

Куликовская битва и ее эпоха

Встревоженный усилением Москвы, Мамай, продолжающий сражаться с ханами-соперниками, тем не менее, начинает усиливать нажим на Дмитрия Ивановича и его союзников. В 1377 году он направил на Нижний Новгород войско Арабшаха Музаффара (в русских летописях – Арапша). 2 августа татары, которых вели мордовские князья, скрытно подошли к русскому лагерю на берегу р. Пьяны (левый приток р. Суры) и внезапно обрушились на него. В бою полегло большая часть русского войска. Погиб и командовавший им княжич Иван, сын Дмитрия Константиновича Суздальского. Воспользовавшись победой, ордынцы разорили Нижегородскую землю и Засурье. Тогда же другой татарский

отряд взял и разграбил Переяславль-Рязанский.

В Москве понимали, что теперь следует ожидать более крупного похода на Русь и стали готовиться к его отражению. Действительно, в следующем 1378 году Мамай направляет на непокорного московского князя 50-тысячное войско во главе с мурзой Бегичем. Л. В. Черепнин в своей известной работе «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси». (М., 1960) предположил, что «московское правительство учло уроки гибели русских войск на Пьяне в 1377 г. – учло в двух отношениях. Во-первых, как крупное военное поражение, повторение которого нанесло бы Руси весьма чувствительный удар. Во-вторых, как факт, подорвавший уже завоеванные ранее великокняжеской властью позиции на пути политического объединения русских земель и изменивший сочувственное отношение к этой политике городского населения Суздальско-Нижегородского княжества. Очевидно, в Москве с намерением исправить крупные упущения, допущенные в 1377 г. тщательно готовились к новой большой битве с Ордой».

К этому времени в Москве уже существовала надежная разведывательная служба, и к Дмитрию Ивановичу своевременно поступило сообщение о замыслах Мамаю. Он успел собрать под свой стяг не только свои полки, но и некоторые союзные рати.

Главной целью Бегича была Москва. Зная об этом, князь Дмитрий принял решение не допустить врага в свою землю. В конце июля 1378 года московское войско выступило по старой коломенской дороге на юг. Неприятеля оно встретило уже в пределах Рязанского княжества, на броне на р. Воже, правом притоке Оки. Через эти места проходил самый удобный путь в глубь русских земель. Несколько дней татары не решались переправляться на северный берег Вожи, где стояли русские полки. Но на четвертый день, 11 августа 1378 года, Дмитрий Иванович отвел свои рати на версту от берега. Бегич решил, что москвичи отступают и начал переправу. Его отряды с ходу атаковали великокняжеское войско. Но оно оказалось готовым к сражению. Перед битвой, планируя отвод своей армии, Дмитрий Иванович разделил войско на три полка. Один из них, под водительством самого великого князя, ударил в лицо неприятелю, два других полка (под руководством окольного Тимофея^[93] и князя Даниила Дмитриевича Пронского) атаковали его с флангов. Этот стремительный удар смял ордынцев. Они «на копьях» были сброшены в реку. В этой битве, длившейся всего час, пал не только сам Бегич, но и другие татарские темники – Хазибей, Коверга, Карабулук и Костров. У русских погибли два

воеводы – один из белозерских князей Дмитрий Монастырев и рязанский боярин Назар Данилович Кусаков. В сражении на Воже московский князь Дмитрий был в гуще боя – рубился с татарами в первых рядах Большого полка.

В честь одержанной победы Дмитрий Иванович заложил два Успенских храма. Один – прямо на месте сражения (современное село Глебово-Городище), второй стал кафедральным собором г. Коломны.

Мамай, узнав о разгроме, пришел в ярость и тут же в сентябре 1378 года организовал карательный набег на Рязанское княжество. Была взята и разорена его столица – г. Переяславль-Рязанский. По этой причине великий князь рязанский Олег Иванович был вынужден перейти на сторону Орды.

В это же время союзником Мамаю становится великий князь литовский Ягайло Ольгердович. Заручившись его поддержкой, Мамай решил, что пришло время начать большую войну с окрепшей Москвой, и стал готовить новый поход на Русь. На следующий год осуществить планы не удалось – задуманные военные действия пришлось отложить из-за морового поветрия в степи, в результате которого вымерло большое количество лошадей. Войско татар было готово выступить в поход лишь летом 1380 года.

В конце лета 1380 года в Москву стали поступать сведения о готовящемся нашествии. Дмитрий Иванович начинает спешно собирать свои войска и войска союзников. Сбор их произошел в Коломне 15 августа 1380 года, в день Успения Пресвятой Богородицы. После смотра собравшихся полков на Девичьем поле, 20 августа, русская армия двинулась вверх по течению Оки, отрезая дорогу собиравшемуся идти на соединение с Мамаем литовскому войску. У города Лопасни московский князь получил сообщение, что орда Мамаю стоит на реке Красивая Меча. Тогда русские князья решили выступить к Дону и на этой реке дать сражение врагу. Переправившись у села Прилуки через Оку, полки Дмитрия Ивановича тремя дорогами двинулись на юг. Одной дорогой шел двор Дмитрия Ивановича, другой – полки его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, третьей – полки так называемых «подручных» князей – белозерских, ярославских, ростовских. К войску великого князя присоединились также отряды из Суздальского, Тверского и Смоленского великих княжеств, полки литовских князей Дмитрия и Андрея Ольгердовичей, новгородцы.

5 сентября войска подошли к Дону. Московский князь вновь собрал своих воевод, чтобы решить, где встретить татар. Мнение советников

разделились. Некоторые считали, что с татарами надо биться на северном берегу реки, другие предлагали идти за Дон. Их мнение поддержал и Дмитрий Иванович. Сражение произошло на Куликовом поле за рекой Дон 8 сентября 1380 года.

В исторической литературе приводятся разные данные о численности русских и ордынских войск. Наиболее убедительными выглядят утверждения о том, что под стягом Дмитрия Ивановича собралось около 50–60 тыс. воинов. Мамай привел на Куликово поле не более 90 тысяч воинов (Ю. В. Селезнев).

Перед битвой русское войско было построено в традиционном боевом порядке. Большой полк и весь двор московского князя встали в центре. Ими командовал московский окольный Тимофей Вельяминов. На флангах находились Полк правой руки под командованием литовского князя Андрея Ольгердовича и Полк левой руки князей Василия Ярославского и Федора Моложского. Впереди, перед Большим полком, стал Сторожевой полк князей Семена Оболенского и Ивана Тарусского. В Зеленую Дубраву, вверх по Дону, был отправлен Засадный полк во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским и Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским.

По летописным данным, сражение шло около 3 часов и отличалось крайним ожесточением с обеих сторон. Исход его решил удар засадного полка, еще до начала битвы размещенного за основным фронтом русского расположения в Зеленой Дубраве.

Весной 2006 года очередная археологическая экспедиция на Куликовом поле, используя георадар новой конструкции, выявила с его помощью «шесть объектов, расположенных с запада на восток с интервалом 100–120 м». По версии ряда ученых, это и есть захоронения погибших. Они утверждают, что костная ткань за это время оказалась полностью деструктурирована агрессивной черноземной средой. Однако другие историки отмечают, что это не объясняет отсутствия в этих могильниках металлических предметов типа нательных крестов, обязательных при христианских погребениях.

Сведения о Куликовской битве содержатся в четырех основных древнерусских письменных источниках. Это «Краткая летописная повесть о Куликовской битве», «Пространная летописная повесть о Куликовской битве», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». О битве упоминается в договорах Москвы с рязанскими князьями, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и в «Житии Сергия Радонежского», в рассказах немецких хронистов Иоганна Посильге,

его продолжателя Иоганна Линденблата и Дитмара Любекского, автора «Торуньских анналов».

Считается, что после Куликовской битвы Дмитрий Иванович стал именоваться «Донским», а его двоюродный брат Владимир Андреевич – «Храбрым». Но в действительности такое прозвание московского князя встречается первый раз в «Степенной книге царского родословия» начала 1560-х годов, а затем в разрядных книгах рубежа XVI–XVII вв.

Завершение войны с Ордой. Поход Тохтамыша 1382 года и разорение Москвы

Победа на Куликовом поле все же не стала решающей в русско-ордынской войне. Мамай после поражения бежал в степи. В том же году хан левобережной Орды Тохтамыш выступил против Мамаю. Тот не сумел восстановить силу и мощь своего войска после Донского сражения, поэтому, когда войска Мамаю и Тохтамыша сошлись на реке Калка, то большинство мамаевых мурз, видя превосходство противника, перешло на сторону Тохтамыша вместе со всеми своими воинами. Мамай вновь бежал, на этот раз в Крым, в Кафу, не был принят генуэзцами, снова бежал, был настигнут и убит воинами своего врага. Так, Тохтамышу благодаря этой победе удалось, наконец, объединить расколотую на две части Орду и прекратить шедшую там замятню.

Объединив Орду, хан поставил своей задачей приведение к повиновению непокорного Русского улуса. Сведения о готовящемся походе сохранялись в тайне. Перед выступлением на Русь Тохтамыш послал отряд ордынцев на Волгу с приказом перехватить и перебить русских купцов, «дабы не было известия на Русь». Вскоре большое ордынское войско переправилось через Волгу и стремительно направилось к Москве.

Когда в 1382 году стало известно о приближении Тохтамыша к Москве, Дмитрий Донской не смог заставить союзных князей дать войска для противостояния татарам. Летописец отметил: «... и обретеса разность (разногласия) в них, не хотяху помогати». На этот раз отказал в помощи даже постоянный союзник Дмитрия Ивановича, его двоюродный брат Владимир Серпуховской. К Тохтамышу присоединились нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи, родные братья Евдокии, жены великого князя. Дмитрию не оставалось ничего другого, как отправиться на север, в Кострому, и собирать ополчение в зависимых от Москвы северных землях. Во главе тех, кто остался в городе и решил обороняться, встал

служилый литовский князь Остей, видимо, один из сыновей Дмитрия Ольгердовича.

23 августа 1382 года татары подошли к Москве. Три дня они штурмовали Кремль, но взять его не смогли. На четвертый день нижегородские князья предложили москвичам начать переговоры. Когда Остей в сопровождении священников, вышел из города, татары убили их и ворвались в крепость через оставшиеся незакрытыми ворота. Произошло это 24 августа. Почти все население города было уничтожено или уведено в плен. Позже, при захоронении останков погибших, их сосчитали, установив, что в тот день пало 24 тыс. москвичей.

Разоренная Москва была сожжена. В огне этого пожара погибли не только люди, но и огромные культурные ценности. Летопись рассказывает нам о том, что, ожидая прихода Тохтамыша, все окрестное население свезло в Москву свои «пожитки», а каменные соборы Кремля до сводов были забиты книгами. Все это погибло в огне.

После разорения Москвы татарские отряды рассеялись по землям княжества, действуя в окрестностях Владимира, Звенигорода, Юрьева, Волока Ламского, Можайска. Ордынцами был взят и сожжен Переяславль-Залесский. Лишь около Волока Ламского один из татарских отрядов был разгромлен Владимиром Андреевичем Серпуховским. В то же время к хану стали поступать известия, что с севера возвращается с войском Дмитрий Донской. Тохтамыш не стал дожидаться большого сражения и повернул в степи, по пути разорив Коломну.

Татарское нашествие 1382 года стало заключительным аккордом русско-ордынской войны. После разорения Москвы возобновилась выплата дани татарам, а в качестве заложника и гаранта уплаты дани Дмитрию пришлось послать в Орду своего старшего сына Василия. С этого времени Дмитрий Донской до конца жизни больше не помышлял о борьбе с Ордой. У Москвы больше не было ни военных, ни экономических ресурсов для сопротивления игу. Требовали восстановления и людские потери, понесенные во время восьмилетнего противостояния с Ордой. Теперь московскому князю пришлось сосредоточить все свои силы на сохранении за Москвой первенствующего положения в русских землях. Для этого пришлось в 1384 году собирать особенно тяжелую дань. Тогда летописец отметил как небывалый случай, что давали дань даже золотом. Решение в основном финансовых проблем преследовал и поход на Новгород 1386 года. Новгородцы тогда заплатили дань и еще штраф за разбои, совершенные на притоках Волги ушкуйниками^[94].

В 1389 году Дмитрий Донской умер в возрасте 39 лет, завещав великое княжение Владимирское без ордынского ярлыка своему старшему сыну Василию. Последние события княжения Дмитрия помешали московскому князю совсем отказаться от уплаты дани в Орду, и в своем духовном завещании он подробно перечисляет количество и размеры дани взимаемой обычно с каждой волости Московского княжества, но после этого он добавил в документ следующую фразу: «А переменит Бог Орду – дети мои не будут дань (в Орду) давать».

По-видимому, такой оптимизм Дмитрия Ивановича был связан с новой войной, вспыхнувшей в татарском мире. Тохтамыш смог утвердиться в Орде благодаря помощи знаменитого Тимура, прозванного из-за хромоты «Тимур-ленгом», то есть «Железным хромцом» (Тамерланом), правителя Мавераннахра. Но в 1385 году, пользуясь его отсутствием в Средней Азии (Тимур ушел воевать в Персию), напал на его владения и разорил их. Вернувшийся из похода «Железный хромец» нанес ордынскому хану два жестоких поражения – на Кондурче (1391) и Тереке (1395), после которых Тохтамыш был лишен престола, изгнан и вынужден вести постоянную борьбу с ханами, поставленными Тамерланом. В ходе этой войны оказались разорены многие золотоордынские города. Армия Тамерлана двинулась было и на Русь, но захватила лишь один город – Елец, после чего ушла обратно. Дмитрий Иванович не дожид до разгрома и бегства Тохтамыша, но, несомненно, его схватка с Тимуром, ослабила давление на Русь, дав большую свободу и московскому князю.

Завещание, как и вся политическая деятельность Дмитрия Донского и его ближайших сподвижников, наглядно продемонстрировало возможность успешной вооруженной борьбы с Ордой. Успехи в войне с ней были достигнуты благодаря совместным действиям союза русских княжеств под единым руководством московского великого князя. Эти успехи опирались на небывалый взлет национального самосознания в русских землях.

И все же великорусскому союзу оказалось не под силу на равных противостоять ненадолго объединившейся Орде. Причинами этого стали: недостаточная сплоченность союза; старые принципы участия князей в совместных военных действиях (за вознаграждение); относительно невысокие экономические возможности московского князя, который не мог до бесконечности удовлетворять запросы своих союзников отдать в кормление за участие в походе тот или иной город или волость. Полученный урок убедил московских властителей действовать по другому – не собирая вокруг себя князей, а включая их уделы в свое государство.

Великое княжество Литовское и западно-русские земли в XIII–XV веках

Соперником Москвы в деле объединения русских земель выступило Великое княжество Литовское, восточноевропейское государство, в период своего могущества (XIV – нач. XV веках) являвшееся крупнейшим в Европе. Официальным его названием было «Великое княжество Литовское, Русское и иных».

Возникновение Литовского государства

В лесистом междуречье Западной Двины и Вислы жили племена жемайтов (жмудь), аукштайтов, ятвягов, пруссов, куршей. Подобно славянам-соседям они занимались, в основном, земледелием и лесными промыслами. С этими племенами постоянно конфликтовали полоцкие, новгородские и галицко-волынские князья, отражая частые нападения литовцев на пограничные земли. В XIII веке сдерживать этот натиск стало труднее из-за монгольского вторжения, сокрушившего ряд русских княжеств и серьезно ослабившего военный потенциал уцелевших. Именно в это время и складывается литовская государственность, на формирование которой повлияли перевод Тевтонского ордена из Трансильвании в Мазовию (1225) и создание в Прибалтике Ордена меченосцев (1202). Одной из главных задач немецких рыцарских орденов было обращение силой оружия литовских язычников в католическую веру. Рыцари быстро покорили Пруссию и Ливонию, создав угрозу для литовских племен. Им поневоле пришлось объединяться против завоевателей.

Первым достоверным свидетельством политического объединения литовских князей считается договор, подписанный в 1219 году между ними и правителями Волынской земли Данилой и Васильком Романовичами. В числе заключивших этот договор был и Миндовг, впоследствии ставший первым великим князем литовским и единственным литовским королем.

Результатом объединения прежде разрозненных племен стали успешные действия литовских войск. Уже в 1236 году в битве при Сауле они разгромили главные силы Ордена меченосцев. В битве погиб возглавлявший поход великий магистр Фольквин фон Наумбург. Пало 48 рыцарей и множество их слуг и союзников. Орден оказался на краю гибели, и тогда римский папа Григорий IX благословил его объединение с Тевтонским орденом, более мощной военно-политической организацией.

Впрочем, католическая курия зачастую действовала не силой оружия, а дипломатией, поддерживая тех князей, положение которых становилось неустойчивым. Первым большим успехом на этом пути стало крещение Миндовга. В борьбе за власть его стал одолевать племянник Товтивил, которого поддерживали князь Данила Галицкий и жемайтский (жмудский) князь Викинт. Тогда-то, в 1251 году, Миндовг объявил о крещении и был признан в католическом мире «королем Литвы».

Крещение по латинскому обряду почти на десятилетие ввело Литву в политическую систему Европы. Но в 1260 году жемайты (жмудь) без поддержки Миндовга, но под предводительством его племянника – Треняты, в битве при Дурбе одержали победу над войском Тевтонского ордена и его датских и шведских союзников. Согласно Ливонской Рифмованной хронике и хронике Петра Дуйсбургского, в сражении погибло 150 рыцарей ордена, много простых воинов, пали магистр Бурхард фон Хорнхаузен, маршал Генрих Ботель, командовавший датскими и шведскими отрядами принц Карл.

Сокрушительный разгром рыцарского войска побудил Миндовга отринуть католическую веру. Он вернулся в язычество и начал войну с Орденом. Несмотря на непрекращающиеся распри между литовскими князьями, Миндовг и его наследники получили время для укрепления своей власти на подконтрольных территориях, границы которых они стали расширять на восток и юг.

Еще при Миндовге в состав его государства вошла Черная Русь – земли в верховьях Немана, где находились города Новгородком (ставшей столицей Литвы), Гродно, Слонимом, Волковысском, Несвижем, Здитовом, Турийском и Мозырем.

Еще более значимыми были приобретения великих князей Гедимина и особенно Ольгерда Гедиминовича. Гедимин, правивший Литвой в 1316–1341 годах, установил династические связи с ведущими монархическими домами Восточной Европы: его дочери были замужем за польским королем Казимиром III (Альдона, в крещении Анна), галицким князем Юрием II Болеславом (Офка, в крещении Евфремия), тверским князем Дмитрием Грозные Очи (Мария) и московским князем Семеном Гордым (Айгуста, в крещении Анастасия). При Гедимине впервые упоминается Вильно (1323), как столица Великого княжества Литовского. Под его власть перешли Полоцк, Брест, Витебск, Туров и Пинск. Взяв под свою руку многие русские города и земли, Гедимин, тем не менее, сохранил традиционный социальный строй и порядок управления в этих землях («старинны не рушаем, новины не вводим»), не препятствовал распространению

православия – 5 из 7 его сыновей крестились по греческому обряду.

Его сын и наследник Ольгерд разработал достаточно действенную стратегию собирания всех русских земель под знаменами Великого Литовского княжества. Этой стратегии он следовал на протяжении тридцатилетнего своего правления – с 1345 по 1377 годы. Реализовывал он ее через прямое вмешательство в борьбу русских князей за Великое княжение Владимирское и в церковные дела Русской митрополии, окормлявшей тогда и литовские земли. Формальным поводом для вмешательства в распри своих северо-восточных соседей для Ольгерда стала защита интересов его родственника по линии жены, Михаила Тверского. Именно по призыву тверского князя Ольгерд дважды в 1368 и 1370 годах являлся под стены Москвы, но, так и не сумев овладеть поставленной там белокаменной крепостью, заключил с Дмитрием Донским мирный договор на его условиях.

Успехом своей восточной политики Ольгерд во многом был обязан брату Кейстуту, сдерживавшему агрессию немецких рыцарей. Пользуясь этим, он установил контроль над политикой смоленских князей, а в 1362 году, воспользовавшись начавшейся замятней в Орде, Ольгерд двинулся с войсками на юг, в низовья Днепра. В сражении на берегах р. Синие Воды (левый приток Южного Буга) он разбил трех татарских князей Кутлубугу, Хаджибея и Дмитрия (?). В результате под власть Литвы перешли вся левая половина бассейна Днестра, от устья р. Серет до Черного моря, весь бассейн Южного Буга, днепровские лиманы и пространство вверх по Днепру до впадения в него р. Роси. Важнейшим приобретением Ольгерда стал Киев – не только древнекняжеская, но и первая духовная столица Руси, город Святого Владимира.

Этот успех побудил Ольгерда активнее вмешиваться в дела церковные. Несмотря на ставшее фактом разделение русских земель между двумя политическими центрами – Вильно и Владимиром, все они по-прежнему входили в состав единой митрополии, глава которой по традиции продолжал титуловаться митрополитом Киевским и Всея Руси. Как и раньше, назначался он в Константинополе. Старый, титульный центр митрополии находился в Киеве, находившемся теперь (с 1362 года) на территории Великого княжества Литовского. Новая резиденция главы русской церкви с конца XIII века, при митрополите Максиме, перемещается сначала во Владимир-на-Клязьме, а затем, с 1325 года – в Москву.

Меняя свою веру по конъюнктурным соображениям, полуязычник, полу-православный Ольгерд (в крещении Александр), принялся активно отстаивать интересы православного населения литовских земель,

«обделенных», по его мнению, вниманием общерусского митрополита. Таковым в то время был ближайший сподвижник и воспитатель московского князя Дмитрия Ивановича, Алексей. Ольгерд стал добиваться поставления на должность митрополита Киевского, Русского и Литовского собственного кандидата Киприана, болгарина по происхождению. В 1375 году стал митрополитом в Киеве, получив при этом право наследования и русской (московской) митрополией после смерти Алексея. Так и произойдет в 1378 году, но прибывший в Москву Киприан был схвачен по приказу Дмитрия Московского, видевшего в новом митрополите проводника литовской политики. Тогда же его с позором изгнали обратно в Киев. Примирился великий князь с Киприаном уже после Куликовской победы, но вскоре обвинил его в оставлении Москвы во время нашествия Тохтамыша и снова изгнал митрополита. Окончательно вернул Киприана в Москву лишь сын Дмитрия Донского, Василий I, в 1390 году.

Кревская уния Польши и Литвы 1385 года. Дальнейшее сближение этих государств

После смерти Ольгерда в 1377 году старшим в роде оставался Кейстут, но согласно воле покойного брата он признал старшинство одного из его двенадцати сыновей, своего племянника Ягайло. Этого не приняли другие сыновья Ольгерда и двое из них – Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский – отъехали в Москву. Другие братья Ягайло также были недовольны его возвышением. В условиях конфликта с Тевтонским орденом это было опасно. Стремясь выиграть время, новый великий князь литовский заключил с Орденом Довидишковский договор, содержащий достаточно расплывчатое обещание Ягайло не помогать правившему Жмудью дяде.

В феврале 1381 года немецкие рыцари вторглись во владения Кейстута. Во время этого похода орденские войска впервые использовали против литовцев бомбарды, с помощью которых разрушили укрепления крепости Науяпилис (Новый замок). Литовский князь вскоре узнал от комтура^[95] Остероде Гюнтера Гоенштайна, что военные действия начались с целью лишения его жемайтских земель. Кейстут поверил этому сообщению, так как Гоенштайн был крестным отцом его дочери Дануты. Сын Кейстута Витовт поначалу сомневался в виновности двоюродного брата и не поддержал решения отца свергнуть его. Более того, на время он даже покинул его. Тем не менее, Кейстут захватил Вильно и пленил Ягайло. В бумагах пленника был обнаружен текст Довидишковского договора.

Только тогда Витовт признал правоту отца, но уговорил его не губить ближайшего родича. В обмен на письменное признание Кейстута новым великим князем, Ягайло был отпущен в свои родовые земли Крево и Витебск.

В следующем году сторонники Ягайло подняли мятеж, перебили гарнизон Вильно и захватили город. Извещенный ими бывший великий князь срочно покинул Витебск и отправился в Вильно. Он лишь ненамного опередил шедшего туда же Витовта. Началась война. На помощь Ягайло прибыла рыцарская армия под командованием магистра Вильгельма фон Фримерсхайма. Кейстут и Витовт вынуждены были начать переговоры, во время которых их вероломно схватили. Кейстут был убит в заточении в Кревском замке, а Витовт сумел бежать к немцам, несмотря на прежние обиды предоставившим ему убежище. Возможно, на такое решение повлиял и отказ Ягайло от своего прежнего обещания уступить Ордену Жемайтскую землю вплоть до р. Дубисы.

Витовт отправился в Жмудь и поднял ее против двоюродного брата, действуя на этот раз с немцами, а не против них. Тогда же Витовт крестился по католическому обряду. В его землях началось строительство рыцарских замков. Назревала новая война. Литве нужны были союзники. Искать их Ягайло и поддерживающие его братья Скиргайло и Корибут стали на востоке. В 1384 году они заключили договор с Дмитрием Московским о династическом браке Ягайлы и дочери Дмитрия и крещении Литвы по православному обряду. Одновременно с этим шли трудные переговоры с Витовтом, требовавшим возвращения ему отцовских владений. После долгих раздумий, Ягайло разорвал контакты с Москвой и примирился с Витовтом, отдав ему в удел Гродно и Троки (Витовт, добившись своего, сразу перекрестился по православному обряду). Чтобы не спровоцировать Орден на новую войну, Ягайло обещал его командирам в течение четырех лет принять католичество. Действительно принял его, и даже раньше, но не от немцев и по другому случаю.

Совместная борьба с нарастающей агрессией немецкого Ордена подтолкнула Литву к сближению с Польшей. В 1385 году в замке Крево между двумя государствами была заключена личная и государственная уния. 12 февраля 1386 году Ягайло прибыл в Краков, 15 февраля был крещен в Вавельском замке под именем Владислава (Владислава II Ягелло), а уже 18 февраля обвенчан с 13-летней польской королевой Ядвигой.

Однако не все литвины согласились с решением своего короля крестить Литву по католическому обряду. Сопrotивление вновь возглавил Витовт, ставший великим князем литовским. Он сосредоточил в своих

руках огромную власть и, приняв разгромленного Тамерланом беглого татарского хана Тохтамышша, вознамерился разгромить Орду и расширить пределы своего государства далеко на восток. Первые походы оказались успешными – передовые отряды Витовта доходили до Волги, Азова и Крыма. Тогда в 1399 году для решающего удара по Орде было собрано большое войско, состоявшее из литовских, татарских, молдавских и многочисленных русских полков, а также польских союзнических хоругвей и отряда тевтонских рыцарей. Оно выступило в поход против нового хана Тимур-Кутлуга (Темир-Кутлуя). Но 12 августа 1399 года на реке Ворскле Тимур-Кутлуг и его полководец эмир Едигей атаковали и разгромили эту армию.

Битва на Ворскле

Разноплеменные войска Витовта стали собираться в Киеве весной 1399 года. Узнав об этом, Тимур-Кутлуг отправил к литовскому государю послов, повелев объявить ему: «Выдай мне беглого Тохтамышша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша; нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так что выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе».

Витовт ответил послам отказом: «Яз царя Тохтамышша не выдам, а со царем с Темир-Кутлуем хощу видети сам». Это было объявление войны.

Тимур-Кутлуг стал собирать войска, готовясь к сражению с идущей на него армией литовского князя. Она выступила из Киева и через несколько дней подошла к реке Ворскле – мсту будущего сражения, туда же подошло татарское войско. Тимур-Кутлуг, увидев мощь и многочисленность литовского войска, поначалу начал переговоры о мире. Его посланцы передали Витовту слова ордынского владыки: «Зачем ты на меня пришел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Витовт, по-видимому, воспринял миролюбие хана как слабость и, уже чувствуя себя победителем, отослал Тимур-Кутлугу дерзкое требование: «Бог покори мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброк; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет предана мечу!»

Несмотря на небывалую дерзость полученного ответа, Тимур-Кутлуг продолжал вести переговоры с Витовтом, ожидая прихода Едигея, за

которым послал перед этим. Едигей сразу же потребовал личной встречи с литовским государем. На ней он сказал ему; «По праву ты взял нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод; но я старше еще тебя, так следует тебе быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах».

Переговоры были прерваны, началась подготовка к битве. Произошла она, как уже было сказано, 12 августа 1399 года. Перед сражением произошел поединок ордынского мурзы и литовского рыцаря Сырокомли. Схватка закончилась победой Сырокомли, после чего литовское войско начало переправу через Ворсклу под прикрытием пушечного огня. Но артиллерийский огонь оказался малоэффективным и отошедшие было татары Едигея встретили атакующего их противника фронтальным ударом, тогда как тумены Тимур-Кутлуга ударили с флангов, сомкнув ряды и отрезав литовские и русские полки и татар Тохтамыша от польских хоругвей. Несмотря на многочисленность литовского войска и его хорошее оснащение (в том числе наличие артиллерии, применение которой оказалось малоэффективным против подвижных всадников, а также пицалей и самострелов), армия Витовта не устояла и была наголову разбита. Ордынцы преследовали остатки войск Витовта до самого Киева. В летописи содержится следующее описание заключительного этапа сражения: «... и тако Татарове взяше обоз и телеги кованья утверженныя с чепми железными, и пушки и пицали и самострелы, и богатство многое и великое, златые и серебряные сосуды поямаша». Преследуя отступающего противника, воины Едигея опустошили киевские и литовские земли. Киеву ценой огромного выкупа (3000 литовских рублей) удалось откупиться от ногайского нападения, грозившего ему разорением.

В сражении погибло 20 князей и половина союзного войска. Среди павших были молдавский господарь Стефан I Мушат, герои Куликовской битвы Дмитрий и Андрей Ольгердовичи, Иван Борисович Киевский, Глеб Святославич Смоленский. Раненый Витовт бежал с поля боя.

Сокрушительный разгром на Ворскле вынудил Витовта заключить в 1401 году еще одно соглашение с Польшей – Виленско-Радомскую унию. Согласно ей, в обмен на признание Витовта верховным правителем Литвы Ягайло или его наследники должны были получить все литовские земли. В том случае, если наследников не будет, польская сторона обещала допустить участие литовского и русского боярства в выборе нового монарха.

Тем не менее, совместные усилия Польши и Литвы в борьбе с немецким орденом в конечном итоге увенчались успехом. 15 июля 1410 года недалеко от польского замка Домбров (Домбровно) у деревни Грюнвальд на границе с Восточной Пруссией состоялось сражение между объединенными силами польского короля Ягайло и литовского князя Витовта с одной стороны и войском Тевтонского ордена – с другой.

Грюнвальдская (Дубровенская)^[96] битва

По сообщению польского хрониста Яна Длугоша армия ордена состояла из 51 хоругви. Из них 5 находились в подчинении высших орденских иерархов, 6 – скомплектованы прусскими епископствами, 31 – выставлено территориальными единицами и городами и 9 – отряды иностранных наемников и гостей. В орденском войске имелось 100 бомбард калибром 3.6 фунта – 5 пудов. Всего оно насчитывало 27 тыс. воинов.

Польское войско также состояло из 51 хоругви, в том числе и русской Галицкой. Литовские войско – из 40 хоругвей. Многие из них были русскими, укомплектованными витязями из смоленских, мстиславских, оршанских, лидских, полоцких, витебских, пинских, новогрудских, брестских, волковысских, киевских, кременецких и стародубовских мест. Кроме того, к Ягайло и Витовту присоединились осевшие в Литве татары хана Джелал-ад-Дина^[97] и чешский отряд воеводы Яна Сарновски (в этом отряде находился и Ян Жижка, будущий гуситский предводитель). Всего в польском и литовском войске было 30–40 тыс. воинов.

Перед началом сражения занимавшие левый фланг польские войска построились в три боевые линии-гуфа. Первая – авангард (чельный гуф), вторая – главные силы (вальный гуф) силы, третья – (отвальный гуф) и резерв. Каждая боевая линия состояла из 15–16 хоругвей. На правом фланге встали литовские и русские хоругви и татары Джелал-ад-Дина. Центр заняли смоленские полки (3 хоругви) – «рыцари Смоленской земли», подвиги которых были восславлены Длугошем.

Войско крестоносцев расположилось в две боевые линии. Третья линия, образованная 16 хоругвями, осталась с магистром фон Юнгингеном в резерве. Против литовцев выдвинулись 15 хоругвей гранд-маршала Фридриха фон Валленрода. Они расположились возле деревни Танненберг. Правое крыло располагалось напротив польского войска и возглавлялось великим комтуром Куно фон Лихтенштейном, в подчинении которого было

20 хоругвей.

Крестonosцы, которым удалось заранее подготовить армию к сражению, надеялись спровоцировать поляков и литовцев на атаку. Их полки, одетые в тяжелую броню, должны были стоять под палящим солнцем по два часа, ожидая нападения. В «Хронике Быховца» сообщалось, что перед войсками были устроены шурфы («волчьи капканы») против нападающей армии. Археологические раскопки, проведенные в 60-е годы под Грюнвальдом, ям не обнаружили. Орденские войска также пытались использовать свои 100 бомбард но во время битвы пошел дождь, и в итоге было сделано только два пушечных залпа, не нанесших большого урона противнику.

Ягайло не спешил начинать атаку, и союзное войско ждало символической команды. Польский король в то время молился в походной часовне (он отстоял две мессы подряд) и, как пишет Длугош, все время плакал. Это обстоятельство, в итоге и стало спасительным для поляков и их литовских и русских союзников. Ожидая польского наступления, немцы сомлели в своих доспехах и в значительной степени утратили боевой дух.

Ход сражения распадается на три этапа.

На первом произошла атака татар на левый фланг неприятельского войска. Однако урон, нанесенный лучниками закованным в стальные доспехи рыцарям, был незначителен. Попытка литовской кавалерии поддержать действия татар также разбилась о монолитный тевтонский строй. Однако через час Валенрод был вынужден ударить по татарам и литовцам, сразу же начавшими отступать.

Девять хоругвей Валенрода преследовали литовцев. Спасая их, 3 смоленские хоругви (Смоленская, Мстиславская и Оршанская) князя Лугвения Ольгердовича приняли удар рыцарей и остановили их. Одна хоругвь полегла целиком, две другие отошли к польскому войску и прикрыли его фланг.

На втором этапе польские рыцари вступили в бой с немецкими и смогли потеснить их. При этом смоленские хоругви удержали правый фланг, атакованный воинами Валенрода, отогнавшими литовцев и татар и повернувшими на помощь Куно фон Лихтенштейну. Сражение разрасталось, и немецкие рыцари стали постепенно одолевать польских. Ввод резервов не изменил ситуации, но вскоре на поле боя вернулась литовская конница.

На третьем этапе литовские хоругви ударили по орденскому войску и вынудили его отступать. Таким образом, кровопролитное и жестокое

сражение увенчалось победой союзников, в рядах которых сражались плечом к плечу поляки, литовцы, русские, татары и бою погибли гроссмейстер Ульрих фон Юнгинген, почти все командиры и многие рыцари-тевтоны (205 орденских братьев). Всего же с немецкой стороны пало около 8000 человек. Потери польско-литовского войска оцениваются предположительно в 5 тыс. человек.

Грюнвальдский разгром положил конец агрессии Ордена на восток. Это поражение стало точкой отсчета упадка Тевтонского ордена, превратив польско-литовский союз в доминирующую силу в регионе. Процессы слияния Польши с Литвой и католической экспансии в западнорусских землях стали необратимы, что было подтверждено заключением Городельской унии 1413 года. Отныне титул великого князя литовского стал элементом польского королевского титула. В Литве вводится одинаковое с Польшей территориально-административное деление. Литовские бояре-католики получили права польской шляхты и гербы.

Разворот Литвы в сторону католического Запада и предопределил окончательное решение проблемы «двух центров» собирания Руси в пользу Москвы.

В дальнейшем новые унии – Гродненская 1432 года, Краковско-Виленская 1499 года – еще прочнее связали Литву с Польшей, подготовив их объединение в дуалистическую Речь Посполитую на Люблинской унии 28 июня 1569 года.

Глава 10. Московское государство в войнах XV столетия

Междоусобная война второй четверти XV века.

Выдвижение Москвы на ключевую роль в Северо-Восточной Руси произошло во многом благодаря сплоченности княжеской власти и отсутствию серьезных противоречий внутри княжества. Это, в сочетании с успешной антиордынской борьбой, позволило московским князьям закрепить за собой великое княжение Владимирское как вотчину. Первой внутримосковской усобицей стала Династическая (феодалная) война 1425–1453 годов. Причиной этого конфликта стала борьба за верховную власть в главном политическом центре Великороссии между потомками Дмитрия Донского. Поводом к началу конфликта стало нарушение Василием I одного из важнейших условий завещания Дмитрия Донского – о переходе власти от Василия к старшему после него в московском княжеском роде, князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому (Галицкому). Василий I завещал великое княжение своему десятилетнему сыну Василию II, назначив опекуном наследника своего тестя, литовского князя Витовта.

Следует рассмотреть предысторию конфликта: в 1389 году по завещанию умершего Дмитрия Ивановича великим князем владимирским и московским стал его старший сын Василий Дмитриевич (Василий I). Но завещание содержало запись, ставшую причиной будущего раздора. В случае смерти старшего сына Василия новым великим князем должен был стать его младший брат, Юрий Дмитриевич, которому пока в удел был выделены города Галич и Звенигород (с 1421 года звенигородским князем являлся старший сын Юрия, Василий, впоследствии получивший прозвище Косой).

Объясняется это обстоятельство не только тем, что в год смерти отца Василий еще даже не был женат (женился лишь в 1391 году), но и частичным сохранением старинного лествичного права наследования княжеской власти).

Парадокс заключался в том, что именно Юрий Дмитриевич был, несомненно, самым выдающимся из сыновей Дмитрия Донского, славился своим полководческим искусством и воинской удачливостью, при нем

расцвел и стал процветающим Галицкий край.

Князь Юрий прославился успешными действиями против татар, особенно походом 1399/1400 годов, когда его войскам удалось разорить ордынские города на реке Каме и Волге: Булгар, Жукотин, Казань и Кременчук. Во всех договорах того времени его имя неизменно ставилось вместе с именем старшего брата, Василия Дмитриевича.

Василий Дмитриевич не имел таких ярко выраженных достоинств. Он оказался в тени очень сильной натуры – своей супруги Софьи Витовтовны, на которой женился «по обещанию» в 1391 году. Этим неизменно пользовался ее отец, великий князь литовский Витовт.

Единственным успехом Василия I было приобретение в Орде в 1392 году ярлыка на Нижний Новгород, Муром, Городец, Тарусу и Мещеру: он его просто купил. Но вступать в открытое противоборство с врагами князь не решался. Когда в 1402 году татарское войско эмира Едигея совершило набег на московскую землю, князь предпочел закрыться за крепкими стенами столицы, оставив округу на разорение врагу. В тот раз татары ушли, получив с Василия Дмитриевича выкуп в 3 тыс. рублей.

На Западе, пользуясь уступчивостью Москвы, Витовт в 1404 году окончательно подчинил себе Смоленск, а затем и так называемые «верховские княжества», небольшие владения, расположенные в верхнем течении реки Оки – княжества Новосильское, Белёвское, Воротынское, Одоевское, Перемышльское и Мезецкое. Именно в то время владения Витовта на юге достигли Черного моря.

Сразу после смерти Василия I, умершего 27 февраля 1425 года, реальная власть в Москве перешла в руки трех его душеприказчиков: «властолюбивой княгини-вдовы Софьи Витовтовны, волевого митрополита Фотия и деятельного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского». Наследнику московского престола Василию Васильевичу в день смерти отца было 9 лет и 11 месяцев (родился он 27 марта 1415 года).

После небольшого сопротивления Юрий Дмитриевич вынужден был заключить с московскими властями соглашение, по которому обязывался «не искать» под Василием II великого княжения, положившись на волю Орды. Галицкому князю пришлось согласиться на это, так как сила была на стороне его племянника, за спиной которого стоял грозный Витовт.

Смерть Витовта в корне изменила ситуацию и в Литве и на Руси. 80-летний правитель умер 27 октября 1430 года.

Новым великим князем литовским стал свояк Юрия Дмитриевича, Свидригайло Ольгердович. Теперь поддержкой могущественной Литвы располагал не московский князь, а его дядя, считавший себя обделенным.

По сообщению летописца, «Князь же Юрий расторг мир с великим князем и, Галич оставя, захватил, пойдя, Нижний Новгород; и князь великий послал на него войско с дядею своим, князем Константином. Тот же, это прослышав, ушел за Суру и стал на берегу, а князь Константин, постояв на другом берегу, возвратился, так как не знал, как настичь его. Князь же Юрий после отхода их снова вернулся в Новгород». Разгоревшийся спор о московском княжении попытались решить миром. С просьбой рассудить их в 1431 году и Юрий Галицкий (в сентябре), и Василий Васильевич (в августе) едут в Орду, к хану Улуг-Мухаммеду.

С московской стороны переговоры с царем и его приближенными взял в свои руки боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Вот каким рисует его С. М. Соловьев: «хитрый, ловкий находчивый, достойный преемник тех московским бояр, которые при отце, деде и прадеде Василия умели удержать за Москву первенство и дать ей могущество».

Иван Дмитриевич и нашел убийственный аргумент, имевший решающее значение в глазах татар: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей ханской милости; ты дал Русский улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут, а значит правит по твоей милости». Такие аргументы сыграли решающую роль. Спор был решен в пользу Василия II, но за это пожалование пришлось заплатить тяжелым ордынским «выходом».

Вполне возможной после решения хана нормализации обстановки помешали два неожиданных обстоятельства:

- В Москве был обижен боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. За старания в Орде ему обещали женить подростка великого князя на одной из младших дочерей боярина. Но, добившись своего, Софья Витовтовна изменила планы и сосватала за сына серпуховскую княжну Марию Ярославну, внучку Владимира Андреевича Храброго. Иван Всеволожский отъехал в Галич, к князю Юрию;

- Обрушил непрочный мир скандал на свадебном пиру у Василия II, на котором присутствовали и старшие сыновья Юрия Дмитриевича Галицкого, Василий Звенигородский и Дмитрий Шемяка. Он разгорелся из-за пояса «на чепех с камнями», снятого по приказу великой княгини Софьи Витовтовны с Василия Косого. Пояс этот якобы был украден из московской казны боярином Вельяминовым, хотя, судя по позднейшим изысканиям историков, существовало два пояса, преподнесенных суздальским князем Дмитрием Константиновичем в качестве свадебного дара своим зятьям – мужу Евдокии Дмитрию Донскому и мужу Марии

Микуле (Николаю) Вельяминову. На дочери Микулы и Марии Вельяминовых был женат боярин Иван Всеволожский, также получивший в приданое этот пояс, впоследствии подаривший его Василию Звенигородскому. Оскорбленные Юрьевичи покинули Москву и отправились к отцу, по дороге разграбив Ярославль. Галицкий князь поднялся в поход очень быстро и стремительно двинулся к Москве. Там об этом походе не знали и спохватились, когда полки Юрия Дмитриевича подошли к Переяславлю-Залесскому. С известием об этом прискакал в Москву ростовский наместник Петр Константинович Добрынский. Великий князь попытался начать переговоры о мире, но они были отвергнуты разгневанным Юрием Дмитриевичем. Тогда, собрав все, какие только можно войска, Василий II выступил навстречу разгневанному дяде.

25 апреля 1433 года в битве на реке Клязьме (в 20 верстах от Москвы) галицкий князь разбил наскоро собранные полки своего племянника и занял великокняжеский трон. Василий II с матерью и молодой женой бежал сначала в Тверь, а затем в Кострому.

Добившись московского княжения, Юрий Дмитриевич не стал губить племянника, а, заключив мир, передал ему в удел город Коломну. Это мягкосердечие победителя было воспринято как слабость, и московские бояре со своими дворами стали «отъезжать» к Василию. Одним из первых отбыл в Коломну боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Почувствовав непрочность своего положения, ярко проявившуюся в продемонстрированном ему недовольстве москвичей, Юрий Дмитриевич добровольно вернул княжение Василию Васильевичу и ушел в Галич, признав своего племянника «братом старейшим». Повествуя об этом, летописец писал: «и договорные грамоты приняли в том и крест целовали, что великому князю в вотчину Юрия не вмешиваться, а князю Юрию ни великого княжения не домогаться, ни сыновей своих не принимать и помощи им не давать против великого князя. Так, заключив мир, князь Юрий пошел в Галич, а князь великий князя Юрия Патрикеевича послал воеводой на Юрьевичей со всем своим двором. Те же отступили от Костромы и стали на речке Куси, и в то же время подоспели к ним вятчане, и от отца подошла им подмога, и дали они бой, и одолели Юрьевичи, и воеводу, князя Юрия Патрикеевича, схватили, и пришли опять к Костроме, а как Волга стала, пошли к Турдеевым оврага...». Сражение на Куси произошло 28 сентября 1433 года. Одолев московские полки, Василий и Дмитрий Шемяка послали гонцов к отцу, предлагая ему начать войну за великое княжение. Но тот отказался, не ожидая нападения на свои земли.

Поражение своих воевод и известие о помощи, оказанной Василию и

Юрию их отцом, вынудило Василия II думать не о мире, а о мести. Рати московского князя, вопреки заключенному соглашению, напали на Галич и выжгли посады вокруг него. Тогда, собрав большое войско, призвав воинственных вятчан, Юрий Дмитриевич выступил против своего вероломного племянника. 20 марта 1434 года в решающем сражении в Ростовской земле (у Святого Николая на Горе) великокняжеские полки были разбиты и бежали. Сам Василий II попытался укрыться в Новгороде, затем искал помощи у тверского князя Бориса Александровича, затем ушел в Нижний Новгород, собираясь искать убежища в Орде.

Тем временем Юрий осадил Москву. Осада продолжалась всего неделю. 31 марта москвичи открыли звенигородскому князю ворота, признав его своим государем. Но вскоре после этой победы, 5 июня 1434 года, Юрий Дмитриевич умер. Недолгое его правление ознаменовалось началом чеканки на московских монетах изображения всадника, копьем поражающего змея, так как Георгий Победоносец был небесным покровителем Юрия Дмитриевича.

После смерти отца со всей активностью в усьобицу включился его старший сын, Василий Юрьевич, который по лествичному праву уже не имел никаких прав на престол. Его родные братья, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, перешли на сторону Василия II. Своему старшему брату они заявили: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим». По-видимому, обоих Дмитриев просто купили. Шемяке, княжившему в Рузе, обещали Углич и Ржеву. Дмитрию Красному помимо доставшегося от отца Галича посулили Бежецкий Верх. И дали их.

Василию Юрьевичу пришлось уйти из Москвы, «побрав злато и серебро, казну отца своего, и градъский запас весь», в Новгород. «Князь же великий Василий Васильевич сел на великом княжении московском в своей вотчине...»

Не задержавшись в Новгороде, Василий Юрьевич в конце 1434 года ударил по Бежецкому Верху и Заволочью, где начал собирать войска для войны с двоюродным братом. Затем уже во главе своих полков Василий Звенигородский выступил к Костроме. Однако первое сражение выиграла воеводы Василия II. В 1435 году он разбил своего соперника на реке Которосли.

Битва произошла 6 января этого года между селами Великим и Козьмодемьянским. Исход боя решил удар засадного полка из великокняжеской рати, смявшего порядки войска Василия Юрьевича. Потерпев поражение, звенигородский князь ушел к Кашину, а затем, пополнив свои поредевшие полки, двинулся на Вологду. Там ему удалось

захватить врасплох и пленить нескольких воевод Василия Васильевича – боярина Федора Михайловича Челяднина, Василия Михайловича Шею Морозова, Андрея Федоровича Голтяева. От Вологды звенигородский князь пошел на Заозерье – область за озерами Белое, Кубенское, Воже и Лача по реке Кубена, где княжил сторонник Василия II, Дмитрий Васильевич Меньшой Заозерский. У села Устья заозерское войско, которым командовал Федор, сын Дмитрия Васильевича, было разбито. Сам Федор Дмитриевич спасся бегством, а Василий ушел сначала в Устюг, где едва не был убит своими врагами, а затем – в Кострому.

Весной 1435 году между Василием II и Василием Звенигородским был заключен мир. Последнему был пожалован город Дмитров, он же, в свою очередь, вернул захваченный полон и награбленное добро. Впрочем, по неизвестной нам причине, уже через месяц Василий Юрьевич отослал великому князю разметные грамоты и выступил в поход, уйдя в Кострому, служившую ему надежным тылом. Туда же была вызвана и вятская рать. Как только она пришла на соединение с его полками, звенигородский князь устремился к Галичу и овладел им. Та же участь постигла и Устюг, с той лишь разницей, что в этом городе произошли казни – Василий мстил жителям за устроенное на него покушение. В числе казненных оказались воевода князь Глеб Иванович Оболенский и владычный десятинник Иев Булатов.

Зимой разразился второй «свадебный скандал» – Дмитрий Шемяка прибыл в Москву, чтобы пригласить Василия II на свое венчание с Софьей, дочерью князя Дмитрия Заозерского. Великий князь на это приглашение ответил арестом и заточением рузского князя в Коломне, «а пристав при нем был Иван Старков, коломенский наместник».

После пленения Дмитрия Шемяки его двор («братни дворяне пятьсот человек») ушел к Василию Юрьевичу, заметно усилив собранное им войско. Звенигородский князь двинулся навстречу своему врагу, Василию II, войско которого вступило в Ростовскую землю. Битва произошла 14 мая 1436 года на реке Черехе, у села Скорятина. Не надеясь на свои силы, Василий Юрьевич пустился на хитрости: желая «искрасти великого князя», он предложил ему перемирие до утра, что и было принято. Великий князь распустил своих ратников «кормов деля» (на заготовку провианта), а Косой, пользуясь этим, хотел напасть на него. Но московская сторожа вовремя предупредила Василия Васильевича и его воевод о готовящемся нападении, и великокняжеские полки успели приготовиться к сражению. Василий Юрьевич был разбит, схвачен воеводами Борисом Тоболиным и князем Иваном Друцким, которые привели его к Василию II.

Тот распорядился отправить пленника в Москву. Но в это время к великому князю пришла весть, что отряд вятчан, направленный Василием Юрьевичем на Ярославль, в устье реки Туношны разбил войско князя Александра Федоровича Брюхатого и пленил его. Тогда Василий Васильевич, придя в ярость, приказал выколоть своему двоюродному брату один глаз (по другой версии – оба глаза). После этого Василий Звенигородский и получил прозвище «Косой».

На время ситуация в Московском княжестве нормализовалась. Обострилась она из-за конфликта Василия II с ханом Улуг-Мухаммедом. Когда-то именно он помог Василию одолеть его дядю Юрия и надеялся на поддержку московского князя в борьбе с соперниками в Орде. Разбитый своим главным врагом, Кичи-Мухаммедом, Улуг-Мухаммед в 1438 году попытался укрыться в литовском тогда Белёве. Несмотря на действующий тогда союз Василия II с изгнанным из родного юрта ханом, московский государь отправил против недавнего союзника свои войска. Командовали им двоюродные братья Василия Васильевича, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они повели «и прочих князей множество, с ними же многочисленные полки»^[98]. 5 декабря 1437 года под стенами занятого татарами Белёва произошло большое сражение, закончившееся неожиданным поражением великокняжеской рати.

В Белёвской битве московские рати сначала обратили войско Улуг-Мухаммеда в бегство, но это оказалось хитрым маневром. Пока одни татарские отряды отвлекали русские полки, другой отряд неожиданно ворвался в Белёв и занял его. В бою погибли воеводы А. Шонуров, Ф. Тарусский, А. Лобан Стародубский, Н. Туриков, С. Горсткий, К. Порховский, И. Кузьминский, А. Хоробров, Д. Кайса. Воспользовавшись растерянностью противника, войско Улуг-Мухаммеда перешло в наступление и разгромило войска великого князя. Досаднее всего тот факт, что перед сражением хан предлагал Василию II мир и обещал избавить Москву от уплаты дани («даст ми богъ, буду на царстве и доколя буду жив, дотоля ми земли Русские стеричь, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что»). Улуг-Мухаммед даже предлагал прислать в заложники одного из своих сыновей Мамутека (Махмутека). Однако великий князь, уверенный в победе над врагом, принял решение атаковать Улуг-Мухаммеда, и жестоко просчитался. Впрочем, потери понесли и татары. В сражении были убиты «зять царев и татар много». Однако эти жертвы себя окупили сполна и не стали фатальными. Татарское войско сохранило боеспособность^[99].

В 1438 году Улуг-Мухаммед захватил Нижний Новгород, посадив княжить там из своей руки Данилу Борисовича. Он происходил из рода суздальских князей, некогда владевших этим городом. В следующем году, 3 июля, Улуг-Мухаммед «безвестно» пришел к Москве, стоял под городом десять дней, пожег посады, «зла много учини земли Русской», ушел обратно с множеством пленных. На обратном пути татары выжгли Коломну «и людей множество плени, а иных изсекль»^[100].

Зимой 1444 года войско Улуг-Мухаммед выступило из Нижнего Новгорода и двинулось к Мурому. Навстречу ему выступили все князья, сплотившиеся на тот момент вокруг Василия II. Свои полки привели князь Галицкий и Углицкий Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Белозерский, Василий Ярославич Серпуховской. Узнав о приближении большой русской рати, Улуг-Мухаммед ушел обратно к Нижнему Новгороду. Догнать его главные силы не удалось, но отдельные загонные татарские отряды были настигнуты под Муромом и Гороховцом. Часть налетчиков уничтожили, часть – пленили. Среди последних оказались и некоторые командиры: Ихмуть-мурза и князь Азбердей Миширеванов^[101]. В конце 1444 года войско одного из сыновей хана Мустафы-султана было разбито великокняжескими воеводами Василием Ивановичем Оболенским-Косым и Андреем Голтыевым под Переяславлем-Рязанским на р. Листани. Воспользовавшись сильными морозами, русские войска с помощью мордовских лыжников настигли татар и окружили их на лесистом холме между селами Турлатово и Астромино. «И бысть им бой велик и силен зело на речке на Листании и начаша одолевати христиаия... и много татар избиша». В этом бою погиб и сам царевич Мустафа.

Военные действия продолжались и в 1445 году. Оставаясь в Нижнем Новгороде, Улуг-Мухаммед выслал в поход против великого князя своих сыновей, Мамутяка и Якуба. Василий II во главе своего войска выступил против татар, но столкновение с ними закончилось еще одним его страшным поражением в битве под Суздаlem 7 июля 1445 года.

Суздальская битва произошла у Спасо-Ефимьевского монастыря на берегу р. Нерли. Как и в Белевском сражении, превосходство было на стороне русских войск. Войска «царевичей» Мамутяка и Якуба, сыновей Улуг-Мухаммада, стали отступать, но затем ударили по начавшим преследование и потерявшим строй войскам великого князя. В битве русские потеряли весь свой командный состав: Иван Можайский и Василий Серпуховской были ранены и бежали с остатками своих войск, а сам

Василий II, сражавшийся мужественно и получивший несколько ран, вместе с Михаилом Андреевичем Белозерским попал в плен к Мамутяку. Ордынцы потеряли в этом сражении около 500 человек. После столь крупной победы торжествующие ворвались в Суздаль и три дня грабили его. Затем они двинулись к Владимиру, перейдя через Клязьму, однако жители города успели подготовиться к обороне, и татары не рискнули осадить его, ограничившись грабежом предместий. Затем Мамутяк и Якуб вернулись в Муром, а оттуда ушли к отцу, в Нижний Новгород, уводя с собой и пленного великого князя^[102]. На время его пленения старшим в роду московских князей стал Дмитрий Юрьевич Шемяка – именно он и занял Москву.

Тем временем за значительный выкуп Василий освободился из ордынского плена и возвратился на Русь. Шемяка вынужден был уйти в свои города, но ненадолго. Вынужденный собирать для Орды выкуп за себя, Василий II быстро терял поддержку горожан и служилых людей. В феврале 1446 года при полном попустительстве своих слуг Василий был захвачен на богомолье в Троицком монастыре Дмитрием Шемякой, привезен в Москву, ослеплен в отместку за Василия Косого и сослан в Вологду.

Но и Шемяка не проявил себя на московском престоле дальновидным политиком: продолжение сбора денег для выплаты татарам, восстановление независимости Нижегородского княжества, подчиненного еще Василием I, обещания защиты независимости Новгорода Великого – все это крайне негативно воспринималось московской служилой средой, а в особенности родовитым московским боярством. Вновь начался процесс «отъезда» всех недовольных Шемякой ко двору Василия Темного (это прозвище он получил после ослепления – «темный» = «слепой»), на этот раз в Вологду. Теперь на стороне Василия II выступил Борис Александрович Тверской (их союз был закреплен обручением шестилетнего сына Василия Ивана с четырехлетней дочерью тверского князя) и большинство духовенства.

Поддержка церкви имела для опального князя особую роль, ведь он изгнал в 1439 году митрополита-грека Исидора, поставленного по обычаю на Русскую митрополию в Константинополе и подписавшему в этом сане Флорентийскую унию православных и католических иерархов. После этого собор русских епископов в 1441 году уже без согласия Константинопольского патриарха избрал митрополитом епископа Иону, что стало важным шагом на пути становления самостоятельности русской церкви. В этих трудных для Василия II условиях игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон снял с князя грех нарушения клятвы,

данной Шемяке прилюдно в том, что впредь больше не будет стремиться к великому княжению.

Дмитрий Шемяка не решился сопротивляться столь обширной коалиции и в 1446 году сам покинул Москву. Василий II занял московский престол и не покидал его больше вплоть до своей смерти. Активных военных действий ни Шемяка, ни Василий II больше не предпринимали, но состояние зловещей неопределенности сохранялось вплоть до загадочной смерти Шемяки в Новгороде в 1453 году. Историки полагают, что галицкий князь был отравлен подкупленным московскими людьми поваром.

Междоусобная война сильно разорила страну. Выяснения отношений между князьями вылились в десятки разоренных городов, сотни сгоревших сел. На фоне внутренних неурядиц в Руси вновь выросло влияние Орды. Главным итогом этой длительной усобицы стало утверждение принципа наследования власти по прямой нисходящей линии – от отца к сыну. Василий II, переживший почти тридцатилетнюю войну от начала до конца (редкий для правителей срок), сумел сделать из ее итогов правильные выводы: чтобы избежать усобиц в дальнейшем, он вместе с титулом великого князя выделил старшему сыну Ивану III и более крупную долю наследства, обеспечивая превосходство над младшими братьями.

Глава 11. Войны Ивана III

Военное противоборство Москвы с Казанским ханством во второй половине XV века. Русско-ливонская война 1480–1481 годов.

В 60-х годах XV века общая обстановка на границах вынуждала московского государя форсировать силовое решение конфликта с Казанью, временами (в 1467–1469, 1477–1478, 1485, 1486 и 1487 годах) выливавшегося в настоящие русско-татарские войны.

Уже первый поход воевод Ивана III в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов.

Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца Василия II, великий князь отправляет своих воевод Бориса Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними выступили устюжское, вологодское и галицкое ополчение. Описывая этот поход, автор Архангелогородского летописца рассказал, что «шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь». Результаты экспедиции остались неизвестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как «того же лета рать черемисская с тотары казаньскими (!) приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов». Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, «а полон назад отполонили»^[103]. В несколько более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхоужье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологодина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова^[104].

Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условиях старой, «устоявшейся военной системы», силами земского ополчения северорусских городов «с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя». Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях, пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст^[105].

Начало полномасштабным войнам с Казанью было положено в 1467 году, во время очередного династического кризиса в этом татарском юрте. Русское правительство решило вмешаться во внутренние дела ханства, чтобы поддержать династические права на казанский престол Касима, одного из сыновей хана Улуг-Мухаммеда. За пять лет до этого, в 1452 году, он был изгнан своим старшим братом Махмудом (Махмутеком; в русских летописях Мамутяком) и укрылся в русских владениях. Именно на выделенных Василием II беглому чингизиду землях на реке Оке возникло Касимовское ханство, находившееся в полной вассальной зависимости от Москвы. Центром этого анклава стал Городец-Мещерский, вскоре (в 1474 году) в честь обосновавшегося в нем хана переименованный в Касимов. Новое удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам покинувших свои родные улусы. На протяжении XV–XVI веков касимовские «царевичи» и мурзы постоянно использовались московскими государями в осуществлении их планов завоевания соседних татарских ханств, привлекались к участию в боевых действиях на западных и северо-западных рубежах.

С точки зрения Ивана III, удобный момент для вмешательства в казанские дела наступил в 1467 году, когда умер правивший в Казани старший сын Махмуда (Махмутека), бездетный хан Халиль, и на престол взошел его младший брат Ибрагим (Обреим). Часть казанской знати во главе с князем Абдуллой-Муэмином (Авдул-Мамона), недовольная новым «царем», решила в противовес Ибрагиму поддержать права его дяди Касима^[106] и пригласила этого изгнанника вернуться на родную землю и занять ханский трон. Осуществить это предприятие претендент мог только при военной помощи великого князя Ивана III, которая и была ему оказана.

14 сентября 1467 года русское войско, выделенное в помощь Касиму, выступило в поход на Казань. Командовали ратью один из лучших воевод великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский и незадолго до этого перешедший на московскую службу тверской полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, откуда, в случае неудачи похода, он мог прикрыть значительную часть русско-казанской границы^[107]. Предчувствие не обмануло московского князя. На переправе в устье реки Свяги Касим и русские воеводы были встречены большим казанским войском и

вынужденно остановились на правом берегу Волги. Воеводам оставалось ждать «судовую рать», двигавшуюся им на помощь по рекам Клязьме, Оке и Волге, но она так и не успела до морозов подойти на помощь войску Стриги Оболенского и Холмского. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 года русские полки вынуждены были начать отступление к границе. Оно оказалось тяжелым – «истомен же бе путь им, поне же бо осень студена бе и дождева, а корму начат не оставати»^[108].

В ожидании ответного нападения казанских отрядов Иван III приказал готовить к обороне пограничные города Нижний Новгород, Муром, Галич и Кострому, разослав туда свои заставы. Действительно, зимой 1467/1468 года татары напали на хорошо укрепленный еще в годы противоборства Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми Галич. Однако большая часть своевременно извещенного местного населения, привычного к нападениям врагов, успела укрыться в городе. Галичане с помощью подоспевшей им на помощь лучшей части московского войска – «двором великого князя» под командованием князя Семена Романовича Ярославского – не только отбили нападение, но и совершили ответный лыжный поход на черемисов (марийцев), земли которых входили в состав Казанского ханства. Русские полки в конце похода находились всего в дне пути от татарской столицы, «повоеваша всю ту землю». Из похода они вернулись к празднику Крещения Господня – 6 января 1468 года^[109].

Боевые действия шли и на других участках русско-казанской границы. Муромцы и нижегородцы опустошали татарские порубежные селения на Волге, «а с Вологды ходиша тако ж, и устюжане и кичмежане и воеваша по камен по Вятке и много избиша и плениша»^[110]. В отместку за этот поход войной на устюжские места пришло татарское войско. В конце зимы 1467/1468 года оно дошло до верховьев реки Юга и сожгло городок Кичменгу («с людьми огнем сожгли»)^[111]. Против них выступил Иван Стрига Оболенский, прогнал казанские отряды, преследовал их до реки Унжи, но догнать их не смог. Тогда он, разорив земли черемисов, союзников казанских татар, вернулся в Москву.

На Вербной неделе (4—10 апреля 1468 года) казанцы и черемисы разграбили две костромские волости, в мае выжгли окрестности Мурома, однако в последнем случае совершивший нападение татарский отряд был все же настигнут и уничтожен ратью князя Данилы Холмского.

В начале лета 1468 года выступившая из Нижнего Новгорода «застава» князя Федора Семеновича Хрипуна Ряполовского у Звеничева Бора в 40

верстах от Казани вступила в сражение с большим татарским войском, усиленным отборной ханской гвардией («двор царев, много добрых»). Московская «застава» смогла уничтожить почти все войско противника. В сражении погиб «богатырь и лиходей» Колупай, в плен попал князь Ходжум-Берде («Хозум-Бердей»). В это же время небольшой отряд воеводы Ивана Дмитриевича Руно (ок. 300 воинов) через Вятскую землю совершил успешный рейд вглубь Казанского ханства.

Активность московских войск стала неприятным сюрпризом для казанцев, они решили подчинить себе Вятский край, обезопасив северные границы ханства. На первых порах их войскам сопутствовал успех. Оккупировав земли вятчан, татары перерезали пути доставки в край продовольствия, в самом крупном городе края Хлынове была поставлена татарская администрация. Показательно, что заключенный между победителями и местной знатью договор носил довольно мягкий характер. Самым тяжелым условием (и неприемлемым для Москвы) вятской капитуляции было соблюдение нейтралитета в шедшей тогда русско-казанской войне, принимавшей все более ожесточенный характер. Однако после победы «заставы» у Звеничева Бора в ходе боевых действий наступила недолгая пауза^[112].

Завершилась она весной 1469 года. Русским командованием был разработан и принят к исполнению новый план предстоящей кампании, который предусматривал согласованные действия двух московских армий на сходящихся направлениях. На главном – нижегородском – вниз по Волге до Казани должна была наступать рать воеводы Константина Александровича Беззубцева. Подготовка похода не скрывалась и носила демонстративный, отвлекающий характер. В составе великокняжеской рати на Казань были посланы даже московские купцы и посадские люди, которым выступить в поход было «пригоже по их силе».

Другое войско формировалось в Великом Устюге под стягом князя Данилы Васильевича Ярославского и включало в себя устюжские и вологодские отряды. В качестве младших воевод, по сути, сотенных командиров, в Устюг были отправлены 9 детей боярских из «двора» великого князя^[113]. Выступив в поход, эта рать, насчитывающая около 1000 воинов, должна была пройти по северным рекам почти 2 тыс. километров и выйти в верховья Камы. Затем уже Устюжскому войску надлежало спуститься по ее течению до устья, и, будучи в глубоком тылу у татар, подняться на веслах вверх по Волге до Казани, подойдя к городу с юга, как раз к тому дню, когда туда должна была прибыть рать Константина

Беззубцева. Возлагаемые на этот рейд надежды оказались невыполнимыми из-за невозможности сохранить его в тайне: находившийся в Хлынове татарский наместник своевременно известил хана Ибрагима не только о его подготовке, но и о численности и боевых возможностях войска Данилы Васильевича Ярославского, о времени выступления князя в поход.

Однако главная причина неудачи предпринятого в 1469 году наступления на Казань заключалась в отсутствии у русского командования навыков стратегического планирования операций на нескольких театрах военных действий и их технического исполнения. По-видимому, не существовало тогда и специальной службы, ведавшей оперативной подготовкой движения войск по сходящимся направлениям.

Общий план кампании очень скоро подвергся ревизии. Из-за затянувшихся переговоров с ханом Ибрагимом воеводе Беззубцеву, находившемуся с войском в Нижнем Новгороде, было предписано отправить в поход к Казани лишь часть своих полков, укомплектовав их исключительно добровольцами. Таким образом, всей операции придавался характер набега «охочих людей», якобы вышедших из-под воли великого князя. Однако расчеты московских стратегов не учитывали настроения собравшихся в Нижнем Новгороде воинов. Получив приказ великого князя, в поход выступила вся рать, избрав новым воеводой Ивана Дмитриевича Руно. Константин Беззубцев, согласно повелению Ивана III, остался в Нижнем Новгороде.

На рассвете 21 мая русские корабли подошли к Казани. Татары, застигнутые врасплох, не смогли отстоять посадки, отступив за крепостные стены. Пригороды оказались выжженными московскими воинами. После этого успеха, опасаясь ответного нападения собиравшегося к Казани неприятельского войска, русская рать в полном порядке отступила вверх по Волге, став лагерем на Коровничем острове. По-видимому, Руно хотел дожидаться подхода Устюжского отряда, а возможно, и вятчан, которым был послан призыв великого князя помочь его полкам под Казанью. Но договор о нейтралитете с Казанью и реальная угроза прекращения доставки хлеба в их край вынудили жителей Вятки остаться в стороне от шедшей на Волге войны. Более того, как отмечалось выше, татары от своих наместников в Хлынове были подробно проинформированы о походе войска князя Данилы Васильевича Ярославского. Поэтому, не дожидаясь соединения русских отрядов, противник решил напасть на Коровничий остров. Но неожиданного удара не получилось. Бежавший из Казани русский пленник предупредил воевод о готовящейся атаке. Она была отбита, но Руно, опасавшийся новых нападений, перенес лагерь в более безопасное место –

на Ирыхов остров. Однако имевшиеся у воеводы запасы продовольствия подошли к концу, и прибывший к войску из Нижнего Новгорода и принявший командование Константин Беззубцев начал отводить полки к своей границе.

Узнав о начавшемся отходе русской рати, хан Ибрагим послал в погоню за ней речную флотилию и большое конное войско. 23 июля 1469 года (дата битвы установлена Н. С. Борисовым) произошло самое крупное сражение похода. Два войска вновь встретились у Звеничева Бора, но на этот раз противники бились не на земле, а на волжских волнах. Неоднократно русские насады и ушкуи обращали казанские корабли в бегство, но каждый раз татарские речные корабли, прикрывавшиеся конными стрелками с левого берега реки, быстро перестраивались и возобновляли нападения. Исход битвы остался неопределенным, но русскому войску удалось выйти из боя и без больших потерь вернуться в Нижний Новгород^[114].

Менее удачно завершился поход Устюжского войска князя Данилы Васильевича Ярославского. К середине июля его насады еще были на Каме. В устье этой реки татары преградили русской флотилии дальнейший путь, поставив поперек Волги свои связанные корабли. Произошел настоящий абордажный бой, в ходе которого русское войско потеряло 430 человек, то есть почти половину от своего первоначального числа. Среди павших был и сам Данила Ярославский, погиб второй воевода Никита Бровцын, в плену оказались Тимофей Плещеев «со многими товарищы». Остатки русского войска, которое теперь вел князь Василий Ухтомский «скрозе рать тотарскую пробились» и ушли вверх по Волге, мимо Казани, к Нижнему Новгороду.

На этот раз пауза в военных действиях была непродолжительной – длилась она не более трех недель. В августе 1469 года Иван III принял решение двинуть на Казань не только остатки Нижегородской и Устюжской ратей, но и резервные войска, поставив во главе армии своего брата, князя Юрия Васильевича Дмитровского. В составе этого войска находились отряды и другого брата великого князя – Андрея Васильевича Угличского. 1 сентября русские полки были уже у стен Казани. Попытка казанцев контратаковать их была отбита, и город оказался окруженным. Вскоре русским воинам удалось перекрыть осажденным доступ к воде. Устрашенный силой Москвы хан Ибрагим, «видя себя в велице беде и начать посылати к князю Юрью, и добиша челом на всей воли великого князя». Главным пунктом заключенного соглашения стало согласие казанского «царя» выдать «полон за 40 лет» – почти всех находившихся

тогда в Казанском ханстве русских рабов^[115].

Военные действия возобновились лишь через 8 лет, осенью 1477 года. Нарушить мир хана Ибрагима побудило полученное им ложное сообщение о разгроме войска Ивана III во время похода на Новгород. На этот раз яблоком раздора стала Вятская земля, в которой, пользуясь московско-новгородской войной, вновь решили утвердиться татары. По лаконичной летописной записи, «Тоя же зимы казанской царь повоевал Вятку, преступив роту и грады даша за него. А посек и полону поимал много». Войско Ибрагима пыталось пробиться и к Устюгу, но неудачно – «Молома река была водяна, нелзе идти; и он шед един день, да воротился». Ответные нападения русских и, прежде всего, состоявшийся летом 1478 года поход на Казань судовой рати под командованием князя Семена Ивановича Хрипуна Ряполовского и Василия Федоровича Образца Симского, вынудили хана возобновить мирное соглашение 1469 года^[116].

После смерти в 1479 году хана Ибрагима его преемником стал старший сын Али (в русских источниках «Алигам»). Сводный брат и соперник нового хана, 10-летний Мухаммед-Эмин («Магмет-Аминь»), ставший знаменем вполне сформировавшейся тогда в Казани партии сторонников Москвы, был переправлен на Русь. С этого момента он превращается в ключевую фигуру восточной политики Ивана III. Наличие в Москве собственного претендента на ханский трон стало сильным сдерживающим фактором, сыгравшим важную роль в эпоху, когда шла борьба Руси с Большой Ордой за возвращение государственного суверенитета. Опасаясь ответных действий Москвы, казанский «царь» предпочел остаться в стороне от этого конфликта. В свою очередь, русское правительство вело в отношении Казани сдержанную политику, стараясь избежать возможного нападения с этой стороны. Но и победа на Угре не вызвала немедленного ухудшения русско-казанских отношений – осложнение обстановки на границах с Ливонией давно уже вынуждали московского великого князя перебросить свои лучшие войска на северо-западную границу.

* * *

Первая пограничная война на псковско-ливонском пограничье началась еще летом 1462 года. Псковичи поставили на южном берегу Чудского озера, на «обидном» (спорном) месте, крепость Новый городок.

Позднее это укрепление получит имя Кобылий городок. Ответный удар последовал лишь весной 1463 года. 21 марта орденские рыцари, придя «в силе тяжкой», осадили эту крепостицу, подвергнув ее обстрелу из пушек. В городе оборонялся брянский князь Иван Иванович, который сумел удержать его и известить псковичей. Осаду с Нового городка псковичам удалось снять. Не принимая бой, ливонцы «отбегоша от городка, и запасъ свои пометаша. Но затем эти или другие немецкие отряды стали опустошать псковские волости, разрушали «исады», рыболовные запруды на озере – важный источник дохода псковичей. Были разорены большие исады Островцы и Подолешие, а затем пограничное селение Колпиное. О нападении на него псковским воеводам, ведущим рать к атакованным немцами исадам, сообщил «доброхот из зарубежья чудин». Благодаря своевременному сообщению, разорявшие Колпиное ливонцы были застигнуты врасплох. В произошедшем 31 марта на месте сожженного селения сражении немцы были разбиты подоспевшей псковской ратью, но нападения продолжались, грозя перерасти в полномасштабную войну со всей Ливонской конфедерацией^[117].

Следует особо подчеркнуть, что в это трудное время новгородцы отказались помочь псковичам. Этой фатальной для Новгорода ошибкой, лишившей их в будущем поддержки своего «младшего брата», сразу же воспользовался Иван III. Он направил на помощь псковичам против немцев войско под командованием князя Федора Юрьевича Шуйского. 8 июля 1463 года, «на память святого великомученика Прокофья», московская рать вступила в Псков. Вместе с присоединившимися местными ополченскими полками Шуйский осадил немецкий Нейгаузен. При осаде крепости, продолжавшейся «четыре дни и 4 ноци», впервые на этом участке границы были использованы пушки. Но неудачно: «и пустиша псковичи болшею пушкою на городок, и колода вся изломася, и железо около разорвашася, а пушчича вся цела»^[118].

Тогда же псковская судовая рать выжгла половину ливонской волости Кержелы^[119], вернувшись назад «со многим полоном». Прибытие в Псков великокняжеского войска и его активные действия на рубеже вынудили власти Немецкого Ордена начать переговоры о мире. В итоге было заключено 9-летнее Наровское перемирие между Псковом и Ливонской конфедерацией. В подписанном договоре содержалось упоминание о старинной юрьевской пошлине (дани), которую полагалось «великому князю давати по старине»^[120].

1 сентября 1463 года московское войско во главе с князем Шуйским

покинуло Псков и двинулось обратно в Москву.

Столкновения на рубеже возобновились через 6 лет, в марте 1469 года, когда произошло нападение немцев на псковскую волость Синее озеро. Эпизодически порубежные стычки продолжались и впоследствии. В 1480 году обстановка резко обострилась, началась Вторая пограничная война между Ливонской конфедерацией и Псковом. 1 января большой орденский отряд напал на Вышегородок. Пользуясь внезапностью атаки, ливонцы смогли захватить эту крепость, а 20 января осадили псковский «пригород» Гдов, подвергнув его сильной бомбардировке. Но овладеть городом ливонцы не смогли и отступили, ограничившись сожжением посада и опустошением всей округи. Вновь псковичи обратились за помощью к Москве.

Невзирая на сложное положение, складывающееся на южных рубежах государства, Иван III послал против ливонцев войска под командованием воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского. 11 февраля 1480 года московская рать, соединившись с псковичами, направилась в Ливонию. Русские овладели одним из орденских замков и разорили окрестности Дерпта, а 20 февраля они возвратились в Псков «с множеством полона» и «с многим добытком». Но вскоре после отхода московской рати немецкие нападения на псковские земли возобновились. Весной 1480 года ливонское войско под командованием магистра Бернгардта (Бердта) фон дер Борха осадило Изборск. Только узнав о выступлении в поход большой псковской рати, немцы отступили. Столкновения на границе продолжались. В начале августа 1480 года рыцарям удалось захватить давно уже раздражавший их Кобылий городок, где погибло около 4 тыс. жителей. 18 августа орденская армия, численность которой, по явно завышенному описанию Б. Рюссова, достигала 100 тыс. человек, вновь подошла к Изборску. Осада крепости продолжалась два дня. Не сумев разрушить городские укрепления, немцы двинулись дальше. 20 августа ливонская армия подошла к Пскову. Несмотря на то, что магистр фон Борх смог собрать «против русских силу, какой прежде него никто не собирал», осада Пскова также закончилась неудачей. В бомбардировке города принимали участие ливонские корабли – 13 шнеков, с которых противник пытался высадить десант в Запсковье, «между святого Лазаря и святого Спаса». Внезапной атакой псковичам удалось разбить высадившийся с кораблей отряд и захватить одну шнеку. Другие шнеки немцы «пометавше» сами во время начавшегося отступления. Снять осаду и отвести свою армию обратно магистра фон Борха вынудили не только неудачные действия его войск под Изборском и Псковом, но полученные сведения о поражении Ахмед-хана. Именно в это

время повелитель Большой Орды был разбит в сражении на бродах (8—11 октября 1480 года), при попытке прорваться на Русь через укрепленное порубежье Угры и Оки^[121].

Ответный удар по Ливонской конфедерации Москва нанесла только в феврале 1481 года. Против немцев было послано 20-тысячное войско под командованием воевод князей Я. В. Оболенского и И. В. Булгака Плещеева (старшего брата знаменитого впоследствии московского полководца Д. В. Щени), а также новгородская рать во главе с наместниками князем В. Ф. Шуйским и И. З. Станицевым.

В походе 1481 года в Прибалтику участвовал и псковский полк под командованием князя-наместника В. В. Бледного Шуйского. Русские полки перешли ливонскую границу и начали наступление на трех направлениях (к реке Эмбах и озеру Вирц и далее к городу Тарвасту, на город Каркус и в направлении Феллина). Впервые в зимнем походе московской рати участвовала артиллерия. Наличие у русских большого «наряда» не замедлило сказаться. Поход продолжался всего месяц, но за это время были захвачены крупные города Каркус и Тарваст, а 1 марта был осажден замок Феллин (русское название Вельяд), ставший с 1471 года резиденцией магистра Ливонского ордена. Фон Борх за день до подхода русских к своей резиденции бежал из Феллина в Ригу. На протяжении 50 верст его преследовала новгородская рать князя В. Ф. Шуйского. Захватив брошенную магистром часть «коша» (обоза), полк вернулся к главным силам, осадившим Феллин. В результате артиллерийского обстрела была разрушена наружная крепостная стена (охабень), захвачен и сожжен посад. Не дожидаясь штурма замка, жители Вельяда предпочли согласиться на выплату великокняжеским воеводам большого выкупа (2 тыс. рублей). В знак победы псковичи увезли с собой восемь «колоколов вельядских». В Псковской 2 летописи (Синодальный список) был отмечен фактор неожиданности русского нападения: «А Немецкая вся земля тогда бяше не в опасе, без страха и без боязни погании живяху, пива мнози варяху, ни чаяху на себе таковыя пагубы, богу тако изволившу. И бывше 4 недели в Немецкой земли, възратишася ко Пскову съ мною корыстью ведуще с собою множество полона ово мужи и жены и девици и малыя дети и кони и скоты, и поможе богъ въ всяком месте воеводам князя великого и псковичем».

Ливонские власти, испуганные возросшей военной мощью Московского государства, поспешили начать мирные переговоры, завершившиеся 1 сентября 1481 года подписанием в Новгороде 10-летнего перемирия. Условия его были зафиксированы в двух соглашениях,

скрепленных в первом случае представителями дерптского епископа и Пскова, во втором – Ордена и Великого Новгорода. Обе стороны, договорившись сохранить старую границу («А земли и воде Великому Новгороду с князем мистром старьи рубеж – Щуцкого (Чудского – В. В.) озера стержнем Наровы реки в Солоное море»), несколько изменили условия обеспечения торговли русскими товарами в Нарве (Ругодив) и других городах Ливонии^[122].

Укрепив свою власть в завоеванной Новгородской земле и отразив агрессию ливонцев против Пскова, великий князь вновь обратил свое внимание на восток. Он принял решение завоевать для жившего в Москве татарского царевича Мухаммеда-Эмина Казанское ханство. В 1482 году Иван III начал готовить большой поход на Волгу, однако тогда дальнейшие демонстрации московской силы дело не пошло. Устрашенные возможностью сокрушительного русского вторжения, татары поспешили заключить с русским государем мир, по-видимому, на весьма выгодных для него условиях^[123]. Несостоявшийся поход интересен несколькими подробностями своей подготовки. Во-первых, как и в 1469 году, вторжение готовилось не только с запада – на Волжском направлении, но и с севера – на Устюжско-Вятском направлении, куда с полками были направлены воеводы Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский. Во-вторых, для участия в походе в Нижнем Новгороде была сосредоточена артиллерия, в том числе и осадная, при которой находился Аристотель Фиораванти. И, наконец, была создана и действовала единая система управления войсками. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент наказа, посланного стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам Ивану Васильевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он содержал указание (по определению Ю. Г. Алексева «директиву главного командования») действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его.

Мирные отношения с Казанью вполне устраивали Ивана III, но, когда в 1485 году недовольные Али-ханом казанцы выступили против него, великий князь поспешил использовать эту ситуацию и все-таки добиться провозглашения новым «царем» своего ставленника Мухаммед-Эмина. К Казани было отправлено русское войско под командованием Василия Ивановича Шихи Оболенского и Юрия Захарьича Кошкина. Они успешно выполнили свою задачу, и казанским «царем» стал 17-летний Мухаммед-

Эмин, почти всю свою сознательную жизнь проживший в Москве и вполне готовый признать верховную власть русского государя. Однако его подданные к этому готовы не были. Особое возмущение вызвало у них согласие нового хана выдать врагов Москвы присланным от великого князя воеводам Василию Ивановичу Оболенскому, Василию Семеновичу Тулупу Стародубскому и Тимофею Прозоровскому. Узнав об этом, «князи казанские воле ему не дали, хотели Магмедина самого убить»^[124]. Зимой 1485/1486 году Мухаммед-Эмину и его младшему брату Абдул-Латифу пришлось бежать к великокняжеским воеводам и под их защитой отступить на русскую территорию. Иван III радушно принял изгнанников. Мухаммед-Эмину был пожалован городом Каширой, щедрые пожалования получил его брат и другие знатные беглецы.

Воспользовавшись бегством Мухаммед-Эмина на казанский престол при поддержке ногайцев вернулся Али-хан. Сохранилось сообщение о его намерении расправиться со своими недругами (без сомнения, теми князьями и мурзами, которые передали престол Мухаммед-Эмину), но им также удалось уйти в русские пределы.

Весной 1486 года московские полки сумели вернуть Мухаммед-Эмина на казанский престол, но после их ухода сторонники Али-хана вновь взяли верх и вынудили московского ставленника бежать на Русь.

Поддержка, оказанная Иваном III сопернику Али-хана, несомненно, испортила и без того сложные русско-казанские отношения. Косвенным подтверждением тому является начавшееся укрепление городов, которые могли подвергнуться татарскому нападению^[125]. Новая война была неизбежна, и великий князь, учитывая опыт прошлых неудач, решил добиваться политического подчинения Казанского ханства своей власти. Лишенный престола, но сохранивший титул «царя», Мухаммед-Эмин вынужден был дать Ивану III вассальную присягу и назвать его своим «отцом»^[126].

В Москве начинаются масштабные военные приготовления, т. к. реализовать далеко идущие замыслы великого князя о подчинении Казани было невозможно без окончательной победы над Али-ханом и воцарения на казанском престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 года в решающий поход на Среднюю Волгу выступило войско, которое вели лучшие московские воеводы, князья Данила Дмитриевич Холмский, Иван Андреевич Дорогобужский, Семен Иванович Хрипун Ряполовский, Андрей Васильевич Оболенский и Семен Романович Ярославский. 24 апреля вслед за ними к выступившему на Казань войску выехал и «царь» Мухаммед-

Эмин^[127].

Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но были разбиты в сражении близ устья реки Свияги и отступили к Казани. 18 мая 1487 года началась осада города. Казань была окружена валом и частоколом (острогом), отряд князя Али-Газы (Алгазы), пытавшийся препятствовать осадным работам русских был разбит и отогнан за Каму^[128]. Осада продолжалась три недели, по истечении которых, 9 июля 1487 года, Казань сдалась, и русское войско вступило в город. Алихан, его жены, мать – царица Фатима, братья Мелик-Тагир и Худай-Кул, а также сестра – царевна Ковгар-Шад – были уведены в плен. Свергнутого хана вместе с женами, заточили в Вологде, его близких – на Белоозере, в пригородной слободе Карголом, другие знатные татары оказались «розсажены по посельским» (по великокняжеским селам). Репрессии не ограничились выводом самых опасных противников Москвы. В Типографской, Воскресенской летописях и Третьем кратком Волоколамском летописце содержатся сведения о казни «кормолных князей и уланов» и «иных кормолников»^[129].

Пленные татары, согласившиеся дать «роту» (присягу), что «им государю хотеть великому князю добра» были отпущены обратно в Казань, где прочно воцарился Мухаммед-Эмин, а московским наместником при нем стал Данила Васильевич Шеин.

Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 году не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани ни территориальных, ни особенных политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против Руси, не выбирать нового хана без согласия великого князя, гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства, вплоть до кризиса 1495–1496 годов, когда Казань была захвачена войсками сибирского царевича шейбанида Мамука. Свергнутый казанский «царь» укрылся на Руси, где получил в кормление Каширу, Серпухов и Хотунь. Командуя великокняжескими войсками, он принимал участие в войне с Литвой 1500–1503 годов.

После отступления Мамука в 1496 году новым ханом был провозглашен младший брат Мухаммед-Эмина, Абдул-Латиф, в отличие от старшего брата воспитанный не при московском дворе, а в Крыму.

Укрепившись на престоле, Абдул-Латиф решил разорвать мир с Москвой, но в 1502 году был выдан русскому послу, князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому, а затем сослан на Белоозеро. В Казань вернулся «московский татарин» Мухаммед-Эмин, поначалу соблюдавший верность Москве, но затем под нажимом своих князей и уланов занявший более независимую позицию и восстановивший полный суверенитет своего государства. Изменение характера русско-татарских отношений произошло накануне смерти Ивана III (27 октября 1505 года). Воспользовавшись близостью кончины великого князя, Мухаммед-Эмин отказался возобновить договорные отношения, существовавшие между ним и Москвою. Позже, уже после смерти Ивана III, «царь» использовал в качестве объяснения своих враждебных действий «роту», которую он дал свергнутому Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении у нового русского государя, Василия III. В своем ответе на присланное из Москвы требование о новой присяге казанский хан сообщал: «Яз еси целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дня живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничу своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье, а яз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты еси пил, ни быти с ним не хощу»^[130].

Разрыв отношений между Москвой и Казанью был омрачен русским погромом, произошедшим за несколько месяцев до кончины Ивана III. 24 июня 1505 года были перебиты и пленены находившиеся в Казани московские купцы и их люди (всего, по сообщению Ермолинской летописи, погибло «болши 15 тысяць, из многих городов»), арестованы великокняжеские послы – сокольничий Михаил Степанович Кляпик Еропкин и Иван Брюхо Верещагин^[131]. Тогда же был разбит какой-то московский отряд численностью в 10 тыс. воинов – об этой победе год спустя в направленном в Литву послании вспоминал хан Мухаммед-Эмин. Воодушевленные успехом татарские и союзные им ногайские отряды общей численностью до 60 тысяч человек впервые после многих мирных лет напали на нижегородские волости. 30 августа 1505 года вражеские войска перешли пограничную реку Суру, а в сентябре не только осадили Нижний Новгород, но и сожгли его посад^[132]. Сам город, в котором почти не было служилых людей, устоял лишь благодаря заслугам выпущенных из тюрем 300 литовских пленников, присланных сюда после Ведрошской победы и выпущенных воеводой Иваном Хабаром Симским с условием

помочь русским ратникам отстоять город.

Русское правительство предприняло попытку вернуть Казанское ханство под свою власть и в апреле 1506 года направило на Волгу большое карательное войско – «воевод множество и воинство бесчислено». Командовал им младший брат Василия III, удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий («Жилка»). В походе принимали участие войска и другого удельного князя – Федора Борисовича Волоцкого, а также часть великокняжеской рати под командованием воеводы – князя Федора Ивановича Бельского. Большая часть войска шла к Казани на кораблях, по берегу двигался лишь конный полк князя Александра Владимировича Ростовского. Русское командование попыталось также блокировать «перевоз» на Каме, направив туда рать кн. Семена Федоровича Курбского ^[133] 22 мая 1506 года судовая рать подошла к татарской столице и вступила в бой с противником, но, атакованная с тыла казанской конницей («заехаша от судов на конех»), потерпела поражение и была разбита у Поганого озера ^[134]. Потеряв множество воинов убитыми и пленными, полки Дмитрия Жилки отступили к своему укрепленному лагерю и укрылись в нем ^[135]. В числе пленных был и третий воевода Большого полка, Данила Васильевич Шеин, месяц спустя, накануне второго сражения русских и татарских войск, казненный казанцами ^[136].

Получив известие о неудачном сражении, Василий III срочно направил из Мурома к Казани новое войско под командованием князя Василия Даниловича Холмского, приказав брату не начинать активных действий до прибытия этой рати. Тем не менее, 22 июня 1506 года, после прихода конницы князя А. В. Ростовского, русское войско, «не дожидаясь князя Василья Даниловича и иных воевод, не по великого князя приказу», стало готовиться к сражению. Оно произошло через три дня – 25 июня. Московское войско снова было разбито казанцами и, потеряв все пушки, отступило. Князь Дмитрий Иванович с полками судовой рати на кораблях ушел к Нижнему Новгороду. Другая часть разбитой армии под командованием касимовского «царевича» Джаная и воеводы Федора Михайловича Киселева ушла степью на Муром. В 40 верстах от русской границы, на реке Суре, отряд Джаная и Киселева был настигнут татарами, но сумел отбиться и ушел на свою сторону, уводя с собой и пленных татар ^[137].

Оценивая результаты этой войны, А. А. Зимин полагал, что произведенное ею на Василия III впечатление привело к росту с его стороны недоверия к полководческим талантам своих братьев. Якобы после

Казани великий князь более не доверял им руководство большими походами. Но известно, по крайней мере, одно исключение – в 1514 году Дмитрий Жилка стоял с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск главной русской армии от внезапного нападения крымских татар^[138].

Продолжение конфронтации с Москвой не устраивало Мухаммед-Эмина, хотя первоначально, воодушевленный успехом, он попытался заключить антирусский союз с Крымом и Литвой и направил своих послов в Кырк-Ер и Вильну. Дошедшее до нас послание казанского хана королю польскому и великому князю литовскому Александру Казимировичу с сообщением о победе под Казанью настолько воодушевило адресата, что тот решил вступить в союз с Казанью и Крымом и начать подготовку новой войны с Москвой. Помимо прочего, Мухаммед-Эмин писал, что после того, как покойный уже Иван III направил свое войско на Казань, «мы тое все войско з Божю помочю побили, десять тысяч его в наших руках померли, и сего году в головах сын его князь Василей послал брата своего князя Дмитрия водою, а с ним пятьдесят тисечи люду, а другого брата сухом посылал, а с ним шестдесят тысячеи конного люду нас воевати присылал. И Бог нам помог. Которое войско к нам водою пришло, тых есмо побили и после того шестдесят тысяч конное рати з братом его притягнуло и мы есмо против вышодчи били ся и побили шестдесят тысячеи, кголовных князеи и бояр его поймавши, саблюю своею карали есмо. И тот брат его, на котором кони приехал, не мог на том кони назад втечи, в чолну втек»^[139]. Литовская сторона направила в Казань своего посла Сороку, но к этому времени ситуация в отношениях между Василием III и Мухаммед-Эмином изменилась в лучшую сторону.

Хан, на словах стремившийся к восстановлению полной независимости своего государства, но не понаслышке знавший о силах Руси, сразу же забыл о воинственных намерениях в отношении Москвы, едва узнал о желании последней нормализовать отношения с Казанью. Были начаты мирные переговоры о заключении с Русской Державой равноправного договора и восстановлении добрососедских отношений. Несмотря на пришедшие из Литвы призывы продолжить войну с Москвой, Мухаммед-Эмин продолжил переговоры с представителями Василия III, освободив русского посла М. С. Кляпика Еропкина и всех пленных^[140]. В марте следующего 1507 года мир между Русской Державой и Казанским ханством был возобновлен и поддерживался вплоть до апреля 1521 года.

Впрочем, отныне русское правительство стало более настороженно относиться к своему восточному соседу, укрепив пограничные города. Так, с осадой Нижнего Новгорода в сентябре 1505 года связана последующая постройка в этом городе в 1508–1510 годах каменной крепости. Возводил ее с учетом новейших фортификационных достижений XVI века итальянский мастер Петр Фрязин.

Несмотря на перечисленные эксцессы, время от времени омрачавшие русско-казанские отношения, в целом они развивались в мирном русле, что позволило Ивану III после победоносного похода 1487 года сосредоточить свои усилия на решении других внешнеполитических задач, прежде всего – на возвращении западнорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

Новгородские походы Ивана III

Одной из приоритетных задач, вставших перед великим князем Иваном Васильевичем к началу 1470-х годов, была необходимость полного подчинения Новгородской земли. Прежде рассмотрения хода разразившейся войны, стоит разобраться, действительно ли этот длительный конфликт с градом Святой Софии оказался связан с осознанием Иваном III ограниченности внутренних ресурсов Московского княжества, недостаточных для противоборства с наследниками Золотой Орды. Такое предположение было выдвинуто Николаем Сергеевичем Борисовым^[141]. Думается, истоки неприятия великим князем новгородской независимости лежат гораздо глубже и объясняются целым комплексом причин, среди которых, конечно, присутствовала и указанная, но она была далеко не главной. Новгород давно уже стал центром притяжения всех враждебных Москве сил. Там, после разгрома своих полков, укрылись принятый с почетом галицкий князь Дмитрий Шемяка и его люди, туда слали свои посольства польский король и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик, мечтавший устранить растущую для него опасность с Востока. Кроме того, Господин Великий Новгород (официальное обозначение этого государства) был богатейшей из русских земель, перекрывавший и контролировавший доступ к морским путям в Европу и ценнейшим товарам Севера. О немереных богатствах вечевое государство хорошо знали не только в Москве, но и в Литве, также готовый прибрать к рукам огромный край, простиравшийся от Балтийского моря до Урала и от Кольского полуострова – до Верхней Волги. В итоге в борьбе за

Новгородщину Москва опередила Вильно, но задача организации присоединения Новгородской земли оказалась непростой и потребовала военного решения. И это при том, что огромное и богатое государство не имело профессиональной армии как таковой, за исключением небольших боярских дружин и воинов Владычного (архиепископского полка). В случае опасности новгородцы вооружались и соединялись в ополчение, состоявшее из 5 кончанских полков, являвшихся тактическими единицами (Загородский, Неревский, Людин, Славенский и Плотницкий). Каждый кончанский полк делился на две сотни, сотню комплектовали несколько улиц. Полки возглавлялись избранными на вече воеводами. Командовал ополчением избираемый на вече предводитель – тысяцкий. Свои ополченские полки выставляли и крупнейшие из новгородских «пригородов» – Ладога, Руса (Старая Русса), Торжок, Бежецкий Верх, в небольших «пригородах Копорье, Ям, Орешке, Кореле и других формировались ополченские сотни. Боярские дружины и Владычный полк составляли костяк этой рати.

В ходе административных преобразований, проведенных в середине XIV века, новгородское тысяцкое командование было преобразовано в коллективный орган власти. Возглавлял его отныне степенной (главный) тысяцкий, выступавший от имени всего Господина Великого Новгорода, которому подчинялись кончанские тысяцкие. В XV столетии вводится ежегодная ротация степенных тысяцких, что позволяло обеспечивать равное представительство на этой должности бояр от разных городских концов. Однако эта система, удобная в дни мира, оказалась плохо работающей в дни и годы войны, так как затрудняла руководство и без того плохо скомпонованных ополченских полков, действовавших в бою несогласованно. Общая численность войск, которые мог выставить Господин Великий Новгород, составляла 30–40 тысяч воинов (в середине и второй половине XV века в Новгородской земле жило около 500 тыс. человек).

Отсутствие постоянных вооруженных сил объяснялось установившейся традицией приглашения для защиты страны понравившегося вечами князя. Он прибывал к ним со своим двором – личным войском, княжеской дружиной. В XIV–XV веках ситуация изменилась – Новгород стал заключать договоры с великим князем Владимирским, который обязывался в случае опасности присылать для защиты новгородцев свои рати. Взамен они принимали одного из сыновей великого князя или его наместника, который ведал организацией обороны,

исполнял некоторые судебные функции. Во время войны он становился главным военачальником, командовавшим в том числе и собранными боярскими дружинами, а также ополчениями, городским и пригородными. Известны случаи, когда новгородцы приглашали к себе на наместничество и литовских князей Гедиминовичей, давая им «в кормление» северные и западные территории Новгородской земли^[142]. Впрочем, московский протекторат был для Господина Великого Новгорода привычней и предпочтительней, но только до той поры, пока не затрагивал его вольностей.

Великий князь давал защиту граду Святой Софии, но мог и повернуть свои рати против дерзких и мятежных вечевиков, сплошь и рядом не считавшихся с интересами Москвы и даже действовавшими против них. Достаточно вспомнить разбойные рейды новгородских ушкуйников, не раз разорявших и русские земли. В них участвовало иногда до полутора-двух тысяч воинов на многих десятках кораблей – «ушкуях». Эти рейды отличались от обычных военных походов новгородцев тем, что совершались «без новгородского слова». Хотя последнее упоминание о походе ушкуйников относится к 1409 году, но мрачная память о разорении ими Нижнего Новгорода и Костромы сохранялась очень долго.

Все же до поры до времени великие князья предпочитали в отношении Новгорода действовать осторожно, решая возникшие конфликты прекращением хлебной торговли, крайне важной для северо-западных земель, или своего рода карательными акциями, не ставившими целью захвата новгородских земель. Без наказания остался даже замысел убить Василия II во время его пребывания в Новгороде «миром» в 1460 году. Таковую несвойственную Москве мягкость и осторожность можно объяснить лишь опасением взорвать ситуацию, вызвав большую войну. В этой войне против великого князя могли выступить все его враги, включая некоторых из русских князей, а также Ганза, Шведское королевство, Литва и Польша, Ливонская конфедерация и даже Орда. Затруднила и отодвинула решение Новгородского вопроса и междоусобная война, вспыхнувшая в Московском княжестве во второй трети XV века.

Державного государя Ивана III эти обстоятельства уже не сдерживали. Заметно усилившееся при нем Великое княжество Владимирское и Московское (в начале его правления, в 1464 году, к Москве было присоединено Ярославское княжество) оказалось в состоянии разобрататься со всеми врагами, хотя и поочередно. При этом оно опиралось на союзников, число которых заметно умножилось. На стороне Москвы выступали теперь Ростовское и Тверское княжество, Псков. Были

московские доброхоты и в самом Новгороде. От целого ряда внешнеполитических проблем избавил Ивана Васильевича союз с перекопским (крымским) ханом Менгли-Гиреем, в дальнейшем ставший сильным сдерживающим фактором и для короля Казимира IV, и для правителя Большой Орды Ахмеда. Пришло время действовать. Москве нужен был лишь повод и этот повод, естественно, появился.

В шедшей в Новгороде постоянной борьбе за лидерство верх взяла боярская партия Борецких, ориентированная на сближение с Литвой. Эта противная Москве группировка решила воспользоваться кончиной новгородского владыки Ионы, умевшего договариваться с Державным и убедившего его «тихими очами взирать» на Великий Новгород. Этот архиепископ, бывший одновременно главой вечевого правительства, умер 8 ноября 1470 года. Новый владыка Феофил был избран по жребию лишь через 9 дней и не мог помешать активизировавшимся сторонникам короля. За это время вдова прежнего главы пролитовской партии Исаака Андреевича Борецкого, Марфа, прозванная новгородцами «Посадницей», и двое их сыновей, Дмитрий и Федор, взяли верх над сторонниками московской ориентации. Борецким и архиепископскому ключнику Пимену, противнику Феофила, удалось подкупить «худых мужиков вечников». На вечевом собрании они переорали своих противников и забросали их камнями. Запуганное людьми Борецких вече потребовало отправки посольства к королю – просить помощи против Москвы. В Литву немедленно отправились житьи люди (младшие бояре) Панфил Селивантов и Кирилл Иванов сын Макарьин, объявившие Казимиру IV: «волны есмы люди Великий Новъгород, бьем челом тебе, честному королю, что бы еси, государь, нашему Великому Нову городу и нам госмодин был»^[143]. Казимир IV принял послов благосклонно, но открыто вмешиваться в новгородские дела не спешил. В ответ на прошение веча он отправил в Новгород своего подручного, князя Михаила Олельковича (Александровича), пробывшего в Новгороде около четырех месяцев, но затем неожиданно вернувшегося в Литву. По-видимому, в Москве нашли подход к князю (матерью Михаила была княгиня Анастасия, дочь Василия I и тетка Ивана III), недовольному действиями Казимира, ущемлявшими его личные интересы – после смерти осенью 1470 года правившего в Киеве князя Семена Олельковича, старшего брата Михаила, король ликвидировал самостоятельное Киевское княжество. Наместником в Киеве был назначен преданный монарху воевода Мартин Гаштольд. Что немаловажно – католик, в отличие от православных Олельковичей. В дальнейшем конфликт между Казимиром Ягеллончиком и Михаилом будет только

нарастать: князь примет участие в заговоре против короля и будет казнен по его приказу в 1481 году. Уходил Михаил Олелькович из Новгородской земли чуть ли не с боем. По дороге он ограбил Русу, захватив не успевших укрыться людей в плен.

Подготовкой текста договора Господина Великого Новгорода с Казимиром IV пришлось заниматься самим посадникам. Наконец, он был подготовлен, но остался неутвержденным, так как его подписали представители лишь одной стороны – новгородской. Грамоту, а с ней, как оказалось позже, и смертный приговор себе, скрепили своими подписями два посадника и пять житейх людей.

Договор предоставлял литовскому великому князю примерно такие же права в Новгородском государстве, как те, что «по старине» принадлежали раньше великим князьям владимирским. Его составители признавали за Казимиром право присылать в Новгород своего наместника, перечисляли доходы в пользу короля с новгородских волостей, а также утверждали за ним право суда. Со своей стороны, согласно договору, Казимир IV обязывался защищать град Святой Софии от русского государя: «А пойдет князь велики московский на Велики Новьгород, или его сын, или его брат, или которую землю подымет на Велики Новьгород, ино тебе, нашему господину честному королю, всести на конь за Великий Новгород и со всею своею радою литовскою против великого князя (московского – В. В.), и боронити Велики Новьгород». Особо оговаривались церковные дела. Казимир не должен был пытаться ввести католичество в Новгороде. Запрещалось строить «римские церкви» (католические храмы) в Новгороде, в «пригородах», по всей земле Новгородской. Наместник великого литовского князя должен был жить на Городище, быть православного вероисповедания и не иметь при себе более 50 человек. Договор означал полный разрыв с Москвой и переход под власть католической Литвы, хотя пока и при сохранении веры греческой, православной.

Но, несмотря на открывающиеся перспективы, Казимир не спешил воспользоваться ситуацией, желая подключить к будущему союзу и властителя Большой Орды. В ставку Ахмеда из Вильно срочно отправился татарин Кирей Кривой, человек, в верности которого король не сомневался. Это был «купленный холоп» Ивана III, предавший господина и бежавший от его гнева в Литву. Отправляя Кирея к хану, Казимир поручил ему передать Ахмеду (Ахмату) грамоту, в которой предлагал начать войну с Москвой. Свое предложение король подкрепил богатыми подношениями

хану и его мурзам. Кирей, желая угодить новому господину, «начал говорить ему (Ахмеду – В. В) от короля на московского князя многие речи лживые и обговоры..., чтоб вольной царь (Ахмед – В. В.) пожаловал, пошел на московского князя со всею Ордою, а король с другой стороны пойдет на Москву со всею своею землею»^[144]. Кирей пробыл у хана почти год, но так и не сумел убедить его начать войну с Иваном III. Возможно, татарский владыка рассчитывал вмешаться в события после начала конфликта между Вильно и Москвой, в самый удачный для себя момент, но просчитался. Казимир предпочел не рисковать без твердой уверенности получить помощь от Орды и предоставил Новгород своей судьбе.

Все же до возвращения Кирея Кривого король пытался затруднить действия Москвы. С этим, несомненно, связана его попытка запугать псковичей, заставить их воздержаться от поддержки Ивана III в распре с Новгородом^[145].

На Волхове ситуация продолжала накаляться. Избрав владыкой Феофила, новгородцы приняли решение отправить его на поставление в сан не к московскому митрополиту Филиппу, а к киевскому митрополиту Григорию, хотя и в прошлом, но стороннику унии с Римом, кафедра которого находилась в Великом княжестве Литовском. Эти действия новгородцев были расценены в Москве как «измена православию» и вызов государю.

Понимая, что такая демонстративно противная Москве политика ведет к разрыву отношений с великим князем, власти Новгорода начали готовиться к войне. Причем без союзников и подготовленных ратных сил. Война, действительно, не замедлила начаться – в мае 1471 года Иван III отослал в Новгород объявляющие о разрыве отношений «грамоты разметные за их неисправленье».

Поход был назначен на приближающееся лето, так как весна в том году была поздней. В Москве учли, что после окончания паводка в северо-западной Руси наступает недолгий период ясных дней: дороги становятся проходимыми, болота, через которые вели гати – сухими.

Времени оставалось мало, и начался лихорадочный сбор войск. Особенно важно – и в дипломатическом, и в военном отношении – для Ивана III было заручиться помощью псковичей. К ним был направлен дьяк Яков Шабальцев со строгим приказом великого князя своему наместнику Федору Юрьевичу Шуйскому немедленно «сложить целование» Новгороду и «положити разметнии грамоты... за великого князя обиду». Самому же

во главе псковских полков идти разорять порубежные новгородские пределы^[146]. Вятское ополчение с Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым и устюжское с Василием Федоровичем Образцом по слову государя двинулись на принадлежавшие тогда Новгороду земли по Северной Двине. Послы прибыли в Тверь, «помочи прося на новгородцев», и князь Михаил Борисович также решил выступить на стороне Москвы в войне с Новгородом. На границе собралось тверское войско, командиры которого, воеводы князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Никитич Жито, были готовы присоединиться к армии Ивана III в Торжке.

Из Москвы так же, рать за ратью, к новгородским границам шли войска. Первыми двигались выступившие 6 июня 1471 года на войну полки Данилы Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича Хромого. Они двигались к Руссе (Старой Руссе) и дальше, к Демону (Демьянску). За ними 13 июня столицу покинули отряды Ивана Васильевича Стриги Оболенского и служилые татары касимовского «царевича» Даньяра. Им предстояло обойти Новгород с востока, отрезав от северных «пригородов»^[147]. Затем уже 20 июня – главные силы, с которыми ехал и сам Иван III. Это был стратегический резерв, готовый вступить в дело в чрезвычайном случае. Его не случилось, и все труды и слава достались Холмскому и Хромому.

Основным театром военных действий стали земли по южному берегу озера Ильмень. Видимо зная о разделении великокняжеского войска, новгородские воеводы также рассредоточить свои силы. В этой связи на тот момент основной задачей для них становилась защита южных «пригородов» – Русы и. Вспомогательной – разгром 10-тысячно псковской рати Василия Федоровича Шуйского и посадника Тимофея Власевича, продвигающейся к Новгороду с юго-запада. Впоследствии приоритеты сместились – слишком быстро двигались псковичи – и именно навстречу им выступило главное новгородское войско Дмитрия Борецкого и Василия Казимира. Выступило, но не дошло, перехваченное московскими воеводами у реки Шелони.

24 июня 1471 года, всего на 8 день после объявления войны, 5-тысячный Передовой полк князя Холмского и Хромого захватил и сжег Русу. Оттуда немедля воеводы двинулись дальше, по приказу великого князя торопясь навстречу приближавшейся с запада псковской рати. Однако марш был прерван боевой тревогой. Подошедшая со стороны озера Ильмень на судах большая новгородская рать высадилась на берег и 7 июля вступила в бой с москвичами у погоста Коростынь. Нападение было

внезапным, и поначалу атакующим удалось потеснить воинов великого князя, но затем лучшая выучка профессиональных бойцов дала о себе знать, и ход битвы изменился. В жестоком бою новгородцы потерпели поражение – в их «пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша». Но едва было покончено с первым неприятельским войском, как пришла весть, что вторая судовая рать идет к сожженной Русе. Полк Холмского в тот же день атаковал и это новгородское войско, которое также было разбито.

С сообщением об этих победах из Русы к Ивану III был отправлен гонец, который 9 июля обрадовал новостями великого князя, найдя его в ставке у озера Коломно близ Вышнего Волочка. Сами же воеводы пошли к Демону, стоявшему на реке Ловать. По пути к этому «пригороду» их нагнал гонец, доставивший новый приказ великого князя. Холмскому и Хромому следовало развернуть свою рать и идти вдоль западного берега Ильменя, на северо-запад, к реке Шелонь, где они должны были соединиться с союзным псковским войском, которое могло оказаться под ударом главной новгородской рати. Взятие Демона Иван поручил полку удельного князя Михаила Андреевича Верейского.

К тому времени в Новгороде, несмотря на сильнейшие внутренние распри, было собрано огромное ополченское войско – по явно преувеличенным сообщениям летописцев, оно насчитывало до 40 тысяч человек, что, учитывая отправление двух судовых ратей, готовых атаковать полки Даниила Холмского и отряда Василия Гребенки Шуйского в Заволочье, нереально. Командовали им степенные посадники Василий Казимир и Дмитрий Борецкий. Составленный в Новгороде план войны предусматривал нанесение их войском удара по союзным Москве псковичам, активно разорявшим Шелонскую пятину. Высланное против «всей силы псковской» войско должно было гарантированно разгромить противника, закаленного частыми стычками на немецком рубеже. С большой долей вероятности можно предположить, что войско Василия Казимира и Борецкого насчитывало 15–20 тысяч воинов, в основном ополченцев. Состояло оно из мобилизованных «плотницев и гончаров». Это заставляет усомниться в предположениях, что рать была полностью «коневою». Вряд ли мастеровому люду дали бы боевых коней, да еще в таком количестве. Конные и пешие новгородцы продвигались вдоль Ильменя навстречу псковичам, союзникам Москвы. И когда вечером 13 июля на противоположном (правом) берегу Шелони новгородцы увидели московские отряды, это было для них большой неожиданностью.

Предстояло сражение, причем не с ополченцами-псковичами, а с победоносными московскими войсками, только что наголову разгромившими две новгородских судовые рати. В этих условиях принципиально важным стал отказ от боевых действий командования лучшего в войске Владычного (архиепископского) полка, объяснившего свое решение тем, что они шли воевать не с москвичами, а с отступниками-псковичами. Возможно, это угнетающе подействовало на воинов остальных полков, потерявших уверенность в исходе предстоявшей битвы.

Она началась 14 июля. За ночь воеводы сумели подготовить свое небольшое войско к битве. Рать Холмского и Хромого насчитывала на тот день около 4 тысяч воинов – сказались потери в сражении на Коростыни, а также то, что часть воинов была в «загонах». Тем не менее, войско готовилось к форсированию Шелони. Рано утром Данила Холмский выстроил своих людей и обратился к ним с полагающимся словом: «Господине и братиа наша! Лутче нам есть зде главы своя покласти... нежели с срамом возвратитися».

Воодушевленные своим воеводой, ратники готовились к решающей битве. Когда прозвучала команда, передовой московский отряд начал переправу через Шелонь. Многие историки утверждают, что он пересек реку по разведанным ночью бродам. Но, по свидетельству московского летописца, бродов не было. Можно было бы предположить, что воины Холмского перебрались через реку вплавь вместе со своими конями, используя надутые кожаные бурдюки, но, зная дальнейший ход битвы, во время которой новгородцы, преследуя заманивших их в ловушку москвичей, также преодолели Шелонь, следует признать, что какие-то броды, причем достаточно широкие, на этой реке были.

Продолжим реконструкцию хода битвы. Когда часть великокняжеского войска переправилась через Шелонь, то на левом берегу их атаковали новгородцы, которые отбросили противника обратно за реку и небольшую речку Дрянъ^[148]. Затем уже они, в горячке боя нарушив строй, в свою очередь перебрались через Шелонь. Видимо в этом и состоял план Холмского, получившего возможность атаковать уже не войско, но огромное скопище вооруженных людей, сражающихся без команды и строя. В полной готовности на правом берегу Шелони новгородцев поджидали главные силы московской западной (засадной) рати. По переправившимся врагам ударил смертельный ливень стрел, выкашивающий передовых бойцов и их коней. Раненые кони «возмутишася... и начаша с себя бити (сбрасывать – В. В.) их». Эти губительные залпы дали основание новгородским летописцам заявлять о

наличии в составе московского войска татарских лучников, что не подтверждается московскими летописцами. Служившие великому князю татары «царевича» Даныяра находились в составе другой рати – Ивана Стриги Оболенского.

Меткие стрелы остановили новгородскую атаку, погибли находившиеся в первых рядах лучшие бойцы, затем на смешавшиеся ряды врагов ударили главные силы Данилы Холмского, прорвавшиеся в центр неприятельского построения и пленившие главных командиров врага.

Именно тогда в рядах новгородцев и началась паника. Остатки разбитого войска обратились в бегство, ища и не находя путь к спасению. «Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаше, друг друга бьюще и топчаше, кои с кого мога»^[149]. Впрочем, как предположил Н. С. Борисов, это могла быть не реальная подробность события, а привычная для авторов средневековых хроник библейская аллюзия^[150].

Из новгородского источника известно, что конный полк новгородского архиепископа вообще не принял участия в сражении, так как получил приказ от нареченного владыки Феофила действовать только против псковичей, но не поднимать оружия на великокняжеское войско.

Победа воевод Ивана III была полной. По завышенным сведениям летописцев, погибло около 12 тысяч новгородцев. Но потери действительно должны были очень велики, так как преследование бегущих продолжалось на расстоянии 12 верст. Оторваться от московской погони могли лишь конные воины. Пешцы либо погибли, либо попали в плен. Видимо, без потерь ушел Владычный полк. Из остальных полков, участвовавших в злосчастной битве, в родной город вернулись только жалкие остатки. В плен, помимо немногих оставшихся в живых «плотницев и гончаров» (в данном случае летописные сведения о 2000 пленных близки к истине), попали все главные новгородские командиры: посадники Василий Казимир, Дмитрий Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, многие житьи люди. Был захвачен обоз новгородского войска, в котором победители обнаружили список договора Новгорода с Казимиром IV. Его текст, немедленно отосланный Ивану III, разгневал великого князя и по его приказу «за измену и за отступление» были казнены Дмитрий Исаакович Борецкий, Василий Губа Селезнев, Еремей Сухоцок и Киприан Арзубьев. Их подписи были обнаружены на договоре с Казимиром IV. Теперь же одного за другим изменников подводили к месту казни, где «секирою отсекоша им главы, к

колоде прикладая». Других посадников и бояр – Василия Казимира, Кузьму Григорьева, Якова Федорова, Матвея Селезнева, Кузьму Грузова и Федота Базина и других 50 «лучших новгородцев – в оковах отправили в Коломну, в заточение^[151]. «Мелких» же людей великий князь демонстративно отпустил в Новгород. Явная демонстрация его отношения к действительно виновным боярам и невинным жертвам их козней и интриг.

После одержанной победы московские полки, уже не торопясь, левым берегом Ильменя двинулись к Новгороду. Там поначалу стали готовиться к осаде, но единства в обществе не было. По словам современника, «бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазнена». Уныния добавляли новые вести – московские воеводы взяли Демон, псковские – Вышегород. Разделение общества на две противные партии, ослабление группировки стоявшей «за короля» мешали организации обороны. Хотя кое-какие шаги в этом направлении новгородские власти сделать успели. Крепостные укрепления Новгорода включали тогда каменный Детинец (Кремль) и собственно «город», представлявшие достаточно мощный пояс укреплений. Все укрепления срочно отремонтировали. Была усилена стража на крепостных стенах и башнях (она и поймала доброхотствующего Москве переветника пушкаря Упадыша, заклепавшего 5 пушек). Были выжжены не имевшие укреплений посады, хоромы и постройки на Городище – старинной резиденции великих князей. Уничтожили даже несколько пригородных монастырей – Зверинский, Онтонов, Юрьев, Рождественский – оборонять которые было затруднительно и опасно. Вместе с тем доводить дело до начала осады новгородские власти явно опасались, так как могли потерять положение, имущество, свободу, жизнь. Иван III недвусмысленно продемонстрировал свои намерения, казнив своих недругов – бояр, схваченных после битвы на Шелони. Ряды сторонников Москвы росли с каждым днем, в основном, за счет недовольных политикой правительства, доведшей до военной катастрофы.

В этих условиях господа не могли не сделать попытку договориться с Иваном III. Многие бояре были готовы откупиться от него, как не раз уже откупались новгородские власти от прежних великих князей. Архиепископ Феофил отправился навстречу московскому государю, узнать условия, на которых тот согласился бы остановить катастрофическую для Новгорода войну. С ним ехали пять посадников и пять житейх люди от всех концов города. Владыка и кончанские представители нашли Ивана III в 20 верстах от изготовившегося к осаде города, в лагере, устроенном между погостами

Коростынь и Бурегу. 14 дней шли переговоры, и в воскресенье 11 августа 1571 года был заключен Коростынский договор. Условия оказались мягче ожидаемых – новгородцам предстояло присягнуть на верность Ивану III и в течение года выплатить ему контрибуцию – 16 тысяч серебряных новгородских рублей (поначалу великий князь потребовал выкуп в 17 тысяч рублей, но потом, уступая владыке, снизил его на 1000 рублей). Сохранялся вековой порядок управления Новгородом. Но два новгородских «пригорода», Волок Ламский и Вологда, окончательно переходили к Москве. Послы от лица всего Господина Великого Новгорода поклялись не искать политической, военной или церковной связи с Литвой. Но захваченных в плен знатных новгородцев Иван Васильевич отпустил на свободу только через четыре месяца, по прошению владыки Феофила, приехавшего на поставление в Москву и умолившего великого князя простить отправленных в Москву и Коломну Василия Казимира и других бояр и житых людей.

Отдельным, но важным эпизодом этой войны стало Двинское сражение в Заволочье (так тогда называлась Двинская земля), произошедшее 27 июля 1471 года в устье Шиленги, притока Северной Двины^[152]. Новгородским (двинским) войском в Заволочье руководили опытные командиры – князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский и двинский воевода Василий Микифорович. Они имели под рукой, кроме военных слуг, еще и воинов-ополченцев из новгородцев, двинян, заволочан и печерян – всего, по летописным сведениям, до 12 тысяч воинов. Это войско вступило в сражение с 4-тысячным отрядом устюжан и вятчан, командовали которым Василий Федорович Образец и Борис Матвеевич Слепец Тютчев.

Двинское сражение – встречный бой, в котором столкнулись шедшие по реке судовые рати. Обнаружив противника, оба войска высадились на берег и начали бой. О его накале свидетельствует упоминание о том, что сеча на Шиленге началась «на четвертом часу дня» и шла до вечера. В сражении погибли двинский воевода Игнат Кашин и три двинских знаменосца, пытавшиеся отстоять свой стяг. После их гибели знамя все же было захвачено воинами Образца. Василий Гребенка был ранен в бою стрелой и с остатком своих людей ушел в Холмогоры. Оттуда уже кружным путем «в мале дружине» он вернулся в уже замирившийся в Иваном III на его условиях Новгород.

После этой победы ратники великого князя взяли ряд ближайших городков. В результате боевых действий в Заволочье к Ивану III отошли земли, располагавшиеся по реке Пинеге (правый приток Северной Двины)

и по реке Мезени.

* * *

Не все в Новгороде, что естественно, были довольны результатами так быстро и трагично закончившейся войны. Не сдались и Борецкие, потерявшие одного из своих вождей. В Москве также понимали, что сделано едва ли полдела и методично готовили и совершали все новые шаги по окончательному подчинению вольной республики. Прежде всего, крепили союз с Псковом, поддерживая его в противостоянии с Ливонской конфедерацией. В 1474 году Москва весомо поддержала интересы своего союзника, направив к немецкому рубежу большое войско князя Холмского, в котором были дворы 22 князей из разных русских уделов. Серьезная демонстрация силы и возможностей великого князя вынудила власти Ордена и дерптского епископа начать переговоры с Псковом, пойти на заключение длительного мира со своим восточным соседом.

В следующем 1475 году Иван III ходил на Новгород, но на этот раз «миром», чтобы разобраться в будораживших древний город конфликтах, на которые регулярно жаловались противники литовской партии. Он собирался воспользоваться своими судебными правами, дабы показать, что великокняжеская власть готова и способна обеспечить порядок и законность. Известие о приезде Ивана Васильевича и целях его похода еще больше взбудоражило общество. Многочисленные жалобщики двинулись ему навстречу. Первые из них («Кузьма Яковлев с товарищи») били челом великому князю уже в Вышнем Волочке. Здесь же его ждал с поминками и Василий Пенков, посланник новгородского владыки Феофила. Затем жалобщики являлись чуть ли не в каждом новом «пригороде», стане, погосте, речной переправе.

Официальными властями Новгорода великий князь был также встречен и принят с небывалым почетом. Первые посадники ждали его еще 15 ноября на реке Вольме, среди встречающих был и Федор Борецкий, брат казненного Дмитрия Исааковича. Здесь же опять пред очи великого князя предстали «жалобники». Летописец называет имя одного из них – Олфер Гагина.

Новая встреча произошла 17 ноября во Влукове, селении в устье этой реки, расположенном в ста верстах от Новгорода. На реке Холове великого князя встретили главные лица в правительстве Новгорода – архиепископ Феофил, князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский, степенный

посадник Василий Онаньин, степенный тысяцкий Василий Яковлев, архимандрит Юрьева монастыря Феодосий, игумены важнейших монастырей – Хутынского и Вяжицкого. От всех Ивану III были вручены богатые дары. Наконец, 21 ноября 1475 года, во вторник, великий князь добрался до считавшейся его резиденции на Городище. На следующий день был дан пир для господы, продолжавшей задаривать Ивана III, но богатые подношения лишь раздражали его. Великий князь понимал наивное стремление «сильных» новгородцев откупиться от него, дары принимал. Но принимал и жалобы на своих дарителей.

23 ноября Иван Васильевич впервые въехал в свою новую «отчину». Это был знаковый визит. Владыка Феофил и весь освященный собор – архимандриты и игумены, священники и иноки – встречали его с почетом, но «не превозносяся», как «повеле им сам князь великий». Все должны были понять – время торжественных церемоний прошло, настало время вершения важных и нужных дел, прежде всего – судебных.

Не понять этого было невозможно. На Городище продолжился прием многочисленных челобитчиков, каждому было обещан справедливое разбирательство в его деле.

Самую серьезную жалобу подали 25 ноября жители двух улиц, Славковой и Микитиной, обвинившие степенного посадника Василья Онаньина и двадцать других бояр Неревского конца и Словенского конца, которые «наехав... со многими людьми на те две улицы, людей перебили и переграбили, животов людских на тысячу рублей взяли, а людей многих до смерти перебили».

Великий князь указал рассмотреть это дело на вече в своем присутствии и поручил двум своим боярам, Федору Давыдовичу Хромому и Ивану Борисовичу Тучке Морозову, обеспечить явку обвиняемых на суд. Вече состоялось 26 ноября, в воскресенье. Публичное разбирательство подтвердило справедливость жалобы пострадавших. Четверых главных преступников – бояр Василия Онаньина, Богдана Есипова, Федора Исакова (Борецкого) и Ивана Лошинского – взяли под стражу. Прочих отдали на поруки архиепископу за большой денежный заклад в 1500 рублей.

В тот же день были арестованы Иван Офонасов и его сын Алферий, которые якобы «мыслили Великому Новгороду датися за короля». После неудачной попытки архиепископа Феофила заступиться за схваченных все они в тот же день были закованными увезены в Москву.

Прощальные пиры затянулись. Только 23 января 1476 года великий князь покинул Городище и отбыл в Москву. Наброшенная на Новгород узда затянулась еще сильнее.

Усиливающийся нажим Москвы на Новгород рано или поздно привел бы к новому столкновению великого князя с дорожившими своими вольностями их защитниками. Ускорило его события марта 1477 года. Прибывшие в Москву посланники архиепископа Феофила, подвойский Назар и вечевой дьяк Захарий, били челом Ивану III и величали его при этом не традиционно «господином», но «государем».

Великий князь принял решение использовать эту ситуацию и упрочить свою власть над Новгородом. В конце апреля он отправляет на Волхов своих бояр, Федора Давыдовича Хромого и Ивана Борисовича Тучку Морозова. Их сопровождал дьяк Василий Долматов. Все посланцы были доверенными людьми московского властителя, уполномоченными им «покрепить того, какова хотят государства», то есть организовать ему присягу уже как своему «государю». 18 мая посланцы великого князя в сопровождении большого отряда прибыли в Новгород, остановившись на Городище. На спешно собранном вече Федор Хромой сообщил о желании Ивана III согласиться на предложение новгородцев считать его «государем», предоставить ему резиденцию на Ярославом дворе (там селились князья до 1136 года) и установить в городе суда наместников великого князя и управление через его тиунов. Это был фактически ультиматум, выполнение которого привело бы к уничтожению существовавшего в Новгороде политического строя.

На вече эти предложения вызвали бурю. Новгородцы заявили, что владычные посланцы Назар и Захарий были отправлены в Москву без веча «веданья». Город всколыхнулся, вооружившись, ревнители старины стали расправляться с теми, кто, по их мнению, стал переветником. Первым пострадал боярин Василий Никифоров. Его схватили и привели на вечевую площадь. Боярину было предъявлено обвинение в том, что он «целовал крест», то есть присягал великому князю. Несмотря на оправдания, боярин был убит – прямо на вече изрублен на куски топорами. Другие бояре бежали, спасаясь от гнева земляков. Посадник Захар Овинов с братом Кузьмой попытались укрыться на архиепископском дворе. Несмотря на то, что Овиновы не принадлежали к сторонникам Москвы, были близки Феофилу, их также убили прямо на владычном дворе. Двух других посадников – бояр Луку Федорова и Фефилата Захарьина – посадили под арест.

Репрессии коснулись лишь московских доброхотов из числа

новгородских бояр. Послов Ивана III отпустили «с честью», но все его требования были категорически отвергнуты. К власти в Новгороде вновь пришла та партия, которая и раньше была настроена против Москвы и теперь «к королю паки въсхотеша».

Однако послов великого князя отпустили обратно в Москву только через шесть недель, но, несомненно, посланные ими гонцы сообщили Ивану III о провале порученной им миссии и о жестоком убийстве посадников. Сомневаться в этом не приходится, так как подготовка к новому походу на Новгород началась еще до возвращения Федора Хромого и Ивана Морозова. В Псков отправились и 7 июня уже были в городе посол великого князя Иван Зиновьевич Станицев и дьяк Григорий Иванович Волнин, «повестоуа, веля и поднимая Пскова на Великой Новьгород».

Подготовка к войне затянулась. Только 30 сентября 1477 года она была объявлена, 5 октября к рубежу двинулся передовой отряд касимовского «царевича» Даньяра, а 9 октября в поход на Новгород выступил сам Иван III с главным войском. Как и во время прошлой войны, по пути к московским полкам присоединилась тверская рать князя Михаила Федоровича Микулинского. Готовясь вступить на Новгородскую землю, перед выступлением из Торжка (когда-то новгородского «пригорода»), великий князь 23 октября 1477 года «разрядил» своих воевод по полкам. Это первая дошедшая до нас разрядная запись, свидетельство существования военной канцелярии, занимающейся организацией походной и боевой службы. В этом документе поименованы командиры, указаны пути движения ратей. Из разряда становится ясно, что в походе участвовали служилые люди почти всех русских городов – владимирцы, переяславцы, костромичи, дмитровцы, кашинцы, суздальцы, юрьевцы, ростовцы, ярославцы, угличане, бежичане, калужане, алексинцы, серпуховичи, хотуничи, радонежцы, новоторжцы, можайцы, волочане, звенигородцы, ружане, коломничи, тверичи, москвичи, служилые татары «царевича» Даньяра, наконец, двор самого великого князя.

Выйти в поле и дать сражение войскам великого князя новгородцы не решились, это влекло за собой несомненную гибель вечевого государства. Был шанс удержаться в окруженном крепкими стенами городе, но, готовясь, как и шесть лет назад, к обороне, они все время слали и слали послов к великому князю и, именуя уже его «государем», просили начать переговоры.

По-видимому, новгородцы рассчитывали на то, что им удастся если не остановить, то замедлить движение великокняжеских войск. Начнись переговоры, у них появлялся неплохой шанс продержаться в укрепленном

городе до приближающейся зимы. При этом огромная неприятельская армия, собранная в одном месте, оказывалась не в состоянии обеспечить себя хлебными припасами и фуражом и, рано или поздно, вынуждена была бы отступить, чтобы не пасть от голода и сильных морозов.

Расчеты новгородцев не оправдались. Согласившись начать переговоры, Иван III не стал останавливать войска. Вновь во главе армии шел Передовой полк, которым командовал 25-летний брат великого князя, Андрей Меньшой. С ним были опытные воеводы Данила Дмитриевич Холмский, Федор Давыдович Хромой, Иван Васильевич Стрига Оболенский. Но окружавшие город достаточно мощные укрепления взять было не легко. Вдобавок, опасаясь штурма со стороны реки, воевода Василий Гребенка Шуйский предложил поставить некое подобие деревянной стены на сцепленных кораблях. Ими новгородцы перегородили Волхов.

23 ноября великий князь остановился в Сытине, на берегу Ильменя, в двух переходах от Новгорода. Именно здесь в его ставку явились прибыли новгородские послы – владыка Феофил, посадники Яков Коробов, Фефилат Захарьин, Лука и Яков Федоровы, Лука Полиарьин, житьи люди по одному от каждого конца. Послы соглашались на некоторые несущественные уступки, но настаивали на сохранении фактической независимости Новгорода. На этих условиях вести дальнейшие переговоры Иван III отказался и послы ни с чем отбыли обратно.

Тем временем, пока шли Сытинские переговоры, великокняжеские войска вышли на ближние подступы к Новгороду. В ночь с 24 на 25 ноября полк князя Семена Ивановича Хрипуна Ряполовского перешел по льду озеро Ильмень, вышел на левый берег Волхова и овладел Юрьевым и Аркажским монастырями. Одновременно на правой стороне Волхова князь Данила Холмский вышел к Городищу и захватил предместья на правом берегу. Отличились татарские отряды Даньяра, стремительным броском успевшие занять находившиеся здесь пригородные монастыри. Сжечь их новгородцам не удалось. Вслед за полками Ряполовского и Холмского к Новгороду подходили другие – московские, тверские, псковские рати, окружавшие его со всех сторон. Сам Иван III стал лагерем неподалеку от Свято-Троицкого Михайло-Клопского монастыря, в селе, принадлежавшем Ивану Лошинскому. Именно здесь возобновились прерванные в Сытино переговоры. На них Иван III 5 декабря 1477 года объявил свое принципиальное требование: «ино мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». 7 декабря великий князь еще раз подтвердил, что хочет

«государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земли на Москве». Прозвучавшие слова определили дальнейшую судьбу Новгородской земли – ей предстояло войти в состав Русской Державы. Новгород же ждали большие перемены. Великий князь не хотел и слышать о сохранении старых вечевых порядков. Объявляя о своих намерениях, он потребовал от новгородцев: «Вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати, ино на чем великим князем быти в своей отчине, волостемь быти, селом быти, как у нас в Низовской земле, а которые земли наши великих князей за вами, а то бы было наше»^[153]. При этом великий князь обещал новгородским боярам сохранить за ними их вотчины, освободить от службы в московском войске за пределами Новгородской земли, оставить суд «по старине». Эти гарантии смирили господу, согласившуюся с требованиями признанного ими государя.

Пока шли переговоры, на которых решалась судьба Новгородского государства, в собранном под рукой великого князя войске начались вполне ожидаемые проблемы со снабжением. Чтобы их решить, половина ратников была отпущена добывать припасы по окрестным селам и станам. Из Пскова срочно доставили обозы со продовольствием. Эти меры нормализовали ситуацию со снабжением.

В Новгороде тем временем шли ожесточенные споры о дальнейших действиях. Они по-разному мыслились людям, «мятущимся в осаде в городе, иныа хотящи битися с князем великим, а инии за великого князя хотяще задати, а тех болши, которые задатися хотять за князя великого»^[154].

Последней каплей в решении судьбы древнего города стало решение князя Василия Гребенки Шуйского сложить крестное целование Новгороду и бить челом в службу Ивану III. Потеряв признанного военного предводителя, новгородцы окончательно приняли условия великого князя. Помимо отмеченных выше, они согласились передать ему огромные земли, которые большей частью изымались из владычных и монастырских владений. Также был определен порядок сбора дани, выплачиваемой государю.

13 января 1478 года новгородцы сдались и «отворили град». Через день, 15 января 1478 года, воевода Иван Юрьевич Патрикеев с боярами въехал в Новгород и объявил на владычном дворе, что ««по той бо день веча не бысть в Новгороде». После этого великокняжеские дьяки и дети боярские разъехались по концам и улицам, приводя новгородцев к присяге.

Вече в городе более не созывалось. Вечевой колокол и архив Новгорода были увезены в Москву.

Были взяты под стражу Марфа Борецкая с внуком Василием, купеческий староста Марк Панфильев, житий человек Григорий Арзубьев, Иван Савелков, Окинф с сыном, Юрий Репехов – те, кто призывал новгородцев «битися с князем великим», о чем тот был хорошо извещен. Всех арестованных отправили в Москву. Их имущество отписали на государя.

* * *

История военных операций, приведших к подчинению Новгородской земли Московскому государству, почти вдвое увеличившему свою территорию, не была бы полной без упоминания третьего похода Ивана III на Новгород в 1479–1480 годах. Об этом походе сохранилось упоминание в сочинении Василия Никитича Татащева, но выглядит оно достаточно убедительно. Понимая, что очередной вояж великого князя на Волхов грозит новыми опалами и карами, новгородцы затворились в своем городе. Чтобы смирить их, московским воеводам пришлось использовать артиллерию, действиями которой управлял Аристотель Фиораванти^[155]. Обстрел был эффективен, и новгородцы открыли ворота перед государем и его полками.

Вступив в покорившийся город, великий князь на это раз остановился на восточной окраине города, в Славенском конце. Его временной резиденцией стал двор Евфимия Медведнова^[156]. На этот раз репрессии ударили по владыке Феофилу и его окружению. Возможно, именно близкие архиепископу люди, недовольные прошлыми конфискациями церковных вотчин, пытались оказать сопротивление великому князю. Не стоит забывать о наличии в Новгороде вооруженных сил, подконтрольных Феофилу – Владычного полка, о котором после 1480 года ничего не известно. После вступления Ивана III в Новгород архиепископ был взят под стражу, его казна – конфискована.

Вслед за владыкой оказались арестованы и казнены 100 других крамольников, многих из них пытали. Убедившись, что полностью искоренить оппозиционность новгородского боярства не получается, правительство пошло на выселение («вывод») всей местной знати и их домочадцев. Уже в 1480 году 1000 семей житых людей и купцов выслали в

другие уезды страны и там глав этих семей испоместили. Также вывезены были 7000 семей черных людей^[157]. Видимо, не только из самого Новгорода, но и из его «пригородов» – численность населения града Святой Софии в то время вряд ли превышала 40 тысяч человек. После «вывода» 8 тысяч семей город бы опустел.

Новые волны расправ обрушивались на Новгород в 1481/1482 году (арестованы Василий Казимир, его брат Короб, Лука Федоров, Михаил Берденев), в 1483/1484 году («пойманы» великие бояре»), в 1486/1487 году, в 1487/1488 (7 тысяч житых людей), в 1489/1490 году^[158]. Конфискованные боярские вотчины шли в поместную раздачу.

Таким образом, трансформация бывшего вечевого мира в пусть и обширное, но обычное наместничество, повлекла за собой реорганизацию вооруженных сил всей страны. В отличие от наследуемых вотчин, помещик получал от великого князя землю лишь на время службы, становясь заложником ее должного исполнения. Войско, сформированное из помещиков и их военных слуг – боевых холопов, было более однородным, боеспособным, дисциплинированным и, как следствие, более эффективным в решении стоявших перед страной больших военных задач.

Войны с Большой Ордой. Стояние на Угре и разгром Улуг-Улуса

В год смерти великого князя Василия II и вступления на престол его сына Ивана III Русское государство враждовало со всеми татарскими юртами. Поэтому, после кончины отца, последовавшей в 1462 году, двадцатидвухлетний Иван III вступил на престол как полностью суверенный государь, без ярлыка, полученного из Орды^[159]. Естественно, в это время не выплачивалось никакой дани ханам. Во всяком случае, это объясняет действия правителя Улуг-Улуса (Большой Орды) «безбожного Ахмута» (Махмуда), задумавшего в 1465 году совершить поход на Русь. Задумавшего, но так и не совершившего его. По Большой Орде ударил перекопский хан Хаджи-Гирей^[160]. Благодаря распре между татарскими властителями страна, копившая силы для борьбы с ними, получила нужную ей передышку.

Вскоре Махмуд был свергнут своим младшим братом Ахмедом (Ахметом), по приказу которого в 1468 году татары «отъ Болшие Орды» напали на рязанские земли и Беспуту – московскую волость на правобережье Оки. Именно тогда Иван III ненадолго возобновил выплату

дани Ахмеду (Ахмату). Необходимо было на время обезопасить южное порубежье, так как на востоке великий князь вел войну с Казанским ханством, захватившим Вятский край, непростыми были отношения с Литвой и Новгородом, непокорство которого московский государь готовился смирить.

С Казанью отношения были нормализованы в 1469 году, когда устрешенный действиями войска князя Юрия Васильевича Дмитровского, хан Ибрагим (в русских летописях – Абреим) замирился с Москвой и выдал русский «полон за 40 лет». В 1471 году Иван III предотвратил заключение союза Литвы и Новгорода, укрепив свое влияние в северных русских землях. Настало время решить дело с Большой Ордой, правителя которой поднимал в поход на Русь посланец короля Казимира IV, Кирей Кривой. Далеко не случайно летом 1471 года внезапным нападением вятчан под началом своего воеводы Кости Юрьева оказался захвачен Сарай – столица Большой Орды^[161]. Можно было бы сомневаться о согласованности этой атаки с Москвой, но в том же году те же вятчане, ведомые великокняжеским воеводой Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым, ходили воевать с новгородцами в Заволочье.

Благодаря действиям вятчан в поход на Русь Ахмед (Ахмат) смог выступить лишь летом 1472 года. Шел он «со всеми князьями и силами ордынскими». О том, что хан был подговорен на войну «королемъ Казимиромъ Литовскимъ», свидетельствуют Симеоновская летопись, Московский летописный свод, другие летописи^[162]. Дойдя до верховьев Дона, Ахмед двинул свои войска не прямой дорогой к Москве через Рязанские места, а ушел западнее, чтобы ударить по русским городам со стороны слабее защищенного литовского рубежа. Путь его лежал к расположенному на правом берегу Оки небольшому городу Алексину, находившемуся в двух конных переходах от Москвы. Очевидно, идя через литовскую территорию, Ахмед (Ахмат) рассчитывал на помощь со стороны Казимира IV, однако, на его беду, того отвлекли дела в Богемии, где сын Казимира Владислава Ягеллона начал военные действия против законного правителя Матвея I Корвина (Матьяша Хуньяди), пытаясь занять королевский трон, на который польского королевича пригласила мятежная чешская знать. Война затянулась на десять лет и привела к разделу Богемии.

Первые сведения о начавшемся ордынском походе в Москве получили еще в конце июня. Тогда-то и направлены были к «Берегу» воеводы «со многими силами». Татар ждали между Коломной и Серпуховым, но они

пошли другим путем. Об изменении маршрута в столице узнали только 30 июля 1471 года («прииде весть к великому князю, что царь со всею Ордою идет к Алексину»). Штурм города уже шел, надо было принимать неотложные меры. К атакованному рубежу срочно выслали лучшие войска и лучших воевод – от Коломны и Серпухова к Алексину устремились полки Федора Хромого, Данилы Холмского и Ивана Стриги Оболенского. В Коломну же, а затем в Ростиславль, еще ближе к театру военных действий, выехал сам великий князь.

С начала лета на южном рубеже «во многих местех по дорогам, ждучи татар», стояли великокняжеские воеводы. В Алексине находился воевода Семен Васильевич Беклемишев. Однако сил у него было недостаточно, поэтому великий князь приказал ему покинуть Алексин и обороняться на левом берегу Оки. Беклемишев выполнил приказ, но жители города не последовали за ним, решив сражаться до конца, хотя их «мало бяше, ни пристроя городского не было, ни пушекъ, ни пищалеи, ни самостреловъ». 29 июля передовые отряды войска Ахмеда под командой «князя» Темира (беклярибека Тимура-мангыта) подошли к Алексину. Татары сразу же начали штурм его укреплений. Однако алексинцам удалось отбить первые приступы врага. За ними последовали новые. Город держался три дня, пока 31 июля ордынцы, отчаявшись в своем намерении овладеть и разграбить Алексин, подожгли его, сделав примет. Все оставшиеся в крепости защитники погибли, «гражене изволиша згорети, неже предатися татаромъ»^[163].

Уничтожив Алексин, татары попытались продвинуться дальше и атаковали русские войска, прикрывавшие переправы. Их обороняли отряд Семена Беклемишева и «приспевший» (пришедший) ему на выручку небольшой полк Петра Федоровича Челяднина^[164]. Поначалу воеводам и их воинам удавалось противостоять атакам татар, но долго сдерживать все усиливающийся натиск врага они не смогли бы – у русских лучников стали заканчиваться стрелы. К счастью, к месту разворачивающегося сражения успели подойти свежие силы. Сначала прибыл спешивший со стороны верховьев Оки («с верху реки»), видимо, от Калуги, полк князя Василия Михайловича Верейского, затем со своим двором «с низоу реки, отъ Серпохова» пришел Дмитровский князь Юрий Васильевич Младший, брат Ивана III. Прорвавшиеся было за укрепления «Берега» татары были уничтожены, после чего возобновилась шедшая и до того перестрелка через реку.

Концентрация русских войск у переправ все усиливалась. От Козлова брода к обороняющим переправы полкам подошел со своим двором еще один брат государя, Борис Васильевич, затем татарские отряды служилого «царевича» Даньяра, другие великокняжеские рати. «Татары же, видевше множество полковъ христианскихъ, побегоша за реку, а полци великого князя и всехъ князеи приидоша къ берегу, и бысть многое множество ихъ, такоже и царевича Даньяра, Трегубова сына. И сеи самъ царь прииде на брегъ и видевь многие полкы великого князя, акы море колеблющася, dospesi же на нихъ бяху чисты велми, яко сребро блистающе, и въоружени зело, и начать отъ брега отступати по малу. Въ нощи же тои страхъ и трепеть нападе на нь, и побеже, гонимъ гневомъ Божиимъ»^[165].

В ночь на 1 августа 1472 года Ахмед, прекратив жалкое по результатам сражение, отступил от Оки «в поле къ своей Орде». Все русские летописцы отметили, что обратно татары двигались очень быстро, опасаясь возможной погони со стороны свежих, еще не вступивших в бой русских сил. Действительно, узнав об отступлении врага, Иван III направил вдогонку часть своих отрядов в надежде отбить у отставших ордынцев русских пленных. Только убедившись в том, что татары действительно ушли, великий князь принял решение распустить свои войска.

Поспешное отступление Ахмеда, не решившегося продолжить штурм русских береговых укреплений, и даже не попытавшегося обойти их вверх или вниз по реке, объясняется рядом причин. Во-первых, не оправдались его надежды на литовскую помощь. Во-вторых, неприятным сюрпризом стал быстрый сбор русских главных сил, надежно перекрывших все близлежащие возможные пути движения войск. В-третьих, хан опасался возможного удара в тыл его войска конницы «царевича» Даньяра, сосредоточившейся на левом фланге^[166]. В-четвертых, свою роль сыграла и оборона Алексина, не давшая татарам ожидаемой добычи и сорвавшая их планы внезапного прорыва к Москве. В-пятых, хан не был уверен, что русские не повторят прошлогоднего удачного нападения на его столицу Сарай. Наконец, одной из причин прекращения похода могла стать начавшаяся в татарском войске эпидемия^[167].

Отступив, Ахмед начал переговоры, стараясь дипломатическим шантажом исправить испорченное неудачным походом дело. Прежде всего хана тревожило прекращение выплаты дани, что означало отказ Ивана III от признания любой формы зависимости Руси от Орды. Однако все усилия татарских послов – Кара-Кучука, затем Бачюки – были тщетными. Взятое силой право отринуть власть хана, московский государь отдавать не

собирался. Тем более, что именно в это время союз с ним заключил другой татарский правитель – Менгли-Гирей, давно уже враждовавший с Ахмедом^[168]. Это оттягивало возможность новой войны, чем великий князь и воспользовался.

Ситуация действительно настолько заметно изменилась в пользу Москвы, что ряд историков предложил считать датой избавления от ордынского ига именно 1472 год^[169]. Соблазнительное предложение, на восемь лет сокращающее признанное до того наукой время иноплеменного владычества над Русью. Но фактически обретенный, по результатам войны 1472 года, суверенитет должен был устоять в решающем столкновении с Большой Ордой. В том, что оно должно произойти, никто не сомневался, начиная с 1476 года, когда Иван III отказался прибыть по вызову Ахмеда к нему в Орду^[170].

* * *

С середины 1470-х годов Ахмед стал готовить новое наступление на Русь, чтобы восстановить былое величие Орды. Войну задержала кампания против Менгли-Гирея. По-видимому, в Большой Орде планировали обеспечить себе прочный тыл, уничтожив хана-конкурента. Однако, поначалу успешное, вторжение в Крым закончилось неудачей. Воспользовавшись этой паузой, Иван III смог присоединить Новгород, теснее привязать к себе Псков, Тверь, Рязань. Тем не менее, к 1480 году международная обстановка стала меняться не в пользу Москвы. Против заметно усилившего свою власть и престиж великого князя ополчились все его недруги. Король Казимир Ягеллончик (разрешивший, наконец, чешскую проблему) снова готовился к противостоянию с Русским государством. В 1479 году был возобновлен союз польско-литовского короля с ханом Ахмедом^[171]. Об этом помнили и в Сарае, и в Вильно даже двадцать лет спустя. В 1500 году один из «ахматовых детей», Шейх-Ахмет, в ответ на обращение великого князя литовского Александра Казимировича помочь ему в войне с Москвой, писал: «По тому братству ваш отец король и наш отец Ахмат царь, зодиначившыся межы себе, твердо оба прысягнули и, на конь свои въседши, мели на Ивана пойти. Ино мои отец з войском своим на него пошел, а твои отец не шол»^[172]. Упрек справедливый и бесспорный. Польско-литовский государь и славился тем, что, начиная действовать против Москвы, втягивал в конфликт с ней своих

союзников (Новгород, Большую Орду), а затем, балансируя на грани войны и мира, ждал, чем же кончится спровоцированное им противоборство.

Однако отвлекающая помощь ордынцам пришла с другой стороны. В январе 1480 года на Псков напали войска Ливонской конфедерации. На северо-западном рубеже началась Вторая пограничная война. Противостоять немецкой агрессии псковичи могли, опираясь лишь на собственные силы, внимание Москвы оказалось приковано к совсем другим рубежам – южным. Гроза на южных «украинах» собиралась уже давно. Главный враг Руси в то время, хан Ахмед смог вернуть под свою власть Астрахань, где правил его племянник Касым и, понадеявшись на обещанную ему литовскую помощь, решился ударить по Московскому государству.

В довершение этого, внутри страны готова была полыхнуть очередная междоусобица. В феврале против Ивана III взбунтовались два его младших брата – углицкий князь Андрей Большой (Горяй) и держатель Волоцкого удела Борис Васильевич. Подняв своих людей, они через Новгород ушли к литовской границе «и стаха в Великих Луках»^[173]. Король Казимир IV обещал им покровительство, и мятежники отослали свои семьи за рубеж, в королевский замок Витебск. По словам псковского летописца, в войске покинувших брата углицкого и волоцкого князей было до 10 тысяч воинов. Если численность полков Андрея и Бориса и была преувеличена, то не намного – рассорившись с псковичами, братья смогли разорить ряд их волостей и ушли в Новгородскую землю «с многим вредом»^[174].

Стремясь использовать благоприятный момент, Ахмед также решился нанести удар по Руси. Его передовые отряды стали выдвигаться к русским границам еще в апреле 1480 года, о чем своевременно узнали в Москве. 16 апреля в Крым к Менгли-Гирею отправилось посольство князя Ивана Ивановича Звенца Звенигородского, с подтверждением прежних сообщений о готовящемся вторжении войск Ахмеда и его союзников. Иван Звенец должен был убедить хана поддержать Московское государство и напасть если не на Орду, то на литовскую землю, владения «вопчих недругов»^[175]. В начале июня татарские авангарды достигли правого берега Оки, атаковав волость Беспуту (на правом берегу Оки между Серпуховым и Каширой) и стоявшие на «Берегу» русские заставы. Не позднее 8 июня Иван III получил тревожные сведения о начавшихся военных действиях на юге. Для отражения неприятеля он направил сына и наследника, Ивана Ивановича Молодого, с полками в Серпухов, а сам 23 июня встал во главе

войск занявших переправы через Оку, в районе Коломны^[176]. Со всех сторон к нему шли подкрепления. Была отозвана рать, обороняющая псковские рубежи, хотя немецкие нападения там и не прекращались. На юге решалась судьба страны, и другие проблемы отступили на второй план. К Оке выступили и тверская «сила» – войско, которое вели Михаил Дмитриевич Холмский (родной брат служившего Москве Данилы Холмского) и Иосиф Андреевич Дорогобужский. С ними пришел полк не предавшего брата-государя вологодского князя Андрея Меньшого. Всего же на «Берегу» было собрано около 50 тысяч служилых людей, не считая посохи. Туда же доставили артиллерию, использование которой для прикрытия бродов и переправ могло оказаться достаточно эффективным.

Сведения о приближении большой войны оказались точными – в начале осени к русскому порубежью выступил с главными силами сам ордынский хан. При нем была «вся Орда, и братанич его царь Касым (астраханский правитель. – В. В.), да шесть сынов царевых». Они вели 60–70 тысяч закаленных в степных битвах конных воинов. Получив от своих передовых отрядов подробную информацию об организации русской обороны, Ахмед, как и в 1472 году, решил обойти окские позиции с литовской стороны. Несомненно, этот маршрут был согласован с королем Казимиром, так как татар вели местные, литовские «знахоре» (проводники)^[177]. Вступив на земли Великого княжества Литовского, ордынцы шли к русской границе мимо Мценска, Одоева, Любутска к Воротынску, находившемуся у самого рубежа на правом берегу Оки. У этого города, предположительно, и должны были соединиться войска Ахмеда (Ахмата) и его союзника – короля Казимира Ягеллончика. Но крымское войско мурзы Эминька (Аминьяка), «служба великому князю», обрушилось на Подолию. Разорению подверглись окрестности Брацлава и Винницы^[178]. Это нападение произошло несмотря на прибытие послов от Казимира IV и возвращение собственных послов Менгли-Гирея, подтвердивших возобновление союза с Литвой. Но набег был совершен, он оказался неожиданным для Ягеллончика. Вторжение татар нарушило все планы. Польско-литовскому королю пришлось занимать обороной своих границ, а не зариться на чужие. К тому же, у Казимира возникли серьезные сомнения в том, что в случае войны его поддержат князья-русины. Многие из его подданных с восточных земель сочувствовали московскому государю и готовились выступить против своего «короля литовского», наведшего ордынцев на их владения.

Так и не дождавшись прибытия обещанной ему литовской помощи,

Ахмед двинулся к находившейся неподалеку от Воротынского реке Угре, одному из левых притоков Оки, неширокой, с удобными мелкими бродами. Ширина ее русла в нижнем течении достигает 70–80 м. Глубины в межень на перекатах равны 0,4–0,6 м, наибольшие на плесах – 4 м. Впрочем, в прошлом Угра была глубже и шире. Даже в XIX веке от устья до Юхнова она была судоходна, а глубина достигала до 5 м^[179]. За этой пограничной водной артерией находились уже калужские места – земли великого князя московского.

Узнав о направлении движения вражеских войск, Иван III ждавший до того татар на Оке, начал срочную передислокацию своих главных сил на Угру. Войска снимались со старых позиций и вдоль Оки шли на запад, туда же, куда за рекой к Воротынку двигались и татарские отряды. Задача была сложной – с конными полками шла пешая посошная рать, везли орудия, пищали и тюфяки. Двигаться приходилось лесными дорогами, минуя засечные участки. Но все равно русские опередили врага, конное войско которого, казалось бы, имело преимущество в скорости и маневре. Сложной операцией руководили сын государя Иван Иванович и бывшие при нем опытные воеводы – Данила Холмский, Иван Стрига Оболенский, Семен Хрипун Ряполовский. Сам великий князь 30 сентября вернулся из Коломны в Москву «на совет и думу» с митрополитом и боярами. Ему предстояло отдать распоряжение о подготовке города к возможной осаде и приступить к переговорам с приехавшими к нему послами мятежных братьев. Они, намыкавшись в скитаниях, предлагали вернуться под власть старшего брата-государя в обмен на некоторое приращение их уделов. Соглашение было достигнуто, и полки Андрея Большого и Бориса Волоцкого стали выдвигаться к южному рубежу. Добившись своего, Иван III 3 октября покинул Москву и выехал к городу Кременец (сейчас село Кременское Медынского района). Там с ним остался небольшой резерв, а остальные войска великий князь направил к устью Угры. Пользуясь небольшим временным преимуществом, русские полки вышли к этой реке на 3–4 раньше татар – левый берег Угры успели подготовить к обороне «на 60 верстах». Все переправы были пристреляны из установленных на укрепленных позициях артиллерийских орудий.

8 октября главные силы ордынцев вышли к Угре на достаточно широком пространстве от устья этой реки до впадения в нее в 12 верстах выше по течению небольшой реки Веприки. Направление движения было выбрано неслучайно. Здесь находилось два удобных «перевоза» (брода) – в 2,5 и в 4,5 верстах от устья Угры. Татарская конница с ходу попыталась преодолеть неширокий водный рубеж, но безуспешно. Началась

знаменитая Битва на бродах, достаточно подробно описанная в летописях: ««И приидоша татарове и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пуцати и многих побиша татар стрелами и пильщальми и отбиша их от берега»; «начаша стрелы пуцати, и пищали, и тюфяки на татар»^[180]. Как видим, помимо традиционного метательного оружия в этом сражении широко применялось и огнестрельное. Стреляющие дробом небольшие пушки, тюфяки и пищали, длинноствольные артиллерийские орудия, впервые были использованы в полевом бою, правда, при обороне водного рубежа, на заранее оборудованных огневых позициях.

Ожесточенная Битва на бродах продолжалась 4 дня, с 8 по 11 октября. Зацепиться за левый берег, сбить и уничтожить оборонявших его русских ратников воинам Ахмеда не удалось, поэтому к вечеру 11 октября на этом рубеже атаки татар прекратились. Они отступили на две версты от Угры и встали в Лузе, «ждучи к себе короля литовского». В ожидании союзника он «распусти вои по всей земли Литовской»^[181]. Татарями были разорены Мценск, Одоев, Перемышль, Старый Воротынский, Новый Воротынский, Старый Залидов, Новый Залидов, Мещевск, Серенск, Козельск. Через несколько дней они попытались прорваться на левый берег реки под Опаковом городищем, также разоренном ими. Под этим городком ширина Угры невелика, что должно было облегчить возможности ее форсирования, но и там нападение татар было отбито московскими войсками. Началось ставшее эпическим «Стояние на Угре».

Едва стихли залпы русских пушек, и развеялся пороховой дым над Угрой, как на правый берег в походную ставку Ахмеда отправился великокняжеский посланник боярин Иван Федорович Ус Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца присланные Иваном III дары – «тешь великую, требуя, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной – «не того дея яз семо пришол, пришол яз Ивана дея, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятой год. Приидет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядцы (советники – В. В.) и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую»^[182]. Историки давно уже обратили на сказанные Ахмедом слова, обвиняющие русского князя в невыплате «выхода» (дани) «девятой год», высчитав год прекращения выплаты дани – 1472-й.

Неожиданно, казалось бы, проявившееся в разгар вооруженного противостояния миролюбие со стороны великого князя, было, конечно,

далеко не случайным порывом – предпринятый демарш преследовал несколько вполне определенных целей. Ивану III важно было выиграть время, изнуряющее привязанную к одному месту Орду. К тому же привлекательной была возможность прояснить намерения врага, а по возможности, и дезориентировать его неожиданным поступком. Хан действительно растерялся и, хотя и не принял привезенные Иваном Товарковым дары, но согласился вести дальнейшие переговоры. Он даже отпустил в Кременец своего посла. Но тот вернулся к хану ни с чем. Иван III отклонил все требования Ахмеда, равнозначные возрождению власти Орды над Русью. Но хан уже втянулся в переговорный процесс и пытался хоть как-то договориться с великим князем: «И слыша царь, что не хочеть ехати князь великий къ нему, посла къ нему, рекъ: «а самъ не хочешъ ехати, и ты сына пришли или брата». Князь же великий сего не сотвори. Царь же [снова] посла къ нему: «а сына и брата не пришлешъ, и ты Микифора пришли Басенкова», – тый бо Микыфоръ былъ въ орде и многу алафу Татаромъ дасть отъ себе: того ради любляше его царь и князи его. Князь же великий того не сътвори»^[183]. Показательно, как снижается уровень требований хана, согласного вести переговоры даже с Никифором Федоровичем Басенковым, известным до того лишь поездкой в Орду, из которой он вернулся за шесть лет до происходивших событий, в 1474 году. Но и на эту уступку Иван III не пошел.

Обмен посланцами привел к окончательному прекращению боевых действий на Угре. Видимо этого и добивался великий князь. Уяснив, наконец, что его провели, Ахмед в сердцах произнес русскому гонцу знаменитую угрозу: «дасть Богъ зиму на васъ, и реки все стануть, ино много дорогъ будетъ на Русь». Но зима в 1480 году наступила рано и оказалась очень суровой: «з Дмитреева же дни (26 октября. – В. В.) стала зима, и реки все стали, а мразы великыи, яко не мощи зрети»^[184]. Угра покрылась прочным льдом, способным выдержать вес одоспешенных всадников. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать русские боевые порядки, растянувшиеся на 60 верст, там, где они были более слабыми. В этих условиях более маневренное татарское войско получало важное преимущество, но возникает закономерный вопрос – имелась ли у Ахмеда возможность его использовать в условиях плохого снабжения и тяжелых погодных условий? Впрочем, русское командование предпочло не рисковать, а отвести свои полки сначала к Кременцу, а затем на 40 верст к северо-востоку, став с войском на Боровских полях – только там «мощно бы стати противу безбожнаго царя Ахмета»^[185]. Именно здесь

его армия могла прорваться к Москве. На остальных направлениях дороги вели через заповедные леса с засеками.

Ждавший зимы и дождавшийся ее Ахмед, узнав об отходе русских войск, так и не решился перейти Угру. Его войска были утомлены длительной войной, бескормичей, отсутствием каких-либо успехов и побед. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. О том, что это было отнюдь не бегство, а запланированное отступление, свидетельствует заблаговременная («за многие дни») отправка Ахмедом в Орду полоня, захваченного во время похода в литовских городах и волостях^[186]. Принять решение закончить войну приходилось и из-за холодов, особо страшных для войска, экипировавшегося для летнего похода, затянувшегося, однако, до зимы («бяху бо татарове нагии и босы, ободралися»)^[187]. Следует назвать еще одну возможную причину отступления ордынского войска – получение информации из Сарая о нападении на владения Ахмеда отряда под командованием воеводы князя Василия Ивановича Ноздреватого (из рода князей Звенигородских) и служилого «царевича» Нур-Даулета (брата тогдашнего крымского хана Менгли-Гирея). Сообщение об этой операции содержится в Казанском летописце, источнике более позднего происхождения и не всегда точном. Однако полностью игнорировать приведенные в нем сведения нельзя. Автор Казанской истории рассказал, что воины Ноздреватого и Нур-Даулета спустились «в ладьях» вниз по Волге и напали на столицу Большой Орды. «И обретоша ю песту, без людей, токмо в ней женеск пол и стар и млад; и тако ея поплениша, жен и детей варварских и скот весь; овех в полон взяша, овех же мечю и огню и воде предаша»^[188]. Такой отвлекающий маневр, в общем-то, напрашивался. Прошлогодний пример вятчан, разоривших Сарай, должен был показать высокую эффективность таких рейдов. Настораживает лишь молчание об этом походе летописей конца XV века, подробно освещающих даже более мелкие операции русских войск, тем более поход, возглавленный титулованным ханом, одно время даже бывшим правителем Крымского юрта. Есть достаточно убедительные предположения, что нападение на владения Ахмеда ногайско-тюменского войска также произошло по согласованию с Москвой^[189].

Отходя от Угры, хан приказал разграбить пограничные земли Литвы. Татары опустошили огромную территорию (в основном, владения верховских князей) протяженностью в 100 верст с юга на север и 120 верст с востока на запад^[190]. В то же время большой татарский отряд во главе с

одним из сыновей Ахмеда, «царевичем» Муртозой (Амуртозой), получил приказ разорить московские волости Конин и Нюхово, находившиеся на правом берегу Оки под Алексином. Но высланные против Муртозы полки братьев великого князя Андрея Горяя, Бориса Волоцкого и Андрея Меньшого вытеснили избегающих столкновений с русскими войсками ордынцев в «Поле».

Узнав об окончательном отступлении вражеских сил, великий князь «распусти воя своя каждо въ свои град, а сам поиде съ сыном своим и з братьею к славному граду Москве»^[191]. Военные действия прекратились и на северо-западном рубеже. Узнав об отступлении Ахмеда, ушли из-под Пскова и ливонцы. Тревожный и славный 1480 год закончился.

* * *

Провальное окончание похода войск Большой Орды на Русь разрушило авторитет ее правителя. Против Ахмеда выступили другие татарские ханы, решившие воспользоваться его неудачей. В степи собирались войска, высылались дозоры, сторожившие каждый шаг приговоренного вождя. Распустив войска на кочевья, Ахмед с небольшим отрядом отправился на свою зимнюю стоянку. Этим и решили воспользоваться его враги. 6 января 1481 года войско шибанского (тюменского) хана Ибака (Сейид Ибрахим хана), его брата Мамука и ногайских мирз Мусы и Ямгурчи (Ямгурчя) напало на зимовище Ахмеда недалеко от Азова. В бою «единственного из чингисхановых детей» (так назвал себя, величаясь, Ахмед в одном из своих посланий) убили. В Архангелогородском летописце сообщается о захвате победителями огромных богатств, скопленных погибшим ханом: «И стоял царь Ивак (Ибак – В. В.) 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел». Орда-базар, в данном случае, не только ««рынок при походной ставке хана»^[192], но и монетный двор и государственная казна.

Произошедшее в ханской ставке событие нашло отражение в русских летописях, которые, однако, не сходятся в деталях. Так в Московском летописном своде отмечено: «Егда же прибежа въ Орду, тогда прииде на него царь Ивакъ Нагаискийи и Орду взя, а самого царя Ахмута уби шурина его Ногаискийи мурза Ямгурчии»^[193]. По другим сведениям правителя

Большой Орды умертвил Ибак, который «сам вскочи в белу вежу цареву Ахьматову и уби его своими руками»^[194].

О побоище в устье Северского Донца извещен был и крымский хан Менгли-Гирей. Уже 13 января 1481 года он, узнав о гибели своего старого врага, направил в Литву посла с сообщением о произошедших событиях: «Отъ Меньдликгирея Казимиру, королю брату, поклонъ. То такъ ведайте: генъвара месеца у двадцать перъвый [день] пришодъ царь Шибаньский Аибакъ, сольтанъ его, [д]а Макъму князь, [д]а Обатъ мурза, [д]а Муса, [д]а Евъкгурчи пришодъ, Ахьматову орду подопытали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и вълусы побрали, побравши прочъ пошли; а князь Тымир[ъ] съ Ахмата царевыми детьми и съ слугами къ намъ прибегли и пригорнулися пришли. Надъ Охматомъ царомъ такъ ся стало: вмеръ. Намъ братъ онъ былъ, а вамъ приятель былъ»^[195].

* * *

Неудачный поход на Русь и последовавшая за ним гибель Ахмеда, разорение его улусов подкосили могущество Престольной державы – Большой Орды, но агония этого ханства растянулась еще на двадцать долгих лет. Вскоре в нем вспыхнула ожесточенная борьба за власть в которой сошлись братья, сыновья убитого Ахмеда – Муртаза, Сейид-Ахмед (Сеид-Ахмет, Сайил-Ахмед), Шейх-Ахмед (Ших-Ахмет) и их двоюродные братья, сыновья прежнего владельца Престольной державы Махмуда – Касым и Абд ал-Керим (Абдул-Керим), закрепившиеся в Хаджи-Тархане (Астрахани)^[196]. Ждать усиления кого-нибудь из них Иван III не собирался, но предпочитал использовать против «Ахматовых детей» своего союзника, перекопского хана Менгли-Гирея. 26 апреля 1481 года в Крым поскакал великокняжеский посол Тимофей Григорьевич Скряба Травин. Он должен был сообщить о приходе на Русь из Большой Орды войска хана Ахмеда, о его неудаче и отступлении, о смерти общего врага (Возможно известие об этом и стало причиной отправления посольства Скрябы в Киркор, хотя из текста наказа видно некоторое сомнение великого князя в достоверности сведений о гибели Ахмеда). Послу приказывалось просить помощи в том случае если Ахмед уцелел, или новый хан, «хто будетъ на томъ юрте на Ахматове месте... покочуетъ къ моей земле». В таком случае от имени великий князь Тимофею Скрябе Травину следовало призвать Менгли-Гирея и атаковать неприятеля^[197].

Явно на пользу Ивану III были и возобновившиеся военные действия Крыма против Литвы. Осенью 1482 года Менгли-Гирей, придя «съ всею силою своею», сумел взять Киев. Воевода Киевский Иван Хоткевич был взят в плен. Его судьбу разделили многие киевляне. Внимательно следившие за этими событиями русские летописцы связали произошедшее с «неисправлением королевским», который за два года до этого «приведе царя Ахмата Болшие орды съ всеми силами на великого князя Ивана Васильевича, а хотячи разорити христианскую веру»^[198].

Так стал реализовываться замысел московского государя, руками крымского союзника поражающего двух своих врагов – Литву и Большую Орду. У всех крупнейших игроков, способных грозить Руси, оказались надолго связаны руки. Удачно маневрируя на этом поле, Иван III в случае необходимости поддерживал Менгли-Гирея, продолжавшего воевать с «Ахматовыми детьми», сыновьями и племянниками убитого хана, направляя к нему не только отряды служилых или казанских татар, но иногда и собственные полки. Не без его участия Нурсултан, мать посаженного вскоре воеводами великого князя на казанский трон Мухаммед-Эмина, в 1486 году вышла замуж за Менгли-Гирея, еще больше упрочив связи Москвы и Крыма.

Пытаясь противостоять русско-крымской угрозе, Литва и Большая Орда также старались действовать сообща, но не так эффективно, как их враги. Летом 1484 года литовский посол посетил Сарай и подтвердил там союзный договор, заключенный с ханом Ахмедом. К тому времени Большая Орда смогла частично восстановить свои силы. Освобожденные Сейид-Ахмед и Темир собрали войска и нанесли неожиданный удар по юрту Менгли-Гирея. События стали развиваться зимой 1484/1485 года, когда крымские войска были распущены по кочевьям. Сейид-Ахмед усвоил урок, преподнесенный Ибаком и Ямгурчеем, и использовал тот же прием. Поводом к нападению стало его желание освободить брата, «царевича» Муртазу, участвовавшего в заговоре против Менгли-Гирея и содержавшегося в заточении в Кафе, а также стремление нанести максимальный урон старому врагу. Начатые Сейид-Ахмедом военные действия привели к частичному успеху. Он пробился в Крым и освободил Муртазу. Сообщается о происшедшем в Никоновской летописи, однако следует отметить, что ее составитель ошибся, называя Сейид-Ахмеда именем уже покойного дяди Махмуда: «Тое же зимы царь Ординский Муртоза, Ахматовъ сынъ, прииде къ Мен-Гирею царю Крымскому, хоте зимовати у него, понеже гладь бе великъ во Орде. Мен-Гирей же Кримский,

поймавъ его, посла въ Кафу, къ Турьскому царю, и посла брата своего меншаго на князевъ Темиревъ улусъ и останокъ Орды розгоняль. Того же лета Ординский царь **Махмутъ** (выделено нами. – В. В.), Ахматовъ сынъ, со княземъ съ Темиремъ иде изгономъ на Мин-Гирея царя и брата своего отнемъ у него Муртозу, Ахматова сына; самъ же Мин-Гирей з бою тайно утече ис своей рати, той же **Махмутъ** приведе Муртозу и посади на царьстве. Мен-Гирей же посла къ Турьскому; Турьской же силы ему посла и къ Нагаемъ посла, велель имъ Орду воевати»^[199]. Рассказал о событиях 1484/1485 года и живший в XVIII веке собиратель преданий из крымской истории Сейид-Мухаммед Реза, автор книги «Ассеб оссеяр, или Семь планет», добавивший к уже известным фактам еще несколько важных деталей. Замышляя совершить переворот и свергнуть Менгли-Гирея, Муртаза, живший в Крыму под предлогом ссоры с братом Сейид-Ахмедом, стал собирать вокруг себя недовольных хозяином Киркора. Там он был благосклонно встречен, но вскоре перекопскому хану стало известно о замыслах Муртазы. Его схватили, но на помощь брату пришел, видимо, знавший о его планах Сейид-Ахмед. В его войске были и ногаи. В произошедшем сражении Сейид-Ахмед разбил войско Менгли-Гирея, который раненым бежал в свою столицу Киркор. Отряды Сейид-Ахмеда разграбили Солхат и осадили Кафу. Взять хорошо укрепленную крепость, он, похоже, и не пытался, потребовав выдачи Муртазы. Добившись своего, Сейид-Ахмед ушел из Крыма, так как на помощь его врагу спешили турецкие войска. Но ордынцы отошли недалеко за Перекоп и блокировали Крым с суши. Бежать оттуда им пришлось из-за начавшихся рейдов войск Московского государства^[200].

Боевые действия активизировались и вскоре, во время ответного удара крымцев по Большой Орде, Сейид-Ахмед потерпел поражение. Люди великого князя принимали непосредственное участие и в нападении на «Орду». Информация об этом содержится в речах московского гонца Шемерденя Умачева, уполномоченного заявить в Крыму, что Иван III «послал под Орду уланов, и князеи, и казаков всех, колко их есть в его земле, добра твоего везде смотреть»^[201]. Помимо этого Умачев, отправленный в путь 31 июля 1485 года, должен был сообщить Менгли-Гирею о том, что ратными людьми великого князя, ходившими «под Орду», были освобождены и отпущены к Перекопу пленники из числа крымских татар. В марте 1486 года в Киркор был направлен посол Семен Борисович, который от имени великого князя напомнил в Крыму о прошлогоднем походе: «...летось, коли с тобою были немирны цари Муртоза и Седехмат,

и как есми слышал то, и яз посылал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их есть в моей земле. И они под Ордою были все лето и делали сколько могли»^[202].

В 1486 году Муртаза попытался разбить союз между Москвой и Крымом, прислав Ивану III и его вассалу Нур-Даулету, ставшему к тому времени касимовским ханом, предложение выступить вместе с ним против старшего брата (Менгли-Гирея). Взамен он обещал Нур-Даулету трон Киркора, а великому князю свою дружбу и союз. С большим опозданием, лишь в августе 1487 года получив оба послания (Нур-Даулета о предложении Муртазы даже не известили), московский государь сразу же отправил их Менгли-Гирею, подтвердив тем самым крепость уз, связывающих его с владельцем Крымского юрта^[203]. Впрочем, он и не смог бы их тогда вручить, так как Нур-Даулет находился в походе, действуя как раз против «Ахматовых детей». Сообщение об этом есть в грамоте Ивана III, тогда же отосланной в Крым: «И язъ и пережь сего лета посылалъ есми брата твоего Нурдовлата царя и своихъ людей на Орду, и были все лето подь Ордою и делали дело, как им было мочно. А и ныне брата твоего Нурдовлата царя да и своихъ людей шлю на Орду»^[204].

Новая вспышка боевой активности сторон произошла в 1490–1491 годах, потребовав прямого военного вмешательства Москвы в дела Большой Орды и Крыма.

Последовавшая тогда серия нападений ордынцев на юрт Менгли-Гирея произошло, несмотря на миротворческую миссию турецкого султана Баязида II. В 1490 году он попытался примирить Менгли-Гирея и «Аматовых детей», но неудачно. Разорив в Крыму «Барынские улусы», Шейх-Ахмед и Сейид-Ахмед остались на зимовку в низовьях Днепра, где и были атакованы перекопскими татарами. Менгли-Гирей нанес по ним ответный удар и разбил войска «Намаганского юрта», то есть Большой Орды. Победа была одержана, как признавал Менгли-Гирей в послании Ивану III, «вашею братьи моей пособью»^[205].

В следующем году военные действия продолжались. Как сообщал Менгли-Гирей в апреле 1491 года Ивану III, его людям удалось отогнать у их общего врага – намаганских татар коней «безъ останка». Этот удар призван был обеспечить успех летней кампании, в которой планировалось участие турков. В качестве авангарда османской армии в Крым султаном была отправлена на 10 кораблях тысяча янычар. Однако крымскому хану нужны были и русские войска, о присылке которых он настоятельно просил Ивана III, чтобы они «постращали» общих недругов^[206].

Как видим, в 1491 году Менгли-Гирей собирался нанести решающий удар по врагу, испытывающему серьезные затруднения и вынужденному воевать на два фронта. Узнав о масштабных приготовлениях к войне в Крыму, Казани и Москве, «Ахматовы дети» снова прибегли к дипломатическим маневрам. К султану Баязиду отправился посол Муртазы, который обвинил в развязывании новой войны своего брата Сейид-Ахмеда и заверял его, что готов прекратить боевые действия. Прислушавшись к мольбам хана, султан отменил уже происходившую отправку турецкого войска в Крым. О произошедшем известил Ивана III его посол в Крыму, Василий Васильевич Ромодановский.

Однако мирные предложения Муртазы оказались ложными. Вероломный хан надеялся избавиться от нависшей над его юртом угрозы и, одновременно готовил внезапный удар по своим врагам, возможно, что и по русским пределам – Крым, тесно связанный с Османами, становился слишком опасен для Ахмедовичей. Менгли-Гирей, получив своевременное сообщение о планах Муртазы, возобновил подготовку к военным действиям. Тот же В. В. Ромодановский писал Ивану III, что «царь, господине, слышевь то, вышель былъ изъ Кыркора на четвертой неделе по Велице дни въ пятницу; ино, государь, стретили его вести, что царемъ на него борзо быти, и царь, господине, воротился опять въ Киркорь. А речъ его, государь, такова: дасть Богъ будетъ ми помочь отъ брата отъ моего отъ великого князя да отъ турьского, и язъ на нихъ иду, а нынеча городъ осажу, а кони и животь отошлю по крепостемъ». О происках «Ахматовых детей» с братом Менгли-Гирея Ямгурчеем было отослано срочное сообщение султану, о чем сам хан сообщал великому князю, дополняя это известие важной новостью о том, что «Боязыть салтанъ 70000 рати нарядиль, Ямгурчею прикошоваль, на Белгородъ идуть, сего июня месяца быти надобе имъ, Божьею милостью... И какъ къ намъ Богъ донесеть салтанъ Баязыть салтанову рать, седши на конь на недруга иду»^[207].

О замыслах Муртазы Менгли-Гирей незамедлительно сообщил в Москву, подчеркивая, что «Ахматовы царевы дети» Шейх-Ахмед и Сейид-Ахмед собирались идти на Русь, что не состоялось лишь благодаря его действиям. Хан подчеркивал, что именно на его юрт легла основная тяжесть ведения войны с Большой Ордой и вновь просил помощи у московского союзника. Иван III откликнулся на этот призыв и в конце июня выслал «рать свою на Поле». Командовал сын Нур-Даулета «царевич» Сатылган: «Съ весны рано посылаль есми Сатылгана царевича и улановъ и князей и Русь съ нимъ твоего для дела подъ Орду, а приказаль есми ему такъ, чтобы изъ-подъ Орды съ поля не ходилъ безъ моего слова и до

зимы»^[208]. С «царевичем» Сатылганом «под Орду» ходили воеводы Петр Никитич Оболенский и Иван Михайлович Репня Оболенский и воевода одного из братьев Ивана III – Бориса Волоцкого – с его полком, рати рязанских князей. Союзным казанским войском командовали Абаш-Улан и Бураш-Сеит (Бубраш-Сеит)^[209].

Летописное сообщение подтверждается и грамотой Ивана III своему послу в Киркоре. Проанализировав текст послания, Ю. Г. Алексеев пришел к выводу, что в этой грамоте был пересказан наказ великого князя своим воеводам. Он предусматривал три варианта развития событий, требующих оперативного решения на месте. Первый вариант подразумевал участие в боевых действиях против ордынцев, о чем и просил крымский хан: «Писаль ко мне Менли-Гирей царь въ своихъ грамотахъ съ Мереккою и съ Кутушомъ, чтобы мне послати на Поле подъ Орду Саталгана царевича, да и русскую рать и казанскую рать. И язъ Саталгана царевича послаль на Поле съ уланы и со князми и со всеми казаки, да и русскую рать; а въ воеводахъ есми отпустиль съ русскою ратью князя Петра Микитича да князя Ивана Михайловича Репню-Оболенскихъ; а людей есми послаль съ ними не мало; да и братни воеводы пошли съ моими воеводами и сестричичевъ моихъ резанских обеихъ воеводы пошли. А въ Казань къ Ахметъ-Аминю царю посылаль есми брата твоего князя Ивана, а велель ему есми ийти съ казанскою ратью вместе наезжати Саталгана царевича»^[210]. Второй вариант возможного развития событий предусматривал нападение «Ахматовых детей» на Русь и требовал решительных действий по пресечению этой угрозы. Допущение такого поворота в ходе кампании свидетельствует о более чем серьезном отношении Ивана III к предостережению Менгли-Гирея. Игнорировать угрозу своим владениям великий князь не собирался и готовился дать должный отпор неприятелю. Третий вариант предусматривал вероятность совместного похода с войсками крымского хана в «иную сторону» – возможно, против Литвы^[211].

Вопреки сложившемуся мнению об отсутствии во время кампании 1491 года непосредственных столкновений с противником^[212], государевым воеводам все-таки довелось проверить свои силы в большом сражении. Поначалу боевых столкновений «на Поле» действительно не было. Связываться с вошедшей в Западный Дешт большой армией Ахматовичи не стали и отступили. Преследовать их оказалось невозможно – из-за падежа коней, о котором сообщил в марте 1492 года Менгли-Гирею Василий Ромодановский. Поэтому действия великокняжеского войска свелись к рейдам отдельных отрядов «подъ Орду, и они, господине, лето

были на Поле, подъ Ордою улусы, господине, и нихъ имали и людей и кони отганивали, сколко имъ Богъ пособиль, столко делали»^[213]. Именно тогда был разорен Сарай, и столицей Тахт-Эли стал Хаджи-Тархан (Астрахань)^[214].

Еще одним значительным успехом походной рати Ивана III в 1491 году стал разгром возвращающегося в Хаджи-Тархан войско Абд ал-Керима: «Обдыль-Керимъ царь пошоль былъ къ Азторокани, да наехалъ деи былъ, государь, на твоего царевича и на твою рать. И они деи его, государь, розгоняли, а что съ нимъ было и то поимали, а его самого застрелили (ранили стрелой – В. В.), и прибежалъ деи, государь, въ Орду ранень, да поймавши царици, да опять пошоль въ Хазторокань»^[215].

Столь внушительная демонстрация русских сил на южном рубеже, сумевших разорить вражескую столицу и разбить астраханское войско, имела огромное значение. Русские воеводы сполна воспользовались возможностью опытным путем ознакомиться с особенностями боевых действий на «Поле», лучше узнать маршруты движения неприятельских войск, их стоянки, тактические приемы татарских военачальников.

О том, что предостережения Менгли-Гирея о намерениях «Ахматовых детей» напасть на земли великого князя не были голословными, свидетельствует произошедший уже летом следующего 1492 года первый после Угорщины набег намаганских татар на Русь. 10 июля на волость Вошань под Алексиным напали «ординские казаки» под командованием Темеша. С ним было «двесте и 20 казаковъ». Разорив и пограбив русские селения, они отправились назад, но на обратном пути были настигнуты воеводами великого князя Федором Колтовским и Горяином Сидоровым с небольшим отрядом в 64 человека «и учинися имъ бой въ Поли промежь Трудовъ и Быстрые Сосны, и убиша погони великого князя 40 человекъ, а Татаръ на томъ бою убиша 60 человекъ, а иные идучи Татарове въ орду ранены на пути изомроша»^[216].

Начавшиеся в Большой Орде распри усугубились бедствиями, связанными с изменениями климата в Поволжье. Степи стали засыхать, и ордынцы попытались прорваться к более плодородным местам, в Приднепровье. О начавшемся среди врагов голоде есть сведения в сообщениях русских послов^[217].

Разразившаяся в 1500 году русско-литовская война надолго отвлекла Ивана III от участия в борьбе с Ахмедичами. Но те не забывали про своего

врага. Старый союз Литвы и Большой Орды был подтвержден. В ноябре 1500 года великий князь литовский Александр, в ответ на приезд ордынских послов Абдулы, Акчара и Кулука-богатура, прислал к Шейх-Ахмеду своего посла Михаила Халецкого. Александр Казимирович просил его, чтобы тот «на конь всел еси», то есть поддержал Литву в борьбе с московским государем вместе с ногайскими «прятельми»^[218]. Хан согласился принять участие в военных действиях, но сначала попытался обезопасить себя от удара в спину со стороны Менгли-Гирея. Его войска выступили к реке Тихой Сосне. Там ордынское войско было атаковано крымским, первоначально потеснившим противника, но через 5 дней, 18 июля, Менгли-Гирей увел свою 25-тысячную армию обратно в Крым. Среди названных им московскому государю через своих гонцов причин прекращения похода были отсутствие корма для коней и приход на помощь ордынцам большого ногайского войска^[219].

Пользуясь отступлением крымцев, Шейх-Ахмед осенью следующего 1501 года напал на Северскую «украину». Захвачены были Рыльск и Новгород-Северский, татары разорили окрестности Стародуба, продвинувшись затем до брянских мест. Добившись значительного успеха, хан с приближением зимы отвел свои отряды в степь, оставаясь недалеко от границ «*mezy Czernihowom u Kij ewom posredne Dnepru u po Desne..., powiedaiuczy welikomu kniazia Alexandru, iako pryszol k nemu na pomocz protyw Mendli-Kireja, cara perekopskocho, u welikoho kniazia moskowskocho, u wskazuiuczy do neho, szto by s nim znemszysia poczynał deło swoje z nepryiatelmi swoimi*» («между Черниговом и Киевом посредине Днепра и по Десне..., сообщая великому князю Александру, что пришел к нему на помощь против царя перекопского Менгли-Гирея и великого князя московского, и призывал великого князя соединиться с ним и начать войну со своими неприятелями»)^[220].

Однако торжество ордынцев было недолгим. Воспользовавшись отвлечением главных сил Шейх-Ахмеда, Менгли-Гирей сумел восстановить боеспособность своей армии и перешел в решительное наступление. В июне 1502 года в районе левых притоков Днепра Самары и Сулы он «побиль Шиахмата царя Болшиа орды и Орду взять», о чем незамедлительно сообщил московскому государю, своему союзнику^[221]. Разгромив врага, крымское войско огнем и мечом прошло по ордынским улусам, закончив поход в Сарае. Старая столица волжских татар была разграблена и показательно сожжена. Большая Орда прекратила свое существование.

Разбитый Шейх-Ахмед с немногими людьми бежал в Хаджи-Тархан, а затем, осенью 1503 года, ушел в Литву. Там он стал почетным пленником, своеобразным инструментом политики Вильно, используемым для влияния на беспокойный татарский мир.

Тверское взятие и вятский поход Даниила Щени

На фоне таких эпохальных событий, как присоединение к Московскому государству Новгорода и Верховских княжеств, противостояние с Казанским ханством и Большой Ордой, вооруженными силами Ливонской конфедерации и Швеции, Тверское и Вятское взятие кажутся далеко не главными операциями, проведенными воеводами Ивана III. Однако без описания этих кампаний рассказ о боевой практике русского войска будет неполон.

К середине XV века широко известное прежде противостояние Москвы и Твери, «града Святого Спаса», казалось, кануло в Лету. При Василии II бывшие недруги с верховьев Волги стали чуть ли не самыми надежными его друзьями и союзниками, помощь которых, безусловно, ускорила победу великого князя в Династической войне. Без тверских полков и тверской артиллерии, лучшей в то время на Руси, борьба с галицким князем Дмитрием Шемякой могла затянуться надолго. В роковой для этого князя час Москва и Тверь объединяются против него. В 1452 году правивший тогда в «граде Святого Спаса» князь Борис Александрович при посредничестве митрополита Ионы заключил соответствующий договор с Василием Васильевичем. В трудное для него время тверской князь «обещался с детьми своими быть во всем заодно с Москвою».

Союз двух русских княжеств скрепил брак наследника Василия II, совсем еще юного Ивана, и тверской княжны Марии Борисовны^[222]. Расчет московского государя оказался очень точным. И в дальнейшем Тверь помогала Москве, поддерживая ее военные акции силой своих полков. Воеводы Михаила Борисовича, родного брата московской княгини и дяди наследника престола Ивана Ивановича Молодого, водили тверские рати на Новгород в 1471 (князь Ю. А. Дорогобужский) и 1477/1478 годах (князья М. Ф. Телятевский и М. Б. Микулинский), на встречу Ахмеду к Угре в 1480 году (князья М. Д. Холмский и И. А. Дорогобужский).

Но долго существовать равноправный союз двух государств не мог. С каждым присоединенным княжеством Московское государство становилась все больше, все могучей и крепче, превращаясь в настоящую державу,

владения которой окружали тверскую землю почти со всех сторон. За исключением западного рубежа, граничившего с Великим княжеством Литовским. Понимая, что судьба «града Святого Спаса» может решиться в любую минуту, тверские бояре и даже князья начинают отъезжать в Москву. В числе первых оказался и дальний родственник правящего дома Данила Дмитриевич Холмский, в дальнейшем на службе у великого князя проявивший себя выдающимся полководцем, приводившим к покорности своему новому государю и новгородцев, и казанских татар.

В этой ситуации к охлаждению отношений мог привести любой, самый незначительный повод. Более серьезный конфликт с Москвой грозил полным разрывом с ней и войной с заранее предсказуемым результатом. Невзирая на это, Михаил Борисович Тверской стал создавать такие поводы один за другим.

Всерьез задумались о судьбе Тверского княжества сидевшие на Боровицком холме властители Руси уже после новой женитьбы овдовевшего к тому времени и бездетного Михаила. Невестой его стала одна из внучек короля Казимира IV Ягеллончика. Этот брак должен был сопровождаться заключением литовско-тверского союзного договора. Согласно ему, подобно прежнему dokonчанию 1449 года, Михаил Тверской принимал на себя обязательство стоять «за один» с великим князем литовским против его недругов, в число которых вполне могла и попасть традиционно враждебная Литве Москва.

Для Ивана III любое, даже самое малое, движение союзных князей в пользу Литвы выглядело чрезвычайно подозрительным. Но тверской князь, окончательно определившись в своих симпатиях, в 1483 году допустил прямое оскорбление в отношении московских родственников, не приняв московского посла Владимира Гусева. Он прибыл к нему с сообщением о рождении у Ивана Ивановича Молодого сына, нареченного Дмитрием (новорожденный приходился племянником тверскому князю)^[223]. Возможно, на Михаила Борисовича подействовало не только заключение союзного договора с Литвой, но и выдвижение к русским границам сильной литовской «заставы», стоявшей в Смоленске с осени 1482 по лето 1483 года.

В 1484 году Иван III «разверже мир» с Михаилом Борисовичем и двинул свои «тьмочисленные» полки на бывшего шурина. Московскими войсками были взяты и сожжены два тверских города, после чего «владыка тферский с бояры добиша чолом, и смиришася»^[224]. В заключенном в октябре-декабре 1484 года договоре фиксировался факт установления

московского протектората над Тверским княжеством, терявшим право вести внешнюю политику. Михаил Борисович переставал считаться «братом» Ивана III, а становился его «меньшим братом», т. е. переходил на положение удельного, зависимого князя. Более того, он признал себя «младшим братом» и сына московского государя Ивана Молодого.

Но в Твери, как оказалось, не собирались соблюдать это dokonчание, заключив его только для того, чтобы ввести в заблуждение Ивана III и выиграть время. Об этом со всей определенностью стало ясно, когда один из московских дозоров перехватил отправленного к Казимиру IV гонца тверского князя. В Москву было доставлено обнаруженное у него послание Михаила Борисовича, в котором он призывал короля начать войну с Иваном III^[225]. Московский государь отреагировал немедленно. Несмотря на попытку объясниться, предпринятую срочно прибывшими из Твери послами – весьма почитаемым Иваном III епископом Вассианом, сыном знаменитого московского воеводы Ивана Стриги, и князем Михаилом Дмитриевичем Холмским (родным братом служившего державному государю Данилы Холмского), смягчить великокняжеский гнев не удалось. Михаила Холмского и сопровождавших его бояр, Василия Даниловича и Дмитрия Никитича Череду, Иван III даже не принял. Война Твери была объявлена. Начался сбор полков.

К августу 1485 года собранное в Москве великокняжеское войско было уже готово двинуться на Тверь. В этом походе Ивана III должны были сопровождать его сын и наследник Иван Иванович Молодой, братья Андрей Углицкий и Борис Волоцкий. Как и в новгородских походах, московской артиллерией командовал болонец Аристотель Фиораванти. Собранные рати двинулись в поход 21 августа, а 8 сентября они уже были у стен Твери.

С северо-запада на соединение с главными силами выступило сильное новгородское войско под командованием великокняжеского наместника боярина Якова Захарьича Кошкина.

Обороняться было бессмысленно, и тверичи стали переходить на сторону Ивана III, не оказывая его войскам сопротивления. Несомненно, на это повлиял и строгий приказ великого князя, запретившего своим воинам грабить и разорять Тверскую землю. Оказавшись в безвыходном положении, Михаил Борисович в ночь на 12 сентября бежал к своему союзнику Казимиру^[226].

Современник оставил о последнем тверском государе язвительный стишок:

Борисович Михайло.
Играл в дуду.
И предал Тверь.
Бежал в Литву

Наутро 12 сентября, после столь бесславного поступка своего князя, «приехаша к великому князю Ивану Василиевичю владыка тверский Васиан, и князь Михаиле Холмской с братею своею и с сыном, и иные князи и бояре, и земския люди все, и город отворища»^[227].

15 сентября 1485 года Иван III въехал в покорившийся ему город, в тот же день он пожаловал Тверским княжением своего сына и наследника Ивана Молодого. Наместником при нем великий князь оставил боярина Василия Федоровича Образца Добрынского^[228].

Вскоре после Тверского взятия произошло окончательное подчинение и Вятского края, еще одной воеводской общины русского Севера. Она контролировала значительную территорию по реке Вятке, правому, самому большому притоку Камы. Находясь на значительном удалении от остальных русских земель и вне зоны княжеских владений, вятчане истари пользовались значительной долей самостоятельности, действуя зачастую на свой страх и риск в решении политических вопросов. Во время династического конфликта в Московском княжестве второй четверти XV века они твердо стояли на стороне Юрия Дмитриевича Галицкого и его сыновей. После окончательного поражения Дмитрия Шемяки вятчане признали власть Василия II, но лишь формально. Они явно готовились отстоять свои старинные вольности. Примет тому много – в 1456–1457 годах спешно на берегах реки Хлыновицы строится новая деревянная крепость, получившая название Хлынов. Были укреплены и вятские «пригороды» – Котельнич, Никулицын и Орлов, крепость на месте будущего города Слободского. Такие действия не могли не вызвать опасений у Василия II, вынужденного учитывать и близость к этим городам владений казанских ханов, давно уже зарившихся на земли в бассейне реки Вятки. С этим обстоятельством и следует связать предпринятые тогда попытки Москвы утвердить свою власть на важном северо-восточном рубеже. Назревал острый конфликт, разрешить который можно было лишь вооруженным путем. Силы сторон были уже далеко не равны. Московское государство располагало значительной армией, основу которой составляли полки мобильной поместной конницы, усиленные артиллерией и посохой, ополчениями северных городов. На Вятке, как и в Новгороде и Пскове,

постоянного войска не было, в случае возникновения военной опасности под рукой выборных воевод собиралось ополчение из всех способных носить оружие мужчин, несомненно, обученных владению оружием, хотя и на не профессиональном уровне. Однако на стороне вятчан был географический фактор – их поселения находились на периферии Русской земли. Любой поход туда превращался в многотрудный и длительный подвиг. И не всегда успешный. Это наглядно продемонстрировали события 1457/1458 года, когда «князь велики посла рать на Вятку». Командовал ею князь Иван Иванович Ряполовский. В устюжских летописях отмечено, что хотя московские полки и осадили Хлынов, но взять его не смогли. Объяснение неудачи – «занеже воеводы у вятчан посулы имали, им норовили»^[229], – с нашей точки зрения, неправдоподобны. Взятие города сулит победителю гораздо больший доход, чем вымогание «посулов», тем более с очевидным риском прогневать великого князя, вступая в фактически сговор с врагом. Если в том году и был взят какой-то выкуп с вятчан, то, скорее всего, именем государя и в его казну.

В 1459 году на Вятку ходил с государевым Двором и устюжским ополчением Иван Юрьевич Патрикеев. Воеводы взяли Орлов и Котельнич, долго держали в осаде Хлынов, и вятчане, на этот раз, все-таки «добили челом на всей воле великого князя». И снова лукаво. Во всяком случае, набеги местных лихих людей, некоего подобия новгородских ушкуйников, на русские земли не прекратились. В марте 1466 года, уже в правление Ивана III, вятские находники напали и разграбили богатую волость Кокшенгу, расположенную на одноименной реке. Идя в набег, они украдкой прошли на кораблях по Сухоне мимо Устюга, так что остались незамеченными стражей. О действиях находников устюжский наместник Василий Федорович Сабуров срочно сообщил великому князю, повелевшему их «переимати». Возможность для этого была. Обрато вятчане шли рекой «Вагою вниз, а по Двине вверх до Устюга». У горы Гледен при слиянии рек Сухона и Юг они были перехвачены ратью Сабурова, но спаслись, якобы дав «посул» наместнику, через три дня пропустившему противника к Вятке. В следующем 1467 году небольшой вятский отряд в 120 человек вместе с пермяками ходил в поход на вогуличей (манси), разграбив их землю и пленив «большого» князя Асыку^[230].

Эти нападения, возможно, были связаны с новой ориентацией вятчан на Казань. В то же время, отложившись от великого князя и признав власть хана Ибрагима, они по старой памяти продолжали уклоняться от

выполнения своих обязательств. Воспользовавшись этим, отряд московского воеводы Ивана Руно в 1468 году через Вятскую землю совершил нападение на Казанское ханство. Ответом стала временная оккупация Хлынова татарским войском. В самом городе был посажен казанский наместник, выведенный оттуда в 1469 году, после окончания войны с Москвой, проигранной Ибрагимом.

Через два года после этого вятчане уже действуют в интересах московского государя. В 1471 году их отряд, под командованием Константина Юрьева, спустившись незаметно по Каме и Волге, внезапным ударом с реки захватил Сарай (столицу Большой Орды)^[231]. Затем вятчане по приказу Ивана III с великокняжеским воеводой Борисом Тютчевым и устюжанами ходили воевать в новгородцами в Заволочье, приняв участие в Двинском сражении в устье Шиленги (27 июля 1471 год), когда было разбито выступившее против них войско Василий Гребенки Шуйского.

Через семь лет после этих событий, в 1478 году, казанские татары хана Ибрагима (Абреима) вновь нанесли удар по Вятскому краю. Летописец скупо отметил произошедшее нападение, особо подчеркнув его ничтожный результат: «Того же лета царь Абреим Казанский приходил ратью на Вятку и волости повоевал, а города ни единого не взял». Тогда же татары атаковали и Устюг, но неблагоприятные погодные условия вынудили их отступить.

Неопределенная ситуация со статусом Вятской земли продолжала сохраняться и в дальнейшем. У Ивана III, занятого решением других проблем, просто не доходили до нее руки. Пользуясь этим, вятчане продолжали своевольничать, нападая на соседние русские территории, то есть, совершая действия, на которые не отваживались даже самые упорные противники великого князя. Так в конце зимы или начале весны 1486 года они напали на Устюжскую землю «и стояли под Осиновцем городом день и прочь пошли, а три волости разграбили»^[232]. Затем, в мае, нападение повторилось. Именно во время второго похода бежал от этого грабь-войска к великому князю лучший вятский воевода Константин Юрьев. Он знал расстановку сил в Хлынове, замыслы и намерения местных бояр, особенно главного московского недоброжелателя Ивана Аникеева (Мышкина) и, несомненно, раскрыл их Ивану Васильевичу.

Немедленной реакции на враждебные действия вятчан не последовало. Москва втягивалась в новый конфликт с Казанским ханством. Только завершив войну с ним и посадив на трон своего подручного, хана Мухаммед-Эмина, Иван III обратил внимание на мятежную Вятку.

Уже в 1488 году московские воеводы стояли в Устюге, охраняя его от нападения вятчан. Командовали этим войском князь Иван Владимирович Лыко Оболенский и Юрий Иванович Шестак. «А сила с ними была двиняне, важане, каргапольцы, а стояли до осени и прочь пошли»^[233]. Видимо в Москве получили сведения о возможности новых набегов и предпочли перестраховаться.

В следующем 1489 году по приказу великого князя Ивана III на Вятку было отправлено войско, которым командовали князь Данила Васильевич Щеня и Григорий Васильевич Поплева Морозов. Рать состояла из 4 полков – Большого, Передового, Полка правой руки и Полка левой руки. С русскими воеводами шел и казанский татарский отряд князя Урака, насчитывающий 700 воинов. Московские, владимирские и тверские отряды, а также углицкие и волоцкие полки под командованием воевод, княживших в этих уделах – Андрея и Бориса Васильевичей, выступили в поход на конях. Ополчения северных городов (устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, белозерцы, вологжане, вычегжане, вымичи и сысоличи) «шли в судах». Судовой ратью командовали воеводы Иван Иванович Салтык Травин, князь Иван Семенович Кубенской, Юрий Иванович Шестак, князь Иван Иванович Звенец Звенигородский и устюжский наместник Иван Иванович Злоба. Данные о численности великокняжеской рати разнятся, но не намного. По Устюжской летописи (список Мациевича, Вторая редакция) и Летописцу Льва Вологодина под командованием Данилы Щени и Григория Поплевы было 72 тысячи воинов и ополченцев^[234]. В более подробном Архангелогородском летописце указана другая численность собранных полков – 64 тысячи человек^[235]. Несмотря на существенную разницу в 8 тысяч ратных людей, следует признать, что перешедшее летом 1489 года границы Вятской земли войско было очень значительным. К тому же на Каме стояла «для вятцкого же для дела» рать князя Бориса Ивановича Горбатого-Шуйского^[236].

Как и в прежние времена, вятчане, узнав о приближении великокняжеской войска, затворились в своих городах. 24 июля судовая рать Салтыка Травина подошла к Котельничу и, по-видимому, взяла его, затем, соединившись здесь с конной ратью и татарским отрядом Урака, войска двинулись дальше. 16 августа 1489 года государевы полки стали под Хлыновым. Осада главного города Вятской земли началась с переговоров. Из крепости выслали «с поминки Исупа (Юсупа) Есипова сын Глазатово». Государевы воеводы дали ему «опас» (охранную грамоту), после чего на

следующий день в стан Щени и Поплевы прибыли уже более авторитетные переговорщики – «люди большие». Они объявили воеводам, что во всем покорны великому князю московскому и готовы дань давать и службу служить. Но Данила Щеня в ультимативной форме потребовал от осажденного города поголовной (от мала до велика) присяги на верность великому князю и выдачи ему головой трех руководителей города и земли, известных своим враждебным отношением к Москве – Ивана Аникиеева (Мышкина), Пахома Лазарева и Павла (Палку) Багадайщикова. Попросив один день на раздумье, вятчане обсуждали ультиматум на вече два дня, а затем его отвергли. Получив этот ответ воеводы «всеи силе велели приступ готовить и примет к городу». Этот примет оградили «плетнями» (плетенными двухсаженными щитами), каждый воин имел запас бересты и смолы, чтобы поджигать город. Устрашившись этих приготовлений, вятчане «видячи свою погибель, сами вышли болшие люди своими головами и добили челом воиводам на всей воле великаго князя». Иван Аникеев, Пахом Лазарев и Павел Багадайщиков были выданы, закованы в железа, доставлены в Москву и там казнены по приказу Ивана III^[237].

После одержанной победы воеводы привели вятчан к крестному целованию, а «болших людей всех и с женами и с детми изведоша, да и арьских (удмуртских) князей, и тако возвратишася; и князь велики вятчан земских людей в Боровске да в Кременьске посади да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади, а арьских князей князь велики пожаловал отпустил их в свою землю»^[238]. С этого момента Вятская земля стала составной частью Русского государства.

Глава 12. Русско-литовский пограничный конфликт конца XV века. Первая порубежная война 1487–1494 годов

На первых порах в отношениях с Литвой великий князь Иван III действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей, владения которых находились в верховьях реки Оки. Они сохраняли известные права и привилегии, выплачивая так называемое «полетнее» – ежегодную дань Вильно. За сохранением автономии верховских князей очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой^[239]. Среди факторов, оказавших значение на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского) и непоколебимая верность православию. Свою роль в принятии решения сыграла близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Ивану III крымского хана Менгли-Гирея.

В Москве до поры до времени считались с условиями договора 1449 года с Вильно, подтвердившего произошедшее в начале XV столетия присоединение княжеств в верховьях Оки к Великому княжеству Литовскому, но были не прочь включить их в состав Русской Державы. Оставался и ряд неурегулированных вопросов – право князей Ягеллонов на ржевскую дань и владение городами Козельск, Серенск, Хлепень.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х годов. Одним из первых перешел к Ивану III князь Семен Юрьевич Одоевский, погибший осенью 1473 года во время одного из пограничных конфликтов. Князь совершил нападение на соседний Любутск и был убит любучанами во время ответного нападения. Его сыновья – Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю. Они участвовали в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать примеру Одоевских. И только потрясение от действий союзника Литвы, Ахмеда, во время похода к Угре разорившего верховские земли, толкнуло многих из

них на московскую сторону и даже на участие в заговоре против Казимира IV.

Выезд в Москву в 1481/1482 году владельца города Белая Федора Ивановича Бельского вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он был вынужден бежать из Литвы, спасаясь после неудачной попытки убить Казимира IV Ягеллончика. Федор Бельский организовал этот заговор вместе со своими родственниками, князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским. Мятежные князья собирались отторгнуть в пользу Московского государства всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины. В Москве Бельский был благосклонно принят и щедро пожалован, но все его литовские владения были конфискованы Казимиром^[240].

В канун Тверского взятия наблюдалась напряженность на границах ВКЛ и Русской Державы. Обе стороны держали сильные «заставы» на рубеже: литовская стояла в Смоленске, русские войска – в Новгороде и Пустой Ржеве. Затем уровень напряженности стал падать из-за отвлечения внимания Казимира IV на молдавские дела. Он попытался урегулировать отношения с Москвой и привлечь Ивана III к участию в военных действиях против турок. Такие действия короля были восприняты как проявление слабости, трудным положением ВКЛ было решено воспользоваться для изъятия у него восточных территорий, захваченных в прежние, тяжелые для Руси времена. В мае 1486 года на Мценск напали рязанские войска. Они выжгли его посад и разграбили окрестности города^[241]. Не совсем ясна степень участия в этом набеге Москвы, что не позволяет определить эту дату как начало начавшейся вскоре «малой» войны. Осенью 1486 года на литовское порубежье совершили нападения люди удельного князя Андрея Васильевича, брата Ивана III, разорившие ряд хлепенских и вяземских волостей, а некоторые из них – захватившие.

Произошедшие нападения могли повлиять на решение части новосильских князей найти более надежного покровителя в лице великого князя Ивана III.

Массовый характер переходы верховских князей на московскую службу приобретают начиная с 1487 года. Чрезвычайно важным представляется явно неслучайное совпадение этой даты с казанским взятием 9 июля 1487 года. Высвободив свои войска на востоке, Иван III усилил нажим на западе, создавая на границе с Литвой нужные ему прецеденты для вмешательства во внутренние дела этого государства.

Именно в это время и начинается Первая порубежная война между Великим княжеством Литовским и Русским государством. Проходила она в два этапа, рубежом которых стал 1492 год – после смерти Казимира IV Ягеллончика, умершего 7 июня этого года, Иван III усилил нажим на Литву, нанося удары по центрам наместничеств на востоке ВКЛ и находящимся там княжеским городам^[242].

В начале конфликта одним из первых, разграбив город Мезецк, отъехал к Москве князь Иван Михайлович Воротынский. В начале октября 1487 года к Ивану III прибыло литовское посольство с жалобами на действия князя Воротынского и помогавших ему князей Одоевских. Исходя из этой даты, А. А. Зимин предполагал, что Иван Михайлович перешел на московскую службу осенью 1487 года, а М. М. Кром относит его отъезд к первой половине этого года^[243]. Несомненно, литовское посольство князя Тимофея Владимировича Мосальского прибыло в Москву вскоре после отъезда князя Воротынского, но вряд ли осенью. Несмотря на чрезвычайный характер этой миссии, принятие решения об ее отправлении и дорога в Москву должны были занять не менее месяца. Вероятнее всего, мезецкие события произошли в августе 1487 года. Участие в них давно уже служивших Ивану III князей Ивана Сухого, Василия Швиха и Петра Одоевских указывает на явную заинтересованность в таком развитии событий великого князя, а, между тем, он вряд ли мог решиться на эскалацию конфликта с Литвой до благополучного окончания войны с Казанью.

Давление Москвы на порубежных литовских владельцев возрастало и приобретало значительные размеры. Так, можайский князь Андрей Васильевич Большой в 1486–1487 годах занял принадлежавшую князю Михаилу Дмитриевичу Вяземскому волость Ореховну, наместники Ивана III захватили у князей Глинских волости Шательшу, Судилово, у князей Крошинских – волости Тешиново, Сукромно, Ольховец, Надславль, Лелу (Заолелье), Отъезд.

Весной 1488 года посаженный отцом наместничать в Твери Иван Иванович Молодой с войсками взял и разграбил город Хлепень, а также три вяземские волости. Великокняжеский воевода Борис Федорович Челищев из Калуги совершил нападение на город Любутск и пленил местного «воеводку» Василия Протасьева. В ответ князь Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские «з знамяны и с трубами войною» совершили нападение на медынские волости. Тогда русские воеводы в свою очередь разорили окрестности города Бышковичи на реке Безвель и

другие волости, принадлежавшие этим князьям. Набеги происходили и на новгородско-литовской границе. Владевший землями на этом рубеже князь Федор Бельский совершал нападения на торопецкие волости, в ответ торопецкий наместник князь Семен Соколинский нападал на новгородские волости.

Весной 1489 года в отместку за очередной набег братьев Воротыньских их столицу Воротыньск осаждало московское войско под командованием одиннадцати воевод, во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым. Город был взят и разграблен, но на обратном пути русская рать была разбита подоспевшими литовскими отрядами. На северном рубеже Федор Бельский продолжал разорять торопецкие волости, наместник городка Вселуг, находившегося на восточном берегу одноименного озера, Василий Давыдович, занял часть торопецкой волости Дубны.

Усиление нажима со стороны Москвы сделало положение верховских князей безвыходным, и многие из них вынуждены были последовать примеру Ивана Михайловича Воротыньского, еще в 1487 году перешедшего на сторону Ивана III. В конце 1489 года на службу к этому великому князю отъехали со своими «отчинами» многие верховские князья и в их числе Иван, Андрей и Василий Белевские, Дмитрий Федорович Воротыньский и его племянник Иван Михайлович Воротыньский. При этом они захватили часть земель князей, еще хранивших верность Литве. Но протесты, заявленные тогда же польским королем и великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком, были оставлены без внимания, и отношения между двумя государствами продолжали обостряться.

В 1490 году можайский князь Андрей Васильевич Большой занял две вяземские волости Могилен и Мицонки. В 1491 году холмский наместник Андрей Андреевич Колычев занял Казаринскую волость.

Однако до кончины Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Ситуация резко изменилась после смерти старого короля 7 июня 1492 года. Сыновья Казимира разделили державу отца, значительно ослабив свои силы. Старший сын покойного, Владислав II Ягеллон, стал королем Чехии, а с 1490 года – Венгрии, где правил под именем Уласло II. Еще один Казимирович, Ян I Ольбрахт, занял польский престол, а их брат Александр стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III была почти мгновенной. Уже в августе 1492 года его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепня Оболенского вторгается на литовскую территорию и захватывает

города Мценск и Любутск. Жалуясь на это нападение, в сентябре 1492 года Александр Казимирович писал в Москву: «ино пришли к нам вести, што люди твои в головах княз Федор Оболенский приходил со многими людьми воиною безвестной городы наши Мценеск и Любтеск зжег и наместника нашего любуцкого и мценского Борыса Семеновича звел, и бояр мценских и любуцких з жонами, з детми и иных многих людей в полон повели, и животы и статки побрали»^[244]. Захватом Мценска и Любутска дело не ограничилось. Тогда же, в августе 1492 года, отряды князей Ивана Михайловича Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. В августе-сентябре произошло вторжение и во владения вяземских князей. Отряд великокняжеских воевод Василия Лапина и Андрея Истома захватил города Хлепень и Рогачев^[245]. К этому времени надежного военного прикрытия восточных рубежей Великого княжества Литовского больше не существовало. Это стало следствием отъезда князей на московскую службу и перехода под власть Ивана III ряда пограничных крепостей: Одоева, Козельска, Перемышля, Серенска. Однако, уступать свои города без борьбы новый великий князь литовский, Александр Казимирович, не собирался. Он категорически отказался признать переход на московскую сторону русских князей, о чем чуть позже и сообщил Ивану III в послании от 20 февраля 1493 года, доставленном в Москву Федором Гавриловичем^[246]. К захваченным городам были посланы из Смоленска литовские войска под командованием наместника Юрия Глебовича, князя Семена Ивановича Можайского и князей Друцких, которым ненадолго удалось вновь овладеть Серпейском и выжженным Мценском. Но это был лишь временный успех. 21 января 1493 года против литовского войска выступила большая армия, включавшая не только великокняжеский полк воевод под командованием Михаила Ивановича Колышки Патрикеева и Александра Васильевича Оболенского, но и войска союзных Москве рязанских князей, Ивана и Федора Васильевичей. Рязанскую «силу» привел воевода Инька (Иннокентий) Измайлов. Литовские отряды были вынуждены отступить к Смоленску, оставив в занятых ими «градех» сильные гарнизоны. Тем не менее, московско-рязанская армия добилась важных успехов. Она вернула Мезецк, который был сдан гарнизоном русским воеводам без боя, и Серпейск, взятый штурмом, несмотря на отчаянную защиту находившихся там «панов... двора великого князя Александра». В Мезецке победители «изымаша во граде Кривца, околничего Смоленского», в Серпейске был взят в плен воевода смольнянин Иван Федорович Плюсков. Развивая

достигнутый успех, войско Кольшки и Оболенского заняло город Опаков, гарнизон которого оказал сопротивление, и, подобно Серпейску был сожжен победителями. Такая же судьба постигла взятый штурмом город Городечно.

Неудачные действия литовских войск вынудили отъехать к Москве еще нескольких верховских князей – Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Белевских и одного из вяземских князей – Андрея Юрьевича Вяземского. Массовый переход князей на московскую сторону еще больше ослабил литовскую оборону. Зимой 1492/1493 года состоявшее из пяти полков московское войско, в состав которого входил и великокняжеский «Двор», «град Вязьму взяша и людей к целованию приведоша. Князей же вяземских и панов в Москву приведоша». Овладевшей Вязьмой ратью командовали воеводы Данила Васильевич Щеня и Василий Иванович Кривой Патрикеев^[247].

Александр Казимирович пытался организовать отпор наступлению русских войск, получить помощь от Польского королевства или, хотя бы, нанять там небольшой пехотный отряд из 300 жолнеров, но никаких подкреплений не получил и вынужден был рассчитывать лишь на свои силы^[248].

Военные действия шли по всей линии русско-литовской границы, но формально войны между Московским государством и Великим княжеством Литовским не было. Иван III объяснял происходившее отторжение восточных территорий Литвы свободным выбором западнорусских князей, издавна «служивших на обе стороны» и имевших право выбирать себе государя. Произошедшему в 1487–1494 годах вооруженному конфликту А. А. Зимин дал неудачное название «Странная война», которое, тем не менее, получило широкое распространение в исторической литературе^[249]. Никаких особых «странностей» в имевшем место противостоянии не наблюдалось. Со стороны Москвы военные действия велись по тщательно продуманному плану, в соответствии с которым захват спорных территорий производился, как правило, местными князьями, отъехавшими ранее на службу к московскому великому князю. Его воеводы вступали в бой лишь тогда, когда происходило «ущемление» прав того или иного князя, пожелавшего отъехать к Москве. Такое военное вмешательство понадобилось, например, в случае с решившим перейти на московскую сторону Андреем Юрьевичем Вяземским, ограбленным старшим из вяземских князей, Михаилом Дмитриевичем, сохранившим верность Александру Казимировичу. Сообщая об отъезде Андрея Юрьевича великий

князь московский писал в Вильну, что «княз Михаило Вяземский в нашем именьи (т. е. Вязьме. – В. В.) его пограбил, отчину его отнял на Днепре, село его з деревнями, а в городе дворы и пошлины его за себе взял, да и казну его взял, и люди его переимал»^[250]. Конфликт между двумя князьями и вызвал поход на Вязьму войска Щени и Кривого Патрикеева, закончившийся насильственным присоединением города и уезда к Московскому государству. Иван III остался довольным исходом этой операции и всех плененных князей вяземских «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им служитьи себе». Обидчик Андрея Вяземского, Михаил Дмитриевич, в том же году был сослан на Двину, где содержался в великой строгости и вскоре умер. С нашей точки зрения, происходивший в 1492–1494 годах конфликт правильнее было бы именовать не «Странной», а скорее «Хитрой войной», принесшей московскому князю великие дивиденды. Сейчас в литературе наряду с все еще бытующим обозначением «Странная война» используются термины Первая порубежная (помежная) или Первая пограничная война^[251].

После неудачных действий на границе, разрушивших систему обороны на востоке страны и потери находившихся там крепостей, Александр Казимирович в поисках выхода из сложившейся ситуации начал переговоры о заключении «вечного мира» с Москвой. Уже в то время литовских дипломатов тревожило изменение титула Ивана III, начавшего именоваться в дипломатической переписке о мире «государем всея Руси»^[252]. Они справедливо считали, что в дальнейшем великий князь московский и владимирский будет добиваться передачи ему остальных земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства.

Договор с Москвой должен был остановить опасную экспансию заметно усилившегося Московского государства на западнорусские земли. Неслучайно в текст нового соглашения литовская сторона планировала включить запись, запрещающую Ивану III и Александру Казимировичу принимать отъезжающих от своих государей служилых князей. Чтобы снять возможные возражения великого князя московского, который в отношениях с Литвой неизменно выступал защитником княжеских прав и привилегий, послы Александра Казимировича – воевода троцкий Петр Янович Монтигирдович (Белой) и староста жомоитский Станислав Янович Кезгайло – привезли ему заманчивое предложение: мирное dokonчание должна была скрепить женитьба великого князя литовского на одной из дочерей Ивана III, Алене (Елене) Ивановне^[253].

В ходе начавшихся переговоров московской стороной были сразу же

отвергнуты литовские требования о возвращении верховских и вяземских земель, а литовской – встречные московские претензии на Смоленск и Брянск. В итоге стороны договорились признать как состоявшийся факт перехода на московскую службу со своими «отчинами» князей Одоевских, Воротынских, Белевских, Вяземских и части мезецких, однако некоторые из занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. Так, на литовскую сторону были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступаться «ни в Смоленск, и во вся смоленская места», ни в Брянск («Добрянск»), на которые первоначально претендовал. Отпущены были и «поиманные люди..., кои сидели въ заточении по городам»^[254].

Несмотря на ряд уступок Ивана III своему будущему зятю, условия «вечного dokonчания», заключенного 5 февраля 1494 года, были для него выгодны. Русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад, к верховьям рек Угры, Жиздры и Оки. В военно-стратегическом отношении новые территории представляли очень удобный плацдарм для быстрого наступления вглубь Великого княжества Литовского в случае неизбежного в будущем обострения отношений между Москвой и Вильно.

Воспользовавшись возникшей на восточных и западных рубежах страны мирной паузой, великий князь московский Иван Васильевич решил защитить свои интересы на северной, «свейской украине».

Глава 13. Русско-шведская война 1495–1497 годов

Присоединив к своему государству Новгород, московский князь унаследовал от рухнувшей вечевой республики достаточно протяженную границу со Швецией, установленную Ореховским (Нотебургским) мирным договором, заключенным еще в 1323 году. В соответствии с его статьями, граница между двумя государствами прошла по р. Сестре. Тем самым русской стороной было признано присоединение Западной Карелии к Швеции.

Во время новгородских походов Ивана III шведы (выборгские фогты) попытались упрочить свою власть над Карелией, постоянно провоцируя столкновения на границе. Напряженность в отношениях с Большой Ордой, Казанью и Литвой вынуждали великого князя до поры до времени ограничивать ответные действия. В течение трех лет, с 1479 по 1482 годы, на русско-шведских рубежах шла необъявленная война, сменившаяся временным затишьем после упрочения позиций Москвы в Северо-Западном крае^[255].

Взяв под свою руку Новгород, Иван III задумал вернуть карельские погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс), отошедшие в начале XIV века к Швеции. Однако, планы его планы простирались гораздо дальше. Московский государь стремился захватить Выборг – мощную крепость, выстроенную шведами в 1293 году в месте впадения старого русла реки Вуоксы в Финский залив. В середине XV века выборгский наместник Карл Кнутсон перестроил город, значительно усилив его укрепления^[256].

Именно походом на Выборг началась русско-шведская война 1495–1497 годов. Кампания была хорошо подготовлена: и дипломатически – еще в 1493 году Иван III заключил союз с датским королем Хансом I (Иоанном I) Ольденбургским, острием своим направленный именно против Швеции^[257], и непосредственно в военном отношении – великий князь усиливает московскую артиллерию и строит «на Девичьи горе противу города Ругодива Немецкого» крепость Ивангород. Новая русская цитадель была поставлена «на слуде» (крутом берегу) реки Наровы в кратчайшие сроки – всего за 7 недель. Впоследствии ее планировали усилить новыми линиями укреплений, но не успели. Стены и башни Большого Бояршего города были построены здесь уже после окончания русско-шведской войны^[258].

Весной 1495 года московские дипломаты предъявили правителю Швеции, Стену Стуре (Старшему) требование о возвращении Западной Карелии, которое было отвергнуто Стокгольмом. Война стала неизбежной, и русское командование приступило к подготовке вторжения на неприятельскую территорию. Оперативное руководство всеми войсковыми операциями осуществлялось из Новгорода, куда прибыл сам великий князь Иван III и его военные советники^[259].

В июне 1495 года первый русский отряд в количестве 400 человек перешел границу и вторгся на шведскую сторону. Это был разведывательный рейд, целью которого являлась проверка готовности противника к отражению планирующегося наступления. Действиям передового отряда сопутствовал успех, и в августе того же года начался поход к Выборгу большого русского войска.

Оборону Финляндии возглавил опытный военный специалист Кнут Поссе, в то время бывший членом Государственного совета Швеции. Одновременно с этим он стал комендантом Выборга, на который и был нацелен главный удар русского войска. По явно преувеличенным, данным оно насчитывало до 60 тыс. человек. В состав выдвинутой к границам армии вошли московские полки под командованием воеводы Данилы Васильевича Щени, новгородская «сила» под началом Якова Захарыча Кошкина и псковская посошная рать во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским^[260]. Осада шведской твердыни началась 8 сентября и длилась три месяца. Русские подвезли к Выборгу огромные пушки, длиной до 24 футов, огнем которых были разрушены две крепостные башни и сильно повреждена третья. В ней образовался большой пролом. Утром 30 ноября 1495 года осаждающие пошли на штурм замка. Но комендант Выборга Кнут Поссе, ожидавший атаки, приказал насыпать позади бреши высокий земляной вал. С помощью длинных лестниц атакующим удалось взойти на стены крепости, но продвинуться дальше они так и не смогли^[261]. Остановив штурмующих, комендант Поссе распорядился закатить в подвалы захваченной противником полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их^[262]. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить и штурм, длившийся 7 часов, завершился неудачей. 4 декабря осада крепости была снята. Понесшие значительные потери (до 16 тыс. человек по, очевидно, сильно завышенным сведениям) русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших оказался один из московских воевод – Иван Андреевич Суббота Плещеев.

Неудача этого похода вынудила московское командование изменить тактику. Отказавшись от безуспешных осад больших, хорошо укрепленных крепостей, русские войска приступили к опустошительным набегам на территорию противника, все дальше проникая в глубь Шведского государства. 17 января 1496 года в новый поход выступило войско под командованием Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Федоровича Челяднина. На этот раз оно вступило в Гамскую землю – в Южную Финляндию. Уничтожив небольшой шведский отряд, прикрывавший границу, войско достигло побережья Ботнического залива и сожгло Тавастгусту («Гамецкий город»). Русские отряды наводнили окрестности Улуфсборга и отступили назад лишь после приближения в район военных действий 40-тысячного шведского войска Стена Стуре, оставив позади себя совершенно разоренный край: «И приидоша к великому князю в Новгород, марта 6, все здравы с полоном многим».

В августе 1496 года прорвавшимися за шведский рубеж войсками Д. В. Щени и Я. З. Кошкина был разбит 7-тысячный отряд противника и опустошена Финляндия. Но наиболее выдающимся предприятием этой кампании стал морской поход кн. И. Ф. и П. Ф. Ушатых. Войско этих воевод было сформировано из отрядов опытных мореходов – устюжан, двинян, онежан и важан. Пройдя на кораблях по «акияну-морю» (Белому, а затем и Баренцеву морям), рать князей Ушатых обогнула «Мурманской нос» на Кольском полуострове и вторглась в земли, принадлежавшие Швеции. Русские воины захватили 3 шведских корабля и, пройдя через Лапландию, разорили «Каянскую землю» (Северную Финляндию). По словам летописца, они «извоевали Польну реку, да Торнову, да Снежну, добра поимали много, а полону безчисленно». Войско ушло из этих мест лишь вынудив финнов, живших на реке Лиминге, послать в Москву своих старейшин бить челом «за великого князя», который их милостиво «пожаловал», приняв в русское подданство. В октябре 1496 года полки братьев Ушатых благополучно вернулись назад^[263].

Шведы оказались не в состоянии противостоять этим нападениям и ответили на них таким же рейдом на русскую территорию. 19 августа 1496 года 70 кораблей («бусов») противника подошли к Ивангороду и высадили под его стенами 6-тысячное войско, которым командовал Стен Стуре. Его воины осадили русскую крепость и начали обстреливать цитадель из орудий. При постройке Ивангорода был допущен ряд просчетов – замок был возведен по абстрактной математической схеме в форме квадрата лишь на части возвышенности (Девичьей горы), что облегчало противнику ведение осадных работ. Фланкирующие бойницы, устроенные в нижних

ярусах башен, обращенных к Нарове, отсутствовали с юго-восточной, напольной стороны крепости, где планировалось возведение новых укреплений^[264]. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться противник. Гарнизон крепости был немногочисленным и явно неготовым к обороне. Вскоре после начала обстрела замка шведами ивангородский наместник и воевода князь Юрий Бабич «убеже из града чрез стену». 26 августа осаждающие штурмом овладели Ивангород, перебив всех взятых в плен жителей.

Почти сразу же последовали ответные действия русских войск. Против занявших Ивангород шведов был направлен 3-тысячный отряд воевод князя Ивана Гундора и Михаила Кляпина, а затем рать псковского наместника князя А. В. Ростовского. При приближении русских войск шведы оставили разрушенный город и, не принимая боя, на своих кораблях ушли за море^[265]. Через 12 недель укрепления Ивангорода были восстановлены и усилены постройкой так называемого Большого Бояршего города, строительство которого завершилось в 1599 году.

Вскоре к Ивану III с просьбой о прекращении военных действий против Швеции обратился союзник Москвы, датский король Ханс I, решивший вступить в борьбу за шведский трон и вынужденный считаться с требованиями шведской знати, которая хотела видеть его во главе своего государства. Над Стеном Стуре нависла угроза вторжения датских войск и мятежа враждебной ему партии аристократов, ориентированной на восстановление унии Скандинавских стран. Вынужденный спешить с окончанием военных действий на востоке, он прислал в Новгород своих представителей с предложением мира. Со своей стороны Иван III также склонялся к заключению мирного докончания. Его тревожило обострение обстановки в Казани, где был свергнут его сторонник, хан Мухаммед-Эмин, и воцарился тюменский хан Мамук. Чтобы вернуть контроль над этим татарским ханством, русскому государю требовалось срочно освободить свои лучшие войска, сосредоточенные на северо-западном фронте. 3 марта 1497 года между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу. Несмотря на 6-летний срок этого соглашения, установившийся между двумя государствами мир оказался долговечным. Условия перемирия 1497 года впоследствии неоднократно продлевались (в 1524 и 1536 годах) и были нарушены лишь в 1554 году – ничем не спровоцированным шведским нападением на Российское Царство.

Часть вторая. Войско, войны и военное дело у восточных славян и на Руси с конца IX до конца XV столетия

*«Удивительно ли, что муж погиб в бою?
Так умирали лучшие из предков наших».*

Владимир Мономах

*Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы.*

Слово о полку Игореве в пер. А. Майкова

Более чем тысячелетняя история Руси и России – это прямой вызов ее заклтым недругам, постоянно покушавшимся и покушающимся на свободу и независимость нашего Отечества. С завидным постоянством неприятельские силы атаковали внешние границы страны, а когда не могли этого делать – провоцировали на выступление внутреннего врага, недовольного «деспотичностью» и крепостью власти. Отбивать нападения внешних и внутренних недругов удавалось только благодаря наличию боеспособных вооруженных сил, готовых отразить все возникавшие угрозы. Комплексное изучение истории организации военной защиты нашей страны представляет приоритетную задачу огромной важности, так как военные вызовы государству и народам России возникают и в настоящее время.

На первом этапе русской военной истории происходило зарождение и становление княжеских армий, ядром которой была дружина, позже переименованная в двор. До поры до времени сил такого войска хватало. Но усиление вражеской мощи требовало адекватного ответа, и на рубеже XV–XVI веков осуществилась перестройка военной организации. Было

создано поместное войско, ставшее главной ударной силой Московского государства вплоть до середины XVII столетия. Тогда же в составе великокняжеских ратей и гарнизонов крепостей появились отряды пищальников, вооруженных ручным огнестрельным оружием. Усилилась и русская артиллерия, ставшая средством усиления обороны городов и порубежных крепостей.

При изучении военной истории Древней Руси необходимо внимательно исследовать не только состав княжеских ратей (дружины, ополченских полков, наемных отрядов), но и особенности вооружения русских воинов, методику их подготовки и обучения, способы укрепления городов и порубежных крепостей. Следует также выявить побуждения и проследить образ действия самых известных русских военачальников IX–XV веков, описать деяния прославленных ратоборцев (Яна Усмошвеца, Евпатия Коловрата, Александра Пересвета и Родиона Осляби). Только тогда может быть воспроизведена подлинная картина ратного подвига и свершений наших предков.

Исходя из этих исследовательских задач, вторая часть данной книги делится на 4 главы:

1. Русская рать.
2. Оружие Древней Руси.
3. Оборона городов и границ.
4. Воеводы и ратоборцы.

Глава 1. Русская рать

Изначально опасное соседство со Степью и воинственными народами Европы вынуждало славян жить в постоянной боевой готовности, всем миром выступая на врага под стягами (знаменами) своих князей. Сперва они были походными вождями, а затем становятся правителями подчинившегося народа. Роль и значение князей неизмеримо возрастают в период расселения славян на запад, юг и восток Европы. В условиях шедших тогда войн требовались люди с военно-организаторскими талантами, и они находились, приобретая не только военную, но и политическую власть. В походе князь командовал войском. В мирное время он поддерживал уровень боеготовности племени, заключал временные и постоянные союзы с соседними племенами и народами. По С. Н. Темушеву, источниками обогащения князей и знати были:

- захват военной добычи;
- взимание дани – контрибуций и откупов с соседних племен и государств;
- продажа пленных в рабство;
- получение внутриплеменных податей князю (первоначально добровольных);
- доход от «продаж» – судебных сборов^[266].

Князь возглавлял дружину – своего рода личную гвардию, достаточно боеспособную, чтобы противостоять врагам в локальных столкновениях. В случае необходимости ее усиливали отряды наемников и черных клобуков, также относившиеся к войскам постоянной готовности. Во время большой войны в помощь княжеской рати собиралось ополчение из числа свободных взрослых мужчин-вечников – воев. Оно состояло из отрядов родичей, позже – из территориальных (городовых) полков и смердов, зависимых от князя людей, живших на его земле и пополнявших полки. В таком составе – княжеская рать (дружина (двор), наемные отряды, федераты) и ополчение – русская армия просуществует почти до конца XV века.

В случае необходимости и дружинники, и ополченцы могли биться верхоконными и пешими, а также на кораблях. Поэтому с первых лет существования Русского государства можно говорить о наличии в его вооруженных силах конницы, пехоты и ладейного флота.

Дружина

Как уже было сказано выше, ядром войска, его главной ударной силой была конная княжеская дружина. Это старинное общеславянское понятие восходит к еще более древнему слову «друг», означавшему тогда «спутник в походе», «товарищ по войне», что заметно отличается от современного определения. Первое упоминание о славянских дружинах содержится в источнике агиографического характера, сборнике «Чудеса Св. Димитрия Солунского». Речь идет именно об отборном воинском подразделении, состоящем из обученных и хорошо вооруженных ратников^[267]. В русских же письменных источниках термин «дружина» появляется достаточно поздно – в летописном описании похода Игоря на греков, состоявшегося в 941 году. Как полагает Н. Ф. Котляр, это свидетельствует «о возросшей роли дружины в обществе и начале превращения ее верхушки в элементарный аппарат государственного управления и совет при государе»^[268].

Все же в первую очередь дружинники были профессиональными воинами, постоянно совершенствовавшими свои воинские умения и навыки. Сначала уважительным обозначением дружинника было «витязь». Схожее обозначение знатного конного воина – «витис» существовало и в Литве (до сего дня так называется серебряный всадник в латах на серебряном коне, изображенный на литовском гербе «Погоня»). Позже дружинников-витязей стали звать и «богатырями» (от древнетюркс. «ba atur» – отважный воин, герой).

В древнейший период дружинная служба оплачивалась не землей, а частью княжеских доходов. Поэтому она строилась на договорных началах и подразумевала право дружинника покинуть обидевшего его или не исполнившего договор князя и перейти на службу к другому князю.

Помимо обязательной доли в военной добыче, дружинники получали от князя 200 гривен серебра в год, денежную сумму, эквивалентную 4 тыс. дирхемов (серебряных арабских монет). Следует учитывать, что в Византии варяги-наемники получали в год 30 солидов – 480 дирхемов^[269]. На Руси в это время вол стоил 1 гривну, а баран – ногату (1/20 часть гривны).

Старшими дружинниками, лучшими воинами, были бояре, воинские командиры. Достаточно рано они становятся советниками князя: как в военных, так и в земских делах. Со временем бояре утрачивают свою связь с дружинной массой, все теснее связываясь с институтом княжеской

власти, получая от князей сначала часть их доходов, а потом и земельные пожалования.

Поступая на службу к тому или иному князю, дружинник давал улятву быть с ним (князем) «в сердце и в приязньстве». Позже, в XI–XII вв. стала использоваться клятва с обязательством голову свою «сложити за тя». Еще позднее, как отмечает П. С. Стефанович, в дружинной среде «появляются выражения верности с ключевыми словами о готовности «служить животом князю». Но и привычная прежде дружинная клятва сохранялась, и только к XV веку обет «служить животом» окончательно вытесняет первоначальную формулировку «сложить голову». С этого времени новая клятва стала использоваться вместе с крестоцеловальной присягой^[270].

Впрочем, не полагаясь только на обеты и клятвы, русские князья никогда не жалели на свои дружины и денег, памятуя слова князя Владимира Святославича: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду золото и серебро, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра»^[271]. Составитель Новгородской I летописи младшего извода описывает особые отношения, сложившиеся между князем и дружиной: «Како быша древнии князи и мужие ихъ. И како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимыхъ виръ, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье. А дружина его кормяхуса, воююще ины страны и бьющесе и ркуще: «Братие, потягнемъ по своемъ князе и по Руской земле; глаголюще: «мало есть намъ, княже, двусотъ гривень». Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ в сребряныхъ; и расплодили были землю Рускую»^[272]. Таким образом, прежние (древние) князья и их мужи (дружинники) – это прежде всего воины, защищавшие свою землю и подчинявшие иные страны. Князь не собирал много добра в своей сокровищнице, но раздавал дружине, а дружина билась за него и за Русскую землю.

Дружинники в летописях конца X – начала XI веков упоминаются под общим наименованием «гриди». Так, посадничая в Новгороде, Ярослав Мудрый «давал... по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде гридям».

Источники более позднего времени уже различают старших дружинников – гридей и младших дружинных воинов – отроков, детских, кметей, пасынков. Вместе с тем в летописях, преимущественно новгородских, сохраняется и термин «гриди», но уже в основном для

обозначения верхушки дружины.

Таким образом, гриди заменяют в дружине бояр, становясь высшим воинским сословием, обеспечивающим лояльность и исполнительность основной массы воинов, набранных на службу в дружинное войско. В записи Новгородской I летописи, датированной 1166 годом, отмечено: «Пришел Роман (Мстиславич) из Киева к Лукам и созвал новгородцев на совет: огнищан, *гридей*, купцов лучших». Как видно, гриди в это время становятся частью элиты, лишь незначительно уступая боярам-огнищанам. Во всяком случае, когда в 1103 году готовился поход на половцев, «сел Святополк (Изяславич киевский) с дружиною своею, а Владимир (Мономах) со своею в одном шатре. И стали совещаться...». Вряд ли все дружинное войско могло поместиться в княжеском шатре. На совет явно приглашались лишь старшие дружинники – гриди. Общение с ними было делом обычным, как видно из «Поучения» Владимира Мономаха, о совете с дружиной писавшего как об обычном деле для правителя: «Так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною или собираюсь творить суд людям...»

Численность дружин русских князей была невелика. Насчитывали они от нескольких десятков до 3 тысяч человек. Первым о численности дружины русских князей сообщил арабский путешественник и писатель 1-й половины X века Ибн-Фадлан, отметивший: «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди умирают при его смерти и бывают убиты за него»^[273]. Владимир Мономах вспоминал, что в 1094 году из Чернигова с ним вышло дружинников «около 100 человек, с детьми и женами». Правда, столько людей осталось у него после 8 дней обороны города. Однако любая, даже малая, дружина представляла собой грозную силу, ведь состояла она из хорошо обученных и вооруженных воинов.

В зависимости от характера боевого столкновения, дружинники готовились и вооружались с учетом специфики предстоящей схватки. Е. В. Мельниковым и И. Е. Логиновым была предложена следующая классификация дружинников:

1. Легковооруженный пеший дружинник. Вооружение – лук, стрелы, две-три сулицы (метательные копья-дротики), меч либо топор, щит;
2. Тяжелооруженный пеший дружинник. Вооружение – копье, меч либо топор, щит;

3. Легковооруженный конный дружинник. Вооружение – лук, стрелы, топорик, меч либо сабля (сабля появляется уже в конце X – начале XI века), щит.

4. Тяжеловооруженный конный дружинник. Вооружение – копье, меч (сабля), щит^[274].

Данная классификация не учитывает обязательного наличия у дружинника защитного вооружения (чаще всего кольчужной «брони»).

В конце XII века дружина преобразуется в двор, более сложное социально-политическое образование. Это очень мобильная и активная, четко структурированная организация, включающая бояр и воинов-дворян, а также административный аппарат и штат доверенных слуг. Однако прежде всего это княжеское войско, непосредственно участвующее в военных действиях. В 1192 году, во время пребывания во Пскове, новгородский князь Ярослав Владимирович, начиная войну с ливонскими немцами, «двор свой послал с псковичами воевать, и пошли и взяли город Медвежью Голову и сожгли». В данном случае двор – это, фактически, дружина. Более сложным представляется двор Александра Невского. В 1245 году, выступив против литовцев, князь «погнался за ними со своим двором и бил их, не упустив ни одного мужа», а далее «в малой дружине... встретил иную рать у Всвята, и тех избил, а сам вернулся здоров, и также дружина его». В этом рассказе двор предстает как все княжеское войско, а «малая дружина» – какая-то его часть, гвардия в гвардии, более близкая и верная князю. После убийства князя Андрея Юрьевича боярами-заговорщиками (1174) «горожане же боголюбские и **дворяне** разграбили княжеский дом, и много зла случилось в волости его. Разграбили также дома посадников и тиунов его, а самих избил. Также **детских** и **мечников** избил, а дома их разграбили». Детские и мечники – это и есть воины «малой дружины», разделившие участь своего князя.

Рассмотрев этот вопрос, М. Б. Свердлов пришел к выводу, что «дворяне (слуги, слуги дворные) являлись свободными служилыми князю людьми. Нет данных о том, что в их числе были холопы или другие категории зависимых». Это не обслуживающий персонал княжеских усадеб, среди которого были как как лично свободные, так и зависимые люди – рядовичи и холопы, а воины, младших из которых и стали называть дворянами, то есть принадлежащими ко двору – собственно княжескому войску^[275].

Помимо дружины до второй четверти XI века в составе княжеского войска присутствовали наемные отряды варягов и колбягов – выходцев с Южного побережья Балтийского моря, позже скандинавов. Эти отряды могли быть очень значительными. Так варяг Шимон Африканович, придя на службу Ярославу Мудрому, привел с собой 3000 воинов «с чадами и домочадцами». Став боярином киевского князя, а потом ростовским тысяцким, он получил от Ярослава в управление волости. Часть дани, собираемой с них, шла Шимону и его людям.

В периоды больших войн с Византией в качестве союзников князя привлекали отряды венгров и печенегов, позже – торков и других кочевых народов. Со временем часть печенегов, торков, берендеев и коуев стали федератами (отдельным союзным войском) Киева и Чернигова, получив общее название «черные клобуки» (от тюркс. каракалпаки – черные шапки или клобуки). В составе русских дружин появляется крайне необходимая ей легкая конница, эффективная в борьбе с половцами и другими врагами киевских князей.

К. Р. Конюховым отмечено, что встречающийся в русских летописях термин «дружина» может относиться как к окружению князя (собственно дружина), так и к войску в целом, включавшему и черных клобуков, и ополчение киевлян^[276].

Ополчение

Из названия этой части русского войска видно, что состояло оно из «ополчившихся» – свободных общинников, собранных на ратную службу тогда, когда сил одной дружины (двора) для победы над врагом не доставало. В этом случае сбор («нарубание») ополчения проводится на определенный вечем срок – на время похода или несения службы в гарнизоне (гарнизонах) пограничной со степью крепости (крепостях).

Выставляемые городом или «землей» (княжеством) ратники назывались «воями». Сбором ополченского войска ведали выборные начальники – «старцы градские», а командовали воями ополченские воеводы. Но главой городского полка был не выборный воевода, а «тысяцкий» – как правило, самый опытный из местных бояр, один из ближайших советников и помощников князя. Ополченские воеводы

участвовали в обсуждении планов кампании и могли настоять на их изменении. Так в 1093 году, перед сражением с половцами на реке Стугне, они отвергли предложение Владимира Мономаха «сотворить мир» с противником и настояли на переправе через разлившуюся реку и сражении. Автор описания этой битвы в Лаврентьевской летописи пишет: «И глаголаше Володимеръ: «Яко сде стояще чересь реку, в грозе сей, сотворим мир с ними»; и пристояху совету сему смыслени мужи, Янь и прочии. Кияни (командиры ополчения) же не всхотеха совета сего, но рекоша: «Хощем ся бити; поступим на ону сторону реки». И возлюбиха совет съ, и преидоша Стугну реку; бе бо наводнилась велми тогда». Битва закончилась поражением русских полков, а первыми с поля боя побежали именно ополченцы^[277]. С намерениями «киян», не всегда совпадавшими с княжескими, вынужден был считаться и внук Мономаха Изяслав Мстиславич^[278].

Городское ополчение (полк) усиливалось отрядами смердов, обязанных или выступать в поход во время войны, или обеспечивать ратников конями.

Ополчение либо считалось полком, либо подразделялось на полки, когда в него вливались ратники из разных городов или земель. Часть из них была конными (конную службу несли и смерды, участвовавшие в походах в Половецкую степь^[279]), но большинство ополченцев были «пешцами», в дальних походах сопровождавшими конную рать на судах. Смерды, поселенные не в селах, а в погостах, составляли гарнизоны этих поселений. Они участвовали в обороне границ, возможно, и в сборе княжеского полюдья^[280].

Никакого жалованья ополченцы не получали и могли лишь претендовать на часть военной добычи. В случае необходимости князь должен был обеспечить их оружием, конями, судами. Если князь этого не делал, могло дойти до восстания, как в Киеве в 1068 году.

Организация городского ополченного войска была прослежена Ю. Г. Алексеевым на примере Псковского государства. Походное войско называлось «силою». Состояло оно из «рубленной рати» (знатных и состоятельных псковичей, мобилизованных по определенному раскладу – «разруб») и аналогичных подразделений, сформированных из «пригорожан», высланных псковскими «пригородами». В пограничных городах были небольшие гарнизоны, возглавляемые воеводами (иногда князьями-воеводами), выбираемыми на вече.

Совокупные вооруженные силы усиливались за счет отрядов «охвочих

людей» – добровольцев, не подпадавших под мобилизацию, но готовых идти в поход на врага на свой страх и риск. В обязательном порядке те представители беднейшего населения, из которого и выкрикивали «охвочих людей», привлекались на военную службу лишь в исключительных случаях, когда происходило вторжение вражеских войск, представлявшее реальную угрозу Пскову и его «пригородам». При других обстоятельствах их служба была добровольной.

Мобилизации – «разрубы» – проводились среди той части горожан, которая могла выставить в поле конных воинов, хорошо вооруженных и имеющих возможность снарядиться для участия в боевых действиях за свой счет.

Иными были возможности и, соответственно, задачи «охвочих человек». Их отряды (что особенно подчеркивалось, составленные из «нерубленных людей») действовали на отдельном направлении, преследуя достаточно узкие цели – захват добычи и пленных. Однако они способны были отвлечь внимание неприятеля, вынужденного дробить свои силы, прикрывая разоряемые территории. Как правило, «охвочими людьми» становились бедняки, не имеющие возможности приобрести качественное оружие и доспехи, другую необходимую воину «справу» (снаряжение). Иногда отряды «нерубленных человек» могли объединяться в самостоятельное войско со своим воеводой, но все равно использовались на направлении, где встреча с боевыми частями противника была маловероятна. В большинстве случаев, когда такое войско привлекалось к боевым операциям, это происходило при действии на озерах и реках. Таким образом «охвочие люди» становились воинами судовой рати.

Со временем «рубленная рать» трансформировалась в «посошную», также комплектуемую по определенному раскладу, но для выполнения менее значимых задач, связанных в основном с инженерными работами и снабжением главных сил русского войска.

Во время военных кампаний ополченцы сражались чаще всего отдельно от княжеской дружины. Улучшить координацию действий своих войск попытался Изяслав Мстиславич. Он стал требовать от ополченских командиров держаться вместе с дружинами^[281].

* * *

В бою в качестве средства управления войском и отдельными его подразделениями (полками) использовались «стяги» – знамена и военная

музыка. Стяги в мирное время хранились в храмах, а на войне тщательно охранялись. Войско стремилось «подрубить стяг» у противника, что часто означало победу. Вражеские стяги можно было захватить и дезориентировать неприятеля. Возможность этого подтверждают два эпизода, описанные в Ипатьевской летописи. В 1135 году, после смерти Мстислава и вокняжения Ярополка II, разгорелась ожесточенная борьба между Юрием Долгоруким с племянниками Изяславом и Всеволодом Мстиславичами и поддерживавшим Всеволодом Ольговичем и половцами за Переяславское княжество. Ярополк с Юрием и другими братьями двинулся на помощь осажденному врагами Переяславлю, но в произошедшем на реке Супой сражении часть их полков увлеклась преследованием бегущих половцев и вернулась, когда остальное войско было разбито. Они устремились к стягу, захваченному черниговцами (противником), и попали в плен. Среди них оказался и киевский тысяцкий. Тогда же погиб Василько Леонович (Маричич), внук Владимира Мономаха. Второй случай произошел в 1154 году. В сражении под Теребовлем с галицким князем Ярославом Владимировичем Изяслав Мстиславич велел поднять захваченные прежде неприятельские стяги. Сражавшиеся галичане приняли это за сигнал сбора и устремились к своим знаменам. Там они были пленены воинами Изяслава, приказавшего перебить всех, кроме бояр^[282].

У каждого полка или дружины имелся свой стяг. В Липицком сражении в 1216 году у суздальского князя Юрия Всеволодича было 17 стягов, а у выступивших против него новгородцев и их предводителя, князя Мстислава Удатного, – 13 стягов. «Поставить» или «наволочить» стяг означало построить дружину или войско для боя. Свернуть стяг – прекратить сражение. Так в Бортеневской битве 1317 года, стремясь показать тверскому князю, что его отряд выходит из боя, татарский мурза Кавгадый «повеле дружине своей стяги повреци (свернуть)»^[283]. Таким образом стяги оказывали моральное влияние на войско и играли исключительно важную организующую роль.

Для подачи звуковых сигналов использовались такие музыкальные инструменты, как рога и трубы. Имеются данные и о наличии в русском войске бубнов. И рога, и трубы, и бубны прежде всего служили средствами подачи особых, известных всему войску команд. Не исключено, как предположил Ю. В. Сухарев, что эта музыка служила и для воодушевления воинов, шедших в бой^[284].

Обучение витязей и ратников

От выучки и таланта русских воинов и их командиров напрямую зависел исход любого сражения, а зачастую – и всей войны.

Обучение профессионального воина начиналось в раннем детстве, со дня «пострига» или «посаждения на коня». После этой процедуры мальчик вступал во взрослую жизнь, переходя жить на половину отца, под опеку наставника – «дядьки», готовившего его к участию в боевой практике. Отпрыски князей и бояр готовились к ратной службе индивидуально, изучая и командное искусство.

Первым воспитателем, наставником князя Святослава Игоревича был варяг Асмуд, учивший юного своего наперсника быть первым и в бою, и на охоте, крепко держаться в седле, управлять ладьей, плавать, укрываться от вражеских глаз и в лесу, и в степи. Полководческому искусству обучал Святослава еще один варяг, главный киевский воевода Свенельд, который ограничил незаурядный талант молодого князя, сделав его самым выдающимся полководцем первой русской эпохи. Возмужав, Святослав разгромил Хазарский каганат на Волге, воевал с болгарами и Византийской империей. Весной 972 года князь пал в битве на Днепровских порогах, сражаясь с напавшими на его дружину из засады печенегами.

Такую же подготовку получали и сыновья, и внуки, и правнуки Святослава. Изучая военное дело, князья и их воеводы черпали знания из устных преданий и рассказов о давних битвах и походах, о великих богатырях, а затем и из рукописных книг – кратких летописных записей, «Поучения Владимира Мономаха», «Слова о полку Игореве», «Александрии» – переводном сочинении о победных войнах Александра Македонского. Именно из них получил необходимые ему сведения о войнах прошлого другой выдающийся полководец Древней Руси Александр Невский (1219–1263). Его подготовка так же включала практические уроки, обычные для военачальников того времени.

У юного Александра, как и у других его сверстников княжеского рода, был свой дядька (наставник) – боярин Федор Данилович, заслуженный и опытный ветеран, не понаслышке знавший все секреты военного ремесла. Несомненно, в обучении сына принимал участие и его отец Ярослав Всеволодич – один из самых видных воителей той эпохи, бивший и литовцев под Усвятом, и немецких рыцарей на реке Эмбах (эстонское название Эмайыга, русское – Амовжа), совершивший поход в «страну мрака» – северную Финляндию.

Александра учили владению оружием: прежде всего мечом и копьем, стрельбе из лука и метанию сулиц (дротиков). Огромное значение имело обучение верховой езде. Будущий командир должен был знать боевые сигналы, поднимающие воина в атаку или приказывающие ему отойти^[285].

Часто дело обучения княжичей становилось наследственным. Варяг Шимон был воспитателем одного из сыновей Ярослава Мудрого Всеволода, а сын Шимона, Георгий, растил и учил военному делу внука Всеволода, знаменитого Юрия Долгорукого^[286].

Сыновья дружинников проходили воинское обучение коллективно, под постоянным и строгим надзором гридей, старших дружинников. Лучшие мечники учили их бою клинковым оружием, лучшие меткие лучники – бить врага стрелами, умелые наездники – укрощать коней и вести схватку верхом, используя копья и сулицы, опытные дозорные – особенностям сторожевой и разведывательной службы, умению выслеживать и преследовать врага, искусные кормчие – прокладывать путь ладьи по речным фарватерам и волокам, озерным и морским просторам, мимо опасных порогов, скал и мелей.

Индивидуальное мастерство подросших витязей оттачивалось во время воинских игрищ или «игрушек», некоего аналога западноевропейских рыцарских турниров. Состязания русских воинов были менее формализованы, чем рыцарские забавы, не имели службы герольдов, специального турнирного оружия и доспехов. Участвовавшие в «игрушках» воины использовали боевое оружие, однако старались действовать им не в полную силу. Тем не менее, имели место и несчастные случаи, когда раззадорившийся поединщик начинал разить «противника» по-настоящему. Так во время «игрушки» 1390 года в Коломне в присутствии великого князя Василия I был убит его «кормилич» (воспитатель), боярин Остей^[287].

Во время обучения и воспитания будущего воина формировался набор нравственных качеств – сопричастность делу защиты родной земли, преданность князю и его родне, личное достоинство, стремление к славе и страх позора за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Слава или бесчестие, прежде всего коллективное, было главным страхом в жизни каждого воина – князя, воеводы, витязя-богатыря, простого дружинника или дворянина. Героические деяния и подвиги запечатлевались в дружинном, а порой и народном фольклоре, сохраняясь в людской памяти спустя многие столетия после своего свершения. С принятием

христианства нравственные представления воинов дополнились осознанием жертвенности их предназначения – «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Азам воинского дела обучались и общинники, а также смерды – зависимые от князя люди, одна из обязанностей которых по отношению к своему господину как раз и состояла в исполнении ратной службы, как конной, так и пешей. Их подготовка, несомненно, уступала дружинной (хотя бы из-за постоянного отвлечения на хозяйственную деятельность), однако охотничьи навыки, усвоенные большинством взрослых мужчин, помогали им и в войне, и в походе.

Глава 2. Оружие Древней Руси

В первые века славянской и русской истории на поле брани безраздельно господствовало холодное оружие. И если изначально славяне, по сообщениям византийского автора Прокопия Кессарийского, были вооружены лишь щитами и дротиками и не знали панцирей, то в более позднее время они уже имеют великолепное вооружение и доспехи. Первым сообщил о «прекрасных, прочных и драгоценных» славянских кольчугах арабский историк Ибн-Русте, в своей «Книге драгоценных ожерелий», написанной в начале X века^[288]. Епископ Лиудпранд, рассказывая о разгроме византийцами флота князя Игоря (941 год), писал, что русские воины «обремененные *панцирями* и шлемами, шли на дно, и их больше не видели»^[289].

Как и у других народов, в Древней Руси преобладало оружие ближнего боя. А. Н. Кирпичников справедливо отметил, что такое оружие «сплошь и рядом можно назвать решающим в системе средств тогдашней борьбы, оно более всего влияло на результат боя и во многом определяло уровень древнерусской военной техники»^[290].

Некоторые образцы оружия ближнего боя были заимствованы в Европе именно из славянских краев. Отсюда были привезены в Скандинавию первые чеканы – особой формы боевые топоры с узким, скошенным лезвием и длинным обухом (другие топоры могли быть и орудиями труда, чеканы – никогда; это именно боевые топоры). Археологами обнаружены скифские чеканы, позже – славянские, аланские, хазарские.

Достаточно рано наладилось на Руси и производство собственных обоюдоострых мечей. Начало славянского оружейного производства связано, по-видимому, с действиями короля Карла Великого, который капитулярием 805 года запретил купцам, направлявшимся к славянам и аварам, продавать им франкское холодное оружие и броню. Некоторое время наши предки вынуждены были вооружаться только отечественным оружием, от века к веку совершенствуя его. Впрочем, такое совершенствование было неизбежным и без быстро забытого запрета франкского владыки – главными врагами славян были кочевники, а для борьбы с ними требовалось войско и оружие отличного от европейских типа. Справиться с номадами могли лишь большие конные дружины, воины которых были прикрыты кольчатыми доспехами и вооружены более удобными для конного боя мечами и слегка изогнутыми, аварского типа

саблями, булавами и кистенями. Теперь на Русь доставлялись франкские мечи самого высокого качества, которые по причине дороговизны такого оружия доставались князьям и лучшим из витязей. Сенсацией стал найденный в 2011 году в Днепре возле о. Хортица так называемый «меч Святослава» – клинок X века, богато украшенный золотом и серебром. Длина меча составляет 96 см., вес – ок. 1 кг. На оружии сохранилось клеймо мастерской, где был изготовлен клинок – «ULFBERHT». На 2010 год было известно всего 166 мечей, изготовленных кузнецами Ульфберта. Из них 20 было найдено на Руси. Все эти клинки отличает высокое качество – выковывались они из лучшего металла. Ульфберт, по-видимому, был франком по происхождению. Кирпичников считал, что его мастерская находилась на Среднем Рейне^[291].

Кроме того, на вооружении русских ратников были боевые топоры и длинные копья или рогатины. Копье – длинное древковое холодное оружие. Оно являлось основным оружием в конном бою. Копейный удар решал исход многих схваток. Это отложилось и в исторической памяти русского народа. Вспомним знаменитую фразу, восхваляющую дружинников – профессиональных русских воинов: «с конца копья вскормлены». Копье долго оставалось символом княжеской власти. Неслучайно и в X веке оставалась актуальной традиция начинать бой броском копья в сторону врага.

Пожалуй, самым примечательным из использовавшихся и в бою, и на охоте русских копий была знаменитая рогатина – мощное древковое оружие с мечевидным наконечником в форме рога. Лезвие рогатины в длину достигало 60 см., а в ширину – 6 см. Ниже, на стружии (древке) копья, под прямым углом друг к другу крепились 2 перекладины, образующие крест, препятствующий проникновению рогатины глубоко в тело поверженного врага, его коня или добытого на охоте зверя. Схожий с русской рогатиной европейский аналог – протазан, появился на Западе гораздо позднее, в XV веке. Оружием ближнего боя были меч и топор. Боевые русские топоры, как считают специалисты, были меньше и легче обычных, плотницких, имели характерный косой вырез внизу, шедший от лезвия к обуху. Это было чрезвычайно популярное и распространенное оружие, особенно на русском Севере, где в местах сражений археологами найдено топоров вдвое больше, чем мечей. Объясняется это отнюдь не плохим качеством русских клинков, а простотой и универсальностью топора, его относительной (по сравнению с мечом) дешевизной. Хороший меч был очень дорог. Ценился он (не в буквальном смысле) на вес золота. На Руси длину лучших клинков для

каждого бойца определяли индивидуально, измеряя расстояние от центра груди мечника до его ладони. Обычно длина такого меча составляла 1 метр. Лишь в исключительных случаях, для людей богатырского сложения, подбирались, или ковались заново более длинные и тяжелые клинки.

Основным метательным оружием русских воинов были стрелы. Известно два основных типа лука – простой, изготовлявшийся из цельного, подвергнутого специальной обработке куска дерева и сложный, клеенный из разных пород дерева, усиленный сухожилиями и костяными накладками. На Руси простой лук (из можжевельника) использовался лишь для обучения детей и при устройстве самострелов-ловушек (на охоте и в лесных засадах). Боевой лук состоял из клеенных и усиленных сухожилиями полос можжевельника, был туго оплетен слоем бересты. Его длина с надетой шелковой или кожаной тетивой достигала 1 метра 30 сантиметров. Стрелы с разноцветным оперением (так были помечены стрелы с разным типом наконечников – широкие, для стрельбы по бездоспешным воинам, и узкие, бронебойные) хранились в берестяном «туле» – овальном, почти круглом футляре, иногда для защиты от непогоды обшивавшемся кожей.

Арбалет на Руси появился на Руси раньше, чем в Европе. В 991 году у новгородцев они уже были – под названием самострелы. Русские арбалеты были крепостным оружием. Только на Волыни и в Галиции со второй трети XIII века их стали использовать в полевых сражениях. Приклад на русском арбалете-самостреле назывался сохой, а ложе – полосой. Все же оружие такого типа употреблялось на Руси редко – обнаруженные археологами наконечники арбалетных стрел составляют всего 1,5–2 % от общего количества^[292]. Известны случаи очень удачного применения арбалета. Так в 1382 году, при осаде Москвы Тохтамышем, «един же некто москвитин суконник Адам имене», находившийся на площадке над Фроло-Лаврскими воротами, «примети единого татарина нарочита (знатного) и славна, иже бе сын некоторого князя ординского, и напяв самострел и испусти стрелу напрасно на него и ею же уязви его в сердце его гневливое и вскоре смерть ему нанесе»^[293].

Особой разновидностью метательного оружия были сулицы – дротики, небольшие метательные копья длиной чуть более 1 м, также хранившиеся в специальном футляре, по 3 сулицы в каждом. К сожалению, нам известно лишь его позднее название – «джида».

Несколько слов о защитном вооружении русских воинов – «гридней» и «воев». Характерной каплевидной формы щит изготовлялся из дерева. По

краям его оковывали металлом. В центре крепилась конической формы металлическая пластина – умбон, придававшая щиту особую прочность. Кроме 2 ремней для надевания на руку и прочной рукояти русские щиты имели еще и продольный длинный ремень, применяемый при ношении щита на спине: в походе, во время отступления, в других необходимых случаях. Впрочем, использовались не только миндалевидные, но и круглые щиты диаметром до 90 см, реже трапецевидные, прямоугольные, треугольные^[294]. В качестве наголовья русские воины носили сфероконические шлемы («шеломы»). В 1958 году А. Н. Кирпичников писал: «Русские домонгольские шлемы восходят к древним восточным образцам. Уже в ранний период эти шлемы отличались большим своеобразием, и многие их типы не имеют аналогий ни на Востоке, ни на Западе. Очевидно, русские оружейники создали самостоятельные варианты боевого наголовья, восхищавшие современников своими отличными качествами и красотой; это обеспечило русским шлемам распространение за пределами родной земли»^[295].

Изредка встречались и полусферические наголовья, и шлемы азиатского, возможно, венгерского типа^[296]. Шлемы имели «бармицы» – кольчужное прикрытие шеи. Многие имели «наносники», «личины» (забрала), «прилбицы» – подшлемники из волчьего или барсучьего меха. Шлемы князей и воевод иногда украшались изображениями небесных покровителей владельца. Таким был шлем князя Ярослава Всеволодича, потерянный им во время Липицкой битвы 1217 года и обнаруженный в 1808 году. Он украшен серебряной чеканкой, шедшей по венцу (растительный орнамент с грифонами), по навершию шлема (лики святых). На налобной пластине – изображение архангела Михаил. На принадлежность князю Ярославу (в крещении Федору) указала надпись: «Великий архистратиже Михаиле помози рабу твоему Феодору»^[297]. Время изготовления Ярослава шлема В. Л. Янин определил периодом между 1149–1162 годами^[298].

Еще одним предметом личной защиты были кольчужные рубашки. Широко известное название этого типа кольчатого защитного вооружения – «кольчуга» – появилось лишь в XV–XVI веках. До этого кольчужную рубаху именовали простым словом «броня».

Первые сведения о наличии у славян кольчатых доспехов относятся к VII веку. Брони-кольчуги были очень дороги и, как правило, имелись лишь у знатных воинов: князей, воевод, дружинников, в городских же полках –

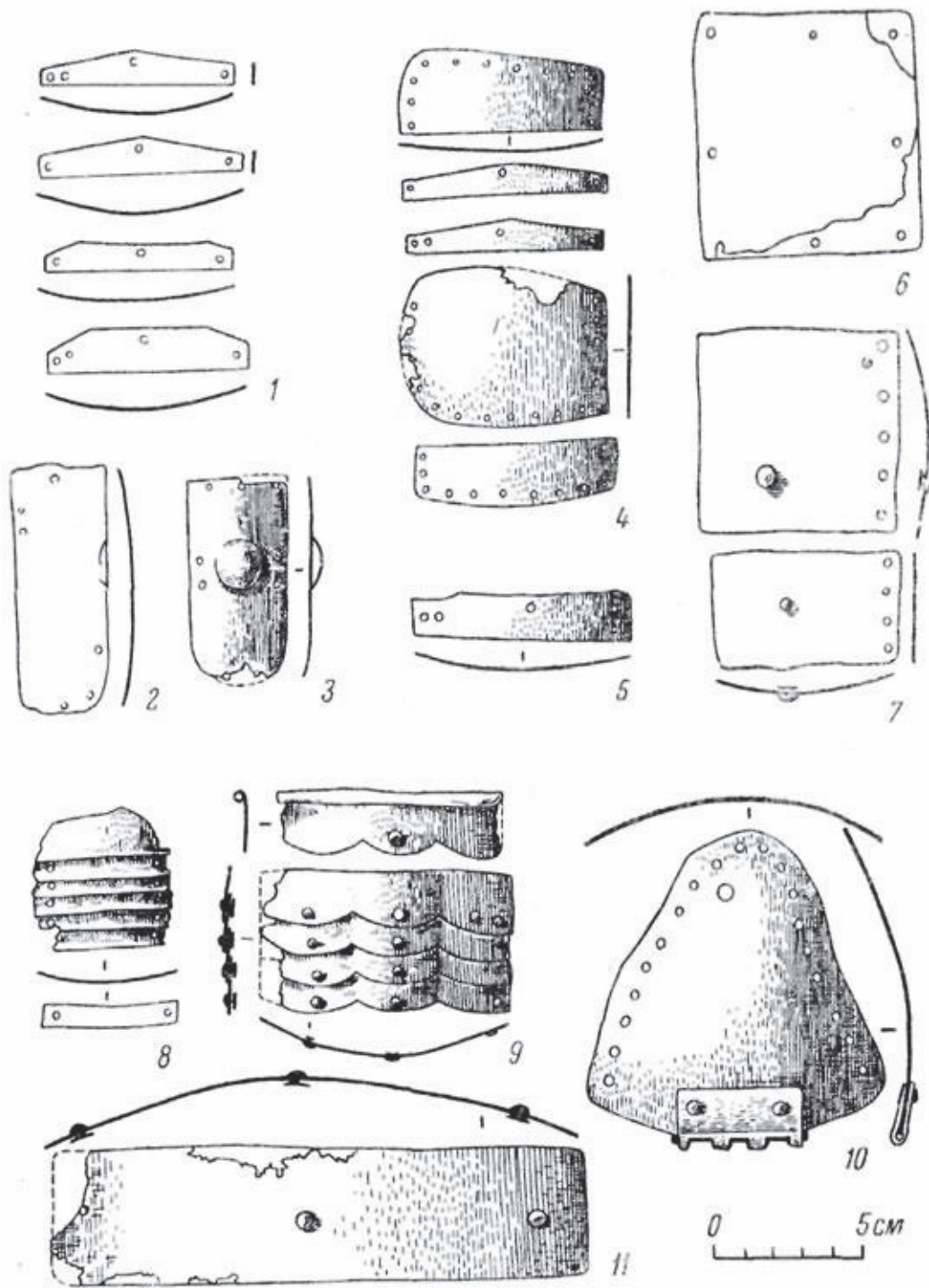
лишь у богатых купцов и мастеров. Изготовление кольчужной рубахи было делом очень трудным. Каждый опытный мастер тратил на нее около 200 часов. Таким образом, средняя кольчужная мастерская производила в месяц 15 и более доспехов^[299]. Кольца рубили и склепывали из железной проволоки толщиной в 1,5–2 мм. На изготовление одной брони шло около 600 метров такой проволоки – делалось более 20 тысяч колец^[300]. В походе кольчуги везли в обозе, надевали их воины непосредственно перед боем на особые стеганные куртки.

Помимо кольчатой на Руси использовалась и пластинчатая («дощатая») бронь и чешуйчатый доспех. Дощатая броня – это так называемый «ламельлярный панцирь»^[301], изготовлявшийся из связанных между собой и накладывающихся на предыдущий ряд металлических пластин. Дощатая броня весила больше кольчужной, достигая 10 кг. Впервые такой тип доспеха упоминается в Ипатьевской летописи под 1287 годом^[302]. Как отметил Ю. В. Сухарев, фасон ламеллярного панциря отличался от использовавшегося кочевниками, которые носили две кирасы, нагрудную и наспинную. Русский панцирь был схож с византийским, имея разрез на правом плече и боку. Плечи и подол его «оформлялись кожаными полосками, покрытыми наборными бляхами, что подтверждается произведениями искусства (иконы, фрески, миниатюры, изделия из камня»^[303].

Пластины ламеллярного доспеха имели прямоугольную форму и парные отверстия по краям для пропуска крепежных ремешков. Их размер составлял 8-10 см в длину и 1,5–3,5 см в ширину.

На чешуйчатом доспехе металлические пластины крепились к кожаной или тканевой основе, также покрывая предыдущий ряд наподобие рыбной чешуи. Ранее считалось, что чешуйчатые брони, в отличие от кольчуг, были мало распространены на Руси, а их изображения на миниатюрах – дань византийской традиции^[304]. Однако находка значительного числа пластин от чешуйчатого доспеха (в слоях начиная с XI века) вынудила иначе толковать историю использования нашими предками панцирей^[305].

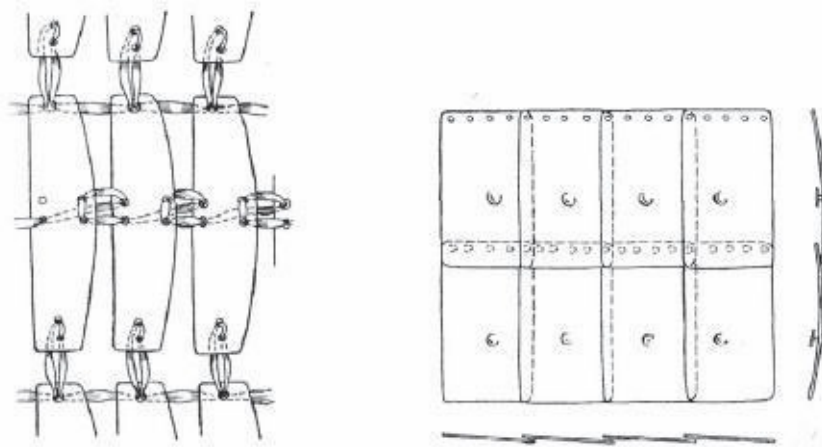
Тяжеловооруженные русские воины носили кольчужные чулки – «ноговицы»^[306], наколенники («ножницы»), наплечники, наручи. На миниатюрах русских рукописных книг встречаются изображения доспехов, соответствующих европейским бригантинам^[307].

Пластины ламеллярных доспехов (по А. Ф. Медведеву).

Все образцы русского холодного оружия изготавливались полностью или частично из железа и различных видов стали. Сталь – сплав железа с углеродом и другими элементами. Он содержит не более 2,14 % углерода. При большем количестве углерода вместо стали образуется прочный, но

хрупкий чугун. В отличие от него, сталь обладает упругостью и способностью закаливаться. Нагретый до красного каления и опущенный в воду кусок стали приобретает различные степени твердости и упругости. Закаленную сталь обрабатывать невозможно – ее нужно отпустить. При нагревании и медленном охлаждении сталь теряет свои свойства – отпускается. Чем меньше в стали углерода, тем она мягче [\[308\]](#).

Крепление пластин ламеллярного (слева) и чешуйчатого (справа) панцирей

Для изготовления боевого клинкового оружия использовалась особая сталь. Лучшей считался булат (от персидского слова «фулад» и тюркского «болот» – сталь, на Руси – «красное железо, потом булат) – литой в тигле сплав железа с углеродом. Использовался для изготовления холодного оружия – клинков мечей, кинжалов, ножей. Поверхность булата имеет свой характерный узор, который отражает внутреннее строение металла. Выдающиеся качества этого материала – твердость и упругость – имеют место благодаря чередованию твердых участков металла с более мягкими. Происхождение булата связывают с Индией: из этой страны (там он назывался «вуц»), булат доставлялся в виде слитков в Иран, Турцию, на Русь и другие регионы, где эти слитки ковали местные кузнецы. О булате знал уже Аристотель.

Стремясь повторить изделие индийских мастеров, отличавшееся исключительными режущими свойствами, кузнецы других стран сваривали и многократно проковывали чередующиеся слои высокоуглеродной и низкоуглеродной стали и железа, и на поверхности металла появлялся особый фактурный узор. Поскольку такое производство было очень трудоемким, требовало исключительного кузнечного мастерства, то

изделия имели большую ценность. Их пытались имитировать при помощи других техник, например, гравирования. Среди оружейных центров, изготавливавших такой материал, наибольшей славой пользовался Дамаск – город, от которого и пошло название «дамасская сталь»^[309]. На Руси она называлась «харалугом». О харалужных мечах и копьях упоминается в «Слове о полку Игореве». По-видимому, их же имеет ввиду хорезмийский ученый Аль-Бируни в X веке, говоря: «Русы выделывают свои мечи из шапурхана (стали), а долы посреди них из нармохана (железа), чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Аль-фулад (литая сталь) не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они познакомились с фарандом (сплавленным узорчатым металлом), то изобрели для долов плетенье из длинных проволок, изготовленных из обеих разновидностей железа – шапурхана и нармохана. И стали у них получаться на сварных плетениях при погружении в травитель вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить. Фаранд же не получается соответственно намерению, но он (его узор) случаен».

Осадная техника Древней Руси

Первоначально, когда славянские и русские рати еще не имели осадных орудий, основным способом взятия укрепленного города был внезапный штурм – «изгон» или «изъезд». Как правило, штурмовали ворота, пытаясь их захватить. Если такой налет не удавался, начиналась осада – «облежание». В ходе нее противника пытались заставить сдаться измором (вызывая страдания от голода или жажды). Стены штурмовали редко, используя простейшие средства – приставные лестницы и вязанки хвороста для заваливания рва и части стены^[310].

Славяне использовали осадные машины при осаде византийских крепостей уже в VI веке^[311]. В то же время, по мнению К. С. Носова, на Руси метательные механизмы, называвшиеся «пороками», начинают использоваться только во второй половине XII столетия, но сколько-нибудь заметное влияние на военную архитектуру камнеметные орудия начинают оказывать лишь в XIII веке^[312].

В летописях рассказывается, что для осады и обороны крепостей и городов русскими войсками применялись тяжелые машины, опыт сооружения и использования которых, несомненно, был заимствован нашими предками из европейских стран. На Руси все осадные метательные

орудия можно разделить, в зависимости от назначения и действия, на два типа: «стенобитные» (или прицельного действия), служившие для разрушения стен, и «верхового» действия, предназначенные для переброса снарядов (камней, стрел копий, ядер) через городские стены. К ним относились баллисты, аркбаллисты, катапульты. Также широко применялись машины для метания стрел и копий – бриколи. Широко использовались и устройства ударного действия – тараны, которые были нужны для разрушения стен и ворот.

Баллисты делали самых различных видов и размеров. Одни из них служили для метания копий и небольших камней, другие – тяжелых каменных глыб и заостренных бревен, которыми нередко разрушали городские стены. По своему устройству баллиста сильно напоминала лук и особенно самострел. Вместо тетивы применяли прочный натяжной канат, а вместо упругой деревянной дуги – два пучка скрученных воловьих сухожилий или кишок, укрепленных в прочной массивной раме. В пучки натянутых сухожилий вставляли горизонтальные рычаги, концы которых крепились к натяжному канату и с большим усилием закручивали сухожилия. Затем к концам рычагов привязывали канат. При стрельбе канат оттягивали назад посредством ворота, в результате чего рычаги еще больше закручивали пучки сухожилий (кишок), создавая сильное натяжение. Оттянутый канат закрепляли на направляющем желобе специальным фиксатором – чекой. В желоб укладывали снаряд – камень, копье, бревно и т. д. Стоило вынуть чеку, удерживавшую канат, как под действием силы скрученных сухожилий рычаги мгновенно возвращались в первоначальное положение, и канат с силой толкал снаряд по желобу.

Для увеличения разрушительного действия метаемых бревен их заостренную головную часть иногда оковывали железом или надевали на нее острый наконечник. Таким бревном длиной 3–4 м. можно было пробить прочную деревянную городскую стену – тын и даже городню – с расстояния в несколько сотен шагов.

Баллисты небольших размеров нередко имели механизмы наведения в цель. Так вертикальная наводка осуществлялась посредством винтового механизма, а горизонтальная – путем передвижения хоботовой части на специально устроенной катке.

С течением времени баллисты совершенствовались. Вместо недостаточно надежных в работе сухожилий стали применять упругую дугу (деревянную или металлическую). Для придания баллисте подвижности ее станок – основание баллисты – поставили на колеса. Так появилась аркбаллиста. Иногда эти машины называли скорпионами. В

качестве снарядов в аркбаллистах применяли каменные и металлические шары, а также массивные (короткие и толстые) стрелы «карро» с четырехгранным железным наконечником. Такие стрелы, пущенные из аркбаллисты на расстоянии нескольких сот метров, могли пробить стену из пятнадцатисантиметровых бревен. А. Н. Кирпичников произвел подсчеты, сопоставляя изображения самострелов на миниатюрах с изображениями людей. В результате у него получилось, что величина станка составила 2–2,5 м., луковище – около 2,5 м., величина ядра в поперечнике – 20–35 см.; соотношение длины тетивы к ложу приближается к 1:1; расстояние оттяга тетивы до зацепа равно двойному или тройному расстоянию от тетивы до центра изгиба луковища в спокойном состоянии^[313].

Установленная на колеса, аркбаллиста могла следовать за войсками в походе. Подготовка ее к стрельбе не занимала много времени.

Катапульта была машиной неприцельного (верхового) действия и служила для перебрасывания через крепостные стены тяжелых камней или других «снарядов», например, разлагавшихся трупов животных, бочонков с нечистотами – для того, чтобы поразить врага, стеснить его действия, надломить боевой дух и вынудить к капитуляции. Действие катапульты основано на том же принципе, что и другие баллисты, однако устроена она была несколько по-иному.

На массивном основании катапульты, выполненном из бревен, прочно укрепляли две стойки, соединенные сверху перекладиной. В их нижней части укреплялись концы большого пучка натянутых сухожилий, в который вставляли прочный рычаг. Готовя катапульту к стрельбе, ее расчет при помощи ворота опускал (оттягивал) верхний конец рычага, клал в паз снаряд и отпускал рычаг. При оттягивании рычага сухожилия закручивались и напрягались. Как только рычаг освобождался, сухожилия, раскручиваясь, с силой поднимали верхний конец рычага, заставляя снаряд лететь на большое расстояние.

Катапульты, как и баллисты, делали самых разных размеров и конструкций. Иногда они были настолько велики, что позволяли метать камни весом по два-три десятка пудов на сотни метров.

На верхней перекладине катапульты обычно делали подушку, которая смягчала удар рычага о перекладину и ограничивала угол подъема рычага. Иногда на ней делали один или несколько направляющих желобов, в которые клали стрелы или копья. Поднимающийся рычаг с силой толкал стрелы, и они летели с большой скоростью, нанося врагу немалый урон.

Бриколь (стреломет или копьемет) была устроена следующим образом. На прочном основании устанавливалась высокая деревянная стойка с

перекладиной (направляющим приспособлением). На перекладине был сделан желоб или отверстия для копья (стрелы).

Снизу к стойке был прикреплен конец длинной упругой доски, другой конец которой приходился против направляющего желоба. Оттянутая при помощи ворота ударная доска с силой ударяла по концу копья или стрелы и заставляла лететь на большое расстояние.

Направляющее приспособление прикреплялось к стойкам таким образом, чтобы можно было изменять угол его наклона. Это обеспечивало возможность метания копий под различными углами и, следовательно, на различные дальности. Вследствие этого бриколь можно отнести к метательным машинам прицельного действия.

Баробаллистическая машина представляла собой прочный и длинный двуплечий рычаг. К короткому плечу рычага прикреплялся массивный груз, а к концу длинного – нечто вроде пращи. Длинное плечо рычага при помощи ворота опускалось вниз, в пращу вкладывался снаряд, и, как только рычаг освобождался, находившийся на его коротком плече груз опускался, отчего длинное плечо вместе со снарядом делало быстрый взмах. При этом свободный конец «пращи» соскакивал с рычага, и освободившийся снаряд летел в цель.

Баробаллистические машины были обычно громоздки и неуклюжи. Из-за низкой меткости стрельбы они предназначались главным образом для того, чтобы забрасывать в осажденный город большие камни, бочки с зажженной смолой и тому подобные «снаряды».

Различные пороки использовались в русском войске до конца изучаемого периода. Последнее упоминание о них относится ко времени Казанских походов Ивана Грозного.

Иногда использовались и тараны – мощные стенобитные орудия. Таран представлял собой массивное бревно из прочного тяжелого дерева (дуба, ели, ясеня и др.), на одном конце которого крепился металлический наконечник (бронзовый или железный), иногда имевший форму бараньей головы или же заостренный. Осаждавшие город воины раскачивали таран на руках и до тех пор ударяли его металлическим навершием в одно и то же место ворот или городской стены, пока не проламывали воротину или не пробивали брешь. Именно о таране русская поговорка говорит: ««установился, как баран на новые ворота»».

Со временем бревно стали делать еще более тяжелым, подвешивая веревками или цепями на специальной раме (на козлах) таким образом, чтобы его можно было раскачивать в продольном направлении.

Обороняющийся противник старался всячески помешать осаждавшим. С городских стен он обстреливал их из лука, забрасывал камнями, обливал горячей смолой. Поэтому раму, на которой подвешивалось бревно, стали накрывать прочным навесом, обмазывая его глиной для предохранения от огня.

Тараны обычно сооружались в некотором отдалении от города а затем на катках через заваленный ров вплотную подкатывались к воротам или стене. Впоследствии под навесом стали делать площадки в несколько этажей: на каждой из них устанавливались тараны. Это давало возможность пробивать в стене одновременно несколько брешей.

В исторической литературе есть упоминания о том, что бревна тарана иногда достигали 20–30 метров в длину, и что не было настолько крепких башен и стен, которые при усердной работе нельзя было бы пробить тараном. Для обслуживания такого тарана привлекалось до ста человек.

Более эффективной осадная техника стала после появления огнестрельных артиллерийских орудий.

Русская артиллерия

Первые огнестрельные орудия (тюфяки и пушки) появились на Руси в конце XIV века. Определяя более точную дату этого события, историки дореволюционной России придавали исключительное значение записи Тверской летописи, в которой под 1389 годом было отмечено: «Того же лета из немец вынесоша пушкы»^[314]. В советское время сложилась традиция связывать начало русской артиллерии с более ранней датой. Приверженцы ее указывают на наличие неких огнестрельных орудий в Москве во время осады ее Тохтамышем (1382 год)^[315]. Однако при этом не учитывается не только факт последующего захвата Москвы, а значит, и этих пушек татарами, но и того, что первые на Руси орудия, скорее всего, были трофейными – захваченными во время похода 1376 года московской рати князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского на Волжскую Болгарию^[316]. В связи с этим сообщение о появлении в 1389 году в Твери пушек имеет действительно первостепенное значение. На это указывает следующий, хорошо известный военным историкам факт – в 1408 году осадивший Москву эмир Едигей, зная о наличии в Твери первоклассной артиллерии, послал за ней «царевича» Булата^[317]. Вопреки достаточно ясным указаниям летописцев, П. А. Раппопорт утверждал, что Едигей, осаждая в 1408 году Москву, ожидал прибытия из Твери не артиллерийских

орудий, а камнеметов^[318]. Чтобы опровергнуть это голословное заявление, процитируем сообщение об этом событии в Московском летописном своде: «Стоя же Едигеи у Москвы в селе Коломенском и тогда посылает послы своя, Булата цесаревича да князя Ериклибердея, на Тферь ко князю великому Ивану Михайловичю Тферьскому, веля ему бытии у Москвы часа того со всею ратью тферьскою и с пушками и с тюфяки и с самострелы и с всеми сосуды градобитными...»^[319]. Лишь откровенный саботаж тверского князя Ивана Михайловича, чрезвычайно медленно готовившего «наряд» к походу, вынудили Едигея изменить планы: взяв с москвичей денежный выкуп (3 тыс. рублей), он ушел в Орду так и не дождавшись прибытия необходимых ему пушек.

О московской артиллерии того периода известно только, что великий князь литовский Витовт после Грюнвальдской победы прислал своему зятю Василию I два медных трофейных немецких орудия^[320].

Спустя полвека после нашествия Едигея тверская артиллерия оставалась первой на Руси. Заведовал ею знаменитый пушкарь Микула Кречетников, о котором инок Фома, автор «Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче» писал: «Таков беаше мастер, но яко и среди немец не обрести такова». Но он не только ковал пушки, не уступающие европейским, но и командовал тверским «нарядом» в походе на Углич и Ржев в 1447 году под знаменами великого князя московского Василия II. При осаде Углича, «когда привезли пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему, великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, и все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству»^[321].

Первые русские орудия были железными. Их ковали из полос металла толщиной 7—10 мм, после чего сгибали, придавая форму ствола, и сваривали. На такой ствол надевали следующий изогнутый лист железа и опять сваривали. Потом процедуру повторяли. Получались фрагменты ствола из трех слоев железа длиной от 200 до 230 мм. Секции приваривали друг к другу, получая металлическую трубу-заготовку нужной длины. Другой способ изготовления пушечных стволов предполагал обмотку цельнотянутой железной проволоки стержня с последующей ее проковкой. В этом случае казенную часть получали, забивая в будущий ствол

конусообразную металлическую заглушку в нагретом состоянии.

Сохранилось несколько кованых пушек, поэтому мы знаем, что на изготовление средних размеров пищали калибра 50 мм и длиной 1590 мм шло 7 секций трубы. Интересно, что поперечные и продольные швы, получавшиеся при сварке стволов орудий, были очень хорошего качества, что свидетельствует о высоком мастерстве русских мастеров-оружейников. Известны железные русские пушки, выкованные из цельной заготовки. Так образом была изготовлена мортира (верховая пушка), хранящаяся в Тверском историческом музее^[322].

Кованые орудия находились на вооружении русской армии в течение всего XV века. Их изготавливали калибром 24 – 110 мм, массой 60 – 170 кг. Первые тюфяки, пушки и пищали не имели прицельных приспособлений, но необходимость корректировки стрельбы очень скоро вызвала появление простейших прицелов – мушек и прорезей, а затем трубчатых и рамочных прицелов. Для придания угла возвышения орудию, находившемуся в дубовой колоде, использовали систему клинообразных вкладышей, при помощи которых приподнимали пушечный ствол на необходимую высоту.

Новый этап в развитии русской артиллерии был связан с началом литья медных орудий. Внедрение новой технологии улучшило качество «наряда» и позволило перейти к изготовлению пушек-пищалей и мортир крупного калибра. Литые орудия стоили дороже, но стреляли дальше и более метко, чем кованые. Для их отливки в 1475 году у Спасских ворот была основана Пушечная изба, которую позднее перенесли на берег Неглинной.

В этой «избе» делали пушки мастер Яков с учениками Ваней и Васютой, а позднее – с неким Федькой^[323]. В апреле 1483 года мастером Яковом было изготовлено первое на Руси литое медное орудие – шестнадцатипудовая пищаль. К сожалению, она не сохранилась. Но он же отлил в 1492 году и самую древнюю из дошедших до наших дней литых пушек. Длина этой пищали составила 137,6 см (54,2 дюйма), вес – 76,12 кг (4 пуда. 26 фунтов), калибр – 6,6 см (2,6 дюйма). В настоящее время пищаль мастера Якова хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Это орудие отличает отсутствие цапф, дельфинов и торели. В то же самое время на дульном возвышении была сделана небольшая медная мушка, а на казенной части – специальная прорезь, в которую устанавливался прицел^[324]. Позже для отливки артиллерийских орудий стали изготавливать специальные формы. Приступая к работе, мастера из воска лепили будущую пищаль или пушку

со всеми деталями – вертлюгами (цапфами), дельфинами, торелью, виноградом, потом покрывали воск формовочной глиной. Когда глина просыхала, вокруг образовавшейся глыбы складывали дрова и зажигали костер. Воск вытапливался, а обожженный глиняный монолит становился крепким, как камень. Затем в форму через железный сердечник заливали расплавленный металл, когда он затвердевал, форму разбивали, освобождая заготовку, снаружи уже напоминавшую орудие, но еще без дульного отверстия. Его предстояло высверлить. Изготовив такую форму, можно было отлить одну-единственную пушку, на изготовление которой уходило от года до полутора лет. Так как для отливки каждого орудия изготавливали новую форму, а полученную заготовку еще следовало дорабатывать, то двух одинаковых орудий не существовало.

Определенную роль в улучшении качества русских артиллерийских орудий сыграли итальянские и немецкие мастера, работавшие в конце XV – начале XVI веков в московской Пушечной избе, позже получившей название Большой Пушечный двор. Это предприятие, обнесенное надежной крепостной стеной, было организовано в Москве, на реке Неглинной, как было сказано выше, еще в 1475 году. Но крупное литейное производство мануфактурного типа наладил здесь Аристотель Фиораванти^[325]. Хорошо известный строитель Успенского собора, «муроль» (архитектор) прославился также искусством лить пушки и стрелять из них. О признании артиллерийских способностей знаменитого болонца свидетельствует его участие в походах на Новгород (1477 год), на Тверь (1485 год), во время которого старый мастер состоял при полковом «наряде». В 1488 году Пушечная изба сгорела, но вскоре после уничтожившего ее пожара на старом месте появились несколько новых пушечных изб, в которых возобновилось производство артиллерийских орудий. Так возник Пушечный двор, где, помимо Аристотеля Фиораванти, создавшего в Москве эту первую крупную литейную пушечную мануфактуру, работали и другие известные итальянские мастера пушечного дела.

В этот период появляются и первые образцы ручного огнестрельного оружия – «ручницы», древнейшие сохранившиеся образцы которых датируются самым началом XV века. Короткоствольные и крупнокалиберные «ручницы», как и конструктивно схожие с ними «самопалы» и «недомерки», быстро совершенствуются. Уже в конце XV столетия появляется первое фитильное ружье, имеющее специальную боковую полку и приклад.

Глава 3. Русские города-крепости. Оборона границ

Укрепленные славянские поселения именовались «градами» – городами, так как были отгорожены, то есть отделены от окружающей местности, первоначально – высоким валом со рвом перед ним. Такой вид укрепления назывался «присп» или «пересп» – от слова «присыпать», «пересыпать». Некоторые города окружали валы почти 20-метровой высоты со рвами 10-метровой глубины. Возможно, по валу шла городьба (ограда), как правило, в виде тына – вертикально установленных заостренных бревен высотой в два копья^[326].

В VIII веке грады стали окружать более мощными стенами из крепких срубов – клетей, засыпанных землей с камнями. К такого рода укреплениям относится крепость, в 1997 году обнаруженная археологами под Старой Ладогой, на Любшанском городище (в месте впадения р. Любши в Волхов). Впрочем, эта крепость относится к промежуточному типу – переходному от дерево-земляных укреплений к каменным. Она представляла собой глиняный вал высотой около 3 м, укрепленный двумя подпорками из свободно сложенных камней (известняковых плит) высотой 1,8 м. На нем была возведена защитная стена из деревянных клетей (каркас из бревен с утрамбованной землей внутри). Общая высота оборонительного сооружения достигала 7 м. Сооружено оно было до 770-х годов славянами-переселенцами из Центральной или Южной Европы.

Каменные укрепления были надежнее деревянных, но на Руси они встречались реже. Первые из них стали строить лишь спустя столетие после появления деревянных крепостей. К числу древнейших русских каменных градов относятся крепости на Труворовом городище под Изборском (IX век), а также в Старой Ладоге (конец IX столетия), где она поставлена выше по реке от Любшинской крепости, на другом берегу Волхова.

Большинство русских крепостей IX–XV веков окружали деревянные стены – «прясла», возведенные из городней (срубов) или тарас.

Городни – отдельные прямоугольные бревенчатые срубы, поставленные в ряд и заполненные землей и камнями. Но со временем места соединения срубов в подвергались воздействию атмосферных осадков и быстро загнивали. Еще одной бедой было то, что стена из городней получала неравномерную осадку срубов, вследствие чего искривлялась, в настилах и крышах появлялись перепады^[327].

Стены, изготовленные из рубленых тарас, представляли две сплошные бревенчатые конструкции, соединенные стенками-перерубами^[328]. При этом места стыков продольных и поперечных бревен были закрыты, что спасало их от гниения и проседания. В продольных стенах стыки бревен соседних рядов старались не делать один над другим, а относили в места пересечения с соседними перерубами. Благодаря этому стыки оказывались расположенными по поверхности стены в шахматном порядке, что повышало прочность всей конструкции.

На стенах городов устраивались заборала, прикрывающие защитников брустверы. Выступающий за линию стены бруствер назывался облам. В Старой Рязани прясла венчали трехстенные срубы с узкими бойницами для стрельбы – «скважнями».

Башни в русских крепостях, называвшиеся вежами, столпами, кострами (от латинского слова *castrum* – замок), стрельницами, появляются позднее, вместе с более мощными осадными орудиями. Так в Изборске, каменные укрепления которого возводятся в IX веке, первая башня (Луковка^[329]) была построена лишь при перестройке крепости в XIV столетии.

Городские укрепления усиливались искусственными препятствиями, чаще всего надолбами и частиком (частоколом). Надолбы – расставленные в шахматном порядке столбы и колья, в необходимом случае соединенные поверху жердями – прогонами. Частик – сплошные ряды кольев, вкопанных в сухом рву, на валах под стенами, между надолбами. Благодаря усилиям русских фортификаторов грады становятся «крепкими». Производным от выражения «крепкий град» со временем стало слово «крепость», достаточно долго обозначавшее также любое хорошо укрепленное место.

Все древнейшие русские города-крепости были похожи по своему внешнему облику. Они, как правило, располагались при слиянии двух рек, что сразу же обеспечивало защиту будущего поселения с двух сторон. Центральная часть города, окруженная валом и стенами, называлась детинцем или кремлем. Детинец / кремль был со всех сторон окружен водой, так как реки, у слияния которых строился город, соединялись рвом, наполненным водой. Известны и островные города-крепости – Луцк (Луческ), Орешек, Тиверский городок, а также горные крепости – Ужгород, Кременец, Тустань.

Дорога в город лежала через ворота. К их защите относились с особым тщанием, устраивая в этом месте самые мощные надвратные башни. Самые знаменитые из них – Золотые Ворота в Киеве и Владимире.

Киевские представляют собой высокую крепостную башню с широкой (до 7,5 м) проездной аркой. Внутри нее выступают мощные пилястры, на которые опиралась кладка свода. Высота сохранившихся стен достигает 9,5 м. Строили ворота в технике смешанной кладки – слои камней перемежались с выравнивающими рядами плинфы.

Венчала Золотые Ворота надвратная церковь Благовещенья, чтобы каждый путник, подъезжающий к Киеву, мог видеть и понимать, что перед ним находится христианский стольный град.

Владимирские Золотые Ворота были построены при князе Андрее Боголюбском. Их покрыли листами золоченой меди, откуда и возникло название сооружения. Воротную башню начали возводить в 1158 году, а закончили в 1164 году освящением надвратной Ризположенской церкви (Положения риз Богоматери). Монументальное здание с массивным полуциркульным сводом над проездной аркой высотой 14 м. эффектно контрастировало с изящностью венчавшей его белокаменной церкви. Владимирские врата вполне соответствовали своему назначению – достойно оформить парадный въезд в ту часть огромного по тем временам города^[330], где находилась резиденция великого князя.

До наших дней в первоначальном виде сохранилась проездная арка с мощными боковыми пилонами и небольшие фрагменты боевой площадки над ними. Венчающая сейчас ворота кирпичная церковь была построена позже, на рубеже XVIII–XIX веков.

Другие белокаменные ворота во Владимире – Серебряные, находившиеся у моста через реку Лыбедь, где начиналась дорога к княжескому городу Боголюбову, – не сохранились.

В XIV–XV веках в надвратных башнях стали устанавливать герсы – опускаемые решетки. Иногда их было несколько. Так в Никольской башне Порховской крепости при ее перестройке в 1430 году сделали 3 герсы.

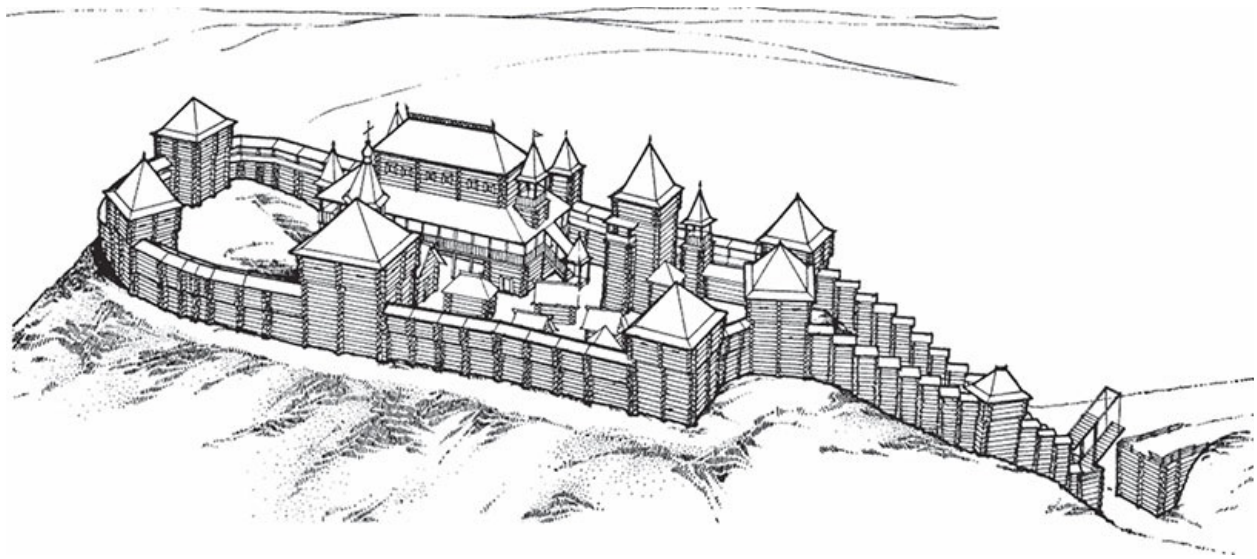
Взяв крепостные ворота, противник получал доступ в город. Поэтому, готовя его к защите, зодчие стали сооружать дополнительные укрепления у воротных башен, так называемые захабы. Они представляли собой боковой подъезд к воротам, образованный двумя стенами с бойницами, и являлись своеобразной ловушкой для штурмующих. Сохранились остатки каменных захабов в Пскове, Изборске, Острове и Порхове.

Перед воротами через ров перебрасывали мосты. Они были деревянными, опирающимися на столбы. В случае необходимости их можно было достаточно легко уничтожить. Подъемных мостов в русских городах не было до конца XV века.

Значительные изменения в русской фортификации произошли после появления ствольной артиллерии, достаточно быстро ставшей главной угрозой для крепостных сооружений. Поражающее действие пушек, использовавшихся и при обороне, и при осаде городов, вынудило градодельцев учитывать это обстоятельство при перестройке старых и возведении новых крепостей. Первые артиллерийские орудия – тюфяки – использовались преимущественно при обороне. Их устанавливали в башнях. По этой причине в начале XV века началось их переоборудование под артиллерийскую позицию. Число башен увеличилось. Они были вынесены за линию стен, что облегчило ведение фланкирующего огня. Вместо узких щелевидных бойниц введены широкие бойницы с камерами – «печурами».

С XII века внутренняя городская крепость называлась детинцем (первое упоминание в летописи – 1097 год). В XIV столетии цитадели начинают именоваться кремлями (первое упоминание – 1316 год: «марта 19, загоряся град Тверь, кремль, и множеством людей погашен бысть»).

На сегодняшний день лучше всего изучен Детинец в Любече. Четыре сезона подряд, в 1957–1960 годах, здесь вела раскопки Черниговская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова. Была обследована вся территория городища, и в ходе работ сумели обнаружить хорошо сохранившиеся остатки деревянных сооружений. Б. А. Рыбаков предложил считать их княжеским замком XII века, хотя, судя по его же реконструкции этой крепости, это был именно Детинец^[331]. Он имел ограду – земляной вал, бревенчатые дубовые стены с заборами, поставленные на высокой горе. Главный и, вероятно, единственный, въезд в Детинец находился с юго-запада. Добраться до него можно было только через ров с подъемным деревянным мостом на цепях. От передней надвратной башни дорога круто шла вверх, между двумя деревянными стенами и вела к главным воротам крепости на верху горы. Сразу же за воротами, на территории внутреннего двора, стояла высокая четырехъярусная башня – «вежа», выполнявшая, по предположению Рыбакова, функции донжона. Но в оборонительном отношении эта «вежа» ничем не превосходила другие башни и располагалась достаточно далеко от терема. Видимо, «донжон» являлся вторыми проездными воротами. К южной линии замковых укреплений было пристроено большое здание, обозначенное Рыбаковым как трехэтажный княжеский дворец (терем). К северу от него находилась небольшая деревянная церковь.

Любечский Детинец

К детинцу/кремлю примыкало предградие, позже получившее название посад. Эта часть древнерусского города могла иметь свои укрепления, называвшиеся окольным городом или острогом. В предградии/посаде находились поселения торговцев и ремесленников – слободы. В одной слободе чаще всего жили представители одной профессии – отсюда происходят их названия: «Кузнечная слобода», «Торговая слобода», «Гончарная», «Кожевенная» и пр.

Самыми сильными крепостями были столицы княжеств-государств. Их укреплению уделялось пристальное внимание. Стольные города являлись последним рубежом обороны. Их гарнизоны усиливались лучшими дружинными войсками, поэтому овладеть такими цитаделями было совсем не просто. Первой столицей Руси был Киев – «мать городов-русских».

В IX-X веках это был небольшой город (2 га), расположенный на мысу высокого холма, названного «Горой» (позже закрепилось название Старокиевская Гора) и возвышавшегося над Днепром. С напольной стороны «град Кия» был защищен валом и рвом глубиной 4 м. В конце X в. укрепления этого первоначального поселения были убраны – город сильно разросся и его границы следовало расширить. Новая крепость, так называемый «город Владимира», состояла из вала и рва, окружавших площадь, равную примерно 11 га. По валу проходила деревянная крепостная стена, главные ворота были кирпичными.

Быстрый рост Киева и его населения продолжался и привел к

необходимости постройки новых укреплений, способных защитить районы, оказавшиеся за пределами «города Владимира». Масштабное крепостное строительство началось здесь в 30-х годах XI века. В результате была построена еще более мощная оборонительная система – «город Ярослава». Площадь его защищенной валами территории равнялась теперь приблизительно 100 га.

Линия валов «города Ярослава» тянулась примерно на 3,5 км, причем там, где валы проходили по краю возвышенности. Рвов перед ними не было, а там, где естественные склоны отсутствовали, перед валом всюду отрыли глубокий и широкий ров – до 18 м. Валы имели очень большую высоту – 11 м – и внутренний каркас из огромных дубовых срубов. По верху валов проходила срубная оборонительная стена – верхняя часть внутривального каркаса с крытыми заборалами. Общая высота вала, стены и заборал достигала 16 м. Сквозь валы вели трое городских ворот (Золотые, Лядские и Жидовские). Кроме того, Боричев взвоз соединял «верхний город» с Подолом, новым районом, выросшим на берегу Днепра под Горой. Со стороны Оболони Подол был прикрыт глубоким рвом с высоким валом, деревянной рубленной стеной и башнями. С других сторон предместье окружал частокол. Рядом с Подолом находился еще один пригород – Копырев конец. Он также был укреплен валами и стенами. Укрепления Копырева конца уступали крепостным сооружениям Горы, но могли задержать неприятеля до эвакуации населения в верхний город.

Хорошо укрепленной крепостью был и Владимир-на-Клязьме. Первую цитадель заложил на рубеже XI–XII веков Владимир Мономах. Позднее ее стали именовать Печерним (Мономаховым) городом. Крепость была поставлена на высоком холме, склоны которого круто обрывались: с юга – к Клязьме, с севера – к Лыбеди. С запада и востока подступы к Печерному городу прикрывали глубокие овраги. Наличие их облегчило укрепление новой крепости – овраги были соединены между собой рвами длиной до 200 м и глубиной 10–15 м. Такие рвы были выкопаны с запада у Золотых ворот, у Муромского спуска, у Ивановского вала. При их прорытии использовалась классическая уже схема: во время копки рва из вынутой земли формировался вал, по его верху сооружались деревянные тыновые или рубленые ограды. При этом основанием вала служили срубы – «городни». Во владимирских валах они обычно забутовывались камнем или глиной. Поверх «городен» насыпались валы из глины и песка до высоты 9–10 м и шириной у основания до 30 м.

Так на западном взгорье Юрий Долгорукий строил свой загородный

дворец, расположив его на южной кромке, обращенной к Клязьме. Его сын Андрей Боголюбский окончательно избрал местом своего пребывания Владимир и начал интенсивно отстраивать город. Свой княжеский двор он заложил возле дворца Юрия Долгорукого. Вскоре весь западный холм оброс разнообразными постройками придворной знати и дружинников. Он получил название «Новый город».

Напротив, с восточной стороны от Кремля, получившей название Ветшаный город, селились преимущественно рядовые горожане. Такое сословное разделение территории сохранилось надолго. В XII веке это акцентировалось еще и монументальными сооружениями, занявшими самые видные места на центральном и западном нагорье.

Город располагался теперь на трех холмах, разделенных глубокими впадинами, и представлял собою три самостоятельных укрепленных района, соединявшихся между собою мостами.

Третьей столицей Руси стала Москва. Возведенная в центре города крепость получила распространенное название «Кремль» только в XIV веке. Первоначально она называлась «град Москва» или «Кучков» (по имени владевшего ею боярина Степана Кучки). Первые укрепления были построены здесь еще в начале XI столетия на юго-западной части Боровицкого холма. По площади небольшая крепостица занимала около 1,5 га и имела предградие. Обнаруженный археологами ров проходил вдоль западного фасада Большого Кремлевского дворца. Его глубина достигала 9 м, ширина составляла около 4 м. На валу была установлены тыновая ограда.

При Юрии Долгоруком в 1156 году крепость расширили, включив в нее и прежнее предградие. Протяженность стен, возведенных из городней, составила ок. 800 м, площадь – 3 га. Руководил строительством сын Юрия Андрей Боголюбский. В дальнейшем крепость на Боровицком холме неоднократно расширялась, перестраивалась и укреплялась. В 1305 и 1308 году Москву осаждали тверские рати, но взять ее не смогли. В то время городскую цитадель уже называли Кремником, а с 1315 года – Кремлем. Страшнее тверичей были пожары. Не раз они опустошали Москву, пожар 1337 года уничтожил и кремлевские стены. Через два года после него, 25 ноября 1339 года, Иван Калита заложил новую крепость, которая была срублена до великого поста 1340 года. Новый Кремль построили из дубовых бревен толщиной почти в аршин. Протяженность стен московской крепости существенно превосходила периметр первоначальной: теперь их длина равнялась 780 сажням (1670 м). Впервые Кремль был усилен

башнями, поставленными в основном по напольной его стороне^[332].

В 1366 году, вскоре после прошлогоднего Всесвятского пожара, московский князь Дмитрий Иванович «замыслил ставить город Москву камен». В течение всей зимы по санному пути возили в Москву белый камень из подмосковных мячковских каменоломен. Село Мячково расположено в 30 километрах от Москвы, ниже по течению Москвы-реки, около впадения в нее р. Пахры. Строить белокаменный Кремль начали весной 1367 года. Новые каменные стены и башни возводились снаружи от старых, деревянных, на расстоянии 60 и более метров от них. Толщина стен, по некоторым предположениям, колебалась от 1 до 1,5 сажени (2–3 м). Там, где не было естественной защиты, выкапывали глубокий ров, через который к проездным башням перекидывали подъемные мосты. С напольной стороны стена завершалась саженной высоты парапетной стенкой, в которой были устроены бойницы с раструбом внутрь. Бойницы закрывались деревянными щитами-заборками, а проезды в башнях – толстыми деревянными створами, окованными железом.

Из 9 кремлевских башен 6 имели проездные ворота: Никольские, Фроловские (на месте Спасской башни), Тимофеевские (на месте Константино-Еленинской башни), Чешковы, или Водяные, выходившие к Москве-реке (на месте Тайницкой башни), Боровицкие (на месте Боровицкой башни) и Ризположенские (на месте Троицкой башни). По углам треугольного в плане Кремля возвышались круглые глухие башни: Граненая – на берегу реки Неглинной (на месте Средней Арсенальной башни), Беклемишевская (на месте Москворецкой башни) и Свиблова (на месте Водовзводной башни).

Кремль Ивана III строится на месте старой, утратившей свое значение белокаменной крепости XIV века. В 1485–1495 годах на Боровицком холме поднимаются новые кремлевские стены и башни, выше и толще прежних; они облицовываются красным кирпичом.

Строили Кремль итальянские («фряжские») мастера: Антон Фрязин Марко Руффо, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Фрязин (Миланец), Алевиз Фрязин (Новый). Поставленные по кромке Боровицкого холма 17 башен (7 из них были проездными) соединялись несколько изломанной по линии стеной с меньшими стрельницами и характерной формы узкими двурогими зубцами. Новый Московский Кремль заметно отличался от прежних русских каменных крепостей, так как был рассчитан на активную оборону, на боевые действия с применением огнестрельного оружия. Его строительство завершилось уже после кончины Ивана III. В 1508 году миланец Алевиз Фрязин руководил работами по прорытию глубокого

(около 8,5 м) и широкого (около 37 м) рва вдоль восточной стены Кремля, соединившего Москву-реку с Неглинкой. В результате новая цитадель на Боровицком холме надолго превратилась в окруженный водой неприступный остров. В 1516 году в начале Троицкого моста по проекту того же Алевиза Фрязина сооружается Кутафья башня – невысокая, окруженная рвом и рекой Неглинной, с единственными воротами, которые в минуты опасности наглухо закрывались подъемной частью моста. Она имела бойницы подошвенного боя и машикули. Эта башня, единственная вне периметра кремлевских стен, могла стать серьезной преградой для любой армии, посмевавшейся осадить главную московскую крепость.

* * *

На опасных рубежах строились сторожевые крепости, в которых размещались постоянные или временные гарнизоны. Торгового и ремесленного населения в таких крепостях либо не было совсем, либо оно было незначительно – обслуживало нужды того же гарнизона.

На опасных участках порубежья устраивались искусственные защитные сооружения: зарывались колья, которые оплетали толстым хворостом, рубились засеки, рылись протяженные рвы и насыпались валы, которые принято называть «Змиевыми». Известны Змиевы валы Киевщины, Переяславщины, Подолья, Волыни, Посулья, Полтавщины и Харьковщины. Некоторые из таких оборонительных линий начали создаваться еще в скифо-сарматское время. Эту грандиозную работу продолжили готы, славяне. Но основная часть валов была построена при киевских князьях Владимире Святославиче и Ярославе Мудром, в конце X – в начале XI века, для защиты границ своей державы от печенегов. Обосновавший это открытие М. П. Кучера исследовал систему обороны, элементами которой были валы, реконструировал их первоначальный вид и даже подсчитал, что построить вал длиной 1 км. за один сезон могли 72 чел. (Как предполагает исследователь, валы возводились в три этапа в течение 19 лет, и ежегодно на их строительстве работало около 3,5 тыс. чел.).

Изученные Кучерой валы сооружены с применением внутреннего деревянного каркаса. Он имеет два основных типа. Первая – это срубная конструкция. При ее возведении выстраивалась стена из четырехстенных срубов. Их ставили в один или несколько рядов, заполняли землей, после чего делали внешние земляные откосы. В окончательном виде срубно-

земляное укрепление выглядело как вал высотой до 3,5 м, над которым предположительно возвышалась деревянная стена. Описанная конструкция напоминает укрепления южнорусских древнерусских городов-крепостей того времени. Второй тип внутривального каркаса – перекладная конструкция. Он состоял из ярусов продольных и поперечных бревен, засыпанных землей. Первоначально такое укрепление имело вид вала с очень крутыми склонами высотой до 3,5 м, а иногда – не ниже 3,7 м.^[333]

После монгольского вторжения защита южных и восточных границ стала задачей особой важности. Оборона страны начала выстраиваться по реке Оке, отныне воспринимавшейся как спасительный рубеж и получившей говорящее прозвание «Пояс Пресвятой Богородицы». Вдоль Оки возводятся крепости, укрепляются броды и наиболее уязвимые места.

Начиная со второй половины XIV века на Руси уделялось пристальное внимание изучению обстановки на «Поле». Об этом свидетельствует хорошо известное послание митрополита Алексия «боярам, баскакам, духовенству и мирянам» на Червленый Яр – о подсудности их рязанскому епископу Василию. В этой грамоте впервые упоминаются русские караулы, стоявшие по рекам Хопер и Дон^[334]. В дальнейшем передовая охрана юго-восточных границ была доверена рязанским и мещерским казакам, а юго-западного порубежья – путивльским севрюкам^[335].

Глава 4. Воеводы и ратоборцы

Первыми полководцами Древней Руси являлись князья. Выдающимися военными вождями русичей были Олег, прозванный Вещим, в 907 году прибывший свой щит на воротах Царьграда; Святослав Игоревич, победитель хазар, не боявшийся бросать своим врагам дерзкий вызов – знаменитое «Иду на вы»; Владимир Святославич, славный не только крещением Руси, но и успешной защитой Русской земли от печенегов, окончательно разбил которых уже его сын, Ярослав Мудрый. Сводный брат Ярослава, тмутараканский князь Мстислав Храбрый, в 1022 году покорил северокавказский народ касогов, в личном поединке перед «полками касожскими» одолев их предводителя – могучего Редедю. В младшем поколении русских князей также были грозные воители: Владимир Мономах участвовал в 82 походах (дожив до 72 лет); по всей Руси, от Новгорода до Галицкой земли, гремело имя Мстислава Удалого, ходившего походами и на половцев, и на чудь, и на других русских князей – во время междоусобных браней, своей волей изгонявшего и ставившего киевских князей, одного из немногих русских витязей, пробившихся через монгольские полки-тумены после страшной битвы на берегах степной речки Калки. Выдающимся полководцем Южной Руси был галицкий князь Данил Романович, который воевал с монголами, венграми, поляками, в 1254 году получил от римского папы королевский титул, но не изменил, вопреки надеждам католиков, вере отцов и дедов. Бесценным стал командный опыт, приобретенный такими воителями, как Александр Невский и Дмитрий Донской.

Их потомки, сосредоточившись на обеспечении защиты страны, уже не могли возглавлять все свои рати, поднимая великокняжеский стяг лишь во время больших походов. Им пришлось полагаться на целую плеяду полководцев, прославивших и собственное имя, и имя своих государей. В числе этих людей были князь Иван Васильевич Стрига Оболенский, князь Данила Дмитриевич Холмский, Данила Васильевич Щеня.

Об этих князьях и воеводах и будет рассказано ниже.

Аскольд и Дир (? – 882)

Ранняя история Руси загадочна и легендарна. Источником сведений о первых русских военачальниках служат рассказы нашей древнейшей

летописи – «Повести временных лет». Для борьбы с хазарами, покорившими славян Среднего Поднепровья и Волго-Окского междуречья, в земли кривичей, ильменских словен и некоторых угро-финских племен (мери, веси и муромы) были призваны варяги во главе с князем Рюриком – основателем Русской державы.

Покорившиеся ему «волости» и «грады» – Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром – Рюрик раздал своим «мужам». Одним из таких княжских мужей был Аскольд, пасынок Рюрика (или одной из жен Рюрика). После 862 года он был отпущен отчимом в поход на Царьград. Вместе с другим воеводой новгородского князя, Диром, Аскольд спустился вниз по Днепру, в земли покоренных хазарами полян и отвоевал у них Киев – главный город Полянской земли. Укрепившись на правом берегу Днепра, Аскольд и Дир совершили поход на Византию. На 200 ладьях их войско подошло к Константинополю и razорило окрестности города. Встревоженные греки прибегли к заступничеству Богородицы. Ризы Пречистой Девы, взятые в ее храме во Влахерне, были погружены в воды Черного моря, после чего поднявшаяся буря разбила многие русские корабли. Аскольд и Дир, потрясенные случившимся чудом, приняли крещение и, сняв осаду, вернулись в Киев и стали княжить в этом городе, порвав всякие отношения с государством Рюрика. Они воевали с древлянами, уличами, кривичами и хазарами, еще властвовавшими на левобережье Днепра.

После смерти Рюрика новый новгородский князь, Олег, враждовавший с Аскольдом, видимо, имевшим определенные права на великокняжеский престол, совершил поход на Киев. Под видом купцов, Олег и его дружинники высадились южнее города в Угорском урочище и убили вышедших им навстречу киевских правителей. Киевляне сохранили добрую память об убитых князьях и долго помнили, где они были погребены. Над могилой Аскольда будет построена церковь Николая, около Дировой могилы во времена Ярослава Мудрого поднимется церковь Георгия и Ирины.

Князь Олег Вещий

С легкой руки Александра Сергеевича Пушкина Вещий Олег (?—912) прославлен в нашем Отечестве как победитель хазар, обрекший мечам и пожарам «их села и нивы». Однако о походах киевского князя в далекую Хазарию ничего не известно: с грозным врагом он бился в землях северян и радимичей, освобождая, а не сжигая славянские веси и деревушки.

Простим поэту его ошибку, тем более, что он совершенно правильно указал главную заслугу одного из самых славных русских воителей.

Князь Олег был братом жены князя Рюрика, Ефанды (Энвинды), «истинным основателем величия нашего государства». На Русь Олег прибыл вместе с Рюриком в 862 году. Согласно Повести временных лет, после смерти Рюрика он стал регентом при его малолетнем сыне. Олег оказался хорошим пастырем для новой отчизны. Держава его крепла и росла. Олег строил города (существует предание об основании князем Москвы в 880 году) и устанавливал дани, заключал договоры с соседними странами, торговал с ними.

Олег прославился как полководец, могучий боец и прозорливый государь. Три года понадобилось новгородскому князю на подготовку похода на юг, в земли днепровских славян. Лишь весной 882 года с большим войском, набранным среди всех подвластных народов, он выступил в поход. Один за другим покорялись лежавшие на пути Олега города: стольный град днепровских кривичей Смоленск, лежавший в земле северян Любеч. Могучая река несла корабли Олега на юг, во владения полян, к Киеву, где уже двадцатый год правили Аскольд и Дир, с дружинами покинувшие его ради самостоятельного княжения в отвоеванных у хазар землях.

По-видимому, отношения новгородских и киевских князей были столь враждебными, а военная сила полян столь значительной, что Олег не решился дать им сражение, а пошел на хитрость, выдав свое двигавшееся на ладьях вниз по Днепру войско за торговый караван. Аскольд и Дир, вышедшие встречать купцов к Угорскому урочищу, были убиты, а Киев захвачен. Вознесшийся над Днепром город так полюбился Олегу, что он поспешил сделать Киев своей новой столицей, дав ему ставшее знаменитым название: «Мать городов русских».

Озабоченный безопасностью Киевщины, Олег в 883 году покорил землю древлян, постоянных соперников полян, обложив их тяжелой данью («по черной кунице с дыма»). Затем он присоединил к своему государству земли плативших дань хазарам северян и радимичей. Здесь он проявил себя гибким политиком, обложив новых подданных данью легкой, особенно в сравнении с теми поборами, которые взимали с северян и радимичей слуги черного кагана.

Объединив под своей властью почти все восточнославянские племена и овладев всеми землями, расположенными по великому водному пути «из варяг в греки», Олег задумал и совершил грандиозный поход на Константинополь или Царьград, как звался этот город – столица Византии

– на Руси.

В путь огромное войско киевского князя выступило, по летописи, в 907 году в действительности – в 911 году. Вместо себя править Русью Олег оставил князя Игоря. К далекому Царьграду русские рати двигались и по суше, и по морю, на конях и на кораблях, число которых, если верить летописцу, доходило до 2 тысяч.

Осадив Константинополь, Олег повелел поставить ладьи на колеса и под их прикрытием приблизился к городу. Испугавшись огромного русского воинства, византийский император Лев Философ и его брат Александр II поспешили заключить с Олегом мир. Согласно известной легенде, князь укрепил на вратах Царьграда русский щит с изображением всадника.

За свои подвиги и мудрые действия князь получил прозвище «Вещий», то есть мудрый. Умер Олег в 912 году от укуса змеи. Такая смерть была предсказана ему волхвами. Похоронили князя в Киеве, на горе Щековице. Преемником его стал Игорь Рюрикович (Игорь Старый).

Первый Рюрикович – князь Игорь

Годом появления на свет князя Игоря (?-945), по некоторым косвенным данным, следует считать 877 год. После смерти отца, умершего в 879 году, спустя два года после рождения сына, воспитателем и наставником Игоря стал дядя, князь Олег, опытный воитель и суровый государь. На фоне этой яркой личности его воспитанник, а по достижении совершеннолетия, и соправитель, выглядел тускло и бледно. Долгие годы молодой князь находился хотя и рядом, но в тени Олега, трудами которого было продолжено дело Рюрика – создание Русского государства на бескрайних просторах восточнославянского мира. Летописи содержат скудные сведения о происходивших тогда событиях. Лишь несколько записей полулегендарного характера рисуют основные этапы взросления Игоря и становления его как государственного деятеля. В 903 году он женился на изборской княжне Ольге, внучке Гостомысла, девичьим именем которой было Прекраса. Но о сколько-нибудь самостоятельной политической роли достигшего совершеннолетнего возраста князя можно говорить лишь с 907 года, когда, отправляясь войной на Византию, Олег оставил Игоря править Киевом и Русью.

После смерти Олега в 912 году его племянник стал полноправным правителем обширного, но еще очень непрочного в политическом

отношении княжества. Неслучайно первым самостоятельным шагом Игоря стало усмирение в 914 году восставших древлян. Подавив этот бунт, князь наложил на побежденных древлян еще более тяжелую дань. Тогда же к Киевскому государству были присоединены земли уличей.

В правление Игоря пришли в причерноморские степи печенеги. И если в 915 году, в первое их появление на Руси, князю удалось избежать столкновения с кочевниками, заключив с печенежскими ханами мир, то спустя пять лет на всем протяжении границы со степью бушевала настоящая война, изредка сменяющаяся коротким, настороженным затишьем.

Воспитанный подобно Олегу, Игорь думал о походе на славящуюся своим богатством Византийскую империю. Однако осуществлению этого предприятия предшествовал период достаточно мирных отношений с великой средиземноморской державой. В 935 году ладьи и полки Игоря даже ходили с греками на Италию. Но в 941 году князь решил поднять свой меч на Византию. Собранный им флот из 10 тысяч ладей достиг Босфора. Но оповещенные болгарами о русском вторжении византийцы не убоились многочисленности врагов и выступили навстречу неприятелю. С помощью «живого» («греческого») огня – не тушившейся водой зажигательной смеси – патрикий Феофан, командовавший византийским флотом, уничтожил часть кораблей Игоря, вынудив его вернуться назад. Однако часть русского войска, отступив к побережью Малой Азии, на протяжении 4 месяцев продолжала воевать с преследовавшей их армией греческого полководца Варды Фоки.

Следующий поход на Византию киевский князь тщательно готовил на протяжении почти 4 лет. Собрал еще более многочисленное войско, призвав из Заморья варяжские дружины, наняв печенежское конное войско, он в 944 году двинул свои полки на юг. И снова болгары поспешили сообщить грекам о приближении русов. Правивший Византийской империей узурпатор Роман I Лакапин поспешил направить навстречу Игорю посольство с просьбой о мире. Греческие послы нашли русское войско уже на Дунае. Здесь и произошли переговоры. Князь, по совету с дружиной, взял с греков богатые дары на всех своих воинов и согласился прекратить поход, возвратившись в Киев.

Помирившись с греками, Игорь решил упрочить свою власть над подвластными Киеву славянскими племенами. Начал он с древлян, продолжавших сохранять известную автономию под властью собственных, древлянских, князей. Осенью 945 года Игорь с дружиной отправился в полудье, но, прибыв в Древлянскую землю, не ограничился данью,

положенной ему по праву, а потребовал новой. Летопись сохранила единодушное слово, сказанное о требовании Игоря древлянскими старцами, собравшимися на думный совет со своим князем Малом: «Если повадится волк ходить за овцами, то унесет все стадо. Так и сей, если не убьем его, то всех нас погубит». Противостоять, собравшемуся со всей восставшей древлянской земли народному войску малая дружина Игоря не смогла и полегла в злой сече под мечами древлян у стен Искоростеня. Погиб и сам князь. По сообщению византийского хрониста, он был пленен и предан казни – разорван на части согнутыми березами, к верхушкам которых его привязали.

Князь Святослав

Яркий след оставил в русской истории князь Святослав Игоревич(?—972). Всего 8 лет правил он Киевской землей, но это время хорошо запомнилось на долгие последующие века, а сам князь Святослав стал образцом ратной доблести и мужества для многих поколений русских людей. Первый раз имя его прогремело в русской летописи в 945 году. После гибели в древлянской земле отца, князя Игоря, он, тогда трехлетний мальчик, первым начал битву с восставшими древлянами, выехав перед киевскими полками и бросив в сторону врага боевое копьё. И, хотя брошенное некрепкой детской рукой, оно упало на землю перед ногами его же коня, но уже тогда этот поступок Святослава означал очень многое: не княжич, но князь, не мальчик, но воин! И символично звучат записанные летописцем, не нуждающиеся в переводе слова старых рубак-воевод: «Князь уже почал. Потягнем, дружино, по князи!».

Наставником Святослава был варяг Асмуд, учивший юного своего воспитанника быть первым и в бою, и на охоте, крепко держаться в седле, управлять ладьей, плавать, укрываться от вражеских глаз и в лесу, и в степи. По всему видно, что лучшего наставника, чем дядька Асмуд, княгиня Ольга не могла найти своему сыну – он воспитал его настоящим воином. Полководческому искусству обучал Святослава главный киевский воевода Свенельд. Несомненно, этот варяг лишь огранил незаурядный талант князя, объяснив ему хитрости воинской науки. Святослав был ярким, самобытным полководцем, интуитивно чувствовал высокую симфонию сражения, предугадывал действия и поступки врагов, умел решительным словом и личным примером вселить мужество в своих воинство.

И еще один урок извлек Святослав из наставлений воспитателей-воевод: быть всегда заодно со своей дружиной. По этой причине отверг он предложение матери – княгини Ольги, хотевшей крестить сына. Киевские дружинники, почитавшие Перуна, были настроены против принятия новой веры и Святослав остался со своими витязями.

«Когда Святослав вырос и возмужал, – записано в летописи, – начал он собирать множество воинов храбрых, и легко, как пардус (гепард), передвигаясь в походах, много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко изрезав конину, или зверину, или говядину жарил на углях и так ел. Шатров у него не было; ложась спать, клал под себя потник с коня, а под голову седло».

Святослав совершил три великих похода.

Первый – против огромной Хазарии – темного царства, второй – против Дунайской Болгарии, а затем, в союзе с болгарями, против Византии, третий – снова на Хазарию.

Еще в 914 году в хазарских владениях на Волге погибла рать князя Игоря, отца Святослава, пытавшаяся обезопасить волжский торговый путь. Отомстить врагу и завершить дело начатое отцом – возможно, именно это желание и бросило в дальний поход молодого киевского князя. В 965 году дружина Святослава покинула Киев и, покорив живших на Дону вятичей, бывших в ту пору данниками хазар, двинулась дальше. Одна за другой пали крепости Саркел (получившая русское название Белая Вежа) и Тмутаракань (Таматарха). Вторым походом на хазар князь совершил в 968–969 годах, после подчинения Болгарии и разгрома печенежских орд. Тогда-то и был взят и разорен город Атиль – столица Хазарского каганата.

Вернувшись в Киев после первого Хазарского похода, Святослав в 968 году отправился воевать с болгар на далекий голубой Дунай. Туда настойчиво звал его Калокир, посол византийского императора Никифора Фоки, надеявшегося столкнуть в истребительной войне два опасных для его империи народа. За помощь Византии Калокир передал Святославу 15 кентинариев (455 киллограмм) золота, однако было бы неправильным считать поход русичей против болгар рейдом наемных дружин. Прийти на выручку союзной державе русский князь был обязан по договору, в 944 году заключенному с Византией князем Игорем. Золото было лишь даром, сопровождавшим просьбу о военной помощи.

Всего 10 тысяч воинов взял с собой в поход русский князь, но не числом воюют великие полководцы. Спустившись по Днепру в Черное море, Святослав стремительно атаковал высланное против него тридцатитысячное болгарское войско. Разгромив его и загнав остатки

болгар в крепость Доростол, князь взял Малую Преславу (Сам Святослав называл этот город, ставший его новой столицей, Переяславцем), заставив объединиться против него и врагов, и вчерашних друзей. Болгарский царь Петр, лихорадочно собиравший войска в своей столице – Великой Преславе, вступил в тайный союз с Никифором Фокой. Тот, в свою очередь, подкупил печенежских вождей, охотно согласившихся в отсутствие великого князя напасть на Киев. В отчаянной, кровавой сече изнемогали киевляне, но печенежский натиск не ослабевал. Лишь приход небольшой рати воеводы Претича, принятой печенегами за передовой отряд Святослава, вынудил их снять осаду и отойти от Киева.

Далеко на Дунай полетел призыв киевлян: «Ты, князь, чужую землю ищешь и бережешь ее, а свою покинул, чуть было не забрали нас печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас и снова нас возьмут, то неужели тебе не жаль ни матери старой своей, ни детей твоих».

Не мог не услышать этот призыв Святослав. Вернувшись с дружиной в Киев, князь разгромил печенежское войско и далеко в степь прогнал его жалкие остатки. Тогда же сокрушены были и стены хазарского Атиля.

Тишина и покой воцарились в Русской земле, но мало этого было ищущему битвы и подвига князю. Не выдержал он мирной жизни и взмолился матери: «Не любо сидеть мне в Киеве. Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей. Туда стекается все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и кони, из Руси – меха, воск и мед». Выслушала его княгиня Ольга и лишь одно промолвила в ответ: «Ты видишь, что я уже больна, куда же ты хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, то иди куда захочешь...».

Через 3 дня она умерла. Похоронив мать, Святослав разделил Русскую землю между своими сыновьями: Ярополка посадил княжить в Киеве, Олега послал в Древлянскую землю, а Владимира – в Новгород. Сам же поспешил в свои владения на Дунае, где новый болгарский царь Борис, вступивший на трон с помощью греков, напал на русский отряд, оставленный Святославом в Переяславце и овладел крепостью.

Подобно стремительному барсу бросился русский князь на врага, разгромил его, пленил царя Бориса и остатки его войска, овладев всей страной от Дуная и до Балканских гор. Узнав о смерти Никифора Фоки, убитого своим приближенным Иоанном Цимисхием, объявившим себя новым императором, Святослав весной 970 года перешел через заснеженные горные кручи Балкан, штурмом взял Филипполь (Пловдив) и дошел до Аркадиополя. До Царьграда оставалось всего лишь 4 дня пути по

равнине. Здесь произошла битва русичей и их союзников болгар с наспех собранной армией византийцев. Победив и в этом сражении, Святослав, однако, не пошел далее, а, взяв с греков «дары многие», вернулся назад, в Переяславец. Это была одна из немногих ошибок прославленного воителя, ставшая для него роковой.

Иоанн Цимисхий оказался хорошим учеником и способным полководцем. Отозвав из Азии лучшие византийские войска, собрав отряды и из других частей своей империи, он всю зиму учил и муштровал их, сплотив в огромное дисциплинированное войско. Также повелел Цимисхий собрать новый флот, починив старые и построив новые боевые корабли. Весной 971 года он направил их к устью Дуная, а затем – вверх по этой реке, чтобы отрезать дружину Святослава, помешать ей получить помощь из далекой Руси.

Со всех сторон на Болгарию двинулись византийские армии, многократно превосходившие числом стоящие там Святославовы дружины. С тяжелыми боями, отбиваясь от наседающего врага, отходили русичи к Дунаю. Там, в Доростоле, последней русской крепости в Болгарии, поднял Святослав свой стяг, готовясь к решительной битве.

Приблизившись к Доростолу 23 апреля 971 года, византийцы увидели русское войско, выстроившееся для битвы. Стеной стояли русские витязи, отбившие за день 12 атак врага. Лишь ночью отошли они в крепость. Наутро византийцы начали осаду. Продолжалась она более двух месяцев (65 дней) до 22 июля 971 года. В этот день русские начали последний бой. Собрав воинов, Святослав произнес свое знаменитое: «Мертвые сраму не имут». Упорное это сражение длилось долго, отчаяние и мужество придавало небывалые силы воинам Святослава, но лишь только русские начали одолевать, как поднявшийся сильный ветер ударил им в лицо, запорошив глаза песком и пылью. Так природа вырвала из рук Святослава уже почти одержанную победу. Князь вынужден был отступить обратно в Доростол и начать переговоры о мире с Иоанном Цимисхием.

Историческая встреча их произошла на берегу Дуная и была подробно описана византийским хронистом, находившимся в свите императора. Цимисхий в окружении приближенных ожидал Святослава. Князь прибыл на ладье, сидя в которой, греб наравне с простыми воинами. Отличить его греки могли лишь потому, что надетая на нем рубаха была чище чем у других дружинников, а также благодаря серьге с двумя жемчужинами и рубином, вдетой в его ухо. Вот как описал очевидец грозного русского воина: «умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с

густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Оде́яние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой»^[336].

Заклучив мир с византийцами Святослав пошел к Киеву. Но по дороге, у Днепровских порогов, его поредевшее войско уже поджидали извещенные греками печенеги. Летописец так описал случившееся: «Приде Святослав в пороги и нападе на ня Куря, князь Печенежский»^[337]. В неравном бою полегла верная дружина князя, пал в жестокой сече и он сам. Из черепа Святослава половецкий князь Куря по старому степному обычаю приказал сделать чашу для пиров. Было это в 972 году от Рождества Христова.

Князь Мстислав Храбрый

Именно этот князь унаследовал воинский дар своего деда Святослава, прославившись как грозный и непобедимый ратоборец. Князь Тмутараканский и Черниговский, Мстислав Владимирович Храбрый (?—1036) был старшим сыном Владимира Святославича /Святого/ от полоцкой княжны Рогнеды. В крещении получил христианское имя Константин.

В 988 году Мстислав-Константин был посажен отцом княжить в Тмутаракани. Защищая рубежи этого южного форпоста Руси, он воевал с хазарами и касогами. Перед сражением с последними в личном единоборстве князь одолел касожского князя Редедю, после чего противники сдались и признали над собой власть русских князей. Соперничая с братом Ярославом, правившим после смерти Владимира Святославича в Киеве и не дававшим Мстиславу другого княжения в больших и богатых русских городах, в 1023 году тмутараканский князь с дружиной своей пришел к Чернигову. Вопреки воле брата он сел княжить в этом городе. Тогда, вновь призвав под свои знамена варягов, Ярослав выступил против Мстислава. В ожесточенной ночной битве у Листвена, на берегу реки Руда, под всполохи зарницы и гром налетевшей грозовой бури черниговский князь наголову разбил ярославовы рати, но не преследовал брата, бежавшего в Новгород, а в 1026 году, по возвращении его в Киев, заключил мир. По условиям этого соглашения вся Русская земля была

разделена между братьями: Мстиславу Владимировичу досталась восточная ее часть, Ярославу Владимировичу – западная; границей двух княжеств служил Днепр. В дальнейшем братья помирились между собой и вместе ходили походами против врагов родной земли.

Неустрасимый и суровый воитель, Мстислав Владимирович славился милостивым отношением к простому народу и отеческим отношением к дружине, вместе с которой, подобно предкам своим славным русским князьям проводил все время – и на войне, и на охоте, и на пиру. Правитель Чернигова – единственный русский князь, краткое описание внешности которого было дано летописцем. По его словам Мстислав был «дебел телом, красноват телом, с большими глазами».

Умер черниговский князь не оставив после себя потомства – его единственный сын Евстафий умер прежде отца (в 1032 г.). Сам Мстислав Владимирович скончался в 1036 году на охоте. После смерти князя подвластные ему земли вновь вошли в состав державы Ярослава (Мудрого).

Князь Владимир Мономах

Владимир Всеволодич Мономах (1053–1125) – один из самых почитаемых в отечественной истории правителей и полководцев, защитник и устроитель русской земли. Он был сыном великого киевского князя Всеволода Ярославича и дочери византийского императора, от отца которой, императора Константина IX Мономаха, и унаследовал свое почетное родовое прозвище, означавшее в переводе с греческого «единоборец».

Родился Владимир в 1053 году, в крещении получил символическое имя Василий, подобно своему великому прадеду, Владимиру Святому. Еще при жизни отца начал он княжить в Ростове, Смоленске, Владимире-Волынском, по поручению своего родителя участвуя в частых походах против врагов Руси. В 1076 году Владимир воевал на стороне польских князей с императором Священной Римской империи Генрихом IV. Дружина Владимира Мономаха в составе большой союзной армии приняла участие в сражении на Нежатиной Ниве, победа в котором принесла его отцу великокняжеский стол, а самому Владимиру – наместничество в Чернигове.

После смерти в 1093 году Всеволода Ярославича, невзирая на желание киевлян видеть своим князем именно его, Мономах, соблюдая принцип

старшинства, уступил великокняжеский стол двоюродному брату Святополку Изяславичу. Однако ему не удалось удержаться и в Чернигове. В 1094 году другой его двоюродный брат, тмутараканский князь Олег Святославич, при поддержке половцев вынудил Владимира уйти в Переяславль.

Две беды губили Русь – лютые княжеские усобицы и частые нападения половцев. Вся жизнь Мономаха была одной непрерывной борьбой с этими напастями. Уже в 1093 году, сразу же после смерти отца, последнего из старшего поколения братьев Ярославичей, он вместе с другими молодыми князьями принял участие в битве с половцами на реке Стугне. В этом кровопролитном сражении русское войско во главе с великим князем Святославом Изяславичем было наголову разбито, а князь переяславский Ростислав Всеволодович, родной брат Владимира Мономаха, утонул во время переправы отступающих дружин через Стугну. В 1097 году именно по слову Владимира князья собрались на съезд в Любече, на котором поклялись – «поцеловали крест», что будут жить между собой в мире и согласии. Но все эти клятвы вскоре были нарушены новыми кровавыми распрями, начатыми владимир-волынским князем Давидом Игоревичем, захватившим и ослепившим теребовльского князя Василька Ростиславича. Понадобилось около шести лет, чтобы выработать у подозрительных и обидчивых властителей Руси желание хотя бы против общих врагов – половцев – действовать сообща. Но шло время, и усилия Мономаха стали приносить желаемый результат – на Долобском съезде в 1103 году русские князья решили начать широкое наступление на половцев, перенеся войну с ними в степь. Вдохновителем и руководителем этих походов стал Владимир Всеволодович Мономах, огнем и мечом повоевавший кочевья степняков и отогнавший остатки их далеко за Дон и на Северный Кавказ.

В 1113 году, после смерти киевского князя Святополка, правившего жестоко и несправедливо (покровительствовавшего ростовщикам и спекулянтам солью), Мономах был призван киевским боярством на великокняжеский стол. Чтобы успокоить недовольных политикой прежнего государя, Владимир Всеволодович, не въезжая в охваченный восстанием Киев, в пригородном селе Берестове повелел составить новый «устав» – законы, вводившие более справедливые нормы взимания долгов, упорядочившие правила взаимных денежных расчетов купцов, а также определившие повинности крестьян-закупов, оградив их от превращения в рабов-холопов. Новые законы, облегчившие положение должников и закупов, стали составной частью «Русской Правды», успокоили мятежное

киевское простонародье и снискали Владимиру Мономаху славу мудрого законодателя и правителя, заботящегося о благе всех своих подданных.

С еще одной, совершенно неожиданной, стороны раскрылся великий князь в конце своей земной жизни. Оглянувшись на прожитые годы, он, по использованному им образному сравнению, «на санях сидя» (то есть на склоне лет, готовясь к встрече с вечным), составил знаменитое «Поучение», обращенное к детям и «иным, кто прочтет». Это была первая в нашей истории настоящая, очень подробная автобиография, представляющая собой выдающийся памятник древнерусской литературы и политической мысли, зафиксировавший главную мысль Владимира Всеволодовича Мономаха: именно государь обязан помнить о возложенной на него ответственности за судьбу своей земли и своего народа. Понимая неизбежность процесса дробления Руси на отдельные княжества, он стремился убедить наследников сохранить их политическое, военное и культурное единство. Любопытен приведенный Владимиром Всеволодовичем пример: прилетающие весной из рая птицы, занимают свое, принадлежащее лишь им место; слабые занимают свое, а сильные – свое. И ни одна не пытается согнать другую и занять лучшее место – каждая довольствуется своим уделом. Так, считал Мономах, должны поступать и князья-рюриковичи. Так всю жизнь поступал и сам Владимир Всеволодович, правивший в согласии со своей совестью, чувствующий нужды и чаяния народа.

Замечательный русский историк Василий Никитич Татищев, пользовавшийся не дошедшими до нас летописями, так описывал внешность Владимира Мономаха: «Лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен».

Воевода Добрыня

Добрыня – русский воевода, дядя и воспитатель князя Владимира Святославича, новгородский посадник. Когда в 970 году великий князь Киевский Святослав Игоревич отдал двум сыновьям своим, братьям Владимира, Ярополку и Олегу, власть над Киевской и Древлянской землей, именно Добрыня подговорил новгородских посланников просить себе князем Владимира, прижитого Святославом от его сестры Малуши, ключницы княгини Ольги.

После смерти Святослава и ссоры между Ярополком и Олегом,

закончившейся гибелью последнего под городом Овручем, Добрыня убедил племянника вступить в борьбу со сводным братом за киевский стол. Он же посоветовал ему посвататься к дочери полоцкого князя Рогволда, сосватанной уже к тому времени за Ярополка. После оскорбительного ответа Рогнеды: «Не хочу выходить за сына рабыни», новгородское войско захватило Полоцк. Рогнеда стала женой Владимира, а отец и братья ее были убиты Добрыней.

Вместе с племянником Добрыня участвовал в походе 979 года на Киев, а после гибели Ярополка и утверждения Владимира на престоле вернулся в Новгород, где стал посадником. Он, по желанию великого князя, стал участником религиозных реформ в государстве: сначала поставил для новгородцев «кумира» – изваяние Перуна над рекой Волховым, а затем силою водворил в Великом Новгороде новую христианскую веру.

Вот как описывает произошедшие события автор Иоакимовской летописи: «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда Добрыня пришел, то новгородцы разметали большой мост и вышли против него с оружием; Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели, вывезли две камнестрельные машины (пороки) и поставили их на мосту; особенно уговаривал их не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами их, какой-то Богомил, прозванный за красноречие Соловьем. Епископ Иоаким со священниками стояли на торговой стороне; они ходили по торгам, улицам, учили людей, сколько могли, и в два дня успели окрестить несколько сот. Между тем на другой стороне новгородский тысяцкий Угоняй, ездя всюду, кричал: “Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поругание”; народ на той стороне Волхова рассвирепел, разорил дом Добрыни, разграбил имение, убил жену и еще некоторых из родни. Тогда тысяцкий Владимиров, Путята, приготовив лодки и выбрав из ростовцев пятьсот человек, ночью перевзся выше крепости на ту сторону реки и вошел в город беспрепятственно, ибо все думали, что это свои ратники. Путята дошел до двора Угоняева, схватил его и других лучших людей и отослал их к Добрыне за реку. Когда весть об этом разнеслась, то народ собрался до 5000, обступили Путяту и начали с ним злую сечу, а некоторые пошли, разметали церковь Преображения Господня и начали грабить дома христиан. На рассвете приспел Добрыня со всеми своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала. Тогда самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня собрал войско, запретил

грабеж; но тотчас велел сокрушить идолов – деревянных сечь, а каменных, изломав, побросать в реку. Мужчины и женщины, видя это, с воплем и слезами просили за них, как за своих богов. Добрыня отвечал им: “Нечего вам жалеть о тех, которые себя оборонить не могут; какой пользы вам от них ждать?” – и послал всюду с объявлением, чтоб шли креститься...»^[338].

Еще до крещения Руси вместе с Владимиром Святославичем Добрыня участвовал в походе 985 года на Волжскую Болгарию. Добрыня, по преданию, осмотрев пленников, сказал князю: «Такие не будут нам давать дани – они все в сапогах. Пойдем поищем себе лапотников». Послушав дядю, Владимир заключил с болгарами мир.

Сын Добрыни Константин, живший при Ярославе Мудром, также был новгородским посадником, именно он, после поражения князя в 1018 г. от Болеслава Польского помешал ему бежать в Швецию, помог собрать войска и вновь утвердиться в Киеве. Но уже в 1019 г. чем-то прогневил Ярослава Владимировича, был заточен в Ростове, а затем, через три года (в 1022 г.), убит.

Воевода Вышата

Вышата – боярин Ярослава Мудрого, киевский тысяцкий. Был одним из главных русских воевод, командовавших войском князя Владимира Ярославича, в 1043 году отправленного отцом на Византию. Когда буря разбила часть русских кораблей, то 6 тысяч воинов должны были идти обратно на Русь через враждебную страну сухим путем. Никто из старших княжьих мужей не захотел идти с ними. Тогда воевода Вышата вызвался возглавить этот отряд. По рассказу летописца, сделав трудный выбор, он сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною». Войско Вышаты сумело пробиться лишь до города Варны и здесь было разбито. Сам воевода был взят в плен, уведен в Царьград и только через 3 года отпущен на родину.

Воевода Ян Вышатич

Ян Вышатич (1016–1106) – киевский боярин, младший сын боярина и воеводы Вышаты, тысяцкий (унаследовал эту должность по одним сведениям от отца, по другим – от брата, Путяты Вышатича). Был в числе первых бояр при великом князе Изяславе Ярославиче, сохранил свое

положение и при братьях его, Святославе и Всеволоде, сыне Святополке Изяславиче.

В 1071 году, собирая для Святослава Ярославича дань на Белоозере, воевода подавил восстание смердов-язычников в Ростовской земле. Узнав, что восставшие, по наущению волхвов-кудесников, убивают женщин, якобы в голодный год скрывающих в своем теле жито, мед, хлеб и меха, он пошел к ним с одним топориком, взяв с собой всего 12 воинов («отроков»). Приказав своим людям схватить кудесников и вырвать им бороды, Ян отдал их на расправу родственникам убитых женщин.

Ян Вышатич участвовал в половецких войнах русских князей, их усобицах. Находился при князе Святополке Изяславиче во время неудачной битвы его с половцами на реке Стугне в 1093 году. Последний свой военный поход совершил уже в 90-летнем возрасте, в 1106 году, когда вместе с крещеным хазарином Иваном Захарьичем настиг уходивший в степь половецкий отряд и разгромил его, отбив полон. По записи летописца рассказанные ему Яном Вышатичем сведения были включены в состав «Повести временных лет». После смерти (24 июня 1106 года) был похоронен в притворе Киево-Печерского монастыря, рядом со своей покойной женой Марией и самим Феодосием Печерским, с которым супруги были духовно близки при жизни.

Русский богатырь Ян Усмошвец

Ян Усмошвец (по иному – Усмович, Усмарь) – русский воин-поединок, товарищ другого известного из летописных рассказов богатыря – Александра Поповича. По легенде, с его подвигом связано основание города Переяславля-Южного. В 992 году печенежское и русское войско встретились на броде через реку Трубеж. Обе стороны договорились начать битву поединком. В схватке Усмошвец задавил противника голыми руками. Не отличаясь выдающимися внешними данными, Ян обладал значительной силой – по рассказам отца, мог разорвать руками воловью шкуру. Пораженный Владимир после победы заложил на этом месте город, назвав Переяславлем – якобы потому, что здесь русский богатырь перенял славу печенежского. Этот рассказ можно было бы считать не просто искаженным, а полностью легендарным, ведь город Переяславль упоминался еще в договоре Олега с греками 907 года, но сомневаться в реальности существования самого витязя не приходится – известны два совместных похода Яна Усмовича и Александра Поповича на печенегов – 1001 и 1004

годов.

Князь Всеволод Большое Гнездо

Славя силу полков этого знаменитого в нашей истории князя, автор «Слова о полку Игореве» записал, что воины его могут «Волгу веслами раскропить (разбрызгать), а Дон шеломами вычерпать». Но его путь к власти и могуществу был долог и труден.

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212) – сын Юрия Долгорукого, с 1176 года – великий князь владимирский. Родился 22 октября 1154 года, в крещении получил имя Дмитрий. Отец узнал о рождении сына во время охоты на Яхроме. Обрадованный князь повелел заложить в этом месте город, назвав его Дмитров – в честь христианского имени новорожденного. Спустя год Всеволод стал ростовским князем, но в 1161 году старшим сыном покойного Юрия Владимировича, своим сводным братом князем Андреем Боголюбским, после смерти отца правившего Ростово-Суздальской землей, был изгнан вместе с матерью и братом Михалком (Михаилом) Суздальским. До самой смерти ожесточившегося на него брата (1174 год) Всеволод Юрьевич жил в Константинополе, у византийского императора Мануила, а затем у другого брата – великого киевского князя Глеба Юрьевича. В 1174 году он помог брату Михалку овладеть Суздалем, получив за помощь Ростов и Переяславль, а после смерти в 1176 году Михаила Юрьевича унаследовал Великое Владимирское княжение и был принят горожанами, давшими ему клятву верности перед Золотыми воротами.

Право Всеволода на большую и богатую Суздальскую землю попытался оспорить его племянник, новгородский князь Мстислав Ростиславич Безокий. По злому совету ростовских бояр – Добрыни Долгого, Иванка Стефановича и Матиаса Бутовича – он отверг мирные предложения дяди и вышел со своими полками. Решающая битва произошла между реками Липицей и Гзой 27 июня 1177 года. В жестокой сече войско Всеволода одолело ростовскую рать, обратив Мстиславовы дружины в бегство. Неудачей закончилась и другая попытка этого князя силой захватить Владимир. Взяв на этот раз в союзники шурина – рязанского князя Глеба Владимировича – и половцев, он подбил их на войну с Всеволодом. Рязанское войско разорило и сожгло важный в стратегическом отношении городок Москву, но затем, в битве на реке Колокше в конце зимы 1177/1178 года, было разбито великокняжескими

полками и пришедшими им на помощь переяславльскими ратями (20 февраля 1178 года войско победителя уже вернулось во Владимир). Мстислав Безокий и Глеб Рязанский были «повязаны» людьми великого князя (взяты в плен). Владимирские бояре требовали от своего князя сурово покарать этого «стрия» (врага), но Всеволод, лишь для вида объявив об ослеплении племянника, отпустил его на свободу. В отличие от союзника, Глеб Рязанский, наведший на Русь половецкие орды, остался в плену и так и умер в заточении.

В жестоких и кровопролитных войнах с ростовскими и рязанскими князьями, с Новгородом, волжско-камскими болгарами и мордвой Всеволод Юрьевич расширил границы своего государства, превратившегося в крупнейшее русское княжество. Прозвище же «Большое Гнездо» получил он за многодетность, породив 12 детей. На годы правления этого князя пришлось время наивысшего расцвета Владимиро-Суздальской земли. Повелением Всеволода Юрьевича были воздвигнуты замечательные памятники древнерусского зодчества: Дмитриевский собор во Владимире (1193–1197 годы), Владимирский Детинец (1194–1196), Рождественский собор (1192–1195), расширен Успенский собор (1185–1189). Новые храмы были построены в Переславле-Залесском и Суздаде. Князь заложил новые города – Гледен (Великий Устюг), Унжа, Зубцов.

Умер князь Всеволод Юрьевич на вершине славы 13 апреля 1212 года, в возрасте 58 лет.

Князь Игорь Святославич Северский

Самым известным литературным памятником Древней Руси является «Слово о полку Игореве», неизвестный автор которого первым воспел мужество и отвагу защитников Русской земли. В наши дни вряд ли уже удастся точно определить, почему в качестве исторической первоосновы он взял поход на половцев князя Игоря Святославича Северского, потерпевшего поражение в битве с врагом, но сумевшего бежать из плена. Возможно, вдохновенный сказитель был родом из Северской земли, возможно – очевидцем или даже участником описанного им побоища, но именно события 1185 года дали толчок художественному осмыслению произошедшей трагедии.

Половцы, нападавшие в то время на наши границы, были опасным врагом. Русским князьям уже случалось терпеть от них тяжелые поражения: одним из самых страшных стал разгром ратей трех сыновей

Ярослава на реке Альте в 1068 году. Однако известие об этой (действительно большой) военной катастрофе не породило такого могучего явления, каким стало «Слово о полку Игореве», запечатлевшее событие, казалось бы, гораздо менее значимое для судеб страны, но само ставшее Событием. Причиной такого пристального внимания к неудачно закончившемуся походу могла стать только личность его предводителя, тогда же названного «Соколом». Это вынуждает задуматься и нас – что же такого необычного было в князе Игоре, поражение которого заставило скорбеть (а спасение – радоваться) не только певца его подвигов, но всех русских людей?

Новгород-северский, а затем черниговский князь Игорь Святославич (1150–1202) после кончины 15 февраля 1164 года своего отца, черниговского князя Святослава Ольговича, не получил никакого удела. Произошло это из-за происков его двоюродного брата Святослава Всеволодича, унаследовавшего власть над Черниговским княжеством. Покинув родительский терем, Игорь Святославич отъехал к старшему брату Олегу, княжившему в Новгороде-Северском, втором по значению городе Черниговской земли. Фактически Игорь в ту пору был всего лишь одним из воевод, стерегущих границы княжества от половецких набегов и нападений других князей, враждовавших с черниговскими Ольговичами. Все же в то время у него уже была своя небольшая дружина.

Две беды губили тогда Русь – лютые княжеские усобицы и набеги половцев. О каждой из них Игорь Святославич знал не понаслышке. В 1169 году, повинувшись воле старших князей, он участвовал в походе Андрея Боголюбского, памятном разграблением Киева. Трудно сказать, что чувствовал тогда князь, видя пагубное следствие междоусобной вражды, но, будучи одним из самых младших черниговских князей-подручников ничего изменить в происходящем Игорь не мог. Но биться с внешним врагом, разорявшим русскую землю было в его силах. Спустя три года, в 1172 году, узнав о нападении половцев на Переяславскую волость, во главе небольшого полка Игорь перешел реку Ворсклу и ударил по врагам, уже возвращавшимся в свои кочевья. На реке Ворскле, близ урочища Лтава, произошла ожесточенная битва. Несмотря на численное превосходство противника, Игорь Святославич наголову разбил половецкие орды ханов Кобяка и Кончака, освободив захваченный ими полон и другую добычу. Почти все трофеи он отвез в Киев, князю Роману Ростиславичу, устроившему торжественную встречу победителю.

В январе 1180 года, после смерти старшего брата Олега, Игорь получил новгород-северское княжение. Именно тогда наступил новый период в жизни новгород-северского князя – он начал войну с половцами. В 1183–1190 годах Игорь Святославич предпринял пять походов против недавних своих союзников. Показательным был поход 1183 года. В степь выступили полки двух князей – Игоря Северского и Владимира Глебовича Переяславского. Но вскоре они поссорились, не поделив командование. Тогда – вот зримое следствие отсутствия крепкого единства – переяславский князь покинул союзника и увел свою дружину обратно. Северскому князю пришлось действовать в одиночку. Несмотря на это, ему удалось разбить половецкие отряды на реке Хирии. Но, вернувшись назад, Игорь узнал, что оставивший его в трудную минуту переяславский князь Владимир, воспользовавшись отсутствием северских полков, напал на владения Игоря и разорил их, захватив «много добытков».

И вот наступил 1185 год – время самого трудного в жизни Игоря испытания. Ранней весной орды хана Кончака вновь двинулись на Русь. Но правившие в Киеве князья Святослав и Рюрик 1 марта разбили половцев в сражении на Хороле. В погоню за бежавшим Кончаком был послан торческий князь Кунтувдей с 6 тысячами черных клобуков, но настигнуть половцев им не удалось – за Хоролом степь была покрыта талым снегом, мешавшим продвижению коней.

Черниговские князья не участвовали в этом сражении. Единственным, кто собрался на помощь Святославу Всеволодичу, был Игорь Северский. Однако рассчитав время, он понял, что не успеет на соединение с киевскими полками. Тогда князь решил совершить самостоятельный поход к Дону и внезапно напасть на половецкие кочевья.

23 апреля 1185 года, в день Георгия Победоносца, небесного покровителя новгород-северского князя и всех русских воинов, войско Игоря Святославича выступило в поход. Рать его была целиком конной. По мере продвижения войска к границе к нему по очереди присоединились сначала дружина 15-летнего сына Игоря, путивльского князя Владимира, затем племянника, Святослава Ольговича Рыльского, а также «черниговская помощь» – отряды коуев, кочевников, живших на пограничных черниговских землях. Командовал коуями Ольстин Олексич, один из лучших русских воевод.

1 мая полки Игоря и его союзников подошли к рубежу, за которым

начиналась половецкая степь. Именно здесь войско окутала внезапная тьма – произошло солнечное затмение, воспринятое многими воеводами и воями как предзнаменование трагического исхода начатого похода. Однако князь Игорь не внял грозному небесному знаку и повел своих воинов дальше в степь, к югу от Северского Донца, к берегам Азовского моря. 5 мая на реке Оскол к войску Игоря Северского присоединилась дружина его младшего брата Всеволода Святославича, князя Трубчевского и Курского.

В пятницу, 10 мая 1185 года, в урочище Сюурлей (Голая Долина), на реке Макатиха (в летописи Каяла), русское войско напало на одну из половецких орд. Перед сечей, обращаясь к своим дружинникам, Игорь Святославич сказал: «Братья! Мы этого сами искали, так и пойдём». После ожесточенного боя русские захватили половецкие вежи. Одолев врага, Игорь собрался немедленно уходить к своим рубежам, однако рыльский князь Святослав Ольгович уговорил его отложить отступление до утра, сославшись на усталость коней. Однако наутро русское войско оказалось окруженным вражескими полками. На битву вышли почти все половецкие орды: Кончака, Чилбука, Гзака (Кзи) и его сына Романа, Бурновича, Елдечюка, Токсобича, Копти, Колобича, Етебича, Терьробича.

Два дня продолжалась упорная битва. Начиная ее ранним утром субботы, 11 мая 1185 года, русское войско выстроилось шестью полками. Дружина Игоря составила центр русского войска. Рать Всеволода занимала позицию на правом фланге. Дружина Владимира стала полком левой руки. Переяславцы Владимира и ковуи Ольстина Олексича оказались впереди других дружин. Еще дальше в степь навстречу врагу выдвинулся сводный полк из конных лучников. Удачно выстроив свою небольшую армию, Игорь сдержал первые удары половцев, но слишком неравными были силы сторон.

В первый же день боя Игорь Святославич был ранен в руку, но продолжал руководить сражением. Встав под стягом, он нарочно снял шлем, чтобы все воины могли видеть своего князя и приободриться благодаря его мужеству. Однако под ударами многочисленных врагов строй русского войска изрядно поредел. В полдень 12 мая, на второй день сражения, отряды ковуев неожиданно обратились в бегство, чем не преминули воспользоваться половцы, сразу же усилившие натиск на русские полки. Игорь, пытавшийся остановить беспорядочное отступление ковуев, отдалился от своей дружины и был взят в плен. Схвачены были и некоторые другие князья и бояре. Остальные русские воины, несмотря на героическое сопротивление, погибли под половецкими клинками. Лишь 15 княжых «мужей» смогли прорваться через вражеские полки и уйти на

Русь. Одним из спасшихся был Беловолод Просович, доставивший весть о поражении в Чернигов, где находился тогда и киевский князь Святослав. Это известие страшным эхом полетело по Русской земле.

Узнав о разгроме Игоря и его дружин, Святослав Киевский немедленно послал навстречу врагу своих сыновей с дружинами, приказав им прикрыть оставшийся без защиты рубеж. Однако эти действия явно запоздали. Вражеские отряды уже переходили русские границы.

Одолев дружины Игоря, половцы, не медля, устремились к ближайшим русским городам. Хан Кончак совершил набег на Киевщину, осадив Переяславль. Затем он захватил город Римов на Суле. Другие половецкие орды под началом Гзака напали на Посемье, выжгли многие села и острог в Путивле.

С большим трудом русские князья, подоспевшие с дружинами к месту боев, смогли отогнать половцев обратно в степь. На этот раз враги смогли беспрепятственно увести в свои вежи весь захваченный в русских землях «полон».

* * *

Тем временем уведенный в плен Игорь не знал покоя. Сердце его сжималось от горя, тоски по павшим товарищам. Мыслью он летел на родную землю, и не дано было половцам удержать этого князя-сокола.

Уже в конце весны, по-видимому, ночью 31 мая 1185 года (до возвращения Кончака и Гзака из набег на русские города), Игорю Святославичу удалось бежать из неволи. Князя неотлучно сторожили 20 половцев, но ему согласился помочь половецанин Лавр (Овлур), доставший коней и ждавший Игоря на другой стороне Тора – кочевья хана Чилбука, где содержался Игорь Святославич, находились на южном берегу этой степной реки. Вечером стража, решив, что пленник уже спит, напилась хмельного кумыса и утратила обычную бдительность. Тогда, горячо помолившись, князь поднял полог вежи и вылез наружу. Перейдя вброд реку, он нашел на берегу Лавра и, сев на коня, вместе с ним помчался на север. «Это избавление сотворил Господь в пятницу, вечером». На следующий день, 1 июня, вернулся из похода Гзак, 2 июня – Кончак. По следам беглецов была выслана погоня, но настичь Игоря половцам не удалось.

Князю и его помощнику пришлось преодолеть долгий и трудный путь длиной почти в 350 км. На второй день, не выдержав бешеной скачки, кони

пали, и беглецам пришлось 11 дней идти к границе пешком. Лишь 13 июня они добрались до пограничной крепости Донец, находившейся на реке Уды и охранявшей рубежи Переяславского княжества.

Так, преодолев все опасности, Игорю удалось благополучно добраться до родной земли. Вскоре домой вернулся и его сын, Владимир Игоревич Путивльский, женившийся в плену на дочери хана Кончака. Тем не менее, породнившись с грозным половецким воителем, Игорь Святославич не перестал воевать с кипчаками, защищая от их набегов родную землю. Наиболее успешным из его предприятий оказался поход 1191 года, когда новгород-северскому войску удалось нанести врагу тяжелое поражение, вынудив его откочевать в самые дальние степи.

В 1199 году, после смерти князя Ярослава Всеволодича, он занял черниговский престол, оставаясь на нем до самой своей кончины в 1202 году.

Князь Мстислав Удалой

Мстислава Мстиславича (Удатного) (? – 1228) следует причислить к военачальникам нового Удельного времени, когда непримиримыми врагами стали не только иноплеменники, но и ближайшие родичи из князей-рюриковичей, потомки единых дедов и отцов, правившие в соседних землях. Междоусобные войны заканчивались либо победой, либо поражением одной из сторон. Тогда наступал мир, но он, чаще всего, воспринимался как краткая передышка – ссорились вчерашние союзники, против победителя объединялись старые враги. В этих условиях даже самым опытным и удачливым воителям приходилось быть начеку, остерегаясь неведомого удара с любой стороны. Эпоха братоубийственных войн взрастила совершенно особенных людей, готовых воевать с самым невероятным врагом. Ярким примером полководца был Мстислав Удатной, князь торопецкий (1206), новгородский (1210) и галицкий (1219). На протяжении долгих лет определял он политику многих княжеств и земель Руси. Год его рождения неизвестен. Отцом Мстислава был смоленский князь Мстислав Ростиславич Храбрый, враждовавший со своим двоюродным братом, Андреем Боголюбским, на радость черниговским Ольговичам. Год от года борьба между князьями разгоралась, превращаясь в непримиримое противостояние. В частых битвах и походах того времени Мстислав Ростиславич заслужил особое внимание летописца, отметившего, что этот князь «не боялся никого, кроме одного Бога».

Его сын Мстислав впервые упоминается в летописи в 1193 году, когда стал князем Триполья. С 1203 года он княжил в Торческе, а с 1209 – в Торопце. Неоднократно новгородские бояре приглашали его управлять Великим Новгородом. Из-за новгородского княжения Мстислав Мстиславич вступил в длительный конфликт с великим князем владимирским Всеволодом Большое Гнездо, освободив отобранный им у новгородцев город Торжок. После смерти Всеволода он продолжил войну с его сыновьями, Юрием и Ярославом, взяв сторону их старшего брата Константина. Вступив в Суздальскую землю, войско Мстислава 21 апреля 1216 года разгромило владимирские полки в битве на реке Липице. К чести князя следует отметить, что он, являясь действующим лицом почти всех междоусобиц своего времени, не раз участвовал и в общерусских походах против половцев и других врагов Руси.

В 1215 году с помощью новгородских полков Мстислав Мстиславич изгнал из Киева Всеволода Святославича / Чермного/ и посадил там княжить своего двоюродного брата, Мстислава Романовича. С 1219 по 1227 год он правил в Галиче, овладев городом с помощью польского короля Лешко Белого, но затем выступил против него в союзе с владимировольнским князем Даниилом Романовичем, за которого выдал замуж свою дочь Анну.

В сражении с монголо-татарскими войсками на реке Калке 31 мая 1223 года Мстислав был одним из немногих русских князей, прорвавшихся с остатками своей дружины через вражеские заслоны обратно к Днепру. Горечь этого поражения жгла князя до конца его дней. Он потерял интерес к политической борьбе и в 1227 году, рассорившись к тому времени с Даниилом Романовичем, выдал другую свою дочь, Марию, замуж за венгерского королевича Андрея. Передав ему власть над Галицкой землей, Мстислав Мстиславич ушел княжить в город своей юности, пограничный Торческ, где уже в следующем году и окончил свои земные дни.

Князь Владимирко Володаревич

Сын перемышльского князя Володаря Ростиславовича, Владимир (Владимирко) Володаревич (Галицкий) (? – февраль 1152) после кончины отца в 1124 году получил в держание Звенигород Южный. После смерти брата Ростислава, княжившего в Перемышле, в 1128 году Владимирко захватил его владения, передав Ивану Ростиславичу Берладнику (сыну умершего брата и своему племяннику) Звенигородское княжество. В 1141

году с кончиной двоюродного брата, перемышльского князя Ивана Васильковича, к владениям Владимира Володаревича были присоединены города Теревовль и Галич. Последний стал новой столицей образовавшегося обширного государства – Галицкого княжества.

Владимирко поддерживал киевского князя Всеволода Олеговича в его борьбе с Изяславом Мстиславовичем, но в 1144 году между ними произошел разрыв из-за стремления киевского князя передать Владимиро-Волынское княжество своему сыну Святославу. Во время начавшихся военных действий князь был окружен киевским войском на р. Серет, под Звенигородом. При посредничестве брата Всеволода Ольговича, Игоря, ему удалось заключить мир с киевским князем, выплатив победителю 1400 гривен серебра. Недовольные действиями Владимира Володаревича галичане изменили своему князю, во время его отсутствия зимой 1144 года пригласив править Ивана Ростиславича Берладника. Не смирившись с вероломством подданных, Владимир осадил Галич. Во время неудачной вылазки из города он разгромил полки своего племянника, вынудив того бежать на Дунай. Многие горожане, изменившие Владимиру Володаревичу и с оружием в руках сражавшиеся против него, были казнены.

Во время борьбы за великое киевское княжение Владимирко поддерживал ростово-суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого. В 1150 году, разбив войска Изяслава Мстиславича, он вынудил киевлян принять князем своего союзника Юрия Долгорукого. Но эта победа Владимира Володаревича стала причиной начала военных действий со стороны венгерского короля Гейзы, выступившего на стороне изгнанного киевского князя. В 1152 году венгры разбили галицкие войска, Владимир Володаревич вынужден был заключить с ними мир и начать переговоры с Изяславом Мстиславичем. В феврале 1152 года, во время переговоров с послом Изяслава, боярином Петром Бориславичем, Владимир умер. Подробный рассказ об этих безрезультатных переговорах и об обстоятельствах смерти князя содержится в Ипатьевской летописи.

После смерти Владимира Володаревича в Галицкой земле стал княжить его сын, Ярослав Осмомысл.

Князь Юрий Всеволодич

Юрий (Георгий) Всеволодич (1188–1238) стал последним великим владимирским князем, единодержавно правившим Северо-Восточной Русью в домонгольское время. Он был третьим сыном великого князя

владимирского Всеволода Юрьевича /Большое Гнездо/. Тем не менее в 1212 году, умирая, отец именно ему, в обход старшего сына Константина (второй сын Всеволода, Борис, умер еще в 1188 году), оставил в наследство свой великокняжеский стол. С первых же дней княжения Юрий выказал себя великодушным и милосердным правителем, освободив из заточения рязанских князей, плененных отцом. Однако над головой его сгущались грозные тучи. Между братьями Юрием и Константином, посчитавшим себя обиженным и обойденным, началась борьба за власть, в которую вмешался торопецкий князь Мстислав Удатной (Удалый), призванный новгородцами на княжение в свой город. Старший из Всеволодичей перешел на сторону Мстислава Удатного и в союзе с ним выступил против братьев.

Решающая битва этой воистину братоубийственной войны произошла 21 апреля 1216 года на реке Липице. Полки Юрия, Ярослава и их младших братьев, соединившись у города Юрьева-Польского, стали лагерем на горе Авдовой. Подошедшие вскоре рати Мстислава Удатного, Константина Всеволодича и их союзников заняли позицию на соседней Юрьевой горе. Противников разделяла широкая заболоченная низина с протекавшим по ней ручьем Тугеном.

После неудачных переговоров, начатых Мстиславом Удатным с целью миром посадить своего союзника Константина Всеволодича на великокняжеский Владимирский стол, его войско начало сражение. Рано утром 21 апреля (в день святых Тимофея, Федора и Александры царицы) спешившиеся новгородские и смоленские воины перешли ручей и атаковали укрепленный плетнем лагерь братьев Всеволодичей. Центр их войска, где стояла рать переяславского князя Ярослава Всеволодича, был потеснен смоленским полком. Тогда командовавший войском князей-союзников Мстислав Удатной бросил в бой свои конные дружины. Они трижды прошли через боевые порядки владими́ро-суздальских полков, совершенно расстроив их и захватив два стяга переяславской рати князя Ярослава Всеволодича. Решил исход сражения удар дружины князя Константина Всеволодича во фланг полка князя Юрия Всеволодича – истребляемые воины его рати обратились в бегство.

Липицкая битва стала одной из самых кровавых в Древней Руси. Только убитыми войско князей Всеволодичей потеряло 17 250 человек. У победителей было убито около 2550 воинов. Осажденный во Владимире на Клязьме, князь Юрий Всеволодович вынужден был уступить старшему брату Великое княжение Владимирское, получив в удел небольшой городок Радилон Городец на Волге.

Завершилась она сокрушительным разгромом «всей силы Суздальской земли» – полков Юрия, Ярослава и их младших братьев. Загнав трех коней, великий князь прискакал во Владимир, но сил организовать отпор победителям у него не было. После начала осады города он вынужден был согласиться на все условия Мстислава и уступить Константину Владимирское княжение. Взамен Юрий Всеволодич получил даже не Ростов, а небольшой Радилон Городец на Волге. Однако вскоре ему удалось примириться с братом, а после смерти того в феврале 1218 года вернуть себе великокняжеский стол. Одним из важных событий правления Юрия Всеволодовича было основание им в 1221 году на восточных границах Владимиро-Суздальской земли, на Дятловых горах, около места впадения Оки в Волгу, Нижнего Новгорода, ставшего впоследствии одним из славнейших русских городов.

В 1223 году, в первый приход монголов на Русь, Юрий Всеволодич не принял участие в походе южнорусских князей, но отправил им на подмогу племянника, Василька Константиновича Ростовского. Однако к месту боя это войско не успело. Дойдя до Чернигова, ростовский князь узнал о страшном поражении на Калке и увел свои полки назад.

Может быть именно эта несогласованность в действиях князей спустя 14 лет большой бедой обратилась против Юрия Всеволодича и его княжества. Разорив Рязань, Москву и Коломну, полчища Батыея двинулись на Владимир. Оставив в городе жену Агафью Всеволодовну и сыновей – Всеволода и Мстислава, погибших при штурме города монголами, он с небольшой дружиной отправился в Заволжье, собирать рать, способную дать отпор нашествию врагов. Там, на реке Сити, 4 марта 1238 года князь был настигнут войском темника Бурундая и разбит в жестоком бою. Возвращавшийся после ухода монголов из Белоозера ростовский митрополит Кирилл нашел среди оставшихся непогребенными тел обезглавленный труп великого князя и похоронил его в Ростове. Через два года брат Юрия Ярослав Всеволодич, ставший его преемником, повелел перевезти тело погибшего князя во Владимир и захоронить в Успенском соборе.

Князь Роман Великий

Галицко-волынский князь Роман Мстиславич (1155–1205) был сыном Владимиро-волынского князя Мстислава Изяславича и Агнесы, дочери польского князя-принцепса Болеслава III Кривоустого и чешской княжны

Саломеи. При крещении он получил имя Борис. Детство Романа прошло в Польше, в Кракове. При жизни отца он княжил в Великом Новгороде (с апреля 1168), ходил походами на Полоцк и Смоленск, Торопец, оборонял Новгородскую землю от ответных нападений. 25 февраля 1170 года Роман разбил под стенами Новгорода киевского князя Михаила Андреевича, командовавшего союзным суздальским войском. После смерти Мстислава Изяславича он был изгнан новгородцами и ушел на Волынь. В 1173 году Роман Мстиславич сел на княжение во Владимире-Волынском и женился на Предславе, дочери князя Рюрика Ростиславича. В 1187–1188 годах он попытался овладеть Галичем, жители которого изгнали своего князя Владимира Ярославича. Тот при помощи венгерского короля Белы вернул себе родной город. Роману Мстиславичу пришлось вернуться во Владимир-Волынский. Неоднократно он принимал участие в войнах польских князей. Самым крупным предприятием подобного рода стало участие Романа в сражении у города Енджеков на реке Мозгава, в 80 км от Кракова. Его дружина присоединилась к войску двоюродных братьев, краковских князей Лешко и Конрада, враждовавших с великим князем Мешко Старым. В битве ни одной из сторон не удалось одержать верх, однако на долгие годы Роман Мстиславич приобрел союзников среди польских князей. Один из них, Лешко Белый, после смерти Мешко Старого, стал князем-сеньором Польши. В 1198 году, после смерти галицкого князя, Роман Мстиславич все же присоединил его княжество к своим владениям.

Тем временем отношения Романа Мстиславича с тестем, ставшим в 1194 году великим киевским князем, испортились. Он развелся с супругой и отправил ее к отцу, а сам женился на боярышне Анне. В 1202 году во главе большого войска Роман овладел Киевом, изгнал бывшего тестя, а на княжение посадил двоюродного брата, Ингваря Ярославича. Впоследствии он примирился с Рюриком, но затем вновь стал воевать с ним, захватил в плен и постриг в монахи.

Римский папа Иннокентий III присылал к Роману своих послов, обещая признать его королем Руси, но лишь в обмен на принятие католичества. Князь решительно отказался. При галицком дворе долгое время жил бежавший от крестоносцев византийский император Алексей III Ангел. На протяжении долгих лет Роман Мстиславич вел войны с половцами и литовскими племенами. Укрепляя свою власть, он жестоко расправлялся с мятежным галицким боярством. Летописец передает слова князя, сказанные по такому случаю своим приближенным: «Не передавивши пчел, меду не есть».

Во время войны с князем-сеньором Лешко Белым Роман Мстиславич

попал в устроенную поляками засаду и 19 июня 1205 года погиб в бою под городом Завихост.

Князь Даниил Галицкий

Старший сын галицко-волынского князя Романа Мстиславича (Великого), правнука Владимира Мономаха, Даниил Романович /Галицкий/ (1201–1264) лишился отца еще в младенчестве. Роман Мстиславич в 1205 году был вероломно убит поляками во время похода против краковского князя Лешко Белого. Смертью отца Даниила поспешил воспользоваться старый недруг Романа Мстиславича, бывший киевский князь Рюрик Ростиславич. За вероломство свое он был пострижен галицким князем в монахи. Теперь же, узнав о смерти обидчика, Рюрик снял с себя монашеский сан, снова овладел Киевом и, заключив союз с черниговскими князьями и половцами, вместе с ними выступил против малолетних сыновей Романа. Княгиня Анна, мать Даниила и Василька (его младшего брата), обратилась за помощью к венгерскому королю Андрею, побратиму покойного мужа. Присланное им войско вынудило врагов отступить. Но, как только венгерские отряды оставили княжество, они снова стали воевать Галицко-Волынскую землю. Спасая свою жизнь, княгиня с детьми бежала во Владимир-Волынский, а затем в Польшу. Король Лешко принял изгнанников и оказал покровительство младшему из братьев, Васильку, пожаловав ему в ленное владение город Брест. Даниил был отослан к венгерскому королю Андрею, при дворе которого и вырос.

Среди врагов Даниила и Василька Романовичей скоро начались свары и раздоры, поэтому в 1211 году галицкие бояре выпросили у венгерского короля своего десятилетнего князя. Однако лишь год правил молодой Даниил в родном городе. Затем, спасаясь от хотевших его убить заговорщиков, он вынужден был бежать в Бельз, где в то время проживала его мать. Лишь в 1221 году, при поддержке поляков и венгров, удалось ему отвоевать Волынь – свой отцовский удел, а в Галиче стал княжить венгерский королевич Коломан. Заручившись поддержкой знаменитого русского воителя Мстислава Удатного, на дочери которого, Анне, он был женат, Даниил упрочил положение в Волынской земле, но окончательно вернуть под свою руку Галич сумел лишь в 1235 году, накануне Батыева нашествия.

С новым и грозным врагом Русской земли Даниил Романович был знаком уже с 1223 года, когда в числе других князей он принял участие в

страшном сражении с монголами на степной реке Калке. В этом бою вольнский князь был ранен в грудь, но в числе немногих витязей сумел прорваться к Днепру, избежав плена и гибели. После разгрома Северо-Восточной Руси Батыем Даниил попытался укрепить оборону родной страны, стараясь собрать раздробленные уделы. В 1236 году, после смерти Владимира Рюриковича, ему удалось присоединить к своей державе Киев, посадив там наместником воеводу Дмитра, но в 1240 году новая волна монголо-татарского вторжения затопила уцелевшие было ранее русские города и земли.

Найдя приют у мазовецкого князя Болеслава, Даниил Романович вернулся в свое разоренное княжество, лишь только татары ушли, и деятельно принялся поднимать из его руин. Князь отстраивал города, собирал уцелевших людей, отстаивал независимость сильно ослабевшего государства в войнах с Венгрией и Польшей. Только в 1250 году Даниил вынужден был съездить на поклон в Орду и признать себя данником Батыя. Но еще до этого вынужденного шага он, надеясь на помощь Запада против злой татарщины, вел сложную дипломатическую игру с римским папой Иннокентием IV, мечтавшим таким образом присоединить Русь к католическому миру. В 1254 году галицкий князь принял от римского папы королевский титул и начал войну с татарским полководцем Куремсой. Тщетно дожидаясь Даниил помощи от европейских государей: ни один из них не откликнулся на папские буллы с призывом помочь бившемуся с грозной татарской силой новому «королю». В 1260 году, после прихода в Галицкую землю огромного войска монгольского полководца Бурундая, последнему из великих русских князей пришлось смириться перед врагом, признать себя данником Золотой Орды и согласиться на срытие укреплений главных городов. Печальный исход задуманного Даниилом Романовичем дела – освобождения родной земли, – подкосил силы князя. Спустя четыре года он скончался в новой своей столице, городе Холме, и был погребен в построенном по его повелению храме Богородицы.

Князь Александр Ярославич Невский

Прославленный полководец Древней Руси Александр Ярославич (ок.1220–1263), народом прозванный «Грозные Плечи», а потомками – «Невским», родился в ноябре 1220 года (по другой версии – 30 мая 1220 года) в семье великого князя владимирского Ярослава Всеволодича и рязанской княжны Феодосии Игоревны. В 1236 году он стал князем

новгородским, а в 1252 году – великим князем владимирским. Первые сведения об Александре Ярославиче относятся к 1228 году, когда его отец, княживший в Великом Новгороде, вступил в конфликт с жителями этого города, не смог удержаться в нем и вынужден был отъехать в Переяславль-Залесский, свой родовой удел.

Несмотря на отъезд, Ярослав оставил в Новгороде на попечении доверенных бояр двух своих малолетних сыновей, Федора и Александра. После смерти Федора в 1233 году Александр остался старшим из сыновей Ярослава Всеволодича. В 1236 году он был посажен на новгородское княжение, так как отец уехал княжить в Киев. В 1239 году юный новгородский князь женился на полоцкой княжне Александре Брячиславне. В первые годы княжения ему пришлось заниматься укреплением своего удела, поскольку с востока Новгородской земле грозили монгольские завоеватели. Перед молодым князем возникала и другая, более близкая и более серьезная опасность – со стороны шведов, ливонцев и Литвы. Борьба с ливонцами и шведами являлась одновременно борьбой православного Востока с католическим Западом. В 1237 году разрозненные силы ливонцев – тевтонского ордена и меченосцев – по благословению римского папы Григория IX объединились против русских. Союзниками нового рыцарского государства стали датчане и шведы. Они договорились о совместном выступлении, условившись начать поход на Новгород летом 1240 года. Вскоре враждебные намерения рыцарей стали известны русским. Встревоженный недобрыми вестями, Александр Ярославич построил на реке Шелони несколько крепостей для укрепления западной границы Новгородской земли, организовал дозорную стражу в земле ижорян, живших на реке Неве.

Эта ижорская стража и обнаружила в начале июля 1240 года 100 шведских кораблей, шедших к русским берегам. Старейшина ижорян, Пелгусий, поспешил известить князя Александра о появлении врагов. 5-тысячным шведским войском командовал рыцарь Биргер Магнуссон, зять короля Эрика IX (жена Биргера, Ингеборг, приходилась четырехюродной сестрой Александру Ярославичу). Уверенный в своей победе, предводитель шведов стал лагерем у места впадения в Неву небольшой реки Ижоры и послал сказать Александру: «Если можешь, то сопротивляйся мне, – я уже здесь и беру в плен землю твою»^[339]. По Неве Биргер хотел плыть в Ладожское озеро, занять Ладогу и отсюда, уже по Волхову, идти к Новгороду. Но Александр, не медля ни дня, с дружиной и частью новгородского ополчения уже выступил навстречу шведам. По дороге к нему присоединился отряд ладожан, а затем и ижорское ополчение.

Русские войска скрытно приблизились к устью Ижоры и 15 июля 1240 года обрушились на лагерь противника. Биргер не ждал нападения: лишь часть его войска находилась в лагере на берегу, другие оставались на кораблях, стоявших у берега.

Новгородцы, внезапно появившись перед шведским лагерем, кинулись на шведов и начали рубить их топорами и мечами, прежде чем те успевали взять оружие. Александр лично участвовал в битве, «самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем»^[340]. Шведы бежали на корабли и в ту же ночь все уплыли вниз по реке. В сече на берегах Невы русские воины потеряли убитыми лишь 20 человек. Павших шведов не считали, а тела их нагрузили на 2 захваченных корабля и отправили вниз по реке, вслед за ушедшим флотом Биргера.

По возвращении в Новгород Александр Ярославич, опасавшийся новых нападений врага, попытался собрать более многочисленную дружину, но был заподозрен в желании единолично править в городе и, по требованию веча, покинул Новгород, уехав в Переяславль-Залесский.

Новгород остался без князя. Тем временем осенью 1240 года немецкие рыцари взяли Изборск и стали угрожать Пскову и Новгороду. Псковские войска вышли им навстречу и потерпели поражение, потеряв убитыми своего воеводу Гаврилу Гориславича и 500 лучших воинов. Немцы по следам бегущих подступили к Пскову, сожгли окрестные городки и села и целую неделю стояли под городом. Псковичи вынуждены были исполнить их требования и дали своих детей в заложники. Как утверждает летописец, в Пскове вместе с немцами стал править некто Твердило Иванкович, который и привел врагов. Вскоре после этого враги вместе с чудью напали на Вотскую землю и завоевали ее, наложив дань на местных жителей. Намереваясь прочно обосноваться на Руси, они построили замок в Копорье, взяли город Тесов, затем разграбили земли по реке Луге и стали нападать на новгородских купцов в 30 верстах от Новгорода.

Из Новгорода было отправлено посольство к Ярославу Всеволодичу с просьбой о помощи. Тот направил в Новгород вооруженный отряд во главе со своим сыном Андреем Ярославичем, но организовать отпор врагу он не сумел. Тогда новгородцы вынуждены были просить вернуться его старшего брата, Александра. Уговорить князя оказалось непросто, и только авторитет новгородского владыки Спиридона решил сомнения обиженного князя. Приехав в Новгород в 1241 году, Александр немедленно двинулся на неприятеля к Копорью, взял и уничтожил построенный здесь рыцарский замок. Пленный немецкий гарнизон победители привели в Новгород: часть его отпустили, а изменников – вожан и чудь – повесили. Но нельзя

было так быстро освободить Псков. Его Александр взял только весной 1242 года.

Вдохновленные успехами, новгородцы вторглись на территорию Ливонского ордена и начали разорять поселения эстов, данников крестоносцев. Вышедшие из Риги рыцари уничтожили у селения Хаммаст передовой русский полк Домаша Твердиславича, вынудив Александра отвести свои отряды к границе Ливонского ордена, проходившей по Чудскому озеру. Обе стороны стали готовиться к решающему сражению. Оно произошло на льду Узмени (Теплого озера), южнее Чудского озера, 5 апреля 1242 года. Знаменитая битва, получившая в наших летописях название Ледовое побоище, началась на восходе солнца. Немецкие рыцари выстроились клином («свиньей») – узкой и очень глубокой колонной, задача которой сводилась к массивному удару по центру новгородского войска.

Русское войско было построено по классической схеме, выработанной еще Святославом. Центр – пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам – конница. Новгородская летопись и немецкая хроника единогласно утверждают, что клин пробил русский центр, но в это время ударила по флангам русская конница, и рыцари оказались в окружении. Как пишет летописец, была злая сеча, льда на озере не стало видно – все покрылось кровью. Русские гнали немцев по льду до берега семь верст, уничтожив (по сильно преувеличенным сведениям) более 500 рыцарей, а чуди бесчисленное множество; в плен было взято более 50 рыцарей. «Немцы, – говорит летописец, – хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь самих Бог выдал ему в руки». Немецкие рыцари были разгромлены. Ливонский орден оказался перед необходимостью заключить мир, по которому крестоносцы отказывались от притязаний на русские земли. Пленники с обеих сторон были обменены.

Летом того же года Александр нанес поражение семи литовским отрядам, нападавшим на северо-западные русские земли, в 1245 году отбил Торопец, захваченный Литвой, уничтожил крупный неприятельский отряд у озера Жизца и, наконец, разгромил литовское ополчение под Усвятом. Пленных было столько, что слуги новгородского князя привязывали схваченных литовцев к хвостам своих коней.

Шестилетняя успешная защита Александром северной Руси привела к тому, что немцы, по мирному договору, отказались от всех недавних завоеваний и даже уступили Новгороду часть Латгалии. Устрашены были и другие враги – своими победами 1242–1245 годов новгородский князь, по словам летописца, такой страх нагнал на литовцев, что они стали «бояться

имени его»^[341].

Успешные военные действия Александра Невского надолго обеспечили безопасность западных границ Руси, но на востоке русским князьям пришлось склонить голову перед гораздо более сильным врагом – монголо-татарами. При тогдашней малочисленности и разрозненности русского населения в восточных землях нельзя было и думать об освобождении из-под их власти.

В 1243 хан Батый, правитель западной части монгольской державы – Золотой Орды, вручил ярлык великого князя владимирского на управление покоренными русскими землями отцу Александра – Ярославу Всеволодичу. Великий хан монголов Гуюк призвал великого князя в свою столицу, Каракорум, где 30 сентября 1246 года Ярослав неожиданно скончался (по общепринятой версии, он был отравлен). После Ярослава старшинство и Владимирский престол наследовал его брат, Святослав Всеволодович, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на землях, данных им покойным великим князем. Вплоть до этого времени Александру удавалось избегать контактов с монголами. Но в 1247 году в Каракорум были вызваны сыновья Ярослава – Александр и Андрей. Пока Ярославичи добирались до Монголии, сам хан Гуюк умер, и новая хозяйка Каракорума, ханша Огуль-Гамиш, решила назначить великим князем Андрея. Александр же получил в управление опустошенную южную Русь и Киев.

Лишь в 1249 году братья смогли вернуться на родину. Александр в свои новые владения не поехал, а вернулся в Новгород, где тяжело заболел. Есть известие, что папа Иннокентий IV в 1251 году прислал к Александру двух кардиналов с буллой, написанной в 1248 году. Папа, обещая помощь в борьбе с татарами, убеждал Александра пойти по примеру отца, согласившегося будто бы подчиниться римскому престолу и принять католичество. По рассказу летописца, Александр, посоветовавшись с ближними людьми, отверг предложение папы, зная, что Русь не готова начать борьбу с монголами. Шведы в 1256 году попытались было вновь напасть на русские земли, чтобы отнять у Новгорода побережье Финского залива, приступив к постройке крепости на реке Нарве, но при одном слухе о приближении Александра с суздальскими и новгородскими полками ушли обратно. Чтобы еще более уstrasить их, Александр, несмотря на чрезвычайные трудности зимнего похода, проник в Финляндию и завоевал поморье.

В 1252 году в Каракоруме ханша Огуль-Гамиш была свергнута новым великим ханом Мункэ (Менге). Воспользовавшись этим обстоятельством и

решив отстранить от великого княжения Андрея Ярославича, Батый вручил ярлык великого князя Александру Невскому, который был срочно вызван в столицу Золотой Орды, Сарай. Но младший брат Александра, Андрей Ярославич, поддержанный братом Ярославом, тверским князем, и Даниилом Романовичем, галицким князем, отказался подчиниться решению Батыя и не поехал к нему в Орду^[342].

Для наказания непокорных князей Батый послал монгольский отряд под командованием Неврюя. Враги разорили уделы Андрея и Ярослава, которые вынуждены были бежать за пределы Северо-Восточной Руси, в Швецию. Александр стал править во Владимире. Андрей через четыре года, в 1256 году, вернулся на Русь и помирился с братом, который, с согласия хана (Батыя или Сартака), дал ему в удел Суздаль.

Еще один мятежный брат Александра Невского, Ярослав Ярославович, в 1253 году был приглашен на княжение в Псков, а в 1255 году – в Новгород, жители которого противились попыткам великого князя наложить на них ордынскую дань. Причем новгородцы выгнали своего прежнего князя – Василия, сына Александра Невского, пытавшегося добиться уплаты «выхода» монголам. Но Александр вновь посадил в Новгороде Василия, жестоко наказав зачинщиков возмущения. В 1258 году Ярослав вместе с братьями и племянником Борисом Ростовским отправился в Орду. Тогда же туда ездил и Александр Невский, заступившийся за брата, получившего ярлык на «свою отчину» – Тверскую землю^[343].

В 1255 году умер Батый. Его сын Сартак, который был с Александром в очень дружеских отношениях, вскоре погиб из-за раздоров в среде царевичей-чингизидов. Новый золотоордынский правитель, хан Берке (с 1255), ввел на Руси общую для покоренных земель систему обложения данью. В 1257 году в Новгород, как и другие русские города, были направлены «численники» для проведения подушной переписи населения. Туда пришла весть, что монголы, с согласия Александра, хотят наложить дань на их свободный город. Это вызвало возмущение новгородцев, которых на этот раз поддержал князь Василий. В Новгороде началось восстание, продолжавшееся около полутора лет, в течение них горожане не подчинялись монголам. Александр лично навел порядок, казнив наиболее активных участников волнений. Василий Александрович был схвачен и заключен под стражу. Новгород был сломлен и подчинился приказу посылать дань в Золотую Орду. С тех пор Новгород, хотя и не видел больше у себя монгольских чиновников, участвовал в выплате дани,

доставляемой в Орду со всей Руси. Новым новгородским наместником с 1259 году стал князь Дмитрий, также сын Александра.

В 1262 году вспыхнули волнения на Владимирской земле. Народ был выведен из терпения насилием монгольских откупщиков дани, каковыми тогда были в основном «бессермены» – хивинские купцы. Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоплаты откупщики насчитывали большие проценты, а при невозможности уплатить людей забирали в неволю. В Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле и Ярославле поднялись народные восстания, откупщиков отовсюду выгнали. К тому же в Ярославле убили откупщика Изосиму, который принял мусульманство в угоду монгольским баскакам и хуже завоевателей притеснял соотечественников.

Берке дал волю своему гневу и стал собирать войска для нового похода на Русь. Чтобы умиловить хана и «отмолить людей от беды», Александр Ярославич лично отправился с дарами в Орду. Ему удалось отговорить ордынского «царя» от похода. Берке простил избиение откупщиков, а также освободил русских от обязанности высылать свои полки в монгольское войско, собиравшееся для участия в войне на Кавказе. Хан удерживал князя подле себя всю зиму и лето; только осенью Александр получил возможность вернуться во Владимир, но по дороге занемог и 14 ноября 1263 года в Городце Волжском скончался, «много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая свой живот за православную веру». По предположению ряда биографов, знаменитый воитель был отравлен в Орде ядом, действующим медленно. Тело его было погребено во владимирском монастыре Рождества Богородицы. Канонизация Александра Невского состоялась в 1547 году.

Русский витязь Евпатий Коловрат

В тяжкую годину монгольского нашествия на Русь рязанский боярин Евпатий Львович Коловрат (? – начало января 1238) был послан своим князем Романом Ингваревичем за помощью в союзный Чернигов. С набранной дружиной из 300 «храбров» он вернулся в родное княжество через два дня после гибели Рязани, павшей 21 декабря 1237 года. Собрал по окрестным лесам еще около 1400 уцелевших воинов-рязанцев, Коловрат пошел по следам двинувшейся на Владимир монгольской армии, уничтожая отдельные вражеские отряды. Во время одного из таких нападений в плен было захвачено 5 русских воинов, от которых монголы

узнали о численности и местонахождении сил рязанского воеводы. Видимо, посчитав его дружину и ее действия опасными, Батый направил против Евпатия Коловрата войско во главе со своим шурином, знаменитым монгольским багатуром Хостоврулом (Христовлуром). В произошедшем бою татарское войско было разбито, а Хостоврул убит в поединке самим Коловратом, ударом, рассекшим монгола надвое до самого седла. От руки рязанского воеводы пало еще несколько вражеских воинов.

Развернув против русского отряда более многочисленные монгольские войска, Батый окружил и разгромил дружину Евпатия. Сам Коловрат с немногими уцелевшими витязями, продолжал упорно сражаться и вместе с ними был расстрелян каменными ядрами татарских метательных машин. Враги оценили доблесть и мужество павшего воеводы и говорили о нем: «Таких удалцов и рязанцев не видали. Ибо это люди крылатые и не имеющие страха смерти». По преданию, тело погибшего русского богатыря было предьявлено самому Батыю, который много дивился на него и повелел отдать уцелевшим воинам Коловратовой дружины, чтобы они с честью похоронили столь славного мужа.

Позже подвиг Евпатия Коловрата был воспет в замечательном памятнике русской литературы – «Повести о разорении Рязани Батыем».

Дмитрий Донской – победитель Мамаю

Князь московский и великий князь владимирский Дмитрий Иванович (1350–1389) был сыном московского князя Ивана Ивановича Красного и его второй жены Александры, внуком Ивана Даниловича Калиты. Родился он 12 октября 1350 года и рано осиротел. Отец скончался в 1359 году от морового поветрия, но оставил сыну мудрого наставника – митрополита Алексия. Именно этот пастырь воспитал юного князя и вложил ему в сердце великую мечту и стремление освободить родную землю от татарского владычества. Руководствуясь советами Алексия, московский князь еще в отроческом возрасте смог отстоять свои права на Владимирское княжение в борьбе с суздальским князем Дмитрием Константиновичем. Замирившись с ним, Дмитрий Иванович, женился на его дочери суздальской княжне Евдокии Дмитриевне. Свадьбу молодые сыграли в Коломне.

Готовясь к решительной борьбе с Ордой, Дмитрий Иванович укреплял не только свое государство, но и его столицу – Москву. Именно в его княжение в 1367–1368 годах был построен первый каменный Кремль, что

позволило вступить в борьбу с великим князем литовским Ольгердом, вовсе не желавшим усиления Москвы. Породнившись с тверским князем Михаилом Александровичем, Ольгерд дважды, в 1368 и 1370 годах, осаждал Москву. Эти нашествия получили в народе название «Литовщин». В первую «Литовщину» полчища старого Ольгерда и его зятя-союзника Михаила Александровича Тверского три дня стояли под стенами белокаменного Кремля, а затем отступили на свою территорию. Второй раз литовцы осаждали Москву восемь дней и снова, не менее бесславно, бежали от ее прочных стен. Неудачи грозного литовского воителя стали сигналом для всех русских князей, почувствовавших силу Дмитрия Московского и решивших встать на его сторону в предстоящей борьбе с татарами. Вынужден был смириться и признать себя младшим братом московского князя даже его старейший недруг, Михаил Тверской.

Особое внимание князь уделял южным границам своего государства. В 1373 году он организовал охрану «берега» – реки Оки, поставив на речных «перелазах» (бродах) крепкую стражу. Самые опасные места были «засечены». Передовые русские дозоры высылались и в степь, на реки Дон и Хопер.

Вскоре растущей силы московского князя испугался правивший Ордой эмир Мамай, особенно после того, как в 1378 году ратью Дмитрия Ивановича было наголову разгромлено посланное им на Русь 50-тысячное войско мурзы Бегича. Москвичи встретили врага еще в Рязанской земле, на небольшой реке Воже, правом притоке Оки. Несколько дней татары не решались переправляться на северный берег, где стояли русские полки. Но 11 августа 1378 года Дмитрий Иванович отвел свои рати на версту от берега. Бегич решил, что москвичи отступают и, начав переправу, атаковал русское войско. Однако стремительный удар полковевой и Правой руки смял ордынцев. Они «на копьях» были сброшены в реку. В этой битве пал не только Бегич, но и все татарские темники. В сражении на Воже московский князь Дмитрий был в гуще боя – рубился с татарами в первых рядах Большого полка.

Встревоженный этим поражением Мамай начал готовить новый большой поход на Русь, мечтая вернуть нашу Родину к страшным временам Батая. Он собрал все свои войска («девять орд и семьдесят князей»), усилив их отрядами кабардинцев, осетин, крымских армян и наемной генуэзской пехотой. Летом 1380 года 100-тысячная армия Мамаева двинулась в поход. Чтобы не дать татарами соединиться с их сторонниками – рязанским князем Олегом Ивановичем и литовским князем Ягайло – московский князь со всеми союзными ему князьями вышел навстречу

наступающей Орде. На бой с врагом Дмитрия Ивановича благословил великий подвижник Сергей Радонежский, отправивший с ним двух монахов-богатырей – Александра Пересвета и Родиона Ослябю.

Местом сбора русских ратей стал город Коломна. Великокняжское войско пришло туда 15 августа 1380 года, в день Успения Пресвятой Богородицы. После смотра собравшихся полков на Девичьем поле, 20 августа русская армия двинулась вверх по течению Оки, отрезая дорогу шедшему к границе литовскому войску. У города Лопасни московский князь получил сообщение, что орда Мамаю стоит на реке Красивая Меча. Тогда русские князья решили выступить к Дону и на этой реке дать сражение врагу. Переправившись у села Прилуки через Оку, полки Дмитрия Ивановича двинулись на юг. 5 сентября они подошли к Дону. Московский князь вновь собрал своих воевод, чтобы решить, где встретить татар. Мнения советников разделились. Некоторые считали, что с татарами надо биться на северном берегу реки, другие предлагали идти за Дон. Их мнение поддержал и Дмитрий Иванович, сказавший: «Братья! Лучше честная смерть, чем злая жизнь. Лучше было не выходить против врага, чем, прийдя и ничего не сделав, возвратиться обратно. Перейдем сегодня все за Дон и там положим головы за православную веру и братью нашу».

В ночь с 7 на 8 сентября 1380 года русское войско переправилось через Дон и начало занимать позиции на Куликовом поле. На следующий день здесь грянула одна из самых знаменитых битв в русской истории. Перед битвой Дмитрий Иванович поменялся доспехами с боярином Михаилом Андреевичем Бренком и выехал в Сторожевой полк, задачей которого было принять первый удар врага. При этом князь сказал пытавшимся его удержать воеводам, что должен «как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием!»

Удар неприятельской конницы был страшен, врагу удалось смять Сторожевой и Передовой русские полки, а затем прорвать левый фланг русского войска, но контратака Засадного полка опрокинула войско Мамаю. Немногие уцелевшие татары бежали, но и русские потери были велики. Только князей было убито 24 из 44 участвовавших в битве. После долгих поисков среди павших воинов Сторожевого полка был найден бесчувственный, но живой князь Дмитрий. Доспех на нем был весь «избит» неприятельскими ударами, но пробить его враги так и не смогли. Шесть дней победители провели на месте боя, «на костях», как тогда говорили, собирая и предавая земле тела павших воинов. Отдав этот скорбный долг героям, поредевшее войско двинулось в обратный путь.

Отныне и навсегда Дмитрий Иванович Московский заслужил в народе уважительное прозвище «Донской».

Несмотря на грядущие несчастья – вероломный и жестокий набег нового ордынского хана Тохтамыша, в 1382 году сумевшего захватить и разграбить Москву, связанную с этой военной катастрофой необходимость снова просить у хана ярлык и платить ему дань, – все же память о Куликовской битве сохранилась как о первом большом шаге к грядущей победе над Ордой. Неслучайно она была воспета в замечательных литературных памятниках – «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище».

Знаменательный факт: умирая, Дмитрий Иванович благословил своего сына, Василия Дмитриевича на великое княжение Владимирское, не спрашивая на то ханского позволения. Скончался великий герой Куликова поля 19 мая 1389 года и был погребен в Архангельском соборе Кремля. Шесть веков спустя, в 1988 году, московский князь Дмитрий Донской был причислен к лику святых.

Воевода Михаил Бренк

Михаил Андреевич Бренко (Бренк) (?—1380) – московский боярин, ближайший сподвижник и друг князя Дмитрия Донского, погиб на Куликовом поле во время сражения с полчищами Мамаю 8 сентября 1380 года.

По историческому преданию, перед началом битвы Бренко обменялся с Дмитрием Ивановичем доспехами и занял место князя под его черным стягом. Это обстоятельство и вынуждает нас предположить, что именно он – боярин и воевода Михаил Андреевич Бренко – командовал всем русским войском (за исключением Засадного полка) в начале великой битвы.

Потомком Михаила Андреевича Бренка был знаменитый русский духовный писатель Игнатий Брянчанинов.

Пересвет и Ослябя

Александр Пересвет (?—1380) и Родион (в монашестве Андрей) Ослябя (?—1380, либо после 1389) были брянскими боярами, принявшими иноческий сан в Троицком монастыре – обители преподобного Сергия. Они были учениками и постриженниками самого основателя.

Согласно Житию Сергия Радонежского, готовясь к войне с Мамаем,

князь Дмитрий Иванович Московский прибыл за благословением к преподобному Сергию. Троицкий игумен благословил не только князя Дмитрия, но и добровольно пожелавших отправиться с ним двух иноков – Пересвета и Ослябю, хорошо знавших ратное дело. Александру Пересвету суждено было стать одним из самых известных участников сражения с татарами Куликовом поле 8 сентября 1380 года.

Сигналом к началу боя послужил поединок русского воина-инока Александра Пересвета и татарского богатыря Челубея, прозванного «Темир-мурзой», обладавшего не только чудовищной силой, но и славой опытного и непобедимого воина. Готовясь к схватке, русский монах воин снял с себя доспехи и остался лишь в одной Великой схиме – монашеской накидке с изображением креста.

Оба поединщика погибли, поразив друг друга копьями, но сначала рухнул на землю Челубей, а затем уже Пересвет; пали они головами к татарским полкам, что воспринято было как предзнаменование русской победы. По другому рассказу, смертельно раненный Пересвет все же смог вернуться к строю русских полков и только там упал с коня.

Судьба Родиона Осляби до сих пор вызывает споры у историков. По одной, более распространенной, версии он, как и Пересвет, пал на Куликовом бранном поле, по другой – погиб уже после 1389 года, когда ездил в Константинополь.

Похоронены иноки Пересвет и Ослябя были в Храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове.

Русская Православная Церковь причислила Пересвета и Ослябю к лику святых в чине преподобных. День их памяти отмечается 7 сентября, а также на Неделе Всех Святых, в земле Российской просиявших (2-е воскресенье после Святой Троицы), в день Всех Московских святых (воскресенье перед 8 сентября), Всех Тульских святых (22 сентября), Всех Брянских святых (3 октября), Всех Радонежских святых (6 июля) и 24 августа.

Владимир Андреевич Храбрый

Любой русский человек, интересующийся стариной, знает, как много в ней таится непонятого, загадочного, по неведомым причинам старательно обойденного авторами разного рода учебных пособий, энциклопедий и справочников. Зачастую это относится к событиям, участниками которых были люди значимые, чтимые и народом, и официальной историографией.

За примерами далеко ходить не надо. Обратимся к, казалось бы, вдоль и поперек изученной эпохе второй половины XIV столетия – предшествующей и последующей победе на Куликовом поле. Вглядимся и увидим, что до сих пор окружена загадками личность одного из самых ярких русских воевод того времени – **Владимира Андреевича Храброго**. Историки бьются, но не могут разобраться не только в хитросплетениях его отношений с двоюродным братом, московским государем Дмитрием Донским, но и в оценке многих деяний этого князя. Чего только не приходилось мне слышать от своих коллег об этом внуке Калиты: что и не командовал он вовсе Засадным полком, что всю жизнь интриговал и строил козни против московского князя. И, наоборот, что не Дмитрий Иванович, а именно Владимир выиграл Куликовскую битву и в дальнейшем продолжал спасать брата – во время нашествия Тохтамышша и во время борьбы с другими русскими князьями. Возражая, споря с излишне категорическими утверждениями, вновь и вновь обращаясь к летописям, другим источникам, понимаешь очевидное – человек этот действительно был личностью неординарной, если до сих пор его дела и поступки привлекают столь пристальное внимание потомков. Видимо, не хотелось этому удельному князю оставаться в тени старшей братья, так и тянуло его в первый ряд вершителей русской истории.

Давайте же внимательно разберем, что известно нам о его происхождении и первых годах жизни. Праправнук Александра Невского и внук Ивана Калиты, Владимир был одним из ближайших родственников (двоюродным братом) московского князя Дмитрия Ивановича и, как и он, рано осиротел. Родился он 15 июля 1353 года в семье умершего к тому времени от чумы удельного князя серпуховского и боровского, Андрея Ивановича, и унаследовал принадлежавший отцу удел.

С ранней юности князь Владимир на стороне Москвы участвовал в войнах с Литвой и Тверью. В 1368 году, во время нашествия литовских войск (историками именуемого первой «Литовщиной»), вместе с Дмитрием Московским он пятнадцатилетним юношей оборонял Кремль от войск великого князя литовского Ольгерда, всегда нападавшего тайно, исподтишка, пленявшего так города и земли. Что видели, в общем-то, молодые и еще очень неопытные князья, с высокой башни наблюдая за действиями противника, – зарево горящих подмосковных сел и деревень, окружившие город неприятельские рати, время от времени устремлявшиеся на штурм белокаменной твердыни. Именно в них целили литовцы свои стрелы, именно на них испытующе смотрели и свои воины – не дрогнут ли, не убоятся ли они врага. Не дрогнули, не убоялись, отбили все приступы.

Тогда-то и кончилась юность Дмитрия и Владимира, воочию увидевших немилосердное лицо войны.

После отступления литовцев Дмитрий принялся восстанавливать разоренную вторжением страну, Владимир же принял под командование московские рати и в 1369 году по слову брата пришел на помощь новгородцам и псковичам, сражавшимся с рыцарями Тевтонского ордена. Укрепив северозападные рубежи Руси, он со славой вернулся назад.

Второе нападение Ольгерда (вторая «Литовщина») также не обошлось без участия серпуховского князя. В декабре 1370 году он встал с полками в Перемышле и, собрав союзные рати, вынудил литовцев отступить.

В боях с воинством опытного полководца Ольгерда крепло ратное искусство Владимира Андреевича, постепенно он выдвинулся в число лучших русских воевод. Когда пришло время сводить счеты с Тверью, союзничавшей с Литвой против Москвы, именно серпуховской князь повел московскую армию к этому верхневолжскому городу. Дмитрий Иванович прибыл к своим полкам уже после начала осады Твери, когда все необходимые распоряжения были сделаны Владимиром Андреевичем. Поначалу тверской князь Михаил Александрович надеялся на содействие Литвы и Орды, но помощь не приходила, и вскоре он запросил мира, подписав договор с Дмитрием, в котором признавал старшинство московского князя. Горько писать о вражде правителей русских княжеств, трудно определить кто из них более прав, но следует признать, что избранный первыми московскими князьями путь объединения русских земель оказался наиболее действенным. Это подтвердила история, и с ее беспристрастными доказательствами спорить сложно.

Победа над Тверью стала важной вехой в деле мобилизации русских сил для решающего сражения с Ордой. Еще один успех обозначился в 1379 году на литовском направлении. Казалось, еще недавно воины Ольгерда уверенно и дерзко проникали в самую глубь московских владений, теперь же полки Владимира сами дерзко двинулись за литовский рубеж. Ольгерд к тому времени уже умер, среди его многочисленных сыновей кипели раздоры и распри. Московские власти решили воспользоваться этим и нанести удар по старому врагу. Поход закончился удачно. Русскому войску удалось овладеть городами Трубчевск и Стародуб. Это зримое проявление возросшей силы Москвы привлекло на ее сторону Дмитрия и Андрея Ольгердовичей, враждовавших со своим сводным братом Ягайло, не по праву, как они считали, ставшим великим князем литовским. Позднее Андрей Ольгердович Полоцкий и Дмитрий Ольгердович Брянский плечом к плечу с Владимиром Андреевичем и другими князьями стали против

татар в страшной битве на Куликовом поле, где сошлись русские полки и орды Мамаю.

Это столкновение стало неизбежным после отказа Дмитрия Ивановича платить дань Золотой орде. Сообщая об этом, летописец так и записал: «А князю великому Дмитрию Московскому было розмирие с татарами». Правивший тогда Ордой эмир Мамай в ярости бросил на Москву карательное войско мурзы Бегича, но губительным стал этот поход для татар. На берегах рязанской реки Вожи пали и сам Бегич, и тысячи других ордынцев. После этой, действительно большой, победы, всем, и Мамаю в том числе, стало ясно, что силами небольшого войска объединившуюся Русскую землю не одолеть. Проклиная судьбу, ордынский «царь» стал готовить большой поход, собрав какие только можно было войска, и, кроме того, призвавший на помощь ненавидевшего Москву литовского князя Ягайло.

Узнав о планах врага, Дмитрий Иванович стал собирать войска. Многие князья откликнулись на призыв Москвы, и 15 августа 1380 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, их войска соединились в Коломне, через пять дней выступив к Дону, навстречу Мамаю. Серпуховского князя в Коломне не было, он присоединился к главному войску позже у устья Лопасни на Оке.

В ночь с 7 на 8 сентября 1380 года русское войско переправилось через Дон и начало занимать позиции на Куликовом поле. Самое ответственное дело – командование Засадным полком – было поручено Владимиру Андреевичу и другому заслуженному воеводе, князю Дмитрию Михайловичу Боброку Волынскому. Полк был «утаен» (спрятан) в Зеленой дубраве на левом краю Куликова поля. В грянувшем 8 сентября на день Рождества пресвятой Богородицы сражении участия он поначалу не принимал. Трудно передать чувство горечи, переполнявшее стоявших в засаде воинов и воевод, видевших страшную атаку татарских конных орд, гибель многих соотечественников, из последних сил, сдерживавших напор ордынцев. И можно понять терзавшее князя Владимира стремление помочь сражавшемуся из последних сил войску. Рукой указывая на заполненное татарами поле боя, горько сказал он Дмитрию Боброку: «Беда, брате велика, что за польза будет скоро от нашего здесь стояния, кому будем помогать». Но рассудительный волынский князь уговорил его отложить атаку, дождавшись лишь ему ведомого знака. И когда переменился ветер, погнав пыль на татарские полки, то тогда только сказал Владимиру Андреевичу: «Час пришел, настало время!». Крупным наметом пошли тогда вперед кони, несущие воинов, на копьях которых мчалась смерть

врагу.

Появление свежих сил в корне изменило положение на поле битвы. Не выдержав натиска, ордынцы бежали, стараясь уйти из-под русских мечей. Во главе своих воинов Владимир Андреевич гнал и бил бегущих татар на протяжении 40 верст до реки Красивая Меча. За победу в Куликовской битве серпуховской князь получил в народе прозвище «Храбрый», а брат его Дмитрий – прозвание «Донской».

Радость по случаю одержанной над татарами победы была недолгой. В 1382 году на Русь обрушилось нашествие нового ордынского хана Тохтамыша. Узнав о приближении огромных полчищ врага, большинство князей поспешило покинуть Дмитрия Донского. Перейдя Оку татарские отряды быстро приближались к Москве. Тогда Дмитрий Иванович оставил свою столицу и ушел в Кострому. С собой великий князь увел лишь 2 тысячи воинов. 8 тысяч он оставил Владимиру Андреевичу, прикрывавшему дорогу на север. Больше всего Дмитрий Иванович рассчитывал на крепость стен московского Кремля. Однако татары перехитрили москвичей, во время затеянных переговоров ворвались в город и перебили его защитников. Гораздо худшей беды удалось избежать благодаря отважному серпуховскому князю. Во главе собранных им полков в сражении у Волока он разбил большой татарский отряд, тем самым вынудив хана начать отступление из русских пределов. Этой победой Владимир Андреевич еще более прославил свое имя, но к славе его взревновал Дмитрий Донской, по-видимому, чувствовавший вину за постигшую тогда Русь беду. Случай отыгаться на брате представился достаточно скоро. В 1385 году, в войне с рязанским князем Олегом Ивановичем, внезапным налетом захватившим Коломну, Владимир Храбрый потерпел первое и единственное в жизни поражение. Все предпринятые серпуховским князем попытки отбить город провалились. Потеряв на приступах множество своих людей, Владимир Андреевич вынужден был отойти от стен, обогранных кровью его воинов. Коломну вернул Москве не меч, но слово. Сергей Радонежский сумел уговорить Олега Рязанского отдать город миром. По-видимому, неудача Владимира под Коломной разгневала Дмитрия Донского. Он рассорился с двоюродным братом, повелел схватить и сослать его старших бояр. Тогда же у Владимира Андреевича Храброго были отобраны из удела два города – Галич и Дмитров. В новой договорной грамоте он именовался уже не «младшим братом», а «сыном» московского князя. Лишь после смерти Дмитрия Донского с Владимира Андреевича и его ближних бояр была снята опала, и он вновь смог занять подобающее ему место в

великокняжеском окружении.

Воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский

Один из главных героев Куликовской битвы, Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский (? – ок. 1389) был служилым московским князем и боярином, знаменитым русским воеводой. Дата рождения его неизвестна. Сын принявшего православие литовского князя Кориата (Михаила) Гедеминовича, между 1366 и 1368 годами он выехал из Волыни (отсюда прозвание «Волынский») в Москву. Однако с правителями быстро крепнувшего Московского княжества Боброк был связан задолго до этого. В 1556 году Дмитрий Михайлович женился на сестре московского князя Дмитрия Ивановича Анне и как ближайший родственник занял одно из первых мест в окружении этого государя, стал его ближним боярином.

Боброк-Волынский участвовал во многих походах и сражениях московского войска, предводительствовал и всем войском, и отдельными его полками. В 1371 году Дмитрий Михайлович воевал с Рязанским княжеством, в 1376 году ходил в поход против Волжской Булгарии, при осаде города Булгара захватил появившиеся у татар первые пушки и доставил их в Москву. В 1379 году московское войско под стягом Дмитрия Боброка совершило поход на Великое княжество Литовское.

Наиболее значительным эпизодом в жизни этого полководца стало участие в Куликовской битве. Во время сражения он вместе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским командовал расположенным в Зеленой дубраве Засадным полком, удар которого во фланг атакующей русские войска татарской конницы решил исход всей битвы.

Точная дата смерти Дмитрия Михайловича не установлена, хотя некоторые историки полагают, что он погиб во время битвы с татарами на реке Ворскле 12 августа 1399 года, когда ордынским ханом Темир-Кутлуем было разбито войско литовского властителя Витовта, собравшего под свое начало немало русских князей. Последнее упоминание его в московских источниках относится к 1389 году.

Князь Юрий Галицкий

Юрий Дмитриевич (1374–1434), князь звенигородский и галицкий, был вторым сыном Дмитрия Донского. Унаследовал от отца блестящие полководческие способности, прославился своими походами против татар,

особенно походом 1399–1400 годов, когда его войскам удалось разорить ордынские города на р. Каме. После смерти старшего брата, Василия Дмитриевича, вступил в соперничество за великокняжеский стол с племянником, Василием II Васильевичем, доказывая свои права ссылками на завещание отца, Дмитрия Донского. Однако волею золотоордынского хана Улу-Мухаммеда этот спор разрешился в пользу Василия Васильевича. В начавшейся после этого несправедливого, как считал Юрий Дмитриевич, решения хана войне звенигородский князь 25 апреля 1433 года в битве на р. Клязьме (в 20 верстах от Москвы) разбил полки племянника и занял великокняжеский трон. Почувствовав недовольство москвичей, начавших отъезжать к Василию Васильевичу в Коломну, Юрий Дмитриевич добровольно вернул ему княжение и заключил мир. Но в 1434 году войска московского князя, вопреки заключенному соглашению, напали на Галич и выжгли посады вокруг него. Собрав большое войско, Юрий Дмитриевич выступил против своего вероломного племянника. 20 марта 1434 года в решающем сражении в Ростовской земле (у св. Николая на Горе) великокняжеские полки были разбиты и бежали. 31 марта, после недельной осады, москвичи открыли звенигородскому князю ворота, признав его своим государем. Вскоре, 5 июня 1434 года, Юрий Дмитриевич умер. Недолгое его правление ознаменовалось началом чеканки на московских монетах изображения всадника, копьем поражающего змея, т. к. Георгий Победоносец был его небесным покровителем.

Иван III – «Государь всея Руси»

Иван III Васильевич (1440–1505) – великий князь московский и владимирский (с 1462 года), сын великого князя Василия II Темного. Родился 22 января 1440 года, став утешением родителям, только что потерявшим первенца Юрия, умершего в двухлетнем возрасте. В его правление в 1480 году Русь смогла окончательно освободиться от татаро-монгольского ига. Пришедший к московской границе хан Большой орды Ахмед не смог прорваться через реку Угру, потерпев тяжелое поражение в Битве на бродах 8–11 октября 1480 года. С наступлением зимы Иван III отвел свое войско от замерзшей Угры к Боровску, собираясь встретить врага на Боровских полях, но Ахмед-хан, понесший серьезные потери в сражении 8–11 октября, ушел в степь. Вскоре он был убит одним из своих соперников.

Территория Московского государства значительно увеличилась за счет

присоединения к владениям Ивана III Ярославского княжества (1463), Ростовского княжества (1474), Новгородской земли (1477), Тверского княжества (1485), Вятской земли (1489). Во время войн с Казанским ханством великому князю удалось добиться временной зависимости этого татарского государства, поддержав в междоусобной борьбе хана Мухаммед-Эмина, заключившего союз с Москвой. 9 июля 1487 года один из лучших московских воевод, князь Даниил Дмитриевич Холмский, первым из русских воевод овладел Казанью. Правивший там хан Али был уведен в плен, а новым казанским «царем» стал Мухаммед-Эмин.

В борьбе с Великим княжеством Литовским воеводы Ивана III отвоевали земли в верховьях реки Оки и присоединили к Московском государству города Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др. После войны с Ливонским орденом в 1501–1503 годах представителями этого рыцарского государства были признаны права Руси на получение так называемой «юрьевской дани», но на практике она не тогда выплачивалась. Важным достижением правительства Ивана III стало составление знаменитого Судебника 1497 года, установившего единые для всей страны законы, что привело к сплочению земель, признавших власть Москвы. В тексте кодекса было четко определено особое положение в московском обществе служилых людей – детей боярских. Статья 56 Судебника устанавливала, что бежавшие из татарского плена холопы становились свободными людьми.

При этом великом князе Москва украсилась новыми Успенским, Архангельским, Благовещенским соборами, была возведена Грановитая палата и другие замечательные памятники архитектуры. На более высокий уровень поднялось военное зодчество – в 1485–1495 годах был построен новый кирпичный Кремль с 18 мощными башнями.

Иван Васильевич был дважды женат: первым браком – на тверской княжне Марии Борисовне, с которой был обручен в 6-летнем возрасте, вторым – на Софье (Зое) Фоминишне Палеолог, племяннице последнего императора Византии. Умер Иван III 27 октября 1505 года, тело покойного князя погребли в Архангельском соборе Кремля.

Иван Васильевич Стрига Оболенский

Имя князя Ивана Васильевича Стриги Оболенский (?—1478) впервые упоминается в исторических хрониках в 1446 году, в период злосчастной войны, расколовшей до того дружный московский княжеский род. Следует

отметить, что именно отец Ивана, Василий Иванович Оболенский, в 1450 году нанес решающее поражение Дмитрию Шемяке, по сути, поставив точку в войне за московский престол. Иван Васильевич также стал боярином и воеводой великого князя Василия Васильевича Темного, а после его смерти в 1462 году верно служил его сыну и наследнику Ивану III.

Как уже было отмечено, летописец первый раз упоминает имя Ивана Стриги в 1446 году, когда Шемяка и его союзник Иван Можайский вероломно пленили Василия II, после чего великого князя ослепили и вместе с детьми заточили в крепости Углич. Тогда верные сторонники Василия Темного составили заговор, во главе которого встали Иван Васильевич Стрига Оболенский и князя Ряполовские. Они решили собрать войско и на Петров день идти к Угличу – освободить своего государя, но кто-то из недоброжелателей донес Шемяке об этом замысле. Стриге Оболенскому и его единомышленникам пришлось бежать за Волгу на Белоозеро. В погоню за ними Шемякой были отправлены «многие полки». Командовал ими Василий Вепрев. Ему все-таки удалось настичь рать Ивана Стриги, но лишь себе на беду. В сражении при устье реки Мологи войско Вепрева было разбито. Несмотря на одержанную победу, время оказалось упущенным, и поход к Угличу не состоялся. Оболенский решил идти через Новгородскую землю в Литву, к городу Мстиславлю^[344]. Там уже собрались многие приверженцы Василия во главе с князем Василием Ярославичем Боровским и «удалым воеводой» Федором Басенком. Имея точные сведения, что власть Шемяки непрочна, они готовились возобновить боевые действия против узурпатора. Прославившийся победой над сторонниками Шемяки Стрига Оболенский и его испытанные в бою люди были им нужны. Соединившись в литовском местечке Пацыне Рославльского уезда, воеводы двинулись к Угличу. По дороге они узнали, что великий князь уже освободился и собирает рати, чтобы вернуть себе престол. Союзники поспешили к нему на помощь, соединились с ним у Углича и дальнейший поход совершили уже вместе^[345].

В 1449 году Оболенский был воеводой в Костроме и вместе с Федором Васильевичем Басенком, отразил нападение Шемяки, возобновившего военные действия и осадившего доверенный Ивану Стриге город, взять который из-за мужественного сопротивления защитников так и не смог. Об этом событии рассказывается в «Воскресенской летописи»: «Тое же весны князь Дмитрий Шемяка, преступив крестное целование и проклятые на себе грамоты, поиде к Костроме с многою силою, а приде на Велик день, и

много бився под градом, но не успеха ничтоже; понеже бо застава в нем бе князь Иван Василиевич Стрига да Федор Басенок, и с ними многие дети боярские, двор великого князя. А князь велики слышав то поиде противу ему, взял и митрополита с собою, и епископы, и братию свою и царевичев с всеми силами, и придоша на Рудино; а князь Дмитрий перевезеся В[о]лгу на их же сторону, и тако смирися»^[346]. Правда, ненадолго, и в следующем году 27 января он был разбит отцом Ивана Стриги, Василием Оболенским, в решающем сражении под Галичем. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что его сын – молодой, но уже опытный московский воевода – также был в составе победоносного великокняжеского войска.

В 1456 году, когда Иван III двинул свои рати на Новгород, Иван Стрига Оболенский сопровождал его, но затем вместе с Ф. В. Басенком был послан во главе отдельной рати на Русу (Старую Руссу). Им удалось захватить этот город врасплох. Отправив большую часть своих воинов, воеводы оставили при себе лишь 200 детей боярских. Понадеявшись на численное преимущество, их атаковало 5-тысячное новгородское войско князя Василия Низовского. Нижегородцы попытались выбить воинов Стриги из Русы, но безуспешно. Во время сражения за Русу был взят в плен посадник Михайло Туча, а другого новгородского воеводу, боярина Есифа Носова, убили Погиб также сын посадника Офнос Богданович; тысяцкий Василий Александрович Казимир, раненный в сражении, едва спасся с поля, а конь под ним был убит^[347]. Это знаковое поражение большого войска от малого ускорило заключение Яжелбицкого мира между Москвой и Новгородом.

В 1460 году по челобитью псковичей Стрига Оболенский был отправлен великим князем в качестве наместника в Псков, сменив там литовского князя Александра Васильевича Чарторыйского, зятя Шемяки и одного из самых ненавистных врагов Василия II. 23 марта 1460 года псковичи торжественно посадили Ивана Васильевича на княжение и «даша ему всю княжюю пошлину и целова крестъ ко Пскову». Заключив выгодный мир с Ливонским орденом, в 1461 году Иван Стрига был отозван из Пскова^[348]. Уже при новом государе Иване III в 1463–1468 годах он был наместником в только что присоединенном к Московскому государству Ярославском княжестве.

В 1467 году два лучших московских полководца, И. В. Стрига Оболенский и Д. Д. Холмский, были отправлены на помощь служилому царевичу Касиму, решившему овладеть принадлежащим ему по праву наследования Казанским ханством. В Москве придавали исключительное

значение этой операции, поэтому сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, а с Иваном Стригой был отправлен великокняжеский Двор, «конная сила». Но на переправе в устье реки Свияги русская рать князя Оболенского и татарские отряды Касима были встречены большим казанским войском хана Ибрагима (племянника Касима) и остались на правом берегу Волги. Помочь могло только своевременное прибытие «судовой рати», двигавшейся на помощь Стриге и Касиму по рекам Клязьме, Оке и Волге. Но она так и не успела до морозов подойти на помощь стоявшим на Волге войскам. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 года русские полки вынуждены были начать отступление к своей границе^[349].

Зимой 1467/1468 года, когда в ответ на действия русских войск казанские отряды напали на верховья реки Юга, сожгли город Кичменгу и разорили две костромских волости, на них был послан Иван Оболенский. Он прогнал врага, преследовал его до реки Унжи, но настичь не смог. Тогда, разорив земли черемисов, союзников казанских татар, он вернулся в Кострому, откуда начал свой поход^[350].

В 1471 году Иван Васильевич участвовал в походе великого князя к Новгороду, командуя вторым полком русской рати и союзной татарской конницей, шедшими восточнее полка Холмского «на Волочек да по Мсте». Перед войском Стриги Оболенского была поставлена задача обойти Новгород с востока и отрезать его от северных земель^[351]. Вскоре после победоносного завершения этой войны псковичи вновь попросили Ивана III дать им наместником Ивана Стригу, но государь отказал, многозначительно заявив, что он «мне здесе оу себе надобе»^[352].

В 1472 году, при известии о нашествии хана Большой Орды Ахмеда (Ахмата) на московские области, вместе с другими воеводами Иван Васильевич был послан к Оке, где татары штурмовали Алексин^[353]. Спасти атакованный город не удалось, но двинуться дальше и скрестить оружие со Стригой Оболенским Ахмед не решился и, прекратив сражение за переправы, ушел в свой юрт.

В 1477 году князь И. В. Стрига Оболенский был одним из главных участников похода великого князя к Новгороду: двинулся туда по Яжелбицкой дороге, и при распределении позиций был назначен с владимирским ополчением в Передовой полк; 24 ноября Оболенский получил приказание под начальством брата великого князя – Андрея Васильевича Меньшого – занять все монастыри в окрестностях города,

чтобы новгородцы не выжгли их. Оболенский, ночью двинувшись из Бронниц, где стояло тогда великокняжеское войско, перешел по льду Ильмень-озеро. Поручение Ивана III было исполнено – к утру на подступах к городу уже стояла московская рать. Когда же новгородцы решились сдаться, именно Стрига вел с ними переговоры от имени Ивана III об условиях капитуляции, а после сдачи был назначен вместе с братом Ярославом новгородским наместником и приводил жителей Новгорода к присяге великому князю.

Это была последняя служба Стриги Оболенского своему государю – весной 1478 года он умер, вероятно, от моровой язвы, опустошавшей в то время в Новгород. Перед смертью Иван Васильевич успел отыскать и отправить в Москву архив, в котором хранились все договоры («грамоты докончальные»), когда-либо заключенные новгородцами с князьями литовскими. Похоронили воеводу, «по его велению», в Суздале, в Спасо-Евфимиеве монастыре на реке Каменке^[354]. Через полтора века в этом же монастыре будет похоронен еще один знаменитый русский военачальник – Дмитрий Михайлович Пожарский.

Воевода Федор Басенок

Басенок Федор Васильевич (? ок. 1480) – один из лучших полководцев великого князя московского Василия II (Темного). Сражался на стороне своего государя во время междоусобной войны с Юрием Дмитриевичем Галицким и его сыновьями, Василием Косым и Дмитрием Шемякой, оспаривавшими права Василия II на великое княжение. Федор Васильевич был широко известен одержанными им победами над новгородцами и татарами.

После свержения и ослепления великого князя Василия II московский престол захватил его двоюродный брат, Дмитрий Юрьевич Шемяка. Басенок не стал ему присягать. Тогда новый великий князь приказал его схватить и держать в оковах. Но брошенный в узилище воевода смог подговорить своего пристава-тюремщика и вместе с ним бежал из темницы. Беглецы укрылись в Коломне. Там Басенок стал собирать верных людей, с которыми вскоре ушел в Литву, к укрывавшемуся там серпуховскому князю Василию Ярославичу, который, как и он, сохранил верность Василию Васильевичу. Под знамена Басенка продолжали собираться ратники, и в 1447 году воевода во главе своих войск двинулся на выручку Василию Темному. Однако тому уже посчастливилось

вырваться из плена и укрыться в Твери. Подход рати Басенка оказался кстати и, присоединив к ней тверское войско, Василий II быстро занял Москву, воспользовавшись отсутствием в ней Шемяки. Однако освобождением столицы война не закончилась. В ней самое деятельное участие принял и Федор Басенок. В 1449 году он отразил нападение Шемяки на Кострому, а в 1450 году разгромил его войска в сражении у Галича.

Ратные подвиги вернейшего из воевод не остались незамеченными великим князем, и он доверил соратнику командование войсками, действовавшими против ногайского хана, Седи-Ахмета. В 1455 году именно Басенок разгромил его орду в битве у города Коломны. Следующим подвигом воеводы, совершенным в 1456 году, стал удар по Старой Русе во время новой войны с новгородцами. Басенок вместе с воеводой Иваном Стригой Оболенским командовал «изгонной» ратью, направленной к Старой Русе, взял город, но был атакован 5-тысячным новгородским войском князя Василия Васильевича Низовского. Несмотря на внезапность нападения, московские воеводы разгромили неприятеля. Это вынудило новгородских бояр пойти на переговоры и заключить выгодный для Василия II Яжелбицкий мирный договор.

В начале княжения Ивана III Басенок разгневал нового государя и, несмотря на его заслуги, был ослеплен. Произошло это 27 августа 1463 года, что поразило многих современников. Ослепленный воевода прожил еще 17 лет, но уже в удалении от мира и военных дел.

Данила Дмитриевич Холмский

Одним из самых прославленных воевод великого князя Ивана III, столь люто расправившегося с Федором Басенком, был потомок тверского княжеского рода, первый покоритель Казани Данила (Даниил) Дмитриевич Холмский (?—1493). Хотя точная дата его рождения неизвестна, но по косвенным данным можно предположить, что появился на свет он, по-видимому, не позже 40-х годов XV столетия. Он был средним сыном не имевшего своего удела князя Дмитрия Юрьевича Холмского, праправнуком казненного в Орде великого князя тверского Александра Михайловича. Эта казнь свершилась стараниями московского князя Ивана Калиты, но в пору возмужания Данилы старые споры Твери и Москвы казались уже не такими важными – Борис Александрович Тверской породнился с московским князем Василием Темным, сосватав дочь Марию за сына Василия Ивана, и

помог новой родне одолеть теснившего их галицкого князя Дмитрия Шемяку. В пору примирения старых врагов многие тверские князья и бояре перешли на московскую службу. В их числе оказался и Данила Холмский, прославившийся впоследствии как один из самых удачливых воевод Ивана III.

Вскоре он получил первое ответственное поручение. В Казани умер старый хан Махмутек, оставивший трех сыновей – Мустафу, Халиля и Ибрагима, сразу же начавших бороться за власть. В конце концов престол захватил хан Ибрагим. Но враждебные ему татары решили предложить казанский трон родному брату покойного Махмутека, Касиму, давно уже перешедшему на московскую службу. Иван III решил помочь ему войсками, поставив во главе Данилу Холмского и опытного в ратном деле князя Ивана Васильевича Стригу Оболенского. В 1467 году вместе с ханом Касимом они выступили в поход. Однако воеводы не смогли переправиться через Волгу, так как на другом берегу реки стояло большое татарское войско, а на реке действовала неприятельская флотилия. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские корабли не удалась. Безрезультатно простояв в устье Свияги до поздней осени, русские полки вернулись обратно. Однако начавшаяся этим не очень удачным походом война с Казанским ханством только начиналась. Уже зимой произошли ответные нападения врагов на московские рубежи. Разгорелись ожесточенные бои на границах, в которых перевес оказался на стороне русских воевод, тогда же разоривших земли черемисов (марийцев) и чувашей, сторонников казанских татар. Летом 1468 года казанские татары и черемисы напали на Муром, где тогда стояли войска Данилы Холмского и разорили окрестности города. Однако воевода не дал им далеко уйти и, настигнув врага, наголову его разгромил, отбив у татар взятый ими полон. В 1469 году он оказался в числе других великокняжеских воевод, по слову великого князя ударивших по Казани и со всех сторон окруживших вражий город. В этом походе Холмский командовал Передовым полком конной рати. Осажденный московскими войсками, хан Ибрагим поспешил заключить с Иваном III мир, освободив всех русских пленников, захваченных татарами за последние 40 лет.

Великий князь по достоинству оценил военные дарования Данилы Дмитриевича и вскоре вновь двинул его в бой. Во время похода Ивана III на Новгород в 1471 году князь Холмский вновь командовал Передовым полком, действовавшим в самых опасных местах. Сравнительно легко его отряды овладели Старой Руссой, но у погоста Коростынь московское войско подверглось нападению неприятельской «судовой рати». Высадившиеся с ушкуев и насадов на ильменский берег новгородцы

внезапно атаковали московский стан. Находившиеся там воины поначалу «оплошались» и дрогнули под их дружным натиском. Однако Холмский и второй московский воевода, Федор Давыдович Хромой, сумели переломить ход боя и разгромили атаковавших их ушкуйников.

Однако после этой победы Холмскому пришлось срочно разворачивать свои полки обратно к Русе, где с кораблей высаживалась еще одна новгородская «судовая рать», прошедшая в тыл москвичам по реке Полисть. По некоторым сведениям это войско по крайней мере в два раза превосходило небольшую армию Холмского, однако на этот раз внезапность была на стороне его воинов. Стремительно атаковав противника, Данила Дмитриевич разбил новгородцев и отправил к великому князю гонца Тимофея Замыцкого с вестью об одержанных над его врагами победах.

Ответный приказ Ивана III развернул войско Холмского на помощь псковичам, против которых выступили главные новгородские силы под командованием степенного посадника Дмитрия Борецкого. Две армии – 5-тысячная московская и 40-тысячная новгородская – встретились на реке Шелонь, где 14 июля 1471 года и грянула битва. В этом сражении лишнее подтвердилось правило, что побеждать следует отнюдь не числом, а ратной доблестью и умением. Переправившись через реку, Холмский внезапной атакой обрушился на врага и опрокинул новгородское ополчение, в большинстве своем состоявшее из людей, «от рождения на конях не бывавших». Преследуя бегущих, москвичи уничтожили сопротивляющихся, пленили и разогнали по окрестным лесам остальных. Победа на Шелони предопределила полное торжество Москвы в этой войне.

Уже в следующем году мы видим Данилу Дмитриевича на окском рубеже, где ему пришлось отражать нападение хана Ахмета, правителя Большой Орды. В конце июня 1472 года в Москве узнали о начавшемся татарском походе на Русь и спешно стали собирать войска. 2 июля на южную границу их повел воевода Холмский. 30 июля поближе к месту боев, в Коломну, перебрался и сам великий князь Иван III. Принятые меры оказались вполне своевременными – татары большими силами пришли к городу Алексину, находившемуся между Калугой и Серпуховым и, несмотря на отчаянное сопротивление жителей, сожгли дотла эту небольшую крепость. Затем ордынцы попытались перейти Оку, но на их пути непреодолимой стеной встали подоспевшие к рубежу русские полки. В жарком бою воинство Ахмета было отбито от «Берега» и ушло назад в свои степи.

Следующий 1473 год Холмский встречал на другом рубеже. Псковичи, давно уже воевавшие с ливонскими рыцарями, начали переговоры с Орденом и отправили к Ивану III послов с просьбой поддержать их и прийти с войском либо самому, либо прислать к ним своего сына. Великий князь прислушался к мольбам псковичей, но направил к ним не сына Ивана, а лучшего своего воеводу Данилу Холмского. Во главе большой московской рати князь пришел к Пскову и 7 января 1474 года заключил с уstraшенными немцами выгодный для Русской земли мир на 30 лет. Псковичи так и назвали это выгодное для них соглашение «Данильев мир». Именно тогда довольный своим воеводой Иван III пожаловал Холмскому боярский чин. Псковичи же поднесли ему в качестве дара 200 рублей, немалую по тем временам сумму.

Однако в том же 1474 году великий князь обрушил на Данилу Холмского свой гнев и опалу, обвинив его намерении бежать со всей семьей за границу. Вполне вероятно, что успехи этого воеводы вызвали зависть у других приближенных государя, поспешивших оклеветать шелонского героя. Возможно, свою роль сыграло и недовольство Ивана III псковичами, пожаловавшего Холмскому 200 рублей, а ему, великому князю, приславшими лишь 150. Воевода был взят под стражу, и только поручительство восьми бояр вернуло ему свободу (поручившиеся за Данилу Дмитриевича думцы обязались в случае его бегства выплатить в казну 2 тысячи рублей). Выпущенный из заточения Холмский на кресте присягнул Ивану III, который удовлетворился этим и простил воеводу.

В 1477 году пришло время оправдывать доверие государя, решившего окончательно покорить Новгород. На этот раз Передовой полк – ударную силу московской армии – возглавил младший брат Ивана III, Андрей Вологодский. Однако советником и помощником его стал Данила Дмитриевич, фактически и руководивший действиями передовой рати. Зная о намерении новгородцев сесть в осаду, князь со своими людьми совершил стремительный рейд через замерзшее озеро Ильмень и в ночь с 24 на 25 ноября 1477 года осадил город, захватив старую княжескую резиденцию на Рюриковом городище. Решительность этой атаки произвела в Новгороде сильное впечатление. Сразу же позабывшие о своих вольностях вечники приняли решение покориться великому князю и окончательно признали над собой власть Москвы.

Во время драматических событий 1480 года, когда пришел к Угре ордынский хан Ахмет, навстречу ему высланы были войска, которыми командовали наследник престола Иван Иванович Молодой и князь Холмский. Нет никаких сомнений, что именно Данила Дмитриевич

распоряжался организацией обороны речных переправ. Впрочем, с Иваном Ивановичем они прекрасноладили, наперекор воле Ивана III решив не отступать перед численно превосходящими силами врага. В 5-дневной битве на бродах русским воинам удалось остановить наступательный порыв татарских полчищ. В конце концов, Ахмету пришлось отвести свои поредевшие войска от московского рубежа. Так воевода Холмский оказался сопричастен великому делу – окончательному освобождению Руси от злого татарского ига. Уже благодаря этому имя его должно было бы сохраниться на скрижалях российской истории, но впереди у знаменитого воеводы был еще один славный подвиг.

В 1487 году во главе большой московской армии воевода Холмский выступил в новый поход на Казань. Русские полки шли уже знакомой дорогой, полные решимости на сей раз победить врага. Вместе с Холмским в поход отправился и служивший Москве татарский хан Мухаммед-Эмин, за заслуги свои владевший Каширой. Теперь же Иван III решил сделать его казанским «царем». Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но в сражении близ устья реки Свияги войско казанского Али-хана было разбито. Мало кому удалось уйти от русских сабель и стрел. Преследуя бегущих врагов, Холмский переправился с войсками через Волгу и 18 мая 1487 года начал осаду татарской столицы. Город немедленно окружили валом и частоколом (острогом) и эта предосторожность оказалась вполне разумной. Благодаря ей отряд князя Али-Газы (Алгазы), попытавшийся воспрепятствовать осадным работам русских, удалось разбить и отогнать далеко за Каму. Осада Казани продолжалась три недели и увенчалась полной победой. 9 июля 1487 года Али-хан сдался, и войско Данилы Холмского вступило в город. На долгие годы в Казанском ханстве воцарился сторонник Москвы Мухаммед-Эмин, прекративший набеги на русские земли. Придавая огромное значение одержанной победе, Иван III весть о ней направил через своих послов даже в далекую Италию.

Для молодого Московского государства установившаяся после этой победы тишина на восточных рубежах была очень важна, так как позволила Ивану III начать борьбу за возвращение захваченных Литвой западнорусских земель. Однако в этих войнах старому князю Холмскому участвовать уже не пришлось. В 1493 году он скончался, но имя этого «передового» воеводы по праву стоит в передовом же ряду великих русских полководцев и воителей.

Данила Васильевич Щеня

Князь Данила (Даниил) Васильевич Щеня (? – после 1515) происходил из рода бояр Патрикеевых, потомков литовского князя Патрикия Наримонтовича, приехавшего в Москву в самом начале XV века. Сын этого князя, Юрий Патрикеевич, дед Данилы Щени, был женат на дочери великого князя Василия I, Марии (по другим сведениям – Анне). Их старший сын Василий умер рано, и воспитанием его сыновей и своих племянников, Ивана Булгака и Данилы Щени, занимался младший брат покойного, Иван Юрьевич Патрикеев, один из самых видных полководцев великого князя Ивана III, именовавшийся его «наивышшим воеводой». Известными московскими военачальниками стали и его сыновья – Михаил Кольшка, Василий Косой, Иван Мунында. Но все же особую известность снискали племянники – Иван Булгак и Данила Щеня. Особенно прославился последний, герой Ведроши и Смоленска.

Имя Данилы Васильевича впервые упоминается в документах от 1457 года по рядовому имущественному делу. По предположению Н. С. Борисова, в 1459 году под началом дяди Ивана Патрикеева он участвовал в походе на Вятскую землю и хорошо узнал театр военных действий в этом далеком краю. Это обстоятельство, возможно, сыграло роль в последовавшем через 30 лет назначении Данилы Щени командующим именно в новом походе на Вятку.

В 1475 году он назван в числе двенадцати бояр, сопровождавших великого князя Ивана III во время его поездки в Великий Новгород. Однако до поры до времени больших военных назначений Щеня не получал. Первый достоверно известный поход под командованием Данилы Васильевича, как уже было сказано выше, был совершен только в 1489 году – вместе с другим московским воеводой, боярином Григорием Васильевичем Морозовым-Поплевой, он командовал московской ратью, направленной в Вятскую землю. Вятчане, то мирившиеся с Москвой, то грабившие порубежные волости, вновь напали на Великий Устюг. Тогда на них и было направлено 64-тысячное великокняжеское войско. Сопrotивляться огромной рати вятчане не решились и прислали к Даниле Щене своих старейшин, обещавших служить великому государю и выплачивать ему дань. 16 августа 1489 года столица края, город Хлынов (Вятка), был занят московскими войсками. Так состоялось присоединение к Русскому государству обширной Вятской земли. Тогда же власть Москвы признали и «арские князья».

Даниил Васильевич стал активным участником русско-литовских войн конца XV – начала XVI веков. Задумав вернуть захваченные Великим княжеством Литовским в прошлые века западнорусские земли, великий князь Иван III на первых порах действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей. Владения их, как видно из названия, находились в верховьях реки Оки. Свою руку на эти земли наложил Витовт, не особенно интересуясь мнением зятя – Василия I. Но верховские князья сохраняли известные права и привилегии, за соблюдением которых очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой. Среди факторов, оказавших значение на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского), непоколебимая верность православию. Свою роль в этом выборе сыграла и близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Москве крымского хана Менгли-Гирея.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х годов. Одним из первых перешел к Ивану III князь С. Ю. Одоевский, погибший осенью 1473 года во время одного из пограничных конфликтов. Его сыновья, Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю, участвуя в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать примеру Одоевских. Выезд в Москву в 1481/1482 году Федора Ивановича Бельского вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он вынужден был бежать из Литвы, спасаясь после неудачного заговора против Казимира IV Ягеллончика, в котором Ф. И. Бельский был замешан вместе со своими родственниками – князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским. Заговорщики собирались отторгнуть в пользу Московского государства всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины. В Москве Бельский был благосклонно принят и щедро пожалован, но все его литовские владения были конфискованы Казимиром.

Массовый характер переходы верховских князей на московскую службу приобретают начиная с 1487 года. Протесты, заявленные польским королем и великим князем литовским Казимиром IV по этому случаю, были оставлены без внимания и отношения между двумя государствами продолжали обостряться. Однако до кончины Казимира IV дело

ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Тем не менее, в ряде походов с обеих сторон были задействованы и великокняжеские войска, что свидетельствовало о перерастании острого пограничного конфликта в настоящую, пусть и не объявленную, войну. Еще больше ситуация накалилась после смерти Казимира 7 июня 1492 года. Его сыновья разделили державу отца, значительно ослабив ее силы. Старший сын покойного, Владислав II Ягеллон, стал королем Чехии, а с 1490 года – королем Венгрии, где правил под именем Уласло II. Ян I Ольбрахт занял польский престол, а их брат, Александр Казимирович, стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III на фактический распад государства Казимира была вполне предсказуемой. Уже в августе 1492 года его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепня Оболенского вторглось на литовскую территорию и захватило города Мценск и Любутск. Тогда же, в августе 1492 года, отряды князей И. М. Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. Затем наступила очередь отличиться Даниле Щене. В сентябре 1493 года он взял город Хлепень, а уже зимой этого года вместе с двоюродным братом князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым командовал ратью, овладевшей важным в стратегическом отношении городом Вязьмой. По договору 1494 года в числе других отошедших к Московскому государству городов оказалась и завоеванная Даниилом Васильевичем Вязьма.

Во время русско-шведской войны 1495–1496 годов воевода Щеня возглавил поход на крепость Выборг. 8 сентября московские полки подошли к этому хорошо укрепленному городу. Первоначально военные действия и осада разворачивались для русских удачно. Однако предпринятый 30 ноября 1495 года московским войском решающий штурм крепости осажденные смогли отбить. В начале атаки русским пушкарям удалось разрушить две башни, а в третьей пробить большую брешь. Через нее в башню ворвался штурмовой отряд. Шведский комендант Кнут Поссе приказал закатить в подвалы захваченной полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить и штурм, длившийся 7 часов, завершился. 4 декабря осада крепости была снята. Понесшие значительные потери русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших был один из московских воевод – Иван Андреевич Суббота Плещеев. Более удачно Данила Васильевич Щеня действовал в

полевых боях. В 1496 году вместе с воеводой Яковом Захарьичем, прорвавшись за шведский рубеж, он достиг и разбил в Финляндии 7-тысячный неприятельский отряд. Вскоре (3 марта 1497 года) между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу.

Вновь отличиться Данила Васильевич Щеня смог во время Второй Порубежной войны с Литвой. Именно тогда он одержал свою самую блестящую победу. 14 июля 1500 года русский воевода, удачно расположивший свои войска, заманил в ловушку и наголову разгромил армию литовского гетмана Константина Острожского в сражении на реке Ведрошь. Прежде чем обратиться к известиям об этой битве, следует отметить досадную ошибку, допущенную известным популяризатором исторических знаний Анатолием Ефимовичем Тарасом. При описании предшествующих Ведрошской битве событий он назвал воеводу Данилу Васильевича Щеню «Даниилом Романовичем»^[355]. Это далеко не единственная ошибка автора, но весьма показательная, заставляющая с особой тщательностью проверять все сообщения и факты, приводимые А. Е. Тарасом.

Перед сражением московское войско находилось в своем лагере на Митьковом поле, расположенном в 5 верстах к западу от Дорогобужа, за реками Ведрошь (Ведрошка), Селия и Тросна. Через Ведрошь был перекинут единственный в этих местах мост. Своевременно узнав о подходе литовской армии, русские воеводы, намеренно не уничтожая моста, выстроили для боя Большой полк под командованием Данилы Щени. Правый фланг русской рати находился у Днепра, недалеко от места впадения в него Тросны, левый был расположен перед большим труднопроходимым лесом, в котором, за флангом Большого полка, укрылся в засаде Сторожевой полк воеводы Юрия Кошкина. На западный берег Ведроши выдвинулись передовые части, чьей задачей было завязать бой и отойти затем на восточный берег реки, заманив туда литовцев.

В отличие от русских воевод князь Острожский шел к месту будущего сражения, имея самые приблизительные сведения о противнике, сообщенные ему то ли пленным, то ли перебежчиком – дьяком Германом. Доверяя его показаниям, литовский гетман был уверен, что под Дорогобужем стоит лишь небольшое русское войско.

Помимо летописного рассказа об этой битве, одной из крупнейших в истории русского средневековья, ее подробно описал и Сигизмунд Герберштейн, сообщивший о Ведрошском сражении ряд ценных сведений. Он упоминает о том, что «литовцы... разузнали от некоторых пленных про

число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». «Несколько московитов» (передовой отряд, находившийся на левом берегу Ведроши), «вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет с боку в середину врагов. Литовцы разбегаются...».

Битва продолжалась почти шесть часов. Ее исход предрешил удар Сторожевого полка. Внезапно для врага русские воины вышли в тыл литовцам и разрушили мост через реку, отрезав противнику все пути к отступлению. После этого началось избиение окруженного врага. Только убитыми противник потерял около 8 тыс. человек. Победителями были захвачены литовский обоз и артиллерия. В плен попали гетман Острожский и другие именитые литовские военачальники: воевода троцкий Григорий Остикович, маршалок «Лютавр» (Иван Литавор Богданович Хребтович), воеводы Н. Ю. Глебов, Н. Ю. Зиновьев и служившие Александру Казимировичу князья Друцкие, Мосальские и много «панов служивых».

Узнав о разгроме лучшего литовского войска (гонец прибыл в Москву 17 июля 1500 года), Иван III пышно отпраздновал победу и послал к Даниле Щене и другим воеводам «спросить о здоровье», воздав героям Ведроши «честь и дары и жалованья».

В 1501 году, после начала войны с Ливонским орденом, решившим поддержать терпящее поражение в борьбе с Москвой Великое княжество Литовское, большой воевода Щеня был направлен в Тверь. Там сосредотачивались главные силы русского войска, направленные в Ливонский поход. Однако немцы опередили московских воевод. Магистр Вальтер фон Плеттенберг сумел нанести несколько поражений новгородцам и псковичам. Тогда на выручку им был направлен Данила Щеня. В октябре 1501 года его полки вступили в неприятельскую землю и принялись опустошать окрестности Дерпта, Нейгаузена и Мариенбурга. В ночь на 24 ноября 1501 года ливонский магистр скрытно подошел к району действия русских воевод и атаковал московские полки в их лагере под замком Гельмед, недалеко от Дерпта. По-видимому, в результате внезапной атаки, которая произошла в 3 часа ночи, русские войска смешались, отступив назад. Только так можно объяснить гибель в самом начале сражения одного из великокняжеских воевод – Александра Васильевича

Оболенского. Но затем московская и татарская конница опрокинули немцев, и сражение закончилось большой русской победой. Преследование бегущих продолжалось почти 10 верст. Плодами этой действительно большой победы Щеня воспользовался полностью. Его войска доходили до самого Ревеля, опустошив едва ли не треть орденских владений.

Военные действия в Ливонии продолжались и в следующем году. Но уже не столь удачно для русского оружия – 13 сентября 1502 года под Псковом немцы смогли взять реванш: уходя от преследования московских воевод Вальтер Плеттенберг у озера Смолина устроил засаду преследующему его войску Щени. Покинув свой лагерь, ливонцы дождались нападения русских и, когда те приступили к захвату трофеев, контратаковали их. До подхода основных сил Щени немцам удалось разбить Передовой полк. С большим трудом воеводе удалось восстановить положение, разбить пехотное прикрытие ливонского войска и вынудить немцев уйти на свою территорию.

Несмотря на эту неудачу, Данила Васильевич сохранил высокое положение при великокняжеском дворе, а затем и упрочил его в начале правления Василия III. Именно при этом государе Щеня стал наместником и «воеводой московским» – главнокомандующим вооруженными силами Русского государства. Во время русско-литовской войны 1507–1508 годов он вновь командовал большими русскими ратями, ходившими воевать вражескую землю. Летом 1508 года войска Щени осадили крепость Оршу. Но, получив известие о приближении армии короля Сигизмунда I, не вступая в сражение с литовцами и дождавшись присоединения к его войску полков Михаила Львовича Глинского и Василия Ивановича Шемячича, Щеня отошел за Днепр. 10 дней простоял он на левом берегу этой реки, сковывая действия врага, не решавшегося из-за присутствия русского войска начинать переправу и поджидавшего подкрепления. Однако оставаться на Днепре противник не собирался, готовясь к переправе – выше или ниже по течению реки. Вторая русская рать Якова Захарьича стояла тогда под Дубровкой и не могла подкрепить главные силы против все усилившегося неприятельского войска. Поэтому Данила Васильевич решил отойти к Вязьме. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева. Тогда литовская армия во главе с бежавшим из русского плена гетманом К. И. Острожским, двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж. Но укрепиться здесь противнику не удалось. Получив повеление Василия III вернуть захваченные города, Щеня в начале сентября 1508 года выбил литовцев из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж. Во время

следующей русско-литовской войны 1512–1522 годов он командовал главной русской ратью, которой посчастливилось овладеть Смоленском и присоединить Смоленскую землю к Московскому государству.

Дважды в годы этой войны московские полки подходили к Смоленску и дважды уходили, не взяв город. Догадываясь о неизбежности новой русской атаки на него, король Сигизмунд I поставил во главе гарнизона деятельного и опытного воеводу Ю. А. Сологуба. В начале летней кампании 1514 года, как и раньше, русские загоны (высланные вперед отряды) ходили под Оршу, Мстиславль, Кричев и Полоцк, но главные силы под командованием Данилы Щени (около 80 тысяч человек; 140 орудий) окружили Смоленск. Осада города началась 16 мая 1514 года и продолжалась 12 недель. Она сопровождалась невиданной доселе артиллерийской бомбардировкой крепости, начатой 29 июля, после прибытия большого «наряда» – тяжелых орудий. Участники событий вспоминали о метких выстрелах лучшего русского пушкаря Стефана, которому даже удалось «по их (литовцев – В. В.) пушке по наряженной ударить, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людей побило». Очевидцы сообщали, что от артиллерийского огня «...земля колебалась, и друг друга не видели, и весь град в пламени и дыму, казалось вздымался...»

Именно страх перед русскими пушками поколебал решимость литовского гарнизона и горожан, начавших «из града кричать, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою велел перестать, а они хотят государю бить челом и град сдать». Начались переговоры, приведшие к заключению договора, в соответствии с которым в город вступили русские полки. Весьма примечательно, что именно воеводе Данилу Щене, чья его заслуги в этой давно чаемой победе, великий князь поручил привести жителей города к присяге.

Последний раз имя Данилы Васильевича упоминается в русских документах в 1515 году, когда во главе русской рати он выступил в город Дорогобуж. По разрядным записям чин боярина Данила Васильевич Щеня получил в 1512 году, хотя в летописях он именуется боярином начиная с 1475 года.

Список сокращений

- АЗР – Акты Западной России.
АИ – Акты исторические
ВИ – Вопросы истории (журнал)
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ГрГУ – Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИСССР – История СССР (журнал).
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы Института археологии
ОИ – Отечественная история (журнал)
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология (журнал)
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
СИМАИМ – Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея
СР – Средневековая Русь (сборник)
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук.

Литература

1. *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
2. Акты Западной России. СПб., 1846. Т. 1.
3. Акты исторические. Т.1. СПб., 1841.
4. *Алексеев Ю. Г.* Полоцкая земля. М., 1966.
5. *Алексеев Ю. Г.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. 6
Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
7. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
8. *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
9. *Алексеев Ю. Г.* Русские источники о начале Свейской войны 1495–1497 гг. // историческое познание: традиции и новизна. Материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 1996.
10. *Алексеев Ю. Г.* Свейская война 1495–1497 годов // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994.
11. *Алишев С. Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
12. *Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 2010.
13. *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002.
14. *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода. МИА. № 55. 1956.
15. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952.
16. *Бахтин А. Г.* XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
17. *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.
18. *Бегунов Ю. К.* Александр Невский. М., 2003.
19. Боевое братство славян на защите мира: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С. А. Пивоварчик. Гродно, 2011.
20. *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.
21. *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 2005.
22. *Борисов Н. С.* Политика московских князей. М., 1999.
23. *Бороздина А. К.* Классификация вооружения печенегов // Сіверщина в історії України: Збірник наукових праць. Київ; Глухів, 2009. Вип. 2.
24. *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского

артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877.

25. *Бранденбург Н. Е.* 500-летие русской артиллерии (1389–1899). СПб., 1899.

26. *Брюсова В. Г.* Русско-византийские отношения середины XI в. // *ВИ.* 1972. № 3.

27. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // *ЖМНП.* 1872. Ч. 164. Отд. II.

28. *Васин П.* Игрушки русских рыцарей // *Родина.* 2003. № 11.

29. Великий князь Александр Невский / Составление и авт. текст А. Ю. Карпова. М. 2002.

30. *Вилинбахов В. Б.* Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1963.

31. *Вилинбахов В. Б., Кирпичников А. Н.* К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // *СИМАИМ.* Л., 1958. Вып. 3.

32. *Вилинбахов В. Б., Мурьянов М. Ф.* Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // *ВИ.* 1960. № 8.

33. *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства М., 2004.

34. *Волков В. А.* Вятский поход Даниила Щени // *Преподаватель XXI век.* 2014. № 4.

35. *Волков В. А.* Печенеги в походах, сражениях и боях // *Вестник Липецкого государственного педагогического университета.* Вып. 1 (4), 2011.

36. *Волков В. А.* Русская рать: богатыри, витязи и воеводы. М., 2005.

37. *Волков В. А.* Сокрушение Орды (стояние на Угре и разгром Улуг-Улуса) // *Историческое образование.* 2014. № 1.

38. *Волков В. А.* «Хитрая война» Московско-литовское противостояние 1492–1494 г. // *Родина.* № 11. 2003.

39. *Воскресенская летопись* // *ПСРЛ.* Т. 7–8. СПб., 1856–1859. (репринтное воспроизведение: М., 2001).

40. *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978.

41. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

42. *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // *Государственная Оружейная палата Московского Кремля.* М., 1954.

43. *Горский А. А.* Город и дружина в Киевской Руси // *Феодалы в городе.* М., 1996.

44. *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.

45. *Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и

- Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993.
46. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
 47. Горский А. А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
 48. Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: 2004.
 49. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л. 1949.
 50. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1939.
 51. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
 52. Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VIII. Л., 1983.
 53. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) М., 1998.
 54. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) М., 2001.
 55. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М., 1953.
 56. Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб., 1853.
 57. Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
 58. Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.
 59. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
 60. Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916.
 61. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
 62. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Л., 1988.
 63. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
 64. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб, 1910.
 65. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.
 66. Жарко С. Б., Мартынюк А. В. История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь. Минск, 2003.
 67. Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006.
 68. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991.
 69. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки

социально-политической истории). М., 1982.

70. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1990.

71. *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // СР. Вып. 2 М., 1999.

72. *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858.

73. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.

74. *История Европы*. Т. 2. С. М., 1992.

75. *История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых*. Т. II. СПб. 1864.

76. *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975.

77. *Калинина Т. М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976.

78. *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

79. *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980.

80. *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989.

81. *Карпов А. Ю.* Батый. М., 2011.

82. *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М., 2010.

83. *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 2004.

84. *Карпов А. Ю.* Юрий Долгорукий. М., 2006.

85. *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001.

86. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.

87. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1–3. М., 1966.

88. *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.

89. *Кирпичников А. Н.* Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) // ВИ. 1994. № 5.

90. *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси // МИА. 1958. № 77.

91. *Кирпичников А. Н.* Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4.

92. *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.

93. *Клейнберг И.* Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // ВИЖ. 1960. № 6.

94. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994.

95. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* СПб., 1995.

96. *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб. 2003.
97. *Князький И. О.* Славяне и Русь на Днестре и в Прикарпатье. (от великого переселения народов до нашествия монголо-татар). М., 2007.
98. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
99. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
100. *Конюхов К. Р.* Князь и городское ополчение в Древней Руси // Ключевские чтения – 2011. Т. 1. М., 2011.
101. *Королев А. С.* Святослав. М., 2011.
102. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.
103. *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962.
104. *Котляр Н. Ф.* «Государев двор» на Руси XII–XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 31. СПб., 2010.
105. *Крачковский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадблана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.
106. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. СПб., 2003.
107. *Крип'якевич І. П.* Галицько-волинське князівство. Київ, 1984.
108. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995.
109. *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
110. *Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
111. *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5.
112. *Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.
113. *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991.
114. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
115. *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858.
116. *Лебедянская А. П.* Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси // СИМАИМ. Вып. 1. Л.; М., 1940.
117. *Лев Диакон.* История. М., 1988.
118. *Ледовое побоище* // Труды комплексной экспедиции по уточнению Ледового побоища. М.; Л., 1966.
119. *Летописи белорусско-литовские* // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980.

120. *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.
121. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910.
122. *Лямин И. В.* Художественная обработка металлов. М., 1984.
123. *Мавродин В. В.* О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8–9.
124. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.
125. *Матхаузерова С. В.* Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995.
126. *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси. СА. 1959. № 2.
127. *Мильчик М. И.* Ивангород – первое окно в Европу // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994.
128. *Мильчик М. И.* Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. СПб., 1995.
129. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. (переизд. М., 2004)
130. На пути к регулярной армии. СПб., 2000.
131. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
132. *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1979.
133. *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
134. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981.
135. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9–14. СПб., 1862–1910. (репринтное воспроизведение: М., 1965).
136. Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т.3. М. 2000.
137. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
138. *Носов К. С.* Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. М., 2003.
139. *Оглоблин [Н.Н.]* Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // Университетские известия. Киев, 1873. № 8. Отд. IV.
140. Отечественная артиллерия. 600 лет. М., 1986.
141. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1853.
142. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 95. СПб.,

1895.

143. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882.

144. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.

145. *Парунин А. В.* К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010.

146. *Пашуто В. Т.* Александр Невский. М., 1974.

147. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

148. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

149. *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

150. *Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В.* Воители Руси. IX–XIII вв. М., 2006.

151. *Петренко В. П.* Исследования Ивангорода (по работам экспедиции ЛОИА АН СССР 198—1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. М., 1991.

152. *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. М., 1982.

153. *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.

154. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 1955.

155. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966.

156. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.;Л., 1961.

157. Рогожский летописец; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863 (репринтное воспроизведение: М., 1965; М., 2000).

158. *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2014.

159. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

160. *Рыбаков Б. А.* Смерды // ИСССР. 1979. № 1–2.

161. *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.

162. *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия и ратных доспехов. СПб., 1896.

163. *Сахаров А. М.* Дипломатия Древней Руси IX – первая половина X в. М., 1980.

164. *Сахаров А. М.* Дипломатия Святослава. М., 1991.

165. *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.

166. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) Арзамас,

1993.

167. *Селезнёв Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1.

168 *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV вв. М., 2014.

169. «Скажите всем, что Русь всегда жива...». Ратные дела Отечества: Русь и юная Россия. VI–XVI вв. М., 2004.

170. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 5. М., 1984.

171. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1–3. М.1988–1989.

172. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.

173. Стефанович П. С. Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2.

174. *Сурмина Н. О.* Восточная политика Александра Невского // Всеобщая и отечественная история: Актуальные проблемы. Саратов, 1993.

175. *Тарас А. Е.* Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. Минск, 2006.

176. Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд., М., 1997.

177. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1966.

178. *Темушев В. Н.* «Странная» война 1486–1494 гг. Спец ифика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010.

179. *Темушев С. Н.* Характер власти и источники обогащения славянских вождей в догосударственный период // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Вып. 5. Минск, 2010.

180. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921 (репринтное воспроизведение: М., 2000).

181. *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.

182. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI в. М., 1962.

183. *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

184. *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

185. *Тюленев В. А.* Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987.

186. Устюжские и вологодские летописи // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.

187. *Федоров В. Г.* К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949.

188. Федорук А. В. Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010.
189. Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
190. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
191. Холодное оружие / [отв. ред. Г. Лемигова]. М., 2004.
192. Хрусталева Д. Г. Русь и монгольское нашествие (20 – 50-е гг. XIII в.). – СПб., 2013.
193. Цемушаў В. М. «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. Снежань 2008. Т. 15. Сшытак 1–2 (18–19). С. 5–48.
194. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
195. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1976.
196. Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
197. Шишов А. В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.
198. Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.
199. Янин В. Л. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // СА. № 3.
200. Ярослав Мудрый и его эпоха / под ред. И. Н. Данилевского, Е. А. Мельниковой. М., 2008.
201. Blair C. European armour. L., 1972.
202. Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958. T. 1.
203. Lietuvos Metrika. Кн. 4 (1479–1491). Vilnius, 1994; Кн. 5 (1427–1506). Vilnius, 1993.
204. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagellonow. Warszawa, 1930. T. 1.
205. Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. V. 1. Stockholm, 1939. P. 288.

Примечания

1

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 48–49.

Слово «Атиль» финно-угорского происхождения и означает «река». Так же называлась с X века и последняя столица хазар. В IX веке город назывался Хамлидж, и по свидетельству Ибн Хордабега, находился на берегу реки, текущей из страны славян и впадающей в Джурджанское (Каспийское) море.

Через Хазарию проходил один из маршрутов Великого шелкового пути. Огромные караваны, состоящие из 2–3 тысяч навьюченных лошадей и верблюдов, были обычным явлением на дорогах этой страны. Подобно правителям многих других стран, через которые проходил Великий шелковый путь, власти Хазарии обогащались за счет грабительских пошлин и торговых сборов, которыми обладывались провозимые через их земли товары, что многократно повышало их цену при продаже в странах Европы и Ближнего Востока.

Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. С. 357.

В исторической литературе встречается термин Верхняя Русь. – См.: Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193. Однако, в таком случае, необходимо найти и точно локализовать Нижнюю Русь.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 171.

«Скажите всем, что Русь всегда жива...» Ратные дела Отечества: Русь и юная Россия. VI–XVI вв. М., 2004. С. 103.

Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976. С. 90—101.

Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) Арзамас, 1993.
С. 164.

Лев Диакон История. М., 1988. С. 80.

Брюсова В. Г. Русско-византийские отношения середины XI в. // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 52, 56–59.

Печенеги – русское название кочевого народа, видимо, восходящее к его самоназванию. В Византии печенегов называли пацинаками и патзинакам, в других странах Европы – печеначами, пачинасями, пезенгами, биссенусами, у арабов и персов – баджнаками у армян – бадзинагами, у венгров – бешеньё, на востоке – западными кангарами. С. А. Плетнева предположила, что это название восходит к имени Бече, которое носил легендарный вождь – прародитель печенежского народа. М. И. Артамонов определял прародиной печенегов район к северу от Аральского моря, включая нижнее и среднее течение Сыр-Дарьи – Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. С. 353. Возглавили образовавшийся в Приаралье племенной союз тюрки из рода Кангюй или Кенгересс. От них и пошло название кангары. – Плетнева С. А. Печенеги // История Европы. Т. 2. С. М., 1992. С. 463. Кангары откочевывают в междуречье Волги и Урала, оказавшись в кольце врагов, в борьбе с которыми этот племенной союз сплотился еще сильнее. Однако Плетнева, изучив печенежские погребения, пришла к выводу, что в заволжских степях печенежская этнолингвистическая общность еще не сформировалась. Она складывается только после прихода в донские и приднепровские степи – Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 25–26. Кангары составили основу нового этноса, в который вошли и осколки других степных орд. Тем не менее, впоследствии именно потомки кангар пользовались у печенегов наибольшим почетом. – Плетнева С. А. Печенеги С. 463.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 25.

Гаркави А. Я Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 185.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 25.

Бороздина А. К. Классификация вооружения печенегов // Сіверщина в історії України: Збірник наукових праць. Київ; Глухів, 2009. Вип. 2. С. 33. О железных серпах печенегов см.: Анна Комнина. Алексиада. СПб., 2010. С. 166.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. М., 2006. С. 95.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 39.

С. А. Плетнева называет 8 крупных племенных образований печенегов «округами» или «ордами». 4 из них, кочевавшие в середине XI в. между Днестром и Днепром распались на более мелкие племена или «колена». Этот термин исследовательница соотносит со словом «часть» [орды]. – Плетнева С. А. Печенеги С. 464, 466. В действительности, «колено», это не часть «округа», а часть всего печенежского народа.

Артамонов М. И. Указ. Соч. С. 354.

Плетнева С. А. Печенеги. С. 466.

Плетнева С. А. Печенеги. С. 355.

Анна Комнина. Алексиада. С. 160.

Анна Комнина. Алексиада. С. 159.

Анна Комнина. Алексиада. С. 187.

Анна Комнина. Алексиада. С. 166.

Анна Комнина. Алексиада. С. 162.

«Скажите всем, что Русь всегда жива...». Ратные дела Отечества: Русь и юная Россия. VI–XVI вв. М., 2004. С. 138; Бороздина А. К. Классификация вооружения печенегов. С. 34.

Цит. по: Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 164. Отд. II. С. 119.

Опасаясь успехов князя Святослава, подчинившего себе большую часть Дунайской Болгарии, византийский император Никифор Фока в 971 г. подкупил печенежских вождей, охотно согласившихся в отсутствие великого князя напасть на Киев. В отчаянной, кровавой сече изнемогали киевляне, но печенежский натиск не ослабевал. Лишь ночная атака небольшой рати воеводы Претича, принятую печенегами за передовой отряд большого русского войска из восточных пределов, вынудил их снять осаду и отойти от Киева. С этой историей связано первое в нашей летописи описание героического деяния, свершенного оставшимся безымянным киевским отроком. Когда «осадили печенеги город силой великой – было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогли люди от голода и жажды. И собрались (ратные) люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали печалиться люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и передать им: если не подступите утром к городу – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь». И ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и пробежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ничего с ним сделать. На том берегу заметили это, подплыли к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную». – Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993. С. 70–71.

Плетнева С. А. Печенеги. С. 465.

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 168.

Волков В. А. Русская рать: богатыри, витязи и воеводы. М., 2005. С. 49.

ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 106–107; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 116 и др. летописи.

В 1000 году, во время пребывания Владимира в Переяславце на Дунае, к Киеву привел печенегов некто Володарь, «печенеги многи облеже град. Александр Попович произвел ночную вылазку и разбил печенегов, убив изменника Володаря с его братом. Владимир наградил Александра, надев на него золотую гривну. Был ли в этом бою Ян Усмошвец – неизвестно. См.: Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. С. 108–109.

Оглоблин [Н.Н.] Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // Университетские известия. Киев, 1873. № 8. Отд. IV. С. 1—15.

Некоторые историки сомневаются в том, что заложником был Святополк. А.Ю Карпов отмечает, что этому князю было тогда около 30 лет; «он княжил в Турове, на западе Русской земли, и был слишком заметной и уже вполне самостоятельной фигурой, чтобы исполнять роль заложника». Историк осторожно предполагает, что к печенегам отправили кого-то из младших сыновей Владимира. – Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004. С. 330. Другой исследователь, Ю. В. Сухарев, полагает, что заложником стал Борис Владимирович. – Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. С. 109. Это предположение представляется ошибочным – в отличие от Святополка, Борис был любимым сыном Владимира и рисковать им киевский князь стал бы в последнем случае. То обстоятельство, что туровский наместник был уже заметной фигурой, не исключает его отправки к печенежским ханам, которым такое внимание Владимира могло только польстить.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. С. 112.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. С. 113.

Анна Комнина. Алексиада. С. 155.

Анна Комнина. Алексиада. С. 185–190.

ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 286.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 222.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 30.

Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958. – T. 1. – C. 343.

Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т.3. М. 2000. С. 21.

Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т.3. М. 2000. С. 22, 206.

Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 1955. С. 76.

Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 1955. С. 77.

Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 89; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 6.

ПСРЛ. – М.,1962. – Т. 1. – С. 10.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 29–30.

Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 50.

ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 245–247.

Крип'якевич І. П. Галицько-волинське князівство. Київ, 1984. С. 68–80.

ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 81.

Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004. С. 125.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 33.

Пашуто В. Т. Указ соч. С. 38.

ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стлб. 149–150.

Пашуто В. Т. Указ. соч... с. 40.

Седец – житель Посемья.

ПСРЛ. Т. 2 Стлб. 298.

Насад – речной корабль.

Дорогобуж – древний город на р. Горынь, ныне село в Ровенской обл. Украины.

Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006. С. 227.

ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 432.

Главную роль в свержении Мстислава играли князья, связанные с половцами кровным родством – сыновья Юрия Долгорукого; Ольговичи – Олег и Игорь; Ростиславичи – Рюрик и Роман.

ПСРЛ. Т. III. С.74.

Протяженность стен и валов Владимира в то время составляла 7 км, превзойдя протяженность городских укреплений Киева (4 км) и Новгорода (6 км).

Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 120.

Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 80.

Военные историки иногда называют сражение под Легницей «битвой при Вальштатте». Вальштатт – немецкий вариант польского топонима «Легницкое поле» (т. е. «Доброе поле»).

Феннел Д. С. 124.

Ярослав Владимирович происходил из рода смоленских Ростиславичей, в 1214 году княжил в Пскове. За симпатии к немцам был изгнан из этого города, после чего ушел на территорию Ордена. Там он получил во владение замок Оденпэ (Медвежья Голова), а затем – земли в Адажском крае.

Великий князь Александр Невский. М. 2002. С. 67. Следует учитывать, что в Швеции Биргера Магнуссона именовали и «королем без имени».

Определено по результатам работ комплексной археологической экспедиции под рук. Г. Н. Караева.

ПСРЛ. Т. 25. С. 142.

ПСРЛ. Т. 25. Стлб. 852–853.

При этом хане, младшем брате Батые, ок. 1260 года была основана новая столица Орды Новый Сарай (Сарай аль-Джедид), часто именуемый Сарай-Берке.

Беклярибек – одна из ключевых должностей в Орде. В его функции входило руководство армией, внешними делами и верховный суд.

ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 410–411.

15 сентября 1326 года.

Серпуховской князь Андрей Иванович умер от той же чумы через полтора месяца после смерти старшего брата, не дожив месяц до рождения сына Владимира, будущего героя Куликовской битвы.

Женой Мамаю стала Тулунбек-ханум, дочь Бердибека.

Сын Василя Михайловича Кашинского Михаил был женат на московской княжне Василисе, дочери Семенга Ивановича Гордого.

Тросна – левый приток р. Нара.

По мнению Р. Ю. Почекаева к решительному разрыву отношений с правившим на правом берегу Волги Мамаем русских князей подтолкнули известия о его поражении. Войска Мамаея были разбиты Урус-ханом пришедшим из Синей Орды. Новый претендент на власть в Улусе Джучи прислал на Русь посольство с требованием признать царем именно его.

По другим сведениям этим полком командовал перешедший на московскую службу литовский князь Андрей Ольгердович Полоцкий – ПСРЛ. Т. 11. С. 42.

Ушкуйники – наемные отряды новгородцев, осуществлявшие особо трудные и опасные экспедиции по северным землям и Волжскому торговому пути с целью пушного промысла и грабежа. Свои далекие путешествия они осуществляли на кораблях, называемых ушкуи – отсюда и пошло название участников таких экспедиций.

Комтур – в Тевтонском ордене брат-рыцарь, управлявший определенной комтурией (областью) орденского государства.

Дубровенской битва называется в русских, белорусских и литовских источниках. Немцы называют это сражение Танненбергским – по названию деревни Танненберг, где располагались их войска.

Старший сын Тохтамыша.

ПСРЛ. Т. 26. М.-Л., 1959. С. 192.

ПСРЛ. Т. 25. С. 260. ПСРЛ. Т. 11–12. С. 24.

ПСРЛ. Т. 26. С. 197; ПСРЛ. Т. 11–12. С. 62.

ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 262–263.

ПСРЛ. Т. 37. С. 114–134. Еще более краткое сообщение о походе есть в летописном Списке Мацеевича. ПСРЛ. Т. 37. С. 46.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 17–21.

После смерти Махмуда Касим, по традиции, женился на его вдове (матери Ибрагима). Как старший в роде, он имел все основания претендовать на ханский престол. – Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 32.

ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 186; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 148.

ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

А. Г. Бахтин высказал предположение, что во время этого похода войско кн. С. Р. Ярославского могло достичь Малой Кокшаги и даже Илети. – Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 58.

110

ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 320 об. (318 об.).

ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 91, 114.

ПСРЛ. Т. 24. С. 188; ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

Иван Гаврилович, Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Глеб Семенович и Василий Семенович Филимоновы, Федор Борисович Брюхо (Морозов), Салтык Травин (в будущем известный русский военачальник Иван Иванович Салтык Травин), Никита Константинов, Григорий Префушков и Андрей Бурдуков. – ПСРЛ. Т. 8. С. 155.

ПСРЛ. Т. 25. С. 283; Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 400–401.

ПСРЛ. Т. 8. С. 158; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 404.

Русский временник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370 – 862 до 7189–1681 лета, разделенный на две части. Ч. 2., М. 1820. С. 142–143; ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 148.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М. 2000. С. 151–153.

Кержели, по предположению Н. А. Казаковой – область Кервель на р. Воо, притоке Эмбаха, недалеко от Дерпта (Юрьева). – Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975. С. 134.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 155–156. 13 января 1474 г. был заключен новый псково-ливонский договор, после которого началась реальная выплата «юрьевской дани». – Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее ГВНП). М., Л. 1949. № 78. С. 133–136; Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 388.

О далеко не случайном совпадении дат этих двух нападений писал К. В. Базилевич, указывавший при этом, что «мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмедханом». Все же исследователь полагал, что «в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова» – Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 133.

Сохранился лишь русский текст договора между Новгородом и Ливонской конфедерацией. – Акты Западной России (Далее АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 75. С. 95–97 (Новую публикацию этого документа см.: ЛМ. Кн. 5 (1427–1506) № 1119.1. Р. 212–214).

ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910. Ч. 1. С. 349.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 3. М., 1989. С. 347 прим 99 (118). Сообщая о планах Мухаммед-Эмина выдать врагов Москвы русским воеводам, историк ссылается на одну из разрядных книг, хранившуюся в МАМЮ (№ 1. С. 26). К сожалению, указанная рукопись позднее в архиве была утрачена.

Одним из таких городов был Владимир, в котором именно тогда дьяком Василием Мамыревым строится новая деревянная крепость. – ПСРЛ. Т. 8. С. 217, ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 218.

РК. 1475–1598. С. 20–21. ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 121 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ПСРЛ. Т. 26. С. 278.

Н. С. Борисов полагает, что «острогом» русские воеводы окружили не Казань, а свой лагерь, защищаясь от нападений воинов Алгазы, который «блуждал с отрядом в окрестностях Казани и внезапно нападал на ратников великого князя». – Борисов Н. С. Указ. соч. С. 410. При этом он ссылается на следующее сообщение Архангелогородского летописца: «А воеводы город Казань обьсели и острог около города dospели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 96. Однако, автору следовало сопоставить эту запись с уточняющим ее сообщением Устюжской летописи (Список Мациевича): «А воеводы город Казань обсели и острог около города обвели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 50. Тогда ему стало бы ясно, что «острогом» была обведена именно татарская крепость, что, конечно, не исключает возможность возведения укреплений и возле русского стана.

ПСРЛ. Т. 24. С. 205; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 122–122
об.

ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 134.

ОР РГБ. Ф. 92. «2. Л. 129; ПСРЛ. Т. 8. С. 244–245; ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 197; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8. РК 1475–1598. С. 35.

Московские власти были заранее извещены о готовящемся нападении казанского и ногайского войска и успели поставить заставу в Муроме, но предотвратить поход к Нижнему Новгороду не смогли. – РК 1475–1598 гг. С. 35.

PK 1475–1598. C. 36.

В одной из летописей сохранилось упоминание о том, что первая схватка под Казанью закончилась победой русского войска, и только на третий день осады «таторова вышедшее много русских людей побиша». – ОР РГБ. Ф. 310. № 754. Л. 345 (343).

ПСРЛ. Т. 26. С. 298; ПСРЛ. Т. 34. С. 9.

Д. В. Шеин был первым русским наместником в Казани после ее взятия в 1487 году, возможно в этом кроется причина его трагической гибели. Второе сражение под Казанью произошло 25 июня 1506 года.

PK 1475–1598. C. 54–55.

LM. Kn. 8. № 16. P. 56.

ЛМ. Кн. 8. № 23. Р. 58–59. Второй посол, Иван Брюхо Верещагин, умер в плену. – ПСРЛ. Т. 34. С. 8.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 198.

Так в 1458 году в Новгороде «сидел» литовский князь Юрий Семенович. Ему были поручены новгородские «пригороды» – Ладога, Копорье, Ям, Орешек, Корела, Старая Русса.

ПСРЛ. Т.25. С. 285.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 3. С. 73.

Борисов Н. С. Указ. соч. С. 229.

В поход выступило 10-тысячное псковское войско («вся сила псковская»), которое вели сын наместника князь Василий Федорович Шуйский и посадник Тимофей Власьевич. Оно осадило новгородский «пригород» Вышегород, но взять смогло не сразу. Еще одно небольшое псковское войско, собранное воеводой Манухо Суюгиным, насчитывавшее 1500 воинов, было разбито новгородцами в Бельской губе за рекой Лютой, притоке Шелони. – ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 181–183.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 103.

По мнению Ю. Г. Алексева, Дрянь – это старица Шелони. – Алексей Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 117. Во время начавшегося сражения за Дрянь ушла, отрезанная от своих порядков и от берега, часть начавших атаку москвичей.

ПСРЛ. Т. 25 С. 289.

Борисов Н. С. Указ. соч. С. 240–241.

Реки Шилengi сейчас не существует. Предполагают, что сражение произошло на территории бывшей Шиленской волости, на реке Северной Двине,4 ниже устья Ваги, но выше устья Ваенги. – Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 138.

ПСРЛ. Т. 25. С. 316–318.

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1966. С. 67.

ПСРЛ. Т. 24. С. 197; ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

Татищев В. Н. Указ. соч. С. 68.

ПСРЛ. Т. 25. С. 329, 330; ПСРЛ. Т. 12. С. 219; ПСРЛ. Т. 24. С. 327.

ПСРЛ. Т. 12. С. 116–117.

ПСРЛ. Т. 18. С. 242; ПСРЛ. Т. 25. С. 297; ПСРЛ. Т. 26. С. 249.

ПСРЛ. Т. 20. С. 297. То же см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 160–161; ПСРЛ. Т. 24. С. 193. В Московском летописном своде и Вологодско-Пермской летописи, однако, есть сообщение о пленных: «а которые выбегоша от огня, тех поимаша» – ПСРЛ. Т. 25. С. 297; ПСРЛ. Т. 26. С. 249.

В некоторых летописях сообщается, что татары двинулись к переправам еще до штурма Алексина – ПСРЛ. Т. 20. С. 297; ПСРЛ. Т. 23. С. 161. В других отмечено, что они «поидоша вборзе на брег» уже после уничтожения города – ПСРЛ. Т. 18. С. 242–243; ПСРЛ. Т. 25. С. 297. Отдельные отряды ордынцев, возможно, пытались продвинуться дальше и до начала боев за крепость, однако настоящее сражение за переправы началось, несомненно, уже после гибели Алексина.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 157.

О «смертоносной язве на татар» см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 298. О первостепенном значении этого обстоятельства заявил Юрий Георгиевич Алексеев. – Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 151.

Дипломатические отношения Руси с Крымом стали налаживаться в 1472–1473 годах. Зимой 1473/1474 года в Москве принимали посла Менгли-Гирея Ази-бабу, который передал Ивану III предложение хана «жить въ братстве и въ дружбе и въ любви держати». Таким образом, между двумя странами устанавливались равноправные отношения, причем было особо подчеркнуто условие отказа от выплаты Руси каких-либо даней Крыму. – Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1–2. В 1575 году в Москве принимали перекопского мурзу Довлотека, договаривающегося с Иваном III о союзе против Большой Орды. Успешно развивающиеся отношения были на время прерваны после оккупации Крыма войсками Ахмата, подарившего этот улус своему племяннику Джанибеку. Но после изгнания последнего Менгли-Гирей вернул себе власть над Перекопским юртом. В 1479 году союз между ним и Иваном III был возобновлен. К 1480 году он приобрел стратегическое значение – однозначно общими врагами были названы хан Ахмат и Казимир IV. – Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 20; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 418–419.

Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: 2004. С. 310, 320. Ю. Г. Алексеев в этом вопросе более осторожен. Допуская, что сообщение Вологодско-Пермской летописи о прекращении уплаты дани в 1472 году «не может быть сброшено со счетов», он все же пишет не о произошедшем тогда (в 1472 году) освобождении от ига, а лишь о том, что «в вековом споре Руси и Орды назревал кризис». – Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 77. Предложенная К. В. Базилевичем (Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 119) и В. В. Каргаловым (Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 76) датировка прекращения выплаты дани 1476 годом – результат ошибочного прочтения текста Вологодско-Пермской летописи. Вместо правильного указания срока невыплаты дани «девятый год» было прочитано «пятый год». – Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 42).

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 217; ПСРЛ. Т. 26. С. 263.

LM. Kn. 5. № 104.1. P. 172.

ПСРЛ. Т. 26. С. 262.

Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19–20. Во время переговоров И. И. Звенец Звенигородский передал Менгли-Гирею грамоту, в которой Иван III брал на себя обязательство принять хана в случае изгнания его из Крыма.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 82–83.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 150.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 160.

ПСРЛ. Т. 25. С. 328; ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

ПСП. Т. 26. С. 264.

ПСП. Т. 26. С. 265.

ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стлб. 309.

ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. С. 202.

Парунин А. В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 170–171.

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. с. 113.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VIII. Л., 1983. С. 50.

ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

РИБ. Т. 27 М., Л., 1962. Стлб. 340.

После убийства Ахмата его беклярибек Темир (Тимур мангыт), сумел найти в степи старших детей хана Муртазу и Сейид-Ахмеда и ушел с ними в Крым. Менгли-Гирей принял беглецов, но отнесся к ним как к почетным пленникам или заложникам. Напавшие на Ахмата Ибак, Мусса и Ямгурчей власть удержать не смогли. Вскоре новым ханом Большой Орды стал Шейх-Ахмед.

Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 25–27. В наказе Тимофею Травину есть упоминание о нападениях крымских татар на русское порубежье и содержался призыв добиться возвращения полоняников.

ПСРЛ. Т. 12. С. 217. К сожалению, ошибку летописца воспроизвел Н. С. Борисов, написавший, что «гибели Ахмата власть в Большой Орде перешла к его детям Муртозе и Махмуту». – Борисов Н. С. Иван III. М. С. 452.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 46–47.

Сб. РИО. Т. 41. № 12. С. 44. «Вольный человек» Шемердень Умачева должен был сообщить Менгли-Гирею, что великий князь не прислал другого, более знатного человека из-за того, что в степи везде «ходят... недрузи... проехать нелзе».

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 179–180.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 314–315.

См.: Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 316. Последовавший в том году разгром воеводами великого князя астраханского войска без соприкосновения с противником был невозможен.

Зайцев И. В. Указ. соч. С. 57–58.

ПСРЛ. Т. 8. С. 224–225.

Сб. РИО. Т. 41. № 59. С. 279; № 66. С. 323.

АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 184. С. 212–214.

ПСРЛ. Т. 32. М., 1968. С. 144–145.

ПСРЛ. Т. 12. С. 256; РИО. Т. 41. № 83. С. 420.

ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стлб. 495.

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 236; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 66; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 364–365.

ПСРЛ. Т. 12. С. 216.

В Ермолинской летописи есть сведение о попытке бывшего тверского князя взять реванш. Собрав войска, он попытался прорваться через границу, но был отброшен ратью И. Ю. Патрикеева обратно за рубеж. – ПСРЛ. Т. 23. С. 162.

ПСРЛ. Т. 12. С. 217–218.

ПСРЛ. Т. 37. С. 45. В Архангелогородском летописце пояснено, что «посулы» брал воевода Григорий Перхушков. – Там же. С. 90.

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 96, 136.

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 115, 136.

PK 1475–1598 гг. С. 21.

ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 97. Во время похода «не дошед умер» устюжский наместник И. И. Злоба. – РК 1475–1598 гг. С. 21.

В договоре Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV был включен следующий пункт: «А верховъстии князи, што будут издавна давали в Литву, то им и нынеча давати, а болши того не промышляти». – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 162.

ПСРЛ. Т. 6. Стлб. 233; ПСРЛ. Т. 20. С. 348; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagellonow. Warszawa, 1930. Т. 1. S. 348–350. В Московском государстве кн. Ф. И. Бельский получил от Ивана III «город Демон вотчину да Мореву со многими волостьми». – ПСРЛ. Т. 28. С. 152.

LM. Kn. 4. (1479–1491). Vilnius, 1994. № 129. P. 139.

Темушев В. Н. «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 313.

Сб. РИО. Т. 35. № 1. С. 1, 3–4; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 132; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 77.

LM. Kn. 5. № 9. P. 63.

Утверждение А. А. Зимина об участии в походе на Мосальск в августе 1492 г. кн. С. Ф. Воротынского (Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 98), опроверг М. М. Кром, установивший, что переход этого князя на московскую службу произошел лишь после ноября 1492 г. – Кром М. М. Указ. соч. С. 84, 85.

LM. Kn. 5. № 15.1. P. 67.

ПСРЛ. Т. 8. С. 226; ПСРЛ. Т. 12. С. 234–235; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 553; ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 211. ПСРЛ. Т. 37. С. 98; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 132.

LM. Kn. 5. № 18. P. 71.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 93. Термин «Странная война» используется и в настоящее время. В частности, к нему прибегал М. М. Кром, полагавший, что Иван III вел военные действия против Литвы «почти не прибегая к собственной военной сил» (Кром М. М. Указ. соч. С. 79). Таким образом, он оставил без должного внимания участие в операциях на западной границе великокняжеских войск под командованием воевод – князя Ф. В. Телепни Оболенского, В. Лапина и А. Истома, М. И. Кольшки и князя А. В. Оболенского, тех же Д. В. Щени и В. И. Кривого Патрикеева. Предложенное А. А. Зиминим название этого конфликта использовал и Н. С. Борисов, считающий, что война началась не в 1492 году, а еще в 1487 году (Борисов Н. С. Указ. соч. С. 471). В ранних своих работах мною были высказаны сомнения в правомерности такой датировки, несмотря на ее привлекательность. Определение возникновения конфликта 1487 годом позволяет связать начало первой московско-литовской войны с первой большой русской победой над Казанским ханством. В статье «Хитрая война» и ряде наших книг (Волков В. А. «Хитрая война» Московско-литовское противостояние 1492–1494 г. // Родина. № 11. 2003. С. 60; Волков В. А. Войны и войска Московского государства М., 2004. С. 27–33; Волков В. А. Ратные подвиги Древней Руси. М., 2011. С. 98–104) утверждалось, что все же с 1487 по 1492 годы при продолжающихся пограничных столкновениях, происходила не война с Великим княжеством Литовским, а подготовка к ней. Факт участия в ней и на первом этапе боевых действий великокняжеских воевод (1489 год) вынуждает пересмотреть прежние концепции. Впрочем, о невозможности определения точной даты начала войны писал в указанной выше работе и А. А. Зимин. «Мелкой порубежной войной» называл события 1487–1489 гг. К. В. Базилевич, но и он, первым обративший внимание на «плановый» характер действий Ивана III в отношениях с Литвой, все же, как видим, ограничивает эти столкновения 1487–1489 гг., не распространяя их на последующие годы. – Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 290. В настоящее время наметилась тенденция отнести начало конфликта к 1486 г. (Темушев В. Н. «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне. С. 311–315), очевидно связывая его с нападением рязанских порубежников на Мценск в мае

1486 г.

LM. Kn. 5. № 14. P. 67.

Цемушаў В. М. «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. Снежань 2008. Т. 15. Сшытак 1–2 (18–19). С. 5–48; Темушев В. Н. Указ. соч. С. 311–315.

ЛМ. Кн. 5. № 27.1. Р. 77–78; ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 136; ПСРЛ. Т. 8. С. 227.

На пути к регулярной армии. СПб., 2000. С. 126. Прим. 18.

Тюленев В. А. Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 85.

Текст первого русско-датского договора см.: СГГД. Ч. 5. М., 1984. № 110. С. 129–131.

ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 129; ПСРЛ. Т. 8. С. 224; ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 276; ПСРЛ. Т. 25. С. 333; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 355–356, 382; Мильчик М. И. Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. СПб., 1995. С. 188–189; он же. Ивангород – первое окно в Европу // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 70. Бальгазар Рюссов также отметил в своей хронике строительство новой крепости: «В 1482 г. Иван Васильевич, великий князь московский, начал строить замок Ивангород, по-немецки русскую Нарву... со многими высокими толстыми башнями и крепкими стенами». – Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 293. И. Э. Клейненберг обратил внимание, что построенная всего на расстоянии 200 м. от Нарвы крепость Ивангород предназначалась не только для обороны северо-западных русских рубежей, но должна была служить базой для предстоящих походов в Ливонию. В подтверждение своего тезиса Клейненберг ссылается на сведения немецких лазутчиков, обнаруживших находившиеся в Ивангороде в постоянной готовности несколько наплавных разборных мостов, необходимых для организации быстрой переправы через р. Нарову на ливонскую сторону. – Клейненберг И. Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // ВИЖ. 1960. № 6. С. 126.

Алексеев Ю. Г. Свейская война 1495–1497 годов // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 7.

РК 1475–1598 гг. С. 24; Алексеев Ю. Г. Русские источники о начале Свейской войны 1495–1497 гг. // историческое познание: традиции и новизна. Материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 1996. С. 282; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 388; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 106.

В данном случае мы имеем дело с первым упоминанием в исторических источниках сведений о использовании на Руси штурмовых лестниц при атаке крепостных укреплений. См. об этом: Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 185.

Возможно, в разрушенной башне сдетонировали боеприпасы, так как в местных преданиях сохранилось упоминание о «выборгском ударе» – сильном взрыве (и «волшебном зелье Поссе).

ПСРЛ. Т. 12. С. 242; ПСРЛ. Т. 37. С. 98; ПСРЛ. Т. 26. С. 290; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 170.

Петренко В. П. Исследования Ивангорода (по работам экспедиции ЛОИА АН СССР 198—1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. М., 1991. С. 64.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 82; ПСРЛ. Т. 8. С. 233; ПСРЛ. Т. 26. С. 290. ПСРЛ. Т. 28. С. 329; ПСРЛ. Т. 39. С. 171. Б. Рюссов отметил, что шведы, заняв Ивангород, предлагали передать его Ливонскому ордену, но магистр И. Ф. фон Лоринговен, стремившийся сохранить мирные отношения с Россией, отверг это предложение. – Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 293.

Темушев С. Н. Характер власти и источники обогащения славянских вождей в догосударственный период // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Вып. 5. Минск, 2010. С. 127.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Л., 1988. С. 265.

Котляр Н. Ф. «Государев двор» на Руси XII–XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 31. СПб. 2010. С. 22.

ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стлб. 333. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 99.

Стефанович П. С. Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 34–35.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 104.

Крачковский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956. С. 58.

Мельников Е. В., Логинов И. Е. История развития славянских дружин в VI–XIII вв. // Боевое братство славян на защите мира. Гродно, 2011. С. 5.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 593–596.

Конюхов К. Р. Князь и городское ополчение в Древней Руси // Ключевские чтения – 2011. Т. 1. М., 2011. С 56–57.

Конюхов К. Р. Князь и городское ополчение в Древней Руси. С. 56.

Рыбаков Б. А. Смерды // ИСССР. 1979. № 1. С. 56–58.

Рыбаков Б. А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 49–54.

Конюхов К. Р. Князь и городское ополчение в Древней Руси. С. 57.

ПСРЛ. Т. 2 Стлб. 298, 467. Произошедшее под Черниговом на реке Супой сражение и всю войну автор датирует 1136 годом, но битва произошла 8 августа 1135 г.

Сухарев Ю. В. Ратное дело в IX–XI вв. // Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. IX–XIII вв. М., 2006. С. 11.

Шишов А. В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999. С. 41–47.

Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006. С. 5.

Васин П. Игрушки русских рыцарей // Родина. 2003. № 11. С. 108.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 266.

История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. СПб. 1864. С. 477.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли, IX–XIII вв. М., 1966. С. 6.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 38–39.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. С. 409.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. С. 399.

Кирпичников А. Н. Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. С. 67.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. С. 398.

Кирпичников А. Н. Русские шлемы X–XIII вв. С.65.

Янин В. Л. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // СА. № 3. С. 54–60.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси. С 395.

Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 64.

Blair C. European armour. L., 1972. P. 37.

Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. С. 397.

Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. МИА. № 55.
1956. С. 34.

Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. СА. 1959. № 2. С. 119–134.

Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия и ратных доспехов. СПб., 1896. С. 81.

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. V. 1. Stocholm, 1939. P. 288.

Лямин И. В. Художественная обработка металлов. М., 1984. С. 43.

Холодное оружие. М., 2004. С. 141.

Носов К. С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. М., 2003. С. 33–35.

Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // МИА.
1958. № 77. С. 9.

Носов К. С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв., С. 56.

Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси. С. 46–47.

ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стлб. 444.

Мавродин В. В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8–9. С. 99; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949. С. 8–9, 10–12, 125–137; Вилинбахов В. Б., Кирпичников А. Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // СИМАИМ. Л., 1958. Вып. 3. С. 243. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 77; Отечественная артиллерия. 600 лет. М., 1986. С. 9, 28. В то же время, В. Б. Вилинбахов, разделявший мнение о появлении артиллерии на Руси в 1382 году в Москве, попытался дополнить эту версию, используя информацию о тверских «арматах». Он заявил: «летописное известие о том, что в 1389 г. пушки были привезены «из немец», является отражением того реального факта, что Русь действительно получила «арматы» с Запада». – Вилинбахов В. Б. Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1963. С. 6. Тем самым исследователь осторожно подводит к мысли, что примененные против татар Тохтамышша пушки были европейского производства или образца, а не трофеи, захваченные в походе на Волжскую Болгарию.

ПСРЛ. Т. 11. С. 74–75; ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 116. Упоминание об этом любопытном факте подвергли сомнению. В. Б. Вилинбахов и М. Ф. Мурьянов, в одной из своих статей написавшие, что с действием артиллерийских орудий («гуков») русские впервые познакомились на год позже, при обстреле ливонскими немцами псковских укреплений на Западной Двине в 1377 году. – Вилинбахов В. Б., Мурьянов М. Ф. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // ВИ. 1960. № 8. С. 218–219.

ПСРЛ. Т. 8. С. 83–84; ПСРЛ. Т. 11–12. С. 209; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 226;
ПСРЛ. Т. 23. С. 143; ПСРЛ. Т. 24. С. 174.

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.;Л., 1961. С. 160.

Федорук А. В. Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2010. С. 335.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 320.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М., 1953. С. 82, 87.

Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877 С. 56; Бранденбург Н. Е. 500-летие русской артиллерии (1389–1899). СПб., 1899. С. 8–9; Дополнения к актам историческим (Далее ДАИ). Т. 5. СПб., 1853. № 51. С. 304; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. С. 94, 97.

Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. С. 106–107.

Лебедянская А. П. Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси // СИМАИМ. Вып. 1. Л.; М., 1940. С. 59; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 80.

Носов К. С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII.

Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858. С. 83.

В. В. Косточкин назвал их «поперечные коротыши». См.: Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962. С. 192.

Башня Луковка была поставлена на Жеравьей горе. Ее диаметр в нижней части составляет 9,5 м. Современная высота башни ок. 13 м. В настоящее время сохранилось 4 яруса, пятый – стрелковый – не сохранился.

Протяженность стен и валов Владимира в то время составляла 7 км, превзойдя протяженность городских укреплений Киева (4 км) и Новгорода (6 км).

Классический замок представляет собой одно строение, в котором в единое целое соединены башни, стены, внутренние жилые помещения, мосты и рвы. В отличие от замка, крепость, даже небольшая, вроде детинца / кремля – участок земли, окруженный стеной с башнями. Внутренняя территория крепости, как правило, плотно застроена (теремами, храмами, казармами, осадными дворами, житными амбарами). Если в крепости остается свободное пространство, то это – крепостной двор.

Носов К. С. Русские крепости. С. 148.

Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.

Акты исторические (далее АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 3. С. 3–4.

Сб. РИО. Т. 41. № 89. I. С. 472; Сб. РИО. Т. 95. № 13. II. С. 230; Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. С. 55; Тихомиров М. Н. Россия в XVI в. М., 1962. С. 407; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 86–91.

Лев Диакон. История. М. 1988. С. 82.

Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. М., 1988. С. 177.

Житие святого Александра Невского // Бегунов Ю. К. Александр Невский. М., 2003. С. 193.

Житие святого Александра Невского // Бегунов Ю. К. Александр Невский. М., 2003. С. 195.

Житие святого Александра Невского. С. 197.

Селезнёв Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 36–41.

ПСРЛ. Т. 25. С. 268.

ПСРЛ. Т. 25. С. 274–275.

ПСРЛ. Т. 24. С. 187; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 51–52.

Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 103.

Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 147–148.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 284, 286; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1990. С. 49.

Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. Минск, 2006. С. 159.